

Всемірная Выставка 1900 г. въ Парижѣ.

КОМИТЕТЪ СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

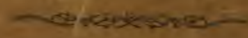
КОЛОНИЗАЦІЯ СИБИРИ

ВЪ СВЯЗИ

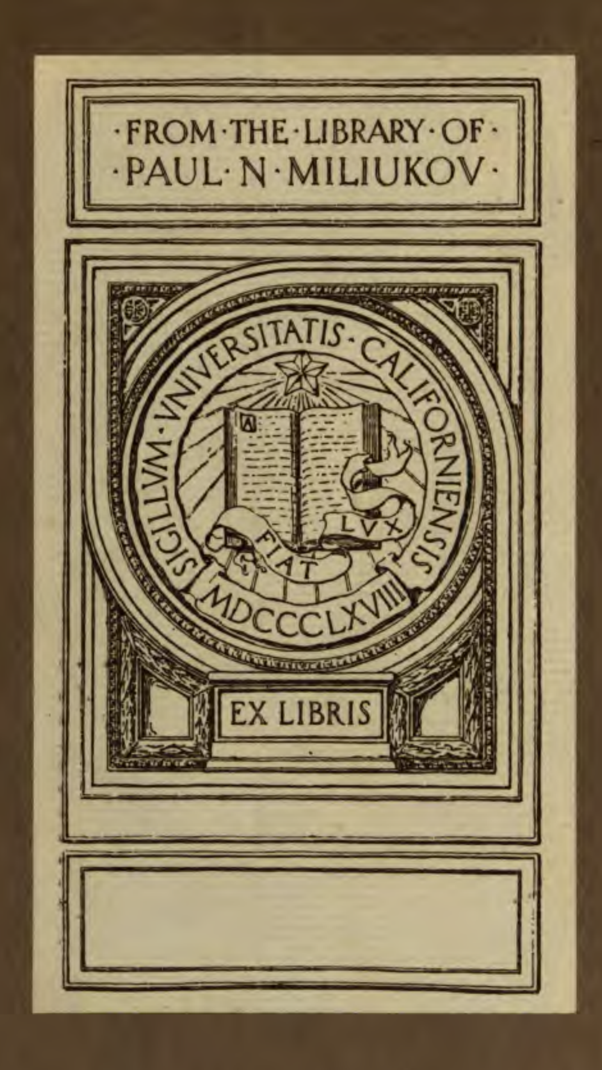
СЪ ОБЩИМЪ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИМЪ ВОПРОСОМЪ.

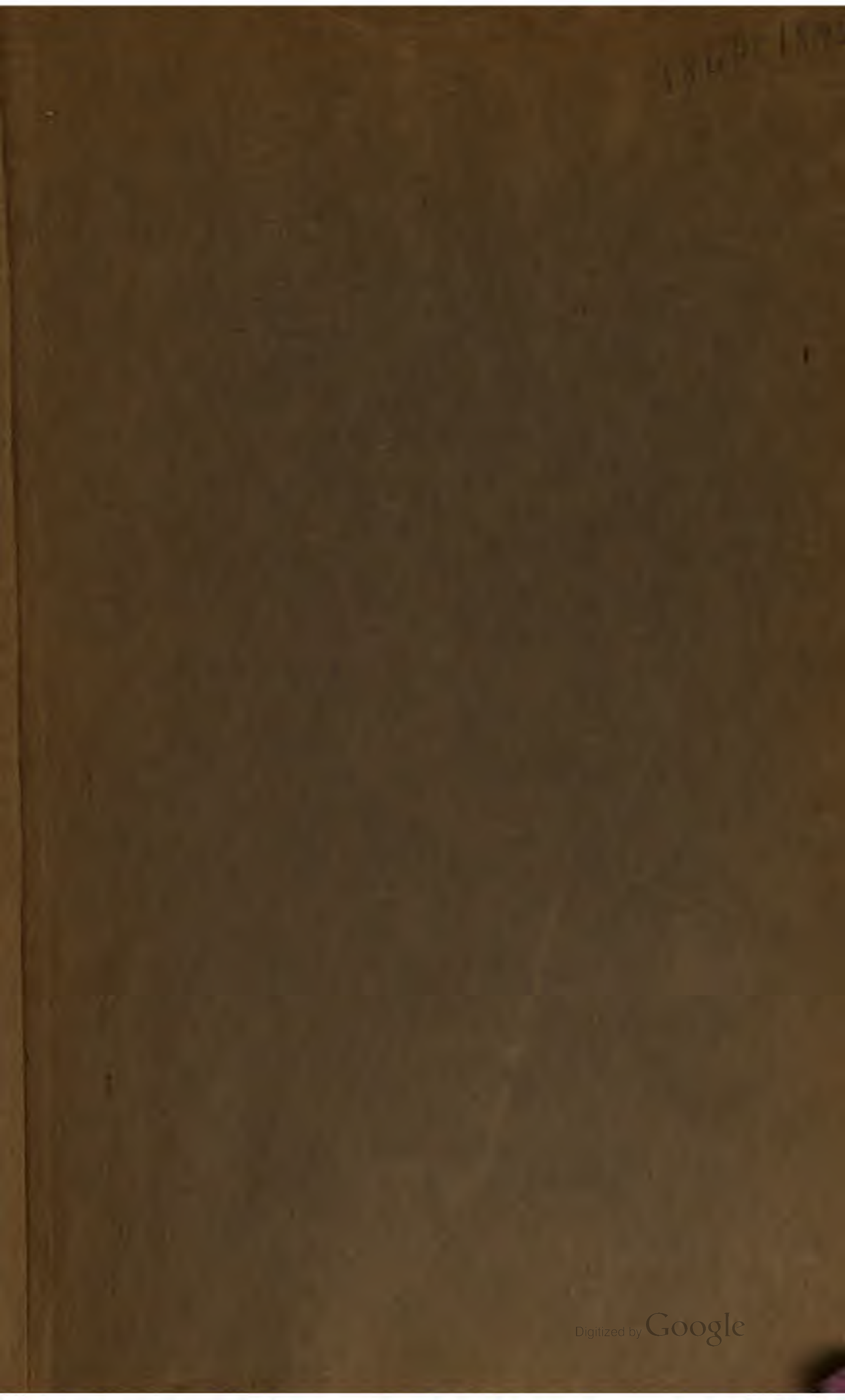
ИЗДАНІЕ

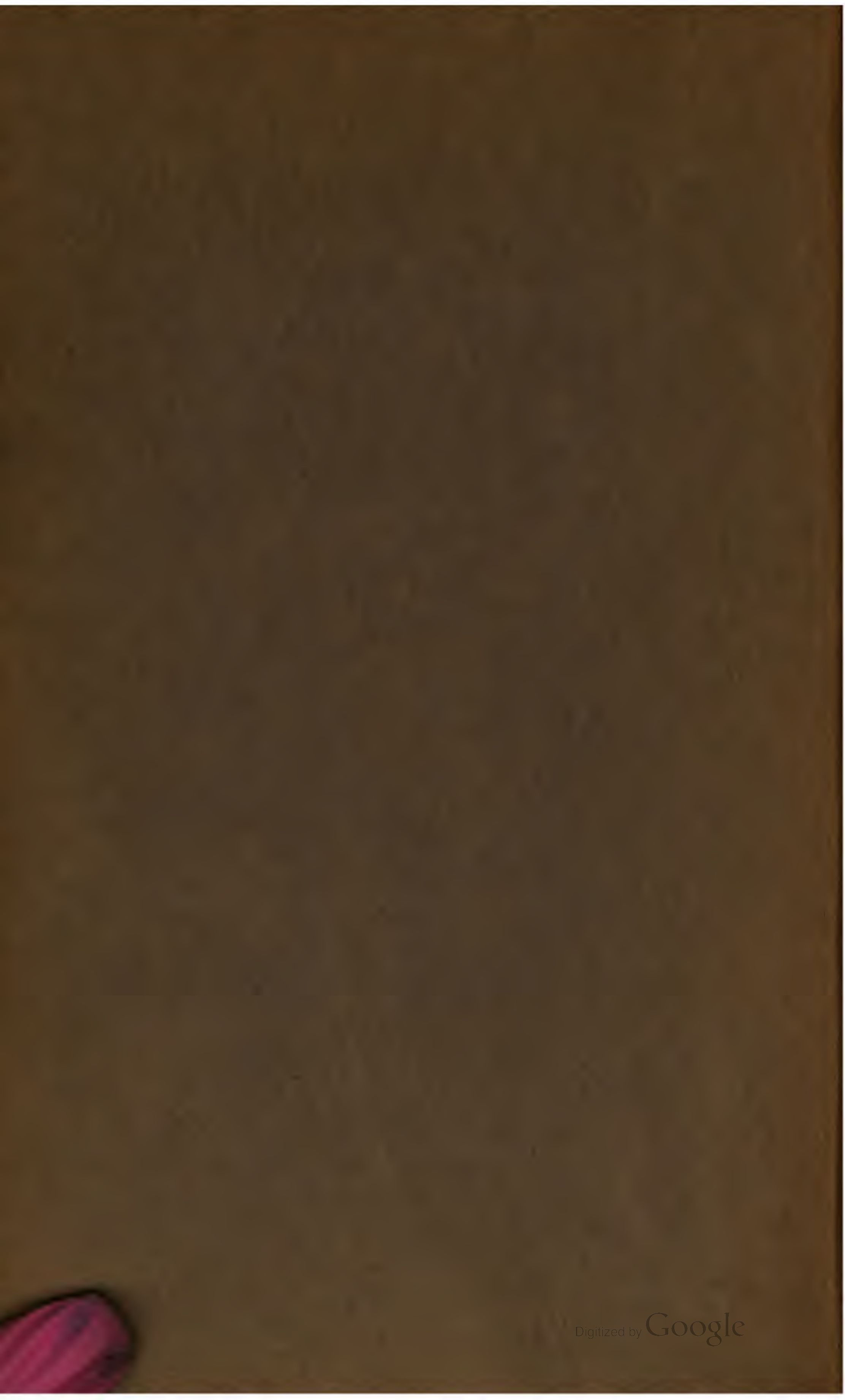
Канцеляріи Комитета Министровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1900.

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Всемірная Выставка 1900 г. въ Парижѣ.

КОМИТЕТЪ СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

КОЛОНИЗАЦІЯ СИБИРИ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИМЪ ВОПРОСОМЪ.

ИЗДАНІЕ

Russia Канцеляріи Комитета Министровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1900.

Предметъ настоящаго изслѣдованія составляетъ историческій обзоръ одного изъ наиболѣе характерныхъ явленій экономической жизни русскаго народа, а именно процесса передвиженія части населенія Европейской Россіи за Уралъ, въ Азіатскія владѣнія Россіи, входящія въ составъ Сибири. Этотъ историческій процессъ, начавшійся вслѣдъ за присоединеніемъ тѣхъ или другихъ раіоновъ Сибири къ русскимъ владѣніямъ, имѣетъ своимъ основаніемъ стремленіе населенія Имперіи къ болѣе правильному и равномѣрному самораспредѣленію по всей государственной территоріи Россіи и представляетъ собою такимъ образомъ явленіе внутренней колонизаціи, въ отличіе отъ выселенія («эмиграціи») излишка жителей Западно-Европейскихъ государствъ въ страны Новаго Свѣта.

Начавшись еще съ конца XVI вѣка, переходъ русскаго населенія въ Зауральскій край имѣлъ первоначально по преимуществу политическое значеніе, заключавшееся въ установленіи, благодаря первымъ засельщикамъ Сибири, необходимой внутренней связи новопріобрѣтенной страны съ остальными частями Московскаго государства. Въ то же время Сибирь—раздѣляя въ этомъ отношеніи участь большинства колоній Западно-Европейскихъ государствъ—постепенно становится мѣстомъ принудительной ссылки отдѣльныхъ лицъ или даже небольшихъ группъ такихъ лицъ, присутствіе коихъ въ Евро-

пейской Россіи признавалось правительствомъ нежелательнымъ по тѣмъ или другимъ мотивамъ внутренней политики (къ этимъ лицамъ относятся главнымъ образомъ преступники). Въ теченіе второй половины XVII вѣка и въ XVIII вѣкѣ сибирская ссылка, при крайней рѣдкости мѣстнаго населенія, имѣетъ еще колонизаціонный характеръ, который она утрачиваетъ уже въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, когда начинаетъ высказываться антагонизмъ между интересами лицъ сосланныхъ въ Сибирь и выгодами кореннаго населенія послѣдней. До послѣдняго времени ссылка въ Сибирь сохраняла лишь значеніе карательной мѣры, а въ настоящее время она уже отмѣнена.

Наряду съ принудительной колонизаціей Сибири еще съ первыхъ временъ присоединенія послѣдней къ Россіи стали развиваться и переселенія въ Сибирскій край добровольныхъ засельщиковъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ земледѣльческому классу. Переселенія эти, обусловленныя преимущественно происходившими въ жизни населенія Европейской Россіи внутренними экономическими процессами, достигли особой напряженности въ послѣднее двадцатилѣтіе XIX вѣка, когда въ предѣлахъ Европейской Россіи сталъ обнаруживаться нѣкоторый недостатокъ въ свободныхъ земляхъ для разселенія всего земледѣльческаго населенія Имперіи, въ зависимости отъ весьма экстенсивнаго характера сельскохозяйственной культуры послѣдняго. Въ началѣ 90-хъ годовъ, съ учрежденіемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, правительствомъ было обращено особое вниманіе на правильную организацію переселенческаго движенія въ Сибирь, имѣвшаго тогда безпорядочный и стихійный характеръ. Въ этихъ видахъ Комитетомъ и былъ принятъ рядъ систематически проводимыхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью достиженіе возможнаго воздѣйствія на сформированіе контингента сибирскихъ переселенцевъ изъ наиболѣе надежныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи лицъ и въ то-же время преслѣдующихъ оказаніе этимъ переселенцамъ при ихъ водвореніи въ Сибири того содѣйствія, которое представляется необходимымъ для скорѣйшаго устройства ихъ хозяйства при

затруднительныхъ для нихъ условіяхъ первоначальнаго пребыванія на новыхъ мѣстахъ.

Имѣя своею задачею обрисовать вышеуказанные фазисы колонизаціи Сибири и охватить собою область правительственныхъ мѣропріятій по этому вопросу (причемъ вопросъ о сибирской ссылкѣ разсматривается лишь постольку, поскольку правительство стремилось когда-то придавать этой послѣдней колонизаціонный характеръ), настоящее изслѣдованіе распадается на 8 главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ данъ историческій обзоръ колонизаціи Сибири до 1861 г. Содержаніе третьей главы посвящено изложенію общихъ правительственныхъ мѣропріятій по переселенческому вопросу въ связи съ колонизаціею Сибири въ пореформенную эпоху. Далѣе, въ четвертой и пятой главахъ разсмотрѣны современныя условія переселенія въ Сибирь и водвореніе переселенцевъ на казенныхъ земляхъ западной и средней Сибири. Данныя о заселеніи казенныхъ земель Приамурскаго Генералъ-Губернаторства и Кабинетскихъ земель Алтайскаго горнаго округа Томской губерніи выдѣлены въ отдѣльныя главы— шестую и седьмую, въ виду особаго характера законодательства колонизаціи этихъ раіоновъ. Наконецъ, въ заключительной восьмой главѣ приведены свѣдѣнія объ общихъ результатахъ колонизаціи Сибири по вопросамъ о вліяніи, оказываемомъ переселеніемъ какъ на самихъ колонизаторовъ, такъ и на нѣкоторыя стороны мѣстной экономической жизни, поскольку такія данныя могли быть получены изъ собранныхъ по настоящее время статистическихъ свѣдѣній о хозяйственномъ положеніи сибирскихъ переселенцевъ, а также изъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ переселенческому вопросу.

1700

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Колонизація Сибири отъ покоренія Сибирскаго царства до XIX вѣка.

сибирскаго населенія вглубь края по почину правительства съ цѣлью увеличенія числа рабочихъ на горныхъ заводахъ (41—42). Порядокъ передвиженія въ Сибири принудительно ссылавшихся туда людей (42—43). Количественные результаты колонизаціи Сибири въ XVIII вѣкѣ (43—44).

ГЛАВА II.

Колонизація Сибири съ начала XIX вѣка по 1861 годъ.

Общая характеристика законодательства начала XIX вѣка о колонизаціи Сибири (45). Указъ 1799 г. о заселеніи Забайкалья (46—48). Командированіе въ Сибирь д. с. с. Лабы (48—49). «Положеніе» 1806 г. о заселеніи Сибири и результаты его примѣненія на практикѣ (50—53). Указы 1811 г. о заселеніи ссыльными Туруханскаго края и мѣстностей близъ Охотскаго тракта; причины неудачъ ссыльной колонизаціи (53—55). Стремленіе упорядочить въ 20-хъ годахъ Уставъ о ссыльныхъ 1822 г. (56—57). Устройство сибирской ссылки въ первую половину XIX вѣка (58—61). Воззрѣніе Сибирскаго Генералъ-Губернатора Сперанскаго на необходимость допустить добровольное переселеніе въ Сибирь государственныхъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній (62). Указъ 1822 года о разрѣшеніи такихъ переселеній (63—64). Стремленіе органовъ центральнаго управленія выяснить размѣры колонизаціоннаго фонда въ Сибири въ 20-хъ годахъ XIX вѣка (65). Развитіе самовольныхъ переходовъ государственныхъ крестьянъ въ Сибирь и запрещеніе ихъ Сенатскимъ указомъ 1830 года (66—68). Случаи обратныхъ переселеній (67). Командированіе въ Сибирь въ 1835 году д. с. с. Завелейскаго для опредѣленія пригодныхъ для колонизаціи земель (69—71). Дѣятельность учрежденнаго въ 1838 году Министерства Государственныхъ Имуществъ по колонизаціи Сибири (72). Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ 1842 года и дополнительныя къ нему узаконенія 1843 г. (73—75). Распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ желающихъ изъ государственныхъ крестьянъ переселять въ Сибирь (75—78) и общая организація этихъ переселеній (79—81). Самовольные переселенцы 40-хъ годовъ (82—83). Распространеніе русскихъ владѣній вглубь киргизской степи и попытки колонизаціи послѣдней въ первую половину XIX вѣка (84—86). Присоединеніе къ Россіи Приамурскаго края и начало его заселенія русскими крестьянами и казаками въ 50 годахъ (87—94).

ГЛАВА III.

Историческій ходъ законодательства по переселенческому вопросу за періодъ 1861—1900 гг. въ связи съ колонизаціею Сибири.

Общій характеръ заселенія Сибири въ пореформенную эпоху. Отсутствіе колонизаціоннаго характера сибирской ссылки (стр. 95). Вліяніе реформы 1861 г. на ходъ законодательства о переселеніяхъ и на положеніе переселенческаго дѣла (96—99).

Отрицательное направленіе законодательства 60-хъ и 70-хъ годовъ по вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ. Правила Положенія 1861 года объ оставленіи крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, своихъ обществъ. Отмѣна выдачи пособій переселенцамъ изъ государственныхъ крестьянъ (99—100). Узаконенія 60-хъ и 70-хъ годовъ о перечисленіи переселенцевъ, поселившихся въ восточныхъ губерніяхъ Европейской России (101—103). Возрастаніе числа переселенцевъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Ходатайство Черниговскаго губернскаго земства объ облегченіи условій выселенія сельскихъ обывателей (104—105). Временныя правила о переселеніяхъ 1881 г. (106—109). Разработка въ 80-хъ годахъ общаго переселенческаго закона. Коммисія т. с. Семенова (109). Совѣщаніе свѣдущихъ людей (110).

Всеподданнѣйшій докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Толстаго (111—112). Коммисія Сенатора Плеве (112). Обсужденіе проекта, составленнаго Коммисіею въ Государственномъ Совѣтѣ (113). Законъ 1889 г. о переселеніяхъ сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли (114—117). Развитіе самовольныхъ переселеній въ началѣ 90-хъ годовъ (117—119). Учрежденіе Комитета Сибирской желѣзной дороги и Подготовительной при ономъ Коммисіи (119—121). Основные принципы дѣятельности Комитета по вопросу о колонизаціи Сибири (121—123). Разработка вопросовъ, относящихся до урегулированія переселеній въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сипягина (123). Поѣздки въ Сибирь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ермолова, тайнаго совѣтника Тихѣева и Статсъ-Секретаря Куломзина (123—124). Учрежденіе въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Переселенческаго Управленія (125). Усиленіе состава мѣстныхъ установленій, соприкасающихся съ переселенческимъ дѣломъ въ Сибири (126).

ГЛАВА IV.

Современныя условія выселенія переселенцевъ изъ Европейской Россіи и ихъ передвиженія въ Сибирь.

Общіе размѣры переселеній въ Сибирь (стр. 127—129). Малоземелье, какъ основная причина переселеній (129—131). Распредѣленіе переселенцевъ по отдѣльнымъ районамъ выселеній. Районъ сѣверныхъ и среднихъ черноземныхъ губерній; причины, объясняющія особую напряженность выселеній изъ этого района (132—142). Восточныя и юго-восточныя губерніи черноземной полосы (142—143). Южныя степныя губерніи (143). Вліяніе неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ на размѣры выселеній изъ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній (144—146). Переселенія изъ губерній сѣверо-восточнаго Заволжскаго района и западныхъ губерній (полѣсья) (146—147). Случайные факторы, увеличивающіе размѣры выселеній (148). Данныя объ экономическомъ положеніи крестьянъ, выселяющихся въ Сибирь по свѣдѣніямъ, собраннымъ за 1895 и 1896 гг. образованнымъ въ 1894 г. статистическимъ отрядомъ на линіи Сибирской желѣзной дороги. (Рабочій составъ семействъ переселенцевъ, обезпеченность ихъ на родинѣ живымъ инвентаремъ, величина земельныхъ надѣловъ, средства, вырученныя отъ ликвидаціи ихъ имуществъ передъ выходомъ съ родины и т. п.) (149—156). Данныя о матеріальномъ положеніи на родинѣ переселенцевъ, водворившихся въ Западной Сибири въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ (156—157). Принадлежность главной массы переселенцевъ къ среднесостоятельнымъ группамъ крестьянъ (157—158). Измѣненія въ степени матеріальнаго положенія переселенцевъ послѣдняго десятилѣтія (158—160). Воздѣйствіе правительства на сформированіе контингента переселенцевъ (160—161). «Самовольныя» переселенія, ихъ размѣры и причины, ихъ вызывающія (161—163). Обсужденіе вопросовъ о самовольныхъ переселенцахъ въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги въ 1895 г. (засѣданіе 8 Марта 1895 г.) и въ Подготовительной приономъ Коммисіи въ 1896 г. Высочайше утвержденное 15 Апрѣля 1896 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта. Мѣропріятія Комитета Сибирской желѣзной дороги, имѣющія цѣлью развитіе среди крестьянъ сознательнаго отношенія къ переселеніямъ. Узаконенія о ходачествѣ (164—168). Семейное ходачество (168). Статистическія данныя

ГЛАВА V.

Основаніе устройства переселенцевъ на казенныхъ земляхъ западной и средней Сибири и Степнаго края.

заключенія послѣдней по вопросу о расширеніи колонизаціонной площади въ области «тайги» и «урмановъ» (215—217).

Обсужденіе этого вопроса въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги въ 1896 г. и результаты обслѣдованія таежныхъ пространствъ при поѣздкѣ Статсъ-Секретаря Куломзина въ 1896 г. (217—219). Заключенія по этому вопросу дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ермолова при его поѣздкѣ въ Сибирь въ 1898 г. Общіе результаты произведенныхъ въ 1896 — 1899 гг. таежныхъ изслѣдованій (220—222). Естественно-историческое и хозяйственно - статистическое изслѣдованіе степныхъ областей, какъ предпріятіе подготовительнаго характера по отношенію къ нарѣзкѣ въ этихъ областяхъ переселенческихъ участковъ (222 — 226). Осушительныя и обводнительныя работы въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги (226—230). Результаты дѣятельности поземельно-устроительныхъ партій. Общій способъ образованія переселенческихъ участковъ (отрубами) и правила о подворномъ землевладѣніи новоселовъ (230—233). Количественныя данныя о заселеніи переселенцами заготовленныхъ участковъ въ различныхъ административныхъ дѣленіяхъ Сибири, а также въ зависимости отъ топографическихъ особенностей участковъ (233—240).

Водвореніе переселенцевъ. «Временныя» постановленія 1893 г. о расширеніи предметовъ вѣдомства учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ Сибирскихъ губерніяхъ (241—249). Правовое положеніе (при водвореніи) переселенцевъ, идущихъ съ разрѣшенія и самовольныхъ (244—245). Приселеніе ихъ къ деревнямъ старожиловъ (246). Перечисленіе переселенцевъ по новому мѣстожительству ихъ (247—248). Предупрежденіе самовольнаго оставленія переселенцами мѣстъ новаго водворенія ихъ (248—249).

Матеріальная помощь, оказываемая переселенцамъ при ихъ устройствѣ въ Сибири. Организація выдачи переселенцамъ ссудъ до учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги (249—251). Временныя правила объ оказаніи переселенцамъ правительственныхъ пособій, изданныя Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги въ 1894 г., 1896 и 1899 гг. (размѣръ и виды ссудъ и порядокъ ихъ выдачи) и узаконенія, изданныя въ дополненіе и измѣненіе этихъ правилъ (251—262). Общій размѣръ кредитовъ, ассигнованныхъ на оказаніе переселенцамъ пособій и данныя о распредѣленіи ссудъ между переселенцами (263 — 266). Меліоративныя ссуды (267). Воспособ-

леніе переселенцамъ натурою: сельскохозяйственные и лѣсные склады (268—271). Общія попеченія правительства объ устройствѣ водворенныхъ на новыхъ мѣстахъ переселенцахъ. Содѣйствіе распространенію между новоселами лѣсоохранительныхъ общественныхъ приговоровъ (272—273). Улучшеніе врачебнаго и продовольственнаго дѣла въ Сибири (274—275), распространеніе въ переселенческихъ поселкахъ огнеупорныхъ построекъ (275). Удовлетвореніе культурныхъ потребностей новоселовъ. Церковное и школьное строительство въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги (276—281).

Благотворительная помощь переселенцамъ въ исключительныхъ случаяхъ (282). Облегченіе для переселенцевъ сношеній съ Европейской Россіей; развитіе почтовыхъ операцій въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги (282—284).

ГЛАВА VI.

Колонизація казенныхъ земель Приамурскаго Генералъ-Губернаторства.

Правила 1861 г. о поселеніи русскихъ подданныхъ и иностранцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ (285—287). Ходъ заселенія этихъ областей въ 60-хъ и 70-хъ годахъ (288—291). Пересмотръ правилъ 1861 г. въ 1882 г. и 1891 г. (291—294). Вопросъ о характерѣ поземельныхъ правъ переселенцевъ. Законъ 1895 г. о воспрещеніи пріобрѣтенія въ частную собственность земель въ раіонѣ Уссурійской (и проектированной Амурской) желѣзной дороги (295—296), Особое совѣщаніе 1895 г. по разсматриваемому вопросу при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ (296).

Обзоръ заселенія въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX столѣтія двухъ главныхъ колонизаціонныхъ раіоновъ Приамурскаго края—1) южной части Амурской области и 2) Южно-Уссурійскаго края.

Размѣры переселенія въ Амурскую область и условія водворенія переселенцевъ въ послѣдней (297—300). Развитіе частнаго землевладѣнія въ Амурской области (301—305). Переселеніе крестьянъ морскимъ путемъ въ Южно-Уссурійскій округъ Приморской области. Законъ 1-го Іюля 1882 г. о перевозкѣ переселенцевъ на казенный счетъ (305—311). Законы 1886, 1887 и 1892 гг. о перевозкѣ своекоштныхъ переселенцевъ и объ оказаніи имъ пособій при водвореніи

ГЛАВА VII.

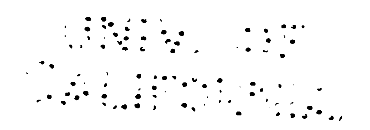
Колонизація Алтайскаго округа вѣдомства Кабинета Его Величества.

ченіи условій водворенія переселенцевъ и о приселеніи послѣднихъ къ деревнямъ старожиловъ. Дѣятельность Главнаго управленія Алтайскаго округа по устройству переселенцевъ. Образованіе переселенческихъ участковъ (348—350) и перечисленіе переселенцевъ къ старожильческимъ обществамъ (351). Выдача лѣсныхъ матеріаловъ, оказаніе имъ денежныхъ пособій, сооруженіе церквей и школъ и т. п. (352).

ГЛАВА VIII.

Вліяніе переселеній на экономическій бытъ сибирскихъ новоселовъ и на нѣкоторыя стороны мѣстной жизни.

Сравнительное матеріальное благосостояніе переселенцевъ на родинѣ и въ Сибири (353—355). Факторы, вліяющіе на экономическое положеніе новоселовъ: правительственное содѣйствіе, оказываемое имъ при водвореніи, средства, принесенныя ими съ родины, рабочій составъ семей (355—360); значеніе момента перечисленія переселенцевъ къ новому мѣсту жительства (360—362). Цѣлесообразность 15-ти-десятиннаго переселенческаго надѣла (363). Данныя о матеріальномъ благосостояніи переселенцевъ въ различныхъ административныхъ дѣленіяхъ Сибири (364—365). Обратныя выселенія крестьянъ въ Европейскую Россію, какъ результаты неудачнаго переселенія; отдѣльныя причины такихъ переселеній и размѣры ихъ (365—367). Значеніе переселенцевъ для культурной и экономической жизни Сибири (367—372). Соображеніе о колонизаціонной емкости Сибири (372—373).

Глава I.

Колонизація Сибири отъ покоренія Сибирскаго царства до XIX вѣка.

Названіе свое Сибирь, повидимому, получила отъ «Сибирскаго» татарскаго царства, существовавшаго на берегахъ р. Иртыша въ XIV—XVI столѣтіяхъ. Русскіе стали называть Сибирью съ XV вѣка весь край, лежащій за Уральскимъ хребтомъ, до этого же времени непосредственно примыкавшія съ сѣверо-востока къ Уралу земли назывались Югріей, по имени инородческаго племени Югровъ, предковъ нынѣшнихъ остяковъ и вогуловъ. Югры еще въ XI вѣкѣ обитали по эту сторону Урала, на берегахъ р. Печоры, но затѣмъ рядомъ походовъ новгородскихъ удальцевъ, облагавшихъ ихъ данью, были постепенно оттѣснены за хребетъ [1]).

Сибирь долго оставалась неизвѣстною русскимъ. Прямыхъ извѣстій о знакомствѣ ихъ съ этимъ краемъ въ XII — XIV вѣкѣ, кромѣ одного сомнительнаго—о походѣ Новгородцевъ въ 1364 г. на р. Обь—не сохранилось [2]). Только во второй половинѣ XV столѣтія, въ цѣляхъ обложенія Югровъ данью, московскія войска проникаютъ за Уралъ на р. Обь (1465 и 1483 г.г.) [3]). Въ 1488 г. царь Иванъ III Васильевичъ именуетъ себя уже княземъ Югорскимъ [4]); сынъ его Василій Ивановичъ затѣмъ принимаетъ титулъ «Кондинскаго и Обдор-

---

[1]) Барсовъ, Н. Очерки русской исторической географіи. Варшава 1885, стр. 61, 63, 64.

[2]) Тамъ же, стр. 64.

[3]) Щегловъ, И. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутскъ. 1883, стр. 9 и 10.

[4]) Тамъ же, стр. 11.

скаго». Къ 1499 г. относится свѣдѣніе еще объ одномъ походѣ въ Зауралье [1]).

Заселеніе Сибири русскими началось лишь съ конца XVI вѣка. Причиной столь поздняго движенія русской колонизаціи за Уралъ слѣдуетъ считать ту борьбу, которую приходилось вести русскимъ со степью—съ татарскими ордами, нахлынувшими въ Европу въ XIII столѣтіи черезъ ворота между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ. Охваченные съ юга и востока полчищами дикихъ кочевниковъ русскіе могли заселять лишь сѣверныя части россійской низменности, слабо заселенныя финскими племенами. Въ общихъ чертахъ колонизація эта завершилась уже въ XIV вѣкѣ, причемъ особенно дѣятельную роль въ ней играли новгородцы. Предѣломъ русскихъ поселеній на востокѣ въ это время является р. Двина. Въ теченіи двухъ почти столѣтій затѣмъ господство татаръ на Волгѣ задерживаетъ русскую колонизацію въ верховьяхъ р.р. Вятки и Камы и только съ покореніемъ въ 1552 г. Казанскаго царства, а затѣмъ Астраханскаго русскіе твердою ногою становятся въ Поволжьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается широкій путь въ Сибирь [2]). На зауральскія страны складывается взглядъ, какъ на достояніе московскаго государства. Іоаннъ IV Грозный уже въ 1554 г. именуетъ себя въ грамотѣ къ англійскому королю Эдуарду VI — повелителемъ Сибири—Commander of all Siberia [3]), а затѣмъ принимаетъ въ 1555 г. посольство Сибирскаго хана Едигера, принесшаго поздравленіе и подарки по случаю покоренія Казани, какъ выраженіе подданства, и съ тѣхъ поръ ежегодно требуетъ съ хановъ дани. Вмѣстѣ съ тѣмъ московское правительство оказываетъ рядъ льготъ промышленникамъ, ставшимъ во главѣ переселенческаго движенія въ Приуральѣ, среди которыхъ выдѣлялись богатствомъ и предпріимчивостью купцы Строгановы,

---

[1]) Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства. Спб. 1787, стр. 50, 51.

[2]) Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Спб. 1898, стр. 54.

[3]) Небольсинъ, П. Покореніе Сибири. Спб. 1849, стр. 33.

и затѣмъ постепенно съ переходомъ колонизаціи за хребетъ само втягивается въ дѣло заселенія и уже на сибирской почвѣ принимаетъ его въ свои руки. Главною причиною вмѣшательства правительства въ это дѣло являются столкновенія съ инородцами. Покамѣсть русскіе встрѣчали слабый отпоръ со стороны бродячихъ инородцевъ, неспособныхъ къ образованію значительныхъ союзовъ, правительственная власть могла играть еще роль зрителя, но, какъ скоро русскіе встрѣтили сильное противодѣйствіе, она должна была придти на помощь энергичными мѣрами. Противодѣйствіе это было оказано Сибирскимъ царствомъ, во главѣ котораго стояли татары—кочевники, подчинившіе себѣ рядъ инородческихъ племенъ. Поводомъ же къ нему послужилъ походъ за Уралъ въ 1582 г. казачьей вольницы въ нѣсколько сотъ человѣкъ подъ предводительствомъ атамана Ермака.

Походъ этотъ врядъ ли входилъ въ виды правительства, которое въ это время было занято борьбою на западѣ съ Польшею; трудно предполагать также, чтобы Ермакъ со своею дружиною былъ посланъ въ такую даль Строгановыми, у которыхъ, будто бы, онъ состоялъ на службѣ, ибо какъ разъ въ это время Строгановы обращались къ царю за помощью для отраженія инородцевъ, осадившихъ городки по р. Чусовой; скорѣе всего, что походъ за Уралъ былъ предпринятъ самими казаками въ надеждѣ на богатую добычу и безопасность въ далекомъ краю отъ преслѣдованій властей за грабежи и разбои, содѣянные ими на Волгѣ [1]).

Личность Ермака и походъ его въ Сибирь окружены въ памяти народа рядомъ чудесныхъ сказаній, что отразилось и на повѣствованіяхъ лѣтописей, касающихся этого предмета, сбивчивостью многихъ указаній. Несомнѣнно однако, что весь походъ является подвигомъ чрезвычайной предпріимчивости и, благодаря послѣдствіямъ своимъ, долженъ быть поставленъ во главѣ Сибирской исторіи.

[1]) Катанаевъ, Г. Еще объ Ермакѣ и его Сибирскомъ походѣ (Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества Книж. XV вып. II. Омскъ. 1893, стр. 7—9).

*

Осенью 1582 г. [1]) Ермакъ перевалилъ черезъ Уральскій хребетъ и пустился внизъ по р.р. Тагилу и Турѣ на стругахъ, которые казаки перетащили съ собой изъ р. Чусовой. Безъ особеннаго сопротивленія добрались они до татарскаго городка Чингидина (нынѣшняя Тюмень) и здѣсь зазимовали. Дальнѣйшее слѣдованіе по Турѣ, предпринятое со вскрытіемъ рѣкъ весною 1583 г., благодаря довольно густому населенію по берегамъ этой рѣки, уже представляло большія опасности, и Ермакъ старался не раздражать мѣстныхъ инородцевъ. Сборщикъ податей Сибирскаго царя Кучума былъ принятъ Ермакомъ съ увѣреніемъ, что русскіе вскорѣ вернутся въ свои предѣлы за Уралъ, и отпущенъ съ подарками для приближенныхъ Кучума. Тѣмъ временемъ движеніе русскихъ въ глубь страны сдѣлалось извѣстнымъ Кучуму, и татары стали преграждать имъ путь. При впаденіи р. Туры въ Тоболъ произошло первое серьезное столкновеніе, длившееся нѣсколько дней. Русскіе прорвались однако, но затѣмъ принуждены были слѣдовать далѣе крайне медленно. Въ узкомъ мѣстѣ р. Тобола у Караульнаго Яра ихъ ждали новыя татарскія скопища и путь былъ прегражденъ запрудою. Потребовалось три дня, чтобы, отбиваясь отъ непріятеля, пройти эту запруду. Постоянное преслѣдованіе такъ истощило казаковъ, что, при проходѣ устьевъ р. Тавды, у нихъ зародилась мысль повернуть въ эту рѣку и плыть затѣмъ р. Лозвою назадъ къ Уралу. Но затѣмъ рѣшено было двигаться внизъ по Тоболу, у впаденія котораго въ Иртышъ находилось главное становище Кучума—городокъ Искеръ, или Сибирь. Кучумъ сталъ стягивать всѣ свои силы, начальство надъ которыми возложилъ на племянника своего Маметкуля. Казакамъ, численность которыхъ едва достигала 500 человѣкъ, приходилось имѣть дѣло уже съ 4—5 тысячами непріятеля. Въ концѣ Іюля 1583 г. на Тоболѣ, близъ Долгаго Яра, русскіе выдержали пятидневное сраженіе, во время котораго

---

[1]) Соловьевъ относитъ переходъ Ермака черезъ Уралъ къ 1581 г.

всетаки подвигали свои струги впередъ. У устья р. Туребы имъ пришлось остановиться въ виду Карачина улуса. Здѣсь вновь возникла мысль о возвратѣ въ Россію, однако желаніе овладѣть Искеромъ, лежавшимъ всего въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, одержало верхъ. Казаки смѣлымъ натискомъ взяли Карачинъ улусъ, кучумовцы же направили всѣ усилія на укрѣпленія Искера; самъ Кучумъ засѣлъ въ наиболѣе возвышенномъ и укрѣпленномъ мѣстѣ—Подчувашномъ городищѣ. Тѣмъ временемъ рѣки стали замерзать, и казаки, награбившіе во время похода много добра, не надѣясь на успѣхъ предпріятія, стали вновь колебаться и поговаривать о возвращеніи назадъ. Лѣтописи приписываютъ лишь энергіи и краснорѣчію Ермака принятіе казаками рѣшенія довести дѣло до конца. Въ ночь на 26 Октября татары, покинутые инородцами, очистили укрѣпленія и бѣжали вмѣстѣ съ Кучумомъ вверхъ по р. Иртышу, а слѣдующимъ утромъ Ермакъ занялъ опустѣвшее становище, гдѣ побѣдители нашли запасъ продовольствія и цѣнной пушнины, доставшейся имъ въ награду. Въ этой битвѣ погибло болѣе 100 человѣкъ русскихъ, и утомленные дальнимъ походомъ и постоянными опасностями казаки остались здѣсь зимовать [1]). Пораженіе татаръ имѣло настолько сильное вліяніе на умы инородцевъ, что уже черезъ три дня послѣ занятія казаками Искера, въ послѣдній стали являться мѣстные князьки и вступать въ русское подданство, обязываясь вносить ясакъ. Между тѣмъ край былъ далеко еще не закрѣпленъ за русскими, и Ермакъ зимою 1584 г. отправилъ посольство въ Москву. По лѣтописямъ, въ Москвѣ это посольство было осыпано царскими милостями, и завоеваніе Сибири вызвало всеобщее ликованіе. Изъ царскихъ же указовъ Строгановымъ о заготовленіи всего необходимаго для движенія отправлявшейся въ Сибирь на помощь Ермаку рати видно, что Московское правительство далеко не было обрадовано извѣстіемъ о подвигахъ казаковъ, и еще не вѣрило, что

[1]) Катанаевъ, стр. 19—24.

окончательное завоеванie Сибири можетъ быть совершено легко и будетъ выгодно для государства. Тѣмъ не менѣе правительство рѣшило поддержать начатое дѣло; когда же Ермакъ осенью 1585 г. [1]) въ одной изъ своихъ экспедицiй погибъ, спасаясь вплавь отъ татаръ, напавшихъ неожиданно ночью на небольшой отрядъ русскихъ, на р. Иртышѣ, то правительство уже всецѣло взяло въ свои руки дѣло покоренiя края.

Исторiя покоренiя Сибирскаго края не составляетъ задачи настоящаго очерка, въ виду чего она здѣсь и излагается лишь настолько, насколько ею выясняются тѣ условiя, въ которыхъ русская колонизацiя могла развиваться.

Общею чертою русскихъ завоеванiй, совершенныхъ въ Сибири, является легкость ихъ на сѣверѣ и усугублявшаяся ихъ трудность по мѣрѣ движенiя на югъ въ степныя мѣстности съ кочевымъ населенiемъ. Помимо большей численности этого населенiя, борьба съ нимъ затруднялась тѣмъ, что оно легче образовывало довольно значительныя и трудно уловимыя при преслѣдованiи скопища и часто приходило между собою въ серьезныя столкновенiя, такъ что принявшимъ уже русское подданство нерѣдко приходилось бороться со своими же сородичами. Поэтому весьма часто принятiе подданства являлось здѣсь фиктивнымъ. Наконецъ, изъ за этихъ инородцевъ русскимъ приходилось воевать съ весьма серьезными врагами — монголами и средне-азiатскими владѣтелями, съ своей стороны стремившимися подчинить себѣ кочевыя племена. Въ виду сказаннаго вполнѣ понятно, что если подчиненiе сѣвера Сибири совершено въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, то открытiе южныхъ мѣстностей края для заселенiя русскими совершалось весьма медленно. Осѣдлое населенiе утвердилось здѣсь уже послѣ выработки правительствомъ въ XVIII вѣкѣ твердаго плана борьбы со степью, путемъ постройки крѣпостей, постепенно сближавшихся и, наконецъ,

[1]) Соловьевъ относитъ смерть Ермака къ 1584 г.

въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія, сомкнувшихся въ одну неразрывную цѣпь, оградившую какъ принявшихъ русское подданство инородцевъ, такъ и русскія поселенія отъ набѣговъ средне-азіатскихъ хищниковъ.

Завоеваніе нестепной части Сибири совершено въ XVI столѣтіи, а систематическая борьба на югѣ стала вестись лишь съ начала XVII вѣка.

Останавливаясь на первой эпохѣ, нельзя не замѣтить, что о существованіи какого либо плана для движенія на востокъ въ это время не можетъ быть и рѣчи. Въ общемъ это движеніе шло по главнымъ рѣчнымъ системамъ, переходя съ одной системы въ другую по такъ называемымъ волокамъ—наиболѣе узкимъ мѣстамъ водораздѣловъ рѣкъ, принадлежащихъ къ разнымъ системамъ. По этимъ мѣстамъ отряды казаковъ перетаскивали по-суху свои суда. Волоки эти открывались по большей части случайно. Объясачивая по дорогѣ инородцевъ то путемъ мирнымъ, то силою оружія, отряды казаковъ разузнавали отъ нихъ о существованіи въ сосѣдствѣ другихъ инородцевъ, еще не обложенныхъ ясачною податью, и такимъ образомъ намѣчались новые походы. Ради удобства собиранія ясака на главныхъ путяхъ ставились небольшія укрѣпленія—деревянные городки. Послѣдніе снабжались гарнизонами и провіантомъ, и отсюда предпринимались новыя экспедиціи въ глубь страны. Въ зависимости отъ мѣстоположенія нѣкоторые городки получали особое значеніе, возвышаясь до степени городовъ, имѣвшихъ особыхъ воеводъ, которымъ подчинялись ряды другихъ городковъ (Тобольскъ, Томскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ, Якутскъ, Илимскъ, Иркутскъ, Нерчинскъ). Главною цѣлью всѣхъ походовъ являлось стремленіе увеличить поступленіе ясака. Объясачиваніе инородцевъ, приносившее значительную прибыль взимавшимъ эту подать лицамъ и воеводамъ, приводило нерѣдко къ столкновеніямъ между русскими, вышедшими изъ разныхъ городовъ на поискъ ясачныхъ людей. Партіи казаковъ перебивали другъ у друга ясакъ, пока извѣстный районъ сбора не за-

крѣплялся за опредѣленнымъ городкомъ—вѣдомствомъ. Нерѣдко впереди казаковъ шли промышленные люди, именемъ Царя сбиравшіе ясакъ въ свою пользу. Промышленникамъ, очевидно, было удобнѣе проходить мѣстами, гдѣ еще не было поставлено городковъ, и такимъ образомъ открывались еще новые пути для движенія въ глубь страны. Случалось, что промышленники получали помощь отъ воеводъ для поисковъ новыхъ земель. Такъ, между прочимъ, открытъ былъ Амуръ.

Нечего говорить, что подчиненіе покоряемыхъ инородцевъ, въ виду малочисленности русскихъ въ краѣ, нельзя было считать прочнымъ. Дѣйствительно, возмущенія и отказы вносить ясакъ бывали явленіемъ весьма частымъ. Но въ общемъ русскіе легко, съ весьма небольшими силами, справлялись съ инородцами и смотрѣли на себя, какъ на хозяевъ страны. Еще при Ермакѣ русскіе заняли мѣстности по притоку Иртыша—Турѣ, по всему Иртышу, отъ устья р. Тары внизъ до Оби, и по теченію послѣдней рѣки до моря; кромѣ того, еще въ XVI столѣтіи занято теченіе Оби вверхъ отъ устья Иртыша до устья р. Кети. Закрѣпленіе указаннаго края за русскими достигнуто построеніемъ городковъ—Тюмени (1586), Тобольска (1587), Пелыма, Березова, Сургута (1592), Верхотурья (1598), Туринска (около 1600 г.) Тары (1594), Нарыма (около 1596 г.), Кетскаго острога (около 1597 г.) и Мангазеи (1600).

Въ теченіе первыхъ 18 лѣтъ XVII столѣтія совершается переходъ на р. Енисей. Съ одной стороны мангазейцы основываютъ на нижнемъ теченіи этой рѣки г. Туруханскъ (около 1603 г.), съ другой—въ 1604 г. строится г. Томскъ—съ 1629 г. центръ воеводства—на притокѣ Оби р. Томи. Вскорѣ открывается волокъ изъ р. Кети въ Енисей. На волокѣ ставится Маковскій острогъ (1618), и въ томъ же году на среднемъ теченіи Енисея возникаетъ Енисейскій острогъ, а въ 1628 г. строится Красноярскъ.

Къ 30-мъ годамъ XVII вѣка русскіе проникаютъ на Лену—двумя путями: съ одной стороны, изъ Туруханска въ истоки Нижней Тунгузки двумя волоками, отъ Нижней Тун-

гузки въ Вилюй, притокъ Лены (Чунскій волокъ) и непосредственно въ Лену (Чечуйскій волокъ); енисейцы же, двигаясь по Верхней Тунгузкѣ (Ангарѣ), открываютъ въ годъ отстройки Красноярска (1628) Ленскій волокъ между притокомъ Ангары Илимомъ и р. Усть-Кутомъ, впадающей въ Лену. При устьѣ р. Киренги строится зимовье, впослѣдствіе (1665 г.) превращающееся въ Киренскъ. Въ 1630 г. Ленскій волокъ закрѣпляется построеніемъ зимовій на Усть-Кутѣ и Илимѣ. Послѣднее въ 1649 г. дѣлается центромъ Илимскаго воеводства, къ уѣзду котораго приписанъ Верхоленскъ (1642) съ землями по Ленѣ внизъ до Чечуйскаго волока, по Илиму и по среднему теченію р. Ангары. Въ 1632 г. отстраивается Якутскій острогъ, до 1640 г. зависящій отъ Енисейска и получающій оттуда воеводъ, съ этого же времени дѣлающійся центромъ самостоятельнаго воеводства [1]).

Не проходитъ и 10 лѣтъ послѣ основанія Якутска, какъ казачьи партіи и промышленники, выходя отсюда и двигаясь въ разныхъ направленіяхъ, доходятъ до Тихаго океана. Въ 1637—1640 г. открытъ путь отъ Якутска къ Охотскому морю вверхъ по рр. Алдану, Маіѣ и Ньюдомѣ и отсюда волокомъ въ р. Улью, впадающую въ море. Въ то же время при движеніи по р. Енисею къ Ледовитому океану промышленники проникаютъ въ устья рр. Яны, Индигирки, Колымы и Анадыра. Закрѣпленіе Ленскаго (Якутскаго) края за русскими завершено постройкою Олекминскаго острога (1635) и зимовій: Усть-Алданъ, Усть-Маія, Амга, Усть-Улья, Усть-Уда, и Усть-Тауя (всѣ около 1640 г.) [2]), Нижне-Колымска (1644) и Охотскаго (въ 1648).

Въ теченіе 20 лѣтъ—съ 1643 по 1663 г. дѣлаются изъ Якутска попытки овладѣть р. Амуромъ. При этихъ экспедиціяхъ сдѣлались славными имена Пояркова и Хабарова.

Поярковъ въ 1644 г. изъ р. Алдана волокомъ въ р. Зею

---

[1]) Андріевичъ. Исторія Сибири, часть I. Спб. 1889, стр. 63—65.
[2]) Щегловъ, стр. 93.

вышелъ на Амуръ, спустился послѣднимъ въ океанъ и затѣмъ пробрался въ 1646 г. обратно въ Якутскъ воднымъ путемъ, открытымъ въ 1637—1640 г. Въ слѣдующемъ 1647 году Хабаровъ пустился на Амуръ по новому, открытому промышленниками, кратчайшему пути, а именно вверхъ по р. Олекмѣ, въ притокъ ея Тугиръ и Тугирскимъ волокомъ въ р. Урку, впадающую въ Амуръ. Хабаровъ занялъ брошенный даурами городокъ Албазинъ, откуда весной 1650 г. вернулся въ Якутскъ за помощью. Въ 1651 г. онъ снова уже прибылъ въ Албазинъ и отсюда поплылъ внизъ по Амуру, покоряя прибрежныя племена. Ниже устья рѣки Уссури Хабаровъ овладѣлъ Ачанскимъ острогомъ. Здѣсь впервые (1652) произошло столкновеніе русскихъ съ китайцами и манчжурами. Это первое столкновеніе, хотя и кончилось побѣдою русскихъ, однако дальнѣйшій путь къ морю показался опаснымъ, и Хабаровъ отсюда повернулъ обратно. Въ томъ же 1652 г. изъ Москвы присланъ былъ отрядъ большой рати для проложенія удобнаго для слѣдованія пути по Тугирскому волоку, а въ 1653 г. возникъ Тугирскій острогъ. Послѣ отъѣзда Хабарова въ Москву, для доклада о новыхъ амурскихъ земляхъ, происходитъ (въ 1655 г.) новое столкновеніе русскихъ съ китайцами, послѣ набѣга первыхъ на берега р. Сунгари. Осажденные въ Камарскомъ острогѣ русскіе удачно отбились. Въ томъ же 1655 г. амурскія земли были подчинены Москвѣ.

Пока однѣ партіи проникаютъ на Лену и оттуда до Охотскаго и Камчатскаго морей и на Амуръ, другія партіи двигаются вверхъ по Ангарѣ и затѣмъ переваливаютъ за озеро Байкалъ и этимъ новымъ путемъ съ запада приближаются къ Амуру. Въ годъ построенія Красноярска (1628) устраивается на р. Канѣ Канское зимовье (съ 1640 г. Канскій острогъ); въ томъ же году укрѣпляется на Ангарѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ Енисейска, Рыбинскій острогъ, наконецъ въ 1631 г. близъ устья р. Оки на Ангарѣ возникаетъ Братскій острогъ, сдѣлавшійся опорнымъ пунктомъ для подчиненія бурятъ (нынѣшней Иркутской губ.). Къ 60-мъ годамъ

XVII вѣка весь край до озера Байкала уже занятъ русскими. Здѣсь закрѣплены всѣ важнѣйшія мѣста: на верховьяхъ Лены строится Верхоленскъ (1642), около 1647 г. возведенъ на р. Удѣ Удинскій острогъ—нынѣшній Нижне-Удинскъ; при впаденіи р. Иркута въ Ангару, въ 60 верстахъ отъ озера, въ 1651 г. возникло Иркутское зимовье, ставшее съ 1661 г. острогомъ, а затѣмъ съ 1682 г. центромъ новаго воеводства; въ 1654 г. основанъ Балаганскій острогъ на Ангарѣ.

Съ 40-хъ годовъ русскіе проникаютъ за Байкалъ. На почву Забайкалья впервые попадаютъ казаки по р. Витиму въ 1639 г. Распространенные ими слухи о богатствѣ Приамурскаго края мѣсторожденіями благородныхъ металловъ вызвали снаряженіе описанной выше экспедиціи Пояркова по р. Алдану на Амуръ. Эти же слухи направили за Байкалъ партіи и съ западнаго берега озера. Къ 60-мъ годамъ русскіе уже утверждаются въ Забайкальѣ построеніемъ остроговъ Верхнеангарскаго (1646), Баргузинскаго (1648), Иргенскаго (1653), Нерчинскаго (1654), Селенгинскаго(1665) и Удинскаго зимовья (1665г.)—нынѣшняго Верхнеудинска. Нерчинскій острогъ, возобновленный послѣ тунгузскаго погрома въ 1658 г., дѣлается центромъ особаго воеводства, которому подчинены всѣ амурскія земли.

На правый берегъ Амура русскіе не переваливаютъ. Изъ за этой рѣки, какъ указано было выше, произошли столкновенія съ Китаемъ. Послѣдній съ 50-хъ годовъ начинаетъ усиливать свои войска на берегахъ названной рѣки и къ 80-мъ годамъ уже рѣшительно требуетъ очищенія амурскихъ земель, въ результатѣ чего является заключеніе Нерчинскаго договора 1689 г., по которому разоренъ Албазинъ и границею между обоими государствами назначены р. Горбица, впадающая слѣва въ р. Шилку, и р. Аргунь, дальнѣйшая же граница съ Китаемъ на востокѣ осталась неопредѣленною. Неопредѣленность предѣловъ русскаго Забайкалья съ юга со стороны монгольской степи устранена только послѣ подчиненія монголовъ Китаю, а именно въ 1727 г., согласно Буринскому трактату, установившему условную сухопутную границу между Имперіями на

западъ отъ р. Аргуни до хребта Шабинъ—Даба къ верховьямъ р. Енисея [1]).

Такимъ образомъ въ теченіе XVII столѣтія русскіе заняли всю восточную Сибирь, въ западной же Сибири они дошли до степныхъ мѣстностей, завоеваніе которыхъ въ виду кочеваго характера обитавшаго здѣсь населенія представило значительныя трудности. Въ теченіе всего XVII столѣтія русскимъ приходится постоянно отражать набѣги дикихъ кочевниковъ по всей южной линіи, отъ Волги до Алтая. Борьба съ степными хищниками становится систематическою только въ XVIII столѣтіи и производится путемъ постепеннаго движенія въ территорію кочевокъ калмыковъ, киргизовъ и башкиръ укрѣпленій съ двухъ сторонъ—съ сибирской отъ Алтая и со стороны Европы отъ Волги.

Въ годъ построенія Енисейска (1618 г.) русскіе ставятъ въ центрѣ Алтая на р. Томи Кузнецкій острогъ для обезпеченія поступленія ясака съ мѣстныхъ татаръ, которыхъ приходилось защищать отъ киргизовъ и монголовъ, проживающихъ на верховьяхъ Енисея (по р. Кемчику). Въ 1622 г. Кузнецкъ становится городомъ и получаетъ своихъ воеводъ. Въ теченіе всего столѣтія городъ этотъ подвергается нападеніямъ киргизовъ, калмыковъ и возстававшихъ мѣстныхъ инородцевъ, причемъ русскіе безуспѣшно стремятся укрѣпиться на р. Біѣ. Только въ началѣ XVIII столѣтія возникаютъ остроги Абаканскій (1707) на верхнемъ Енисеѣ и Бійскій (1709 г.) на р. Біѣ, которые служатъ защитою отъ калмыковъ. Затѣмъ въ 1713 г. русскіе утверждаются выше Томска на р. Оби постройкою Чаусскаго острога (съ 1722 г. Колывань). Обезпеченіе свободной добычи соли изъ Ямышевскаго озера вызываетъ потребность въ постройкѣ близъ озера крѣпости Ямышевской (1715 г.), а затѣмъ для прикрытія послѣдней возникаютъ по Иртышу крѣпости: Омская (1716 г.), Железинская (1717 г.), Семипалатинская (1718 г.) и Усть-Камено-

[1]) Современная южная граница восточной Сибири опредѣлилась только въ нынѣшнемъ столѣтіи по заключеніи съ китайцами въ 1858 и 1860 гг. Айгунскаго и Пекинскаго трактатовъ.

горская (1720 г.). Въ 1747 г. этотъ рядъ укрѣпленій усиливается и получаетъ наименованіе Иртышской линіи. Въ 1754 г. отстраивается еще новая линія укрѣпленій—Ишимская.

Въ то же время съ запада изъ Европы цѣпь русскихъ укрѣпленій движется на юго-востокъ въ степи. До Петра Великаго русское населеніе, страшась башкиръ, весьма слабо подвигалось на югъ Заволжья. Русскіе занимали въ это время лишь незначительную часть сѣверо-западнаго уголка нынѣшней Самарской губ. Къ 30-мъ годамъ XVIII столѣтія возникаетъ идея прорѣзать поселенія инородцевъ укрѣпленной линіей по р. Уралу и отдѣлить такимъ образомъ башкиръ съ востока отъ киргизовъ [1]). Въ виду этого возникаетъ Оренбургская линія, упирающаяся однимъ концомъ въ Каспійское море, а другимъ въ Уральскій хребетъ. Здѣсь же она смыкается съ Уйскою линіею, тянущейся по р. Ую до впаденія ея въ Тоболъ. Такимъ образомъ являются опорные пункты между Оренбургомъ и Омскомъ [2]).

Только въ нынѣшнемъ столѣтіи пришлось уже закончить твердо намѣченное въ XVIII вѣкѣ дѣло упроченія русскихъ въ южной Сибири. Съ 1824 по 1834 г. основываются первыя русскія поселенія въ степи киргизовъ Сибирскаго вѣдомства: Кокчетавъ, Каркаралы (1824 г.), Аягузъ (1831 г., впослѣдствіе Сергіополь), Баянъ-Аулъ и Акмолы (1832 г.) [3]); вмѣстѣ съ тѣмъ Сибирская линія передвинулась на югъ къ Копалу (1847 г.) и Вѣрному (1854 г.), а на встрѣчу ей Оренбургская линія изъ Орска подалась къ Сыръ-Дарьѣ. Въ 1853 г. русскіе начинаютъ двигаться вверхъ по этой рѣкѣ, постепенно подчиняя Коканское ханство, а въ 1864 г. занимаютъ пространство между крайними пунктами Оренбургской и Сибирской линіями—укрѣпленіями Джулекомъ и Вѣрнымъ.

Соотвѣтственно вышеописаннымъ двумъ періодамъ расширенія предѣловъ Сибирскихъ земель, открывавшихся для русской

[1]) Милюковъ, ч. 1, стр. 60.

[2]) Замысловскій. Объясненія къ атласу по русской исторіи. Спб. 1887, стр. 97.

[3]) Тамъ же, стр. 98.

колонизаціи, періодамъ, совпадающимъ—первый съ концомъ московской эпохи, второй—съ утвержденіемъ въ Россіи, съ преобразованіемъ ея въ Имперію, западно-европейскихъ порядковъ, и исторія заселенія Сибири до наступленія XIX вѣка, можетъ быть раздѣлена на два періода. Точно установить грани между обоими нѣтъ возможности, одинъ переливается въ другой и тѣсно съ нимъ связанъ. Въ обоихъ періодахъ заселеніемъ руководитъ правительство; ему же въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ и иниціатива колонизаціи Сибири, и чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ значительнѣе приходится проявляться этой иниціативѣ; нѣсколько видоизмѣняются только мотивы. Въ теченіе всего XVII столѣтія впереди колонизаторовъ идутъ военные люди—строители остроговъ, близъ которыхъ образовываются уѣздныя поселенія. И городки, и уѣздныя поселенія являются средствомъ упроченія края за Москвою. Подобная роль остается въ XVIII столѣтіи почти исключительно за основателями передовыхъ укрѣпленій въ западной Сибири, позади которыхъ уже заполняются переселенцами дотолѣ недоступныя для нихъ мѣста. Во внутренней же Сибири продолжается процессъ занятія свободныхъ земель, преимущественно по главнымъ путямъ сообщенія, причемъ является особый интересъ для заселенія нѣкоторыхъ мѣстностей, въ виду обнаружившихся въ нихъ горныхъ богатствъ.

Первыя русскія поселенія за Уральскимъ хребтомъ, какъ указано было выше, появились уже при Ермакѣ въ концѣ XVI вѣка[1]). Заселеніе Сибири, какъ и вообще окраинъ Московскаго Государства, шло помянутымъ двоякимъ путемъ—правительственнымъ и народнымъ. Правительство съ самаго начала появленія русскихъ завоевателей въ Сибири стало переводить сюда разныхъ людей и набирать охотниковъ. Первыми колонизаторами края явились тѣ служилые люди, которые совершили его завоеваніе. Воеводы и другіе военноначальники

[1]) Историческій обзоръ заселенія Сибири приведенъ въ связи съ указаніями на относящіеся къ этому вопросу источники въ 4-мъ томѣ сочиненія А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи».

сформировывали отряды частью изъ лицъ служилаго сословія, частью изъ охотниковъ — вольныхъ людей; при отрядахъ обыкновенно находились также шедшіе по указу или по своей волѣ духовенство, крестьяне и посадскіе люди. По совершеніи похода и отстройкѣ новыхъ городковъ главенствующія лица возвращались въ Россію или въ главный городъ, откуда вывели свою партію, за помощью или для предпринятія новыхъ экспедицій, остальные же водворялись на вновь обрѣтенныхъ мѣстахъ и здѣсь заводили поселенія. Такимъ образомъ сразу образовывалось нѣсколько категорій переселенцевъ. Во главѣ ихъ стояли разные служилые люди. Послѣдніе набирались въ Европейской Россіи и отсюда отправлялись на службу въ Сибирь. Такъ, напримѣръ, въ 1631 г. въ поморскихъ городахъ было «прибрано» 500 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ, въ 1635 г.— въ Устюгѣ Великомъ 50 человѣкъ стрѣльцовъ, сыновей, племянниковъ и братьевъ служилыхъ людей и отчасти охотниковъ—вольныхъ людей. «Приборъ» поручался обыкновенно сотнику, который подъискивалъ для своей сотни десятниковъ, десятники же прибирали рядовыхъ—казаковъ или стрѣльцовъ. Эти люди выдавали сотнику на себя поручную запись. Затѣмъ они получали отъ казны денежную подмогу и на казенныхъ подводахъ направлялись въ Сибирь. Кромѣ «прибора», правительство отправляло нерѣдко казаковъ и стрѣльцовъ просто по государеву указу. Двигались эти партіи на подводахъ, которыя, какъ и кормъ, выставляло имъ мѣстное населеніе. Передвиженіе служилыхъ часто сопровождалось грабежами и безчинствами. Въ особенности этимъ отличались 500 стрѣльцовъ, переведенные по Царскому Указу изъ Холмогоръ въ Тюмень въ 1631 г. По прибытіи на мѣсто назначенія служилые частью распредѣлялись по гарнизонамъ, а также двигались въ составѣ новыхъ партій въ глубь страны. Они получали отъ казны жалованье деньгами и хлѣбомъ, частью обзаводились пашнею близъ мѣстъ своего поселенія и вначалѣ безпрепятственно занимались торговлею. Но главное значеніе служилыхъ въ Сибири, конечно, заключалось не въ

заселеніи этого края, а въ закрѣпленіи отдѣльныхъ его пунктовъ за Россіею, въ подчиненіи мѣстныхъ инородцевъ и открытіи, такимъ образомъ, новыхъ мѣстъ для мирной колонизаціи страны земледѣльческимъ людомъ.

Крестьянъ-земледѣльцевъ (пашенныхъ) правительство переводило въ Сибирь также по вызову и по указу. Вызовъ дѣлался главнымъ образомъ въ поморскихъ городахъ или мѣстными властями, или агентами, присланными сюда сибирскими воеводами. Желавшимъ переселиться «на государеву пашню» давалась льгота въ платежѣ податей до трехъ и болѣе лѣтъ и оказывалась правительственная помощь на дорогу и обзаведеніе на мѣстѣ. Рядомъ съ вызовомъ практиковался наборъ опредѣленнаго числа переселенцевъ, возлагавшійся на населеніе извѣстныхъ мѣстностей въ видѣ повинности. Такимъ образомъ въ 1590 г. сольвычегодскими посадскими и крестьянами было выбрано для перевода въ Сибирь 30 семействъ, которыхъ они снабдили лошадьми, коровами, мелкимъ скотомъ, свиньями и птицей, сохами и всякими хозяйственными вещами, а также хлѣбомъ на цѣлый годъ. Кромѣ того, сольвычегодцами была собрана на подъемъ отправляемыхъ въ Сибирь столь значительная сумма (по 110 р. на семью), что правительство распорядилось половину ея отдѣлить на нужды будущихъ переселеній. По «указу» крестьяне переводились въ Сибирь изъ дворцовыхъ селъ или за разныя преступленія изъ иныхъ мѣстъ. Такимъ переселенцамъ также оказывалась значительная правительственная помощь. Рядомъ съ появившимися въ Сибири крестьянами по вызову и указу, здѣсь поступало въ крестьянское званіе много такъ называемыхъ «гулящихъ» людей. Часть этихъ гулящихъ, и притомъ весьма незначительная, была свободнаго состоянія, большую же часть составляли разные бѣглые крестьяне и холопы; въ числѣ ихъ было не мало разбойниковъ и разныхъ преступниковъ, избѣгавшихъ наказанія. Весьма характерны отзывы сибирскихъ воеводъ о составѣ сибирскаго населенія: «все мужики схожіе изъ разныхъ городовъ, отъ всякаго воровства бѣгаючи» [1]). Въ XVII вѣкѣ

[1]) Буцинскій. Заселеніе Сибири. Харьковъ 1889, стр. 219.

нужда въ людяхъ во вновь покоряемомъ краѣ сказывалась настолько сильно, что, несмотря на строгія предписанія центральнаго правительства о возвращеніи бѣглыхъ и даже на устройство въ 1683 г. заставъ для прегражденія самовольнаго перехода русскихъ людей въ Сибирь, мѣстныя сибирскія власти скрывали бѣглыхъ и этимъ путемъ увеличивали населеніе окраины, проявляя тѣмъ возлагавшуюся на нихъ въ то же время правительствомъ заботу о преуспѣяніи ввѣренныхъ имъ мѣстностей. Отсюда возникало вольное положеніе бѣглаго въ Сибири. Этому способствовала и крайняя трудность для мѣстной администраціи въ удостовѣреніи правоваго положенія вновь появлявшихся въ раіонѣ ихъ вѣдомства лицъ, и необъятный просторъ слабо заселеннаго края. Въ XVIII столѣтіи положеніе бѣглыхъ въ Сибири измѣняется. Бѣглый ставится въ положеніе нелегальное, и поэтому отдѣльныя колонизаціонныя попытки совершаются бѣглыми тайно въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ и обнаруживаются властями обыкновенно поздно, лишь по мѣрѣ придвиженія къ нимъ законной колонизаціи. Свободнымъ людямъ, не имѣющимъ причинъ скрываться, въ описываемую эпоху не было никакой выгоды самимъ на собственный рискъ идти селиться въ Сибирь. Всякій желающій могъ идти, по вызову правительства, на казенныхъ подводахъ и даже на казенныхъ кормахъ. Однако такихъ добровольныхъ переселенцевъ было весьма мало. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта: въ 1631 году велѣно было «прибрать» для переселенія въ Сибирь въ поморскихъ городахъ 500 человѣкъ казаковъ и 150 женщинъ, воевода же донесъ, что больше 150 казаковъ и 5 женщинъ онъ набрать не могъ. Первое извѣстное оффиціальное свидѣтельство о бѣгствѣ въ Сибирь относится къ 1593 г.—въ этомъ году вмѣстѣ съ служилыми ушли тайно двое крѣпостныхъ крестьянъ на постройку г. Пелыма. Бѣгство усилилось по мѣрѣ знакомства съ Сибирью и облегчилось съ открытіемъ въ 1597 г. кратчайшаго пути черезъ Уралъ отъ Соликамска до р. Туры, на которой возникло Верхотурье. Особенно страдали

отъ бѣгства крѣпостныхъ ближайшія къ Сибири вотчины Строгановыхъ. По этому поводу изъ Москвы разсылались строгія предписанія сибирскимъ воеводамъ о сыскѣ и возвращеніи бѣглыхъ, но предписанія эти оставались безъ послѣдствій, какъ въ виду трудности обнаружить бѣглецовъ, такъ и въ виду особаго положенія, въ которомъ воеводы оказывались въ отношеніи гулящихъ людей. Заботясь о заселеніи ввѣреннаго имъ края и получая постоянныя предписанія о «приборѣ» людей для этого, воеводы устраивали прибывшихъ къ нимъ охотниковъ на пашню, помогая имъ изъ казенныхъ средствъ при первомъ хозяйственномъ обзаведеніи. Естественно, что убытки казны, которые проистекали при обнаруженіи въ уже сѣвшемъ на пашню лицѣ бѣглаго должны были падать на воеводу. Кромѣ того, чисто служебный интересъ заставлялъ послѣдняго смотрѣть сквозь пальцы на происхожденіе прибывшихъ въ его вѣдомство людей, въ которыхъ ощущалась настоящая нужда.

Въ первое время, почти до конца первой четверти XVII вѣка, всѣ крестьяне въ Сибири были пашенные, т. е. пахали государеву пашню и за эту повинность получали право на себя пахать опредѣленное количество земли. Въ 1623—1624 г. изданы были правила (уложеніе Тобольскаго воеводы Сулешева) о соотвѣтствіи количества государевой пашни съ количествомъ собственной крестьянской, причемъ это соотвѣтствіе было установлено разное по открытымъ тогда для колонизаціи мѣстностямъ, въ зависимости отъ сельскохозяйственныхъ условій почвы и климата, а также и отъ разныхъ повинностей, которыя сверхъ государевой пашни возлагались, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, на крестьянъ. Съ увеличеніемъ числа пашенныхъ крестьянъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ разрѣшилъ сибирскимъ воеводамъ принимать гулящихъ людей на оброкъ, который состоялъ въ томъ, что, взамѣнъ обработки государевой пашни, вносилось въ казну опредѣленное количество хлѣба, соотвѣтственное величинѣ участка, предоставлявшагося для обработки. Въ общемъ выводѣ можно считать,

что обработка государевой пашни равнялась по стоимости затраченнаго труда пятой части урожая съ отводимыхъ участковъ. Такимъ образомъ положеніе крестьянъ собственно по этой повинности не было отяготительнымъ. По всей вѣроятности и оброкъ не былъ тяжелѣе государевой пахоты. Если прибавить къ этому, что крестьяне, при ихъ устройствѣ въ Сибирской землѣ, на нѣсколько лѣтъ освобождались отъ всякихъ повинностей и что имъ оказывалась денежная и продовольственная помощь отъ казны, то слѣдуетъ предполагать полную возможность для нихъ обзаведенія хорошимъ хозяйствомъ. Надлежитъ имѣть въ виду также, что и послѣ водворенія правительство не оставляло крестьянъ безъ поддержки. Въ неурожайные годы имъ отпускался казенный хлѣбъ на прокормленіе и посѣвъ, при падежахъ скота выдавались ссуды на обзаведеніе новымъ, или на воеводу возлагалась закупка скота для распредѣленія между пострадавшими. Также точно послѣ опустошеній, произведенныхъ набѣгами инородцевъ, правительство приходило на помощь населенію. Такъ, послѣ постигшаго Тюменскій и Туринскій уѣзды нашествія калмыковъ, Государь повелѣлъ Тобольскому воеводѣ выдать крестьянамъ значительную денежную сумму. Тѣмъ не менѣе сибирскимъ крестьянамъ жилось не особенно легко, такъ какъ, кромѣ указанныхъ выше повинностей, на нихъ падало много другихъ, которыя имъ, при обычной среди переселенцевъ, благодаря общимъ условіямъ ухода въ Сибирь, малосемейности, было трудно отбывать одновременно съ веденіемъ сельскаго хозяйства. Эти повинности носили названіе «государевыхъ издѣлій» и всѣхъ ихъ перечислить невозможно—сюда относились разныя постройки казенныхъ зданій и сооруженій, рубка и доставка для нихъ лѣса, постройка судовъ и сплавъ казеннаго хлѣба, починка и содержаніе дорогъ, выставка подводъ и проч. При всемъ томъ, въ первую половину XVII столѣтія—среди сибирскихъ крестьянъ какъ пашенныхъ, такъ и оброчныхъ встрѣчались весьма зажиточныя семейства, владѣвшія до 70 десятинъ земли, дѣлавшія большіе собственные посѣвы, косившія по 300 копенъ

сѣна и т. п. Но такіе крестьяне или были многосемейными, или имѣли у себя половниковъ и наймитовъ.

Рядомъ съ государевыми крестьянами въ Сибири въ описываемую эпоху существовали еще монастырскіе и архіерейскіе. Ихъ положеніе въ виду меньшаго обремененія ихъ повинностями было значительно лучше. Половники, наймиты и захребетники составляли третій разрядъ сибирскаго крестьянства. Разные служилые люди, переселяясь въ Сибирь, перевозили съ собою и своихъ холоповъ. Мѣстныя условія настолько способствовали побѣгамъ, что побуждали владѣльцевъ отпускать холоповъ при переселеніи на волю и привязывать ихъ къ себѣ, заинтересовывая въ веденіи собственнаго хозяйства въ качествѣ половниковъ на извѣстный срокъ, по окончаніи котораго половникъ получалъ право на хлѣбъ и скотъ, которые наживалъ за это время. Въ половники попадали также безсемейные люди, которые не могли въ одиночку заводить хозяйство. Изъ такихъ людей происходили по преимуществу и наймиты, и захребетники. Сравнительно много половниковъ имѣли монастыри [1]).

Помимо чисто земледѣльческаго населенія, каковыми являлись крестьяне, въ Сибири существовала еще особая категорія людей посадскихъ, селившихся въ городахъ и близъ нихъ. Главными занятіями ихъ признавались торговля и промыслы, но они имѣли и свое хлѣбопашество. До начала 20-хъ годовъ XVII вѣка посадскіе не платили никакихъ пошлинъ и оброковъ, а только несли разныя государевы службы — на таможняхъ, при хлѣбныхъ складахъ, при ясачной казнѣ, въ цѣловальникахъ, при разныхъ устройствахъ: баняхъ, тюрьмахъ, кабакахъ и пр. Въ 20-хъ годахъ они были обложены денежными оброками: съ торговли и промысловъ стали платить пошлины, а съ пашенъ—пятый снопъ съ урожая. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ приростомъ населенія тягость государевыхъ службъ все увеличивалась, отвлекая посадскихъ отъ собственныхъ дѣлъ,

---

[1]) Буцинскій, стр. 258—281.

и потому масса ихъ стала бѣгать или «закладываться» въ монастыряхъ и переходить къ послѣднимъ въ крестьяне и половники.

Значительный процентъ сибирскаго населенія составляли ссыльные. До изданія Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и до указа 1653 года ссылка еще не находила мѣста въ системѣ русскихъ наказаній за опредѣленныя преступленія. Но направленіе преступниковъ въ ссылку въ Сибирь стало практиковаться уже съ 1593 года. Вообще до Алексѣя Михайловича на ссылку существовалъ взглядъ преимущественно не какъ на наказаніе, а какъ на средство обезопасить метрополію и заселять окраины. Извѣстно, что при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ нерѣдко вмѣсто казни за разбой и убійства назначалась ссылка въ Сибирь, причемъ воеводамъ предписывалось устроить ссыльнаго или въ служилые люди, съ выдачею жалованья наравнѣ съ другими служилыми, или на пашню—съ помощью отъ казны, въ видѣ продовольствія до перваго урожая, и выдачи сѣмянъ и денегъ на обзаведеніе. Съ преступниками шли въ ссылку и невинные люди. Ссылка постигала обычно всю семью ссылаемаго; за болѣе знатными шли всѣ ближайшіе родственники—братья, зятья, племянники; за ними же нерѣдко собственною волею шли и домашніе люди, а затѣмъ, когда ссыльные нѣсколько устраивались на мѣстѣ назначенія, то къ нимъ высылались семьи домашнихъ людей, вмѣстѣ съ имуществомъ или вырученными отъ распродажи послѣдняго деньгами. Пересылка всѣхъ всегда производилась на казенный счетъ, и идущимъ въ ссылку въ дорогѣ выдавались отъ казны кормовыя деньги, правда,—въ весьма скудномъ размѣрѣ. Ссылка значительныхъ партій, точно также, какъ препровожденіе служилыхъ, шедшихъ въ Сибирь по вызову или указу, сопровождалась обыкновенно по пути слѣдованія значительными грабежами, чему способствовали и сами сопровождавшіе партію конвойные. По дорогѣ между послѣдними и ссылаемыми возникали ссоры, драки и даже кровопролитныя схватки; побѣгъ ссыльныхъ въ пути былъ явленіемъ обыкновеннымъ. По прибытіи на мѣсто ссыльные распредѣлялись по городамъ и острогамъ и сразу

становились въ одинаковое положеніе съ остальнымъ мѣстнымъ населеніемъ, смотря по званію, къ которому принадлежали или въ которое назначались. Въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ на короткое время заточали въ тюрьму. Фактически надзоръ за ними былъ чрезвычайно слабъ. На ряду съ русскими ссыльными въ Сибирь попадало много иностранцевъ, взятыхъ въ плѣнъ: поляки, литовцы, нѣмцы, шведы, а также малороссійскіе и донскіе казаки и проч. Тѣ изъ иностранцевъ, которые принимали православіе, быстро ассимилировались съ русскими и обыкновенно входили въ составъ служилаго сословія, пользуясь всѣми его преимуществами. Такъ, около 1614 г. въ Тобольскъ былъ сосланъ французъ Сава—«Французянинъ». Онъ принялъ православіе, дослужился до боярскихъ дѣтей, кромѣ службы занимался хлѣбопашествомъ, строилъ деревни и одну изъ нихъ пожертвовалъ въ Тобольскій Успенскій монастырь. Около 1630 г. царь Михаилъ Θеодоровичъ указалъ, чтобы всѣхъ принявшихъ православіе иноземцевъ верстали въ боярскіе дѣти. Конечно, въ общемъ составѣ сибирскаго населенія XVII вѣка иностранцы составляли небольшой процентъ. Главная масса сибиряковъ, не считая туземцевъ, была, конечно, русскаго происхожденія и притомъ, по преимуществу, изъ жителей сѣвера Европейской Россіи. По свидѣтельству Буцинскаго, въ спискахъ населенія Сибири первой половины XVII вѣка рѣдко можно встрѣтить людей изъ центральной Россіи, да и тѣ большею частью ссыльные, остальные же главнымъ образомъ были выходцами изъ такъ называемыхъ въ то время поморскихъ городовъ, что нынѣ отвѣчаетъ Вятской, Вологодской, Архангельской и Пермской губерніямъ [1]).

Помимо заселенія Сибири выходцами изъ Россіи, въ XVII вѣкѣ происходило передвиженіе въ самой Сибири мѣстнаго населенія съ запада къ востоку въ глубь страны по мѣрѣ расширенія здѣсь русскаго владычества. Это совершалось отчасти само собою, отчасти по распоряженію правительства, не всегда достаточно

---

[1]) Буцинскій, стр. 198—213, 231.

сообразовавшагося при этомъ съ хозяйственными интересами населенія. Такъ, въ 1630 г. были предоставлены значительныя льготы мѣстнымъ крестьянамъ, которые пожелаютъ заселить новыя слободы по рр. Ницѣ и Нейвѣ. Отъ этого много другихъ слободъ лишилось нужныхъ имъ рабочихъ рукъ и сильно обѣднѣло, впавши въ недоимки. Кромѣ того, переселеніе въ глубь Сибири распоряженіемъ правительства практиковалось, какъ мѣра наказанія за преступленія, содѣянныя въ самой Сибири. Такъ, 11 крестьянъ Верхотурскаго уѣзда, участвовавшіе въ 1626 г. въ убійствѣ приказчика, были сосланы въ Кузнецкій и Томскій остроги.

Общая картина того порядка, въ которомъ шло въ XVII столѣтіи заселеніе Сибири можетъ представить исторія заселенія каждаго отдѣльнаго ея уѣзда. Вездѣ этотъ порядокъ былъ одинаковъ, съ тою только разницею, что, по мѣрѣ удаленія отъ Европейской Россіи, заселеніе совершалось медленнѣе, становилось болѣе затруднительнымъ.

Примѣромъ можетъ служить хотя бы заселеніе Верхотурскаго уѣзда. Колонизація его началась съ открытіемъ въ 1597 г. кратчайшаго пути изъ Соликамска за Уралъ. Путь этотъ шелъ къ рѣкѣ Турѣ и сокращалъ разстояніе до Тобольска на цѣлыхъ 10 дней, въ сравненіи со старою дорогою, переваливавшею черезъ Уралъ сѣвернѣе—въ долину р. Лозвы. Въ томъ же 1597 г. признано необходимымъ поставить на рѣкѣ Турѣ острогъ, который отстроенъ въ 1598 г. и названъ Верхотурьемъ. Постройка Верхотурскаго острога была возложена на Воейкова и Головина, которые должны были получить въ Перми 300 рублей и на эти деньги договорить тамъ пѣшихъ и конныхъ людей и плотниковъ и съ ними отправиться на Туру. Денегъ этихъ оказалось мало, такъ какъ договоровъ по низкимъ цѣнамъ никто не хотѣлъ заключать. Головинъ съ Воейковымъ донесли объ этомъ въ Москву, указавъ, что имъ нужно 550 человѣкъ и что наемъ ихъ обойдется въ 3.120 р. Тогда правительство признало постройку города путемъ вольнаго найма невыгоднымъ для казны

и возложило поставку рабочихъ въ видѣ повинности на всю Пермскую землю, назначивъ нѣкоторое вознагражденіе. Сначала былъ выстроенъ острогъ, т. е. стѣны и башня, а затѣмъ внутри ихъ церковь, дворъ для воеводы, дворъ для служилыхъ людей, съѣзжая изба, дворъ попа и нѣсколько другихъ дворовъ. Острогъ былъ весьма незначителенъ. Въ 1606 году онъ уже былъ расширенъ и всетаки имѣлъ въ окружности всего 360 саж. Въ виду тѣсноты онъ нѣсколько разъ затѣмъ расширялся. Въ 1600 г. въ острогѣ были поставлены гостиный дворъ съ 4 избами и 20 амбарами и дворъ для пріѣзда инородцевъ. При Царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ въ острогѣ поставлена вторая церковь. Первыми обитателями Верхотурья были, кромѣ воеводъ, двое боярскихъ дѣтей, 46 стрѣльцовъ и казаковъ и 10 другихъ лицъ, въ числѣ ихъ священникъ. На второй годъ существованія острога сюда прибыло 2 торговыхъ человѣка изъ Вятки; въ 1599 г. переселились 50 ямщиковъ изъ поморскихъ городовъ, а затѣмъ Верхотурье сдѣлалось мѣстомъ стеченія гулящихъ людей, такъ что въ 1604 году изъ нихъ можно было набрать 50 человѣкъ на службу въ Сургутъ, а въ слѣдующемъ еще 50 человѣкъ были отправлены служить во вновь возникшій Томскъ. Въ 1624 г. Верхотурье уже значительно обстроилось и заселилось. Здѣсь уже имѣлось 112 дворовъ, изъ коихъ 39 стрѣлецкихъ, 26 посадскихъ и 25 пашенныхъ крестьянъ. Въ 1645 г., кромѣ женщинъ, дѣтей, «несамостоятельныхъ» мужчинъ (т. е. неимѣвшихъ здѣсь ни семьи, ни хозяйства) и духовенства, населеніе города простиралось до 849 человѣкъ, считая въ томъ числѣ 617 гулящихъ людей [1]). Подъ городомъ вскорѣ послѣ его основанія возникло два монастыря: мужской (около 1604 г.) и женскій (въ 1621 г.).

Какъ правительство, такъ и монастыри и частные люди— духовенство, служилые, посадскіе и сами сибирскіе крестьяне были крайне заинтересованы въ развитіи мѣстнаго земледѣлія, благодаря незначительности котораго приходилось жить первое

[1]) Тамъ-же, стр. 24.

время главнымъ образомъ присыльнымъ хлѣбомъ изъ мѣстностей, гдѣ уже утвердилось хлѣбопашество. Этотъ хлѣбъ доставлялся крайне неаккуратно, обходился дорого и повинность по отпуску хлѣба, вначалѣ лежавшая на приуральскомъ населеніи, отзывалась на послѣднемъ крайне тяжело (Вятская область была освобождена отъ сбора хлѣбныхъ запасовъ для Сибири только въ 1685 г.). Въ первое время существованія новыхъ остроговъ случались нерѣдко голодовки, въ виду несвоевременной присылки хлѣба. Вслѣдствіе этого происходитъ слѣдующее явленіе. По мѣрѣ развитія хлѣбопашества въ извѣстной сибирской мѣстности къ ней прекращается подвозъ казеннаго хлѣба, а затѣмъ эта же мѣстность становится житницей для вновь занятыхъ областей [1]). Ростъ территоріи русскихъ завоеваній происходилъ такъ быстро, что развитіе земледѣлія въ самой Сибири не могло за нимъ поспѣть. Поэтому, напримѣръ, при занятіи Забайкалья хлѣбъ сюда доставлялся не только изъ сравнительно близкихъ къ нему уѣздовъ Якутскаго и Енисейскаго, но даже изъ Тобольска [2]). Нужда въ мѣстномъ хлѣбѣ заставляла и монастыри, и частныхъ лицъ, поселявшихся въ сибирскихъ городахъ, заводить пашни, устраивать на нихъ хутора, изъ которыхъ развивались деревни и села.

Вскорѣ послѣ построенія Верхотурья начинаетъ заселяться его уѣздъ. Первою возникаетъ Подгородняя волость. Прилегавшія къ городу земли быстро были заняты поселившимися въ городѣ крестьянами, но большая часть этихъ земель пошла подъ государеву пашню. Тогда пришлось отыскивать удобныя для обработки земли вдали отъ города. Подгородніе крестьяне и посадскіе при этомъ выбирали свободно тѣ земли, которыя имъ нравились и устраивали свои пашни за нѣсколько десятковъ и даже за 100 и болѣе верстъ отъ города. Въ 1599 г. нѣкоторымъ торговымъ людямъ было разрѣшено поставить

[1]) Щегловъ, стр. 132.

[2]) Матеріалы Высочайше учрежденной Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Куломзина. Спб. 1898, вып. 5, стр. 16.

дворы и амбары и пользоваться тамъ угодьями на р. Косвѣ. Въ 1612 г. по просьбѣ Верхотурскихъ пашенныхъ и торговыхъ людей, за отсутствіемъ подъ городомъ свободныхъ земель, дозволено имѣть пашни и сажать на нихъ половниковъ по р. Тагилю — въ 50 верстахъ отъ Верхотурья. Правительство вообще охотно удовлетворяло всѣ подобныя просьбы, и верхотурцы вскорѣ раскинулись своими хозяйствами по громадному пространству земель. Подгородняя волость обняла главнымъ образомъ земли по р. Турѣ. Въ 1624 г. здѣсь было уже 44 деревни, 2 поселка, 6 пустошей. Въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія населеніе колебалось въ волости между 100 и 200 человѣками мужскаго пола, причемъ увеличеніе происходило на счетъ «новоприбранныхъ» изъ охочихъ людей. Ежегодно воеводы «прибирали» на пашню то одного, то двухъ человѣкъ, а иногда до десяти, и эти новые крестьяне или селились между старыми, или основывали собственныя деревеньки. Убыль же населенія происходила отчасти отъ бѣгства, отчасти въ виду распоряженій правительства о переводѣ людей въ другіе города. Такъ, въ 1632 году возникаетъ Тагильская волость. Въ 1639 г. въ этой волости числилось 108 дворовъ съ 175 человѣками пашенныхъ крестьянъ. Въ 1634 г. отсюда переведено было подъ Томскій и Красноярскій остроги 24 семейства.

Въ 1621 г. образовались Невьянская волость по р. Нейвѣ. Основана она была, по распоряженію правительства, 41 семействомъ пашенныхъ крестьянъ, переведенныхъ изъ казанскихъ дворцовыхъ селъ, съ цѣлью заселить отличныя для земледѣлія здѣшнія земли. Казанскіе переселенцы основали слободу и 5 деревень. Въ томъ же году было «прибрано» на льготу 47 семействъ изъ охочихъ людей, которыми основано 15 деревень. Въ 1624 г. населеніе волости, кромѣ женщинъ и дѣтей, составляло 165 человѣкъ. Опасаясь набѣговъ калмыковъ невьянцы въ 1626 г. испросили разрѣшеніе поставить у себя острогъ. Такіе острожки—слободскіе—представляли небольшія деревянныя крѣпостцы, окружностью не болѣе 50 саженей, и

вначалѣ охранялись присылавшимися на время изъ ближайшихъ городовъ служилыми. Затѣмъ для нихъ набирались изъ охотниковъ особыя команды, которыя несли службу, получая за нее земельный надѣлъ и освобождаясь отъ податей. Въ 1635 г. въ Невьянскомъ острожкѣ было 17 такихъ казаковъ. Изъ Невьянской волости, какъ и изъ другихъ, также переводились люди дальше на востокъ. Въ 1633 г. отсюда было отправлено въ Томскій, Енисейскій и Красноярскій остроги 32 семьи. Въ 1645 г. въ описываемой волости жило уже 423 человѣка мужскаго пола, кромѣ того съ 1622 г. основанъ былъ мужской монастырь. Помимо поселеній крестьянскихъ, въ уѣздѣ возникали деревни служилыхъ людей, посадскихъ, духовенства и монастырей. По дозору 1624 г., деревень перваго разряда въ это время было 17, втораго 15, у священниковъ—3, и у Верхотурскаго Никольскаго монастыря—2. Всѣ эти деревеньки, какъ и большинство крестьянскихъ, были отъ одного до трехъ дворовъ, т. е. представляли собою разбросанные хутора. Рядомъ съ этими поселеніями возникали другія, жители которыхъ, занимаясь хлѣбопашествомъ, въ то же время занимались удовлетвореніемъ разныхъ потребностей, выдвигавшихся общею жизнью края. Сюда относятся, напр., поселенія ямщиковъ. Устройство этихъ поселеній вызывалось необходимостью поддерживать сообщеніе по вновь пролагавшимся въ краѣ дорогамъ. До 1600 г. по Верхотурской дорогѣ изъ Россіи ямскую службу несли инородцы. Въ 1601 же году въ Верхотурье прибыло 50 семействъ ямщиковъ, которымъ на три года была дана льгота въ податяхъ, съ тѣмъ, чтобы они завели дворы и пашни. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было назначено денежное и хлѣбное жалованье. Но какъ только они обзавелись пашней,—хлѣбное жалованье было прекращено, а денежное уменьшено. Ямщики эти исполняли гоньбовую службу на 400 и 500 верстъ въ разныя стороны и отъ тягости ея скоро начали бѣгать. Въ 1624 г. за ямщиками числилось, однако, уже 16 деревень съ 34 дворами, а все вообще населеніе Верхотурскаго уѣзда распредѣлялось между горо-

домъ, двумя слободами и 149 деревнями, причемъ взрослыхъ мужчинъ всего насчитывалось 1,273 человѣка[1]).

Выше было указано, что въ первой половинѣ XVII вѣка главная масса сибирскихъ засельщиковъ происходила изъ сѣверной и сѣверо-восточной Россіи. Эти же мѣстности, повидимому, главнымъ образомъ поставляли людей для колонизаціи Сибири и во второй половинѣ XVII столѣтія. Помимо сравнительной близости ихъ къ Уралу и связи системы р. Оби, посредствомъ волоковъ, съ системами р.р. Двины и Камы, этому въ значительной степени способствовало распространеніе раскола именно въ указанныхъ мѣстностяхъ. Въ эти дикія мѣста, а затѣмъ отсюда въ Сибирь началось усиленное движеніе раскольниковъ послѣ строгаго указа Правительницы Софіи Алексѣевны 1684 г., грозившаго упорствующимъ въ расколѣ смертью на кострѣ. Насколько сильно было движеніе переселенцевъ изъ поморскихъ городовъ въ Сибирь можно судить по тому, что къ 1708 г. въ поморскихъ городахъ число дворовъ уменьшилось на двѣ трети противъ 71,000, переписанныхъ тамъ въ 1686 г. Бѣглые изъ этихъ городовъ однако шли не только въ Сибирь, но и на вольный Донъ. Въ 1714 г. Петръ Великій по поводу донесенія Архангельскаго губернатора, что во ввѣренной ему губерніи нельзя набрать достаточно рекрутъ, замѣтилъ, что «не всѣ же крестьяне ушли на Донъ и въ Сибирь». Подобная громадная убыль населенія въ поморскихъ городахъ за это время не должна поражать, такъ какъ бѣгство на окраины настолько сильно развилось въ послѣдней четверти XVII вѣка, что общее уменьшеніе податнаго населенія центральной Россіи въ эту эпоху вычисляется историками въ 20% [2]). Не слѣдуетъ однако преувеличивать абсолютный ростъ сибирской колонизаціи. Въ общемъ, занимая громадныя пространства, по преимуществу въ до-Ени-

---

[1]) Буцинскій, стр. 45.

[2]) Милюковъ, ч. I, стр. 26.

сейской части края, поселенія русскихъ являлись весьма рѣдкими и малочисленными. Стоитъ только припомнить, что максимумъ населенія Европейской Россіи въ XVII вѣкѣ врядъ ли превышалъ 16 милліоновъ, т. е. на квадратный километръ приходилось не болѣе 4 человѣкъ [1]). Слѣдовательно, самый фондъ для заселенія Сибири былъ крайне незначителенъ. Историкъ Сибири Словцовъ даетъ разсчетъ населенія этой окраины въ 1709 г., причемъ всего онъ насчитываетъ 229,227 душъ обоего пола всѣхъ состояній, кромѣ инородцевъ [2]). Откуда Словцовъ черпалъ свои данныя и насколько они вѣрны, въ настоящее время установить нельзя. Цифра эта относится ко всей Сибири, включая сюда и часть европейскаго Приуралья, еще не выдѣленную въ административномъ отношеніи отъ Азіатской Сибири. Количество же русскаго населенія собственно послѣдней къ 1710 г., вычисленное на основаніи сопоставленія числа рекрутъ съ общею численностью дворовъ, выставлявшихъ одного рекрута, даетъ цифру около 143,000 мужчинъ податнаго состоянія [3]).

Какъ указано было выше, заселеніе Сибири со времени Ермака и въ теченіе всего XVII столѣтія является результатомъ дѣйствія двухъ силъ: правительственной власти и самого народа, устремлявшагося, благодаря разнымъ причинамъ, изъ центра на окраину, причемъ главное значеніе въ дѣлѣ колонизаціи нельзя не признать за послѣдней силою. И само правительство въ своихъ мѣропріятіяхъ широко пользовалось тѣмъ матеріаломъ, который ему поставлялъ бѣжавшій въ Сибирь народъ, подъ личиною гулящаго человѣка, скрывавшій свое происхожденіе. Въ XVIII-же вѣкѣ вольная колонизація Сибири, какъ будто, сильно сокращается. При общемъ обзорѣ всѣхъ правительственныхъ колонизаціонныхъ начинаній этого времени нельзя не отмѣтить два

---

[1]) Тамъ же, стр. 27, 28.

[2]) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Спб. 1886, стр. 181.

[3]) Андріевичъ. Исторія Сибири ч. II. Спб. 1889, стр. 153.

бросающихся въ глаза явленія—новое населеніе въ краѣ является почти исключительно какъ послѣдствіе ссылки, и заселеніе новыхъ сибирскихъ мѣстностей, кромѣ какъ ссыльными, производится на счетъ разрѣженія сибирскаго же населенія, причемъ большую роль играютъ переписи. Послѣднія открываютъ массу лицъ, не записанныхъ ни въ одно изъ податныхъ состояній, и этимъ контингентомъ людей правительство по преимуществу располагаетъ для заселенія пустующихъ мѣстностей. Такимъ образомъ «гулящій человѣкъ» замѣняется такъ называемымъ «прописнымъ», т. е. уклоняющимся отъ несенія податей. Нѣтъ сомнѣнія, что значительная доля этого «прописнаго» населенія есть результатъ вольной народной колонизаціи, а именно бѣгства отъ крѣпостной зависимости и отъ рекрутчины, введенной Петромъ Великимъ. Какъ на особенность колонизаціонной политики Сибири начала XVIII вѣка слѣдуетъ указать на отсутствіе въ ней той систематичности, которая замѣчалась раньше.

Эпоха преобразованій русскаго государства въ Имперію требовала крайняго напряженія всѣхъ силъ русскаго народа, и на сибирское населеніе въ это время устанавливается взглядъ, какъ на составную часть всего народа. Малочисленные сибиряки должны участвовать въ удовлетвореніи всѣхъ назрѣвшихъ потребностей Имперіи, и поэтому на ряду съ колонизаціей Сибири въ теченіе первыхъ почти тридцати лѣтъ XVIII столѣтія здѣсь производится и разрѣженіе населенія посредствомъ рекрутскихъ наборовъ. Послѣдніе лишили Сибирь около 28,000 душъ навсегда. Но затѣмъ наборы эти обращаются уже для пополненія мѣстныхъ войскъ и усиленія контингента рабочихъ людей для разныхъ промышленныхъ предпріятій, по преимуществу для горнаго дѣла, и такимъ образомъ Сибирь перестаетъ испытывать уменьшеніе населенія искусственнымъ путемъ. При этомъ однако правительство, очевидно, связывая всѣ мѣры, клонившіяся къ обезпеченію Зауралья противъ степныхъ кочевниковъ, продолжаетъ пользоваться сибирскимъ населеніемъ для пополненія войскъ по укрѣпленнымъ линіямъ, вдвигавшимся въ южную Сибирь

съ запада. Такъ, еще въ 1739 г. состоялось распоряженіе о сборѣ съ каждыхъ 240 душъ сибирскихъ крестьянъ по одному для поселенія въ крѣпостяхъ, возведенныхъ по рѣкѣ Яику. Въ общемъ за все XVIII столѣтіе не замѣчается не только опредѣленнаго плана вольнаго заселенія Сибири, а напротивъ встрѣчаются отдѣльные промежутки времени, когда о колонизаціи Сибири какъ будто совсѣмъ забываютъ [1]). Въ этотъ періодъ осоое значеніе пріобрѣтаетъ ссылка.

Выше было указано, что ссылка, какъ наказаніе, впервые появляется въ русскомъ законодательствѣ съ изданіемъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, т. е. съ 1648—49 г.г. Но она пока еще не имѣетъ характера самостоятельнаго наказанія, а лишь сопровождаетъ другія [2]). Значительная суровость карательной системы Уложенія, на которое имѣло сильное вліяніе византійское законодательство, привело къ смягченію ея, рѣзко обозначившемуся въ изданныхъ въ 1669 г. Новоуказныхъ Статьяхъ о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ. Смягченіе это достигнуто замѣной во многихъ случаяхъ тюремнаго заключенія ссылкой въ Сибирь на житье [3]). Исчезая затѣмъ въ законодательствѣ Петра Великаго (Воинскій артикулъ), ссылка на житье, въ виду практической необходимости—недостатка въ мѣстахъ заключенія и въ людяхъ для заселенія окраинъ, по отдѣльнымъ указамъ, пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени значительное развитие [4]). Вмѣсто ссылки на житье Воинскій Уставъ вводитъ каторгу двоякаго рода, а именно: ссылку на галеры и на работы,—послѣднюю какъ дополненіе къ членовредительнымъ наказаніямъ. Направляя каторжныхъ во всѣ мѣста, гдѣ требовались рабочія руки для большихъ правительственныхъ сооруженій, правительство

---

[1]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской губ. т. II вып. 2, Москва 1890, стр. 8.

[2]) Латкинъ В. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права. Спб. 1890, стр. 177.

[3]) Тамъ же, стр. 190.

[4]) Фойницкій. Ученіе о наказаніи, стр. 267. Латкинъ, стр. 212.

пользовалось трудомъ каторжныхъ сначала въ Европейской Россіи (Рогервикъ, нынѣшній Балтійскій портъ—до 1767 г.), затѣмъ для построенія крѣпостей по Оренбургской линіи и развитія горнаго дѣла въ Сибири. Съ 60 годовъ XVIII столѣтія Сибирь уже дѣлается по преимуществу мѣстомъ стеченія каторжныхъ (Екатеринбургская каторга до 1800 г. и также Нерчинская), а въ концѣ этого столѣтія вся каторга мало по малу сосредоточивается въ Нерчинскомъ краѣ при тамошнихъ сребро-плавильныхъ заводахъ. Число ссыльныхъ въ Сибирь значительно увеличивается послѣ изданія Императрицею Елизаветой Петровною указовъ 1753—1754 г.г. о замѣнѣ смертной казни за обще-гражданскія преступленія политическою смертью съ ссылкой въ Сибирь навсегда. Эти же указы положили начало твердаго раздѣленія ссылки на принудительныя работы—каторгу, какъ послѣдствіе осужденія за преступленія, отъ ссылки, хотя бы и вѣчной, но не по суду, а какъ исполненіе рабочей повинности [1]). Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой происходитъ нѣкоторое колебаніе между ссылкою каторжныхъ на урочные годы и работою въ особыхъ домахъ, но затѣмъ практическая невозможность учредить необходимое количество названныхъ домовъ приводитъ къ изданію указа 1797 г. о направленіи всѣхъ присужденныхъ къ смертной казни въ каторгу на Нерчинскіе заводы, а осужденныхъ въ вѣчную ссылку—въ Иркутскъ [2]).

Произвести хотя бы приблизительный подсчетъ того количества населенія, которому Сибирь обязана ссылкѣ въ XVIII столѣтіи, не представляется никакой возможности, какъ въ виду крайней неаккуратности, которая господствовала въ теченіе всего этого періода по отношенію къ учету поступавшаго въ Сибирь ссыльнаго элемента, такъ и вслѣдствіе гибели большинства архивовъ, содержавшихъ необходимыя данныя.

Помимо сего нѣтъ возможности, за отсутствіемъ свѣдѣній,

---

[1]) Фойницк:й, стр. 270.

[2]) Тамъ же, стр. 271.

прослѣдить, кромѣ какъ по отдѣльнымъ случаямъ, какое практическое значеніе въ дѣлѣ заселенія извѣстныхъ мѣстностей Сибирской окраины имѣли указы XVIII столѣтія, направлявшіе опредѣленное количество ссыльныхъ въ спеціально отмѣченные пункты. Организація передвиженія ссыльныхъ всѣхъ категорій была поставлена такъ плохо, что въ пути, по разнымъ причинамъ, значительно сокращались партіи пересылаемыхъ. Эти партіи часто не доходили до мѣста, куда были отправлены, и получали съ пути новое назначеніе. Общее же громадное значеніе ссылки для колонизаціи Сибири выясняется уже при одномъ перечисленіи указовъ, касавшихся этого предмета.

Стрѣлецкій бунтъ при Петрѣ Великомъ въ 1704 г. закончился, сверхъ казней, раскассировкой стрѣлецкихъ полковъ, и множество стрѣльцовъ попало въ Сибирь. Также въ 1705 г. попали сюда астраханскіе стрѣльцы и казаки за бунтъ, поднятый за русскую старину. Стрѣльцовъ при Петрѣ Великомъ было сослано такъ много, что въ Сибири въ это время не существовало почти ни одного острога, въ которомъ бы ихъ не было. Ими между прочимъ основано нѣсколько селеній нынѣшней Иркутской губерніи Киренскаго и Балаганскаго округовъ [1]). Въ 1708 г. для большинства донскихъ казаковъ, участвовавшихъ въ Булавинскомъ бунтѣ, повѣшеніе было замѣнено ссылкою въ Сибирь. Въ 1711 г. высланы въ Сибирь изъ Казанской губ. за попытку къ бѣгству шведы, плѣненные во время войны съ Карломъ XII. Въ 1715 г. сосланы въ Сибирь Керженскіе раскольники. Въ 1729 г. состоялся законъ о ссылкѣ въ Сибирь тѣхъ бѣглыхъ и бродягъ, которыхъ помѣщики не пожелаютъ принять обратно. Въ слѣдующемъ году издано повелѣніе о ссылкѣ заграничныхъ бѣглецовъ въ Сибирь на казенныя работы. Въ 1733 г. велѣно ссылать сюда же виновныхъ въ дѣланіи золотыхъ и серебрянныхъ вещей ниже пробъ, поддѣлку ихъ и торговлю ими. Въ 1737 г. повелѣно

[1]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія Иркутской губерніи, стр. 10,

виновныхъ въ продажѣ, покупкѣ или отдачѣ въ рекруты завѣдомо для нихъ чужихъ людей и крестьянъ—годныхъ зачислять въ солдаты въ Оренбургъ, не годныхъ же ссылать на житье въ Охотскъ. Въ 1739 г. предписано ссылать въ Сибирь заводскихъ мастеровыхъ и рабочихъ людей за пьянство и игру въ кости и карты [1]).

Послѣднее распоряженіе имѣло, очевидно, въ виду преимущественно поддержку развивавшагося въ Сибири горнаго дѣла. Въ самомъ началѣ столѣтія—въ 1704 г. возникли сереброплавильные заводы въ Нерчинскомъ краѣ, а въ 1726 г. основаны Демидовымъ на Алтаѣ Колыванскіе мѣдноплавильные заводы; черезъ 20 лѣтъ въ Алтаѣ же были найдены богатѣйшіе серебрянные рудники (1744 г.), вызвавшіе постройку ряда заводовъ для плавки серебра. Потребность горныхъ заводовъ въ рабочихъ рукахъ имѣла огромное значеніе въ направленіи ссыльныхъ въ Сибирь, и, какъ указано будетъ ниже, эта потребность оказывала вліяніе и на перемѣщеніе сибирскаго населенія изъ одной мѣстности въ другую.

Въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія издается рядъ указовъ о направленіи преступниковъ на заводы. Такъ, въ 1735 г. повелѣно отправлять въ Сибирь на казенные заводы всѣхъ преступниковъ, приговариваемыхъ къ вѣчной ссылкѣ. Распоряженіе это повторено въ слѣдующемъ и въ 1737 годахъ [2]). На основаніи этихъ узаконеній колодники направлялись въ приуральскую Сибирь, на Алтай—съ 1747 г., когда Колыванскіе заводы перешли отъ Демидовыхъ къ Кабинету Его Императорскаго Величества, и въ Нерчинскій край. Посылка колодниковъ на Колыванскіе заводы отмѣнена въ 1762 г., но, повидимому, на практикѣ продолжалась до 1776 г., когда вновь состоялся законъ о прекращеніи перевода сюда такихъ людей.

Первое общее распоряженіе о направленіи преступниковъ

---

[1]) Пейзенъ Г. Историческій очеркъ колонизаціи Сибири (Современникъ за 1859 г. кн. IX стр. 18, 20).

[2]) Щегловъ, стр. 209, 216, 219.

изъ Россіи на Нерчинскіе заводы относится къ 1760 г., когда повелѣно отправлять для работъ и поселенія при этихъ заводахъ колодниковъ обоего пола, осужденныхъ къ ссылкѣ въ Рогервикъ и другія мѣста. Въ томъ же году опредѣлено ссылать на эти заводы солдатъ и матросовъ, неисправившихся послѣ троекратнаго наказанія шпицрутенами. Въ 1764 г. положено ссылать сюда раскольниковъ, которые не запишутся въ двойной раскольничій окладъ и не отстанутъ отъ намѣренія самосжигаться. Въ періодъ времени съ 1762 по 1769 г. совершается распредѣленіе преступниковъ между Рогервикомъ и Нерчинскомъ, въ зависимости отъ близости ихъ къ судамъ, постановившимъ приговоръ о ссылкѣ. Въ 1769 г. послѣ окончанія сооруженія Балтійскаго порта (Рогервикъ) повелѣно отсылать всѣхъ присужденныхъ къ смертной казни или къ вѣчной ссылкѣ на Нерчинскіе заводы. На эти заводы, вѣроятно, попадала и та часть осужденныхъ за корчемство, которая по закону 1766 г. должна была быть направляема въ Сибирь, (другую половину ихъ положено отсылать въ Оренбургъ). Затѣмъ временно, между 1773 и 1775 гг., прекращается препровожденіе колодниковъ на Нерчинскіе заводы, въ виду избытка ихъ здѣсь и крайней нужды въ рабочихъ на Оренбургской линіи, но въ 1775 же году Нерчинскіе заводы вновь дѣлаются главнымъ мѣстомъ ссылки каторжныхъ и осужденныхъ на вѣчное житье въ Сибири, и только незначительная часть такихъ лицъ попадаетъ въ Екатеринбургъ, гдѣ каторга упраздняется въ 1800 г.

Помимо узаконеній, касавшихся заселенія преступниками призаводскихъ мѣстностей, время отъ времени въ XVIII вѣкѣ встрѣчаются распоряженія о колонизаціи Сибири, какъ страны, по изобилію годныхъ для земледѣлія пространствъ, представляющей большія удобства для заселенія. Эти повелѣнія относятся однако уже ко второй половинѣ XVIII вѣка: таковы законы 1760 и 1799 гг. Второй, по существу, долженъ быть отнесенъ къ узаконеніямъ переходнаго времени отъ XVIII къ нынѣшнему столѣтію и потому будетъ разсмотрѣнъ при

*

обзорѣ колонизаціонныхъ мѣропріятій этого послѣдняго. Первое же узаконеніе — 1760 г. о пріемѣ въ Сибирь на поселеніе помѣщичьихъ, дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, купеческихъ и государственныхъ крестьянъ, съ зачетомъ ихъ за рекрутъ и о платежѣ изъ казны за отправляемыхъ при названныхъ крестьянахъ женъ и дѣтей обоего пола по опредѣленной таксѣ—имѣло большое вліяніе на увеличеніе вообще сибирскаго населенія, вслѣдствіе наплыва поселенцевъ. Этотъ видъ поселенцевъ получилъ особое названіе сосланныхъ «за продерзости». Указъ 1760 г. по существу предоставилъ всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, владѣвшимъ крестьянами, право удалять въ Сибирь всѣхъ крестьянъ, почему либо для нихъ неудобныхъ, и сдѣлался во многихъ случаяхъ для владѣльцевъ, благодаря недобросовѣстности пріемщиковъ, средствомъ избавляться отъ правильной рекрутчины, отнимавшей лучшихъ работниковъ, а также способомъ эксплоатаціи казны, путемъ сдачи неспособныхъ къ труду лицъ въ зачетъ рекрутъ и продажи ихъ семействъ. Преимущественно этого рода ссыльными были заселены въ 1761—1765 гг. мѣстности по Барабинской степи до Томска [1]). Значительное число ихъ попало въ нынѣшніе Селенгинскій и Нерчинскій уѣзды Забайкалья [2]). Указъ этотъ дѣйствовалъ до 1807 года. На ряду съ названнымъ закономъ, по значенію для колонизаціи Сибирской окраины, слѣдуетъ поставить узаконенія 1763 и 1764 гг. о сформированіи въ Сибири, для защиты этого края, пѣхотныхъ и конныхъ полковъ изъ вывозимыхъ изъ Польши бѣглыхъ русскихъ подданныхъ и о поселеніи тѣхъ изъ нихъ, которые не годны для военной службы въ Забайкальѣ для распространенія здѣсь хлѣбопашества. Эти бѣглые, получившіе въ Сибири общее прозвище «поляковъ», были раскольники, бѣжавшіе отъ преслѣдованія русскаго правительства на польскую окраину въ стародубскіе лѣса (нынѣ Черниговской губерніи) и на Вѣтку (нынѣ Могилевской губерніи). Кромѣ Селенгинскаго уѣзда (Забайкалье), куда по-

[1]) Пейзенъ. Историческій очеркъ колонизаціи Сибири стр. 24.

[2]) Матеріалы Коммисіи Статсъ-Секретаря Куломзина, вып. 5, стр. 20.

преимуществу направляли тѣхъ изъ нихъ, которые не попали въ упомянутые полки, и гдѣ ихъ въ 1775 г. вмѣстѣ съ крестьянами, сосланными за продерзости, насчитывалось до 1660 ревизскихъ душъ [1]), многіе изъ нихъ попали на Алтай [2]). Какъ селенгинскіе, такъ и алтайскіе крестьяне, происходящіе отъ этихъ раскольниковъ, представляютъ собою нынѣ самое зажиточное сельское населеніе Сибири и отличаются большими семействами, что вызвало и мѣстное прозваніе ихъ «семейскими».

Немаловажную заботу правительства составляло заселеніе мѣстностей близъ крѣпостныхъ линій, постепенно, какъ указано выше, вдвигавшихся въ степь. Участіе въ заселеніи ихъ принимало какъ ссыльное изъ Россіи населеніе, такъ и мѣстное сибирское. Во многихъ случаяхъ нельзя даже указать, какіе именно люди—россійскіе или сибирскіе были колонизаторами извѣстныхъ мѣстностей. Такъ, въ 1721 г. повелѣно заселить Ямышевскую крѣпость. Въ 1739 г., какъ было упомянуто, предписано поселить подъ Оренбургомъ и по р. Яику сибирскихъ людей по одному отъ 240 душъ. Въ 1760 г. состоялся указъ о заселеніи страны отъ р. Бухтармы до Телецкаго озера по рр. Удѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и другимъ, впадающимъ въ нихъ и въ р. Иртышъ, русскими—до 2000 человѣкъ. Указъ, изданный въ 1762 г., по поводу заселенія тѣхъ же мѣстностей ссыльными и лицами, поступающими въ Сибирь въ зачетъ рекрутъ, и дозволеніе 1762 г. селить отставныхъ нижнихъ чиновъ по Сибирской линіи—показываютъ насколько настойчиво правительство желало путемъ колонизаціи закрѣпить за Россіей названную мѣстность, но мѣропріятія эти, повидимому, имѣли мало успѣха, вслѣдствіе ожидавшейся на мѣстѣ войны съ Китаемъ [3]).

Заселенію Бухтармы, кажется, болѣе всего способствовали

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Голубевъ П. Алтай. Историко-статистическій сборникъ. Томскъ. 1890, стр. 329.

[3]) Пейзенъ, стр. 25.

бѣглые. Въ 1791 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прощеніи такъ называемыхъ «каменьщиковъ»—205 мужчинъ и 68 женщинъ, проживавшихъ въ 30 поселкахъ въ недоступной части Бухтарминскаго края въ горахъ. Эта мѣстность извѣстна была подъ именемъ Камня, и давно ходили слухи, что тамъ скрываются разные бѣглые: заводскіе мастеровые, солдаты, преступники и ссыльные. Какъ полагаютъ, заселеніе мѣстности началось въ половинѣ XVIII столѣтія вскорѣ послѣ постройки укрѣпленій отъ Кузнецка къ Бійску. «Каменьщики» жили смирно и лишь изрѣдка въ одиночку появлялись въ селеніяхъ округа алтайскихъ заводовъ доставать себѣ соль. Къ 80 годамъ столѣтія поисковыя заводскія партіи стали все ближе и ближе подходить къ Камню, и обитатели его изъ страха передъ русскимъ правительствомъ пытались въ 1786 г. поступить въ китайское подданство; когда же попытка эта кончилась неудачею, то они рѣшились въ 1790 г. объявить правительству о своемъ существованіи и были прощены [1]). Населеніе въ верхнемъ теченіи Иртыша въ концѣ прошлаго вѣка было настолько скудное, что въ 1796 г. состоялось новое повелѣніе о колонизаціи мѣстности отъ крѣпости Усть-Каменогорской до Бухтармы. Для усиленія войска по Сибирской линіи сюда ссылались въ разное время изъ Россіи безпокойные казаки. Такъ, въ 1760 г. сюда переведена часть донскихъ, а въ 1770 г. 150 запорожскихъ казаковъ.

Неустройство путей сообщенія въ Сибири, по которымъ крайне трудно было поддерживать движеніе въ виду безлюдія страны, побуждало правительство принимать мѣры къ заселенію прилегающихъ къ трактамъ мѣстностей. Сюда принадлежатъ распоряженія: 1761 г. о поселеніи ссыльныхъ за продерзости по дорогѣ между Нерчинскомъ и Иркутскомъ [2]), — 1763 г. о

---

[1]) Гагемейстеръ, Статистическое обозрѣніе Сибири. Спб. 1854, т. II. стр 55, 56.

[2]) Въ 1853 г. снова принятъ былъ рядъ мѣръ къ устройству поселеній при почтовыхъ станціяхъ по этому пути. Пейзенъ, стр. 26.

проложеніи новой дороги съ укрѣпленіемъ линіи къ Тобольску и устройства въ ней деревень,—1770 г. о поселеніи отправляемыхъ въ Сибирь колодниковъ отъ Тобольска до Нерчинска, — 1783 г. объ устройствѣ по тракту между Якутскомъ и Охотскомъ по 5 — 10 дворовъ на каждыхъ 20 — 25 верстахъ и—1796 г. о проведеніи и заселеніи ближайшаго пути отъ Иркутска до Кяхты, до сихъ поръ являющагося главнымъ мѣстомъ склада китайскихъ чаевъ, отправляемыхъ сухимъ путемъ въ Россію. Что касается заселенія тракта отъ Якутска къ Охотску, то, благодаря крайней суровости мѣстной природы, всѣ начинанія правительства оставались здѣсь безуспѣшными. Напротивъ того колонизація въ 1761—1765 г.г. ссыльными мѣстностей по тракту, идущему по Барабинской степи, дала блестящіе результаты.

Насколько Сибирь обязана въ XVIII столѣтіи своимъ заселеніемъ народу, шедшему сюда по собственному почину, сказать трудно. Условія жизни въ Россіи въ это время, при полномъ развитіи крѣпостнаго права, были настолько тяжелы, что бѣгство крестьянъ въ Сибирь составляло явленіе заурядное. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что и въ самой Россіи было много мѣстностей привольныхъ, и что во второй половинѣ столѣтія правительство до такой степени было занято заселеніемъ южныхъ владѣній, все расширявшихся за счетъ степей и въ 80 годахъ дошедшихъ до береговъ Чернаго моря, что привлекало сюда даже славянъ и нѣмцевъ и нашло возможнымъ открыть свободный доступъ сюда бѣглымъ русскимъ. Какъ бы то ни было, но бѣглыхъ въ Сибири было много, и это усматривается изъ цѣлаго ряда указовъ, въ общемъ требовавшихъ возвращенія бѣглецовъ на прежнія мѣста ихъ приписки или къ ихъ владѣльцамъ. Сюда относятся узаконенія 1725, 1734, 1759 и 1787 гг. Извѣстно, что въ 1723 г. заводчики Демидовы были оштрафованы за держаніе 150 бѣглыхъ рекрутъ [1]).

Послѣдній фактъ свидѣтельствуетъ, что бѣглымъ, при нуждѣ

[1]) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, стр. 220.

заводовъ въ рабочихъ, не трудно было тамъ укрываться. Само правительство отступало иногда отъ своей общей политики во вниманіе къ нуждѣ въ рабочихъ на горныхъ заводахъ, которымъ оно вообще сильно покровительствовало. Въ 1735 г. оно разрѣшаетъ впредь до указа не возвращать тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ и людей, которые уже положены при заводахъ въ подушный окладъ, но въ 1755 г. ставится слѣдующее ограниченіе: мастеровые и рабочіе люди, пришедшіе на сибирскіе какъ казенные, такъ и частные заводы, послѣ 1724 г., оставляются при заводахъ, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за этихъ людей, а остальные бѣглые въ опредѣленный срокъ высылаются съ заводовъ, подъ страхомъ штрафа. Дѣлались послабленія также въ цѣляхъ усиленія войскъ по Сибирской линіи. Такъ, въ 1744 г. повелѣно навсегда зачислить въ казачье званіе тѣхъ бѣглыхъ, которые уже успѣли къ тому времени записаться въ казаки. Наконецъ, слѣдуетъ предположить, что правительство различно относилось къ бѣглымъ изъ крестьянъ частно-владѣльческихъ и изъ государственныхъ. На это, кажется, указываетъ то, что въ 1759 г. для увеличенія населенія городовъ Иркутска и Нерчинска разрѣшено принимать въ цеховые черносошныхъ крестьянъ, зашедшихъ же туда помѣщичьихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ запрещено записывать въ это званіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что, помимо обнаруженныхъ бѣглыхъ, извѣстная часть послѣднихъ успѣвала скрывать свое происхожденіе и устраиваться такъ или иначе при крестьянскихъ обществахъ. Нѣкоторые изъ нихъ становились въ ряды плательщиковъ податей, другіе же въ качествѣ «прописныхъ»—т. е. скрывавшихся отъ ревизій, записывались въ сибирскіе крестьяне въ промежуткахъ между ними или при слѣдующей ревизіи. Вотъ почему въ указахъ XVIII столѣтія весьма часто «прописные» и бѣглые ставятся въ одинаковое положеніе.

При обзорѣ колонизаціи Сибири въ XVII столѣтіи было указано, что правительство постоянно пользовалось сибирскимъ же населеніемъ для заселенія новыхъ сибирскихъ мѣстностей.

Въ XVIII вѣкѣ продолжается та же политика, причемъ особенное вниманіе обращено на увеличеніе населенія при горныхъ заводахъ. Такимъ образомъ производится разрѣженіе населенія въ однѣхъ мѣстностяхъ для усиленія его въ другихъ. Такъ, въ 1749 г. издано повелѣніе селить на Алтайскихъ заводахъ всѣхъ явившихся послѣ ревизіи и присылаемыхъ отъ Сибирской губернской и прочихъ тамошнихъ канцелярій, а въ 1761 г. повелѣно для горныхъ работъ на Алтаѣ собрать въ Сибирской губерніи 1000 рекрутъ. Дѣло заселенія заводскихъ мѣстностей Алтая шло весьма быстро. Къ 1761 г. все алтайское населеніе составляло уже около 11,000 человѣкъ [1]). Еще большую заботу правительства составляетъ колонизація Нерчинскаго края. Уже въ 1697 г. отправлено изъ Тобольска въ Нерчинскъ 100 семей бѣглыхъ верхотурскихъ крестьянъ въ числѣ 626 душъ; (черезъ два года въ Нерчинскъ изъ этой партіи прибыло всего 423 человѣка). Черезъ 4 года послѣ основанія перваго Нерчинскаго сереброплавильнаго завода (1704), сюда переведено съ береговъ р. Енисея 104 крестьянскихъ семьи, въ 1710 г.—еще 78 семей изъ разныхъ мѣстъ Сибири, а въ 1722 г. повелѣно перевести туда же 300 семей изъ сибирскихъ пашенныхъ слободъ. Особенно увеличивается количество переселеній къ Нерчинскимъ заводамъ во второй половинѣ столѣтія. Въ 1756 г. повелѣно переселить сюда на свободныя мѣста, къ состоявшему тогда изъ 2132 душъ приписному населенію еще 2868 крестьянъ изъ Кузнецкаго, Томскаго и другихъ вѣдомствъ. Въ 1759 г. количество переселяемыхъ увеличено до 3960 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось 513 рекрутъ изъ Иркутской провинціи. Благодаря указаннымъ мѣрамъ, число нерчинскихъ заводскихъ крестьянъ было доведено къ переписи 1763 г. до 2026 душъ [2]). Помимо приселенія къ заводамъ людей изъ отдаленныхъ частей

---

[1]) Голубевъ. Алтай, стр. 328.

[2]) Матеріалы Коммисіи Статсъ-Секретаря Куломзина, вып. 5, стр. 16, 41—43.

Сибири, усиленіе заводскаго населенія достигалось такъ называемыми приписками, т. е. подчиненіемъ вѣдѣнію заводскаго начальства окрестныхъ жителей, дотолѣ отъ него независѣвшихъ. Подобная мѣра хотя и не можетъ быть причислена прямо къ колонизаціи края, тѣмъ не менѣе имѣла непосредственную съ нею связь и нерѣдко вызывала перемѣщеніе населенія ближе къ заводамъ и рудникамъ. Такъ, между прочимъ, было поступлено въ 1761 г. на Алтайскихъ заводахъ, къ которымъ отписано остальное, до тѣхъ поръ незаводское, населеніе Томскаго и Кузнецкаго уѣздовъ [1]). Приписка къ Нерчинскимъ заводамъ съ 1764 г. по 1775 г. постепенно захватила почти все гражданское населеніе Нерчинскаго края. Къ 1794 г. приписное здѣшнее населеніе достигло слишкомъ 14,500 ревизскихъ душъ [2]).

Останавливаясь на вопросѣ о порядкѣ передвиженія принудительно переселяемыхъ въ Сибирь людей и объ устройствѣ ихъ на мѣстѣ, необходимо замѣтить, что дѣло это было поставлено крайне неудовлетворительно. Въ общемъ, въ XVIII столѣтіи по отношеніи къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые предназначались для развитія земледѣлія, примѣнялась старая московская политика. Имъ отводились земли, выдавались сѣмена, покупались лошади и оказывалась помощь при первомъ хозяйственномъ обзаведеніи (указы 1762 и 1768 гг.); кромѣ того, они освобождались на нѣсколько лѣтъ отъ податей. Подобную же помощь предписывалось оказывать и другимъ новоселамъ, не ссыльнымъ (указъ 1763 г. объ устройствѣ деревень по новой дорогѣ отъ укрѣпленной линіи къ Тобольску). На практикѣ однако всѣ переселенцы, переводившіеся по распоряженію правительства, терпѣли большую нужду, благодаря страшному произволу сибирскихъ властей. Насколько силенъ былъ этотъ произволъ, можно судить уже потому, что, какъ засвидѣтельствовалъ графъ Сперанскій, бывшій въ 20 годахъ XIX

---

[1]) Голубевъ. Алтай, стр. 328.
[2]) Помянутые матеріалы, вып. 5, стр. 43, 44.

столѣтія Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, не было почти ни одного начальствовавшаго лица, которое не считало бы себя въ правѣ оставлять у себя ссыльныхъ изъ проходящихъ партій, вслѣдствіе чего не только не исполнялись судебные приговоры, но даже учетъ ссыльныхъ сдѣлался совершенно невозможнымъ [1]).

Опредѣлить такимъ образомъ количество людей принудительно переселяемыхъ въ XVIII столѣтіи изъ Россіи на Сибирскую окраину нѣтъ возможности. Нечего говорить, что итоги вольной колонизаціи края тоже не поддаются выясненію. Такимъ образомъ возможно только указать количество населенія Сибири къ концу разсматриваемаго столѣтія, насколько оно извѣстно по даннымъ ревизій, начавшихся при Петрѣ Великомъ и продолжавшихся до средины XIX вѣка.

По даннымъ Гагемейстера (Статистическое обозрѣніе Сибири т. II), составленнымъ согласно итогамъ шестой ревизіи, производившейся въ 1796—97 гг., и другимъ свѣдѣніямъ, въ до—Енисейской Сибири всего, считая инородцевъ, считалось 707,185 душъ обоего пола, изъ нихъ только русскихъ 575,756 душъ, мужскихъ же русскихъ 289,861. Въ этотъ счетъ не вошло городское населеніе. Распредѣленіе сельскаго населенія по мѣстностямъ до—Енисейской Сибири было крайне неравномѣрно: оно уменьшалось по мѣрѣ приближенія поселеній къ сѣверу и востоку. Если въ началѣ XVIII вѣка, за время до постройки Иртышской линіи съ крѣпостью Омскомъ, откуда на западъ къ Уралу потянулась цѣпь укрѣпленій, въ южной части западной Сибири было самое незначительное населеніе, то затѣмъ эти мѣстности оказались самыми населенными во всей Сибири. Въ 1797 г. въ уѣздахъ Ялуторовскомъ, Курганскомъ, Ишимскомъ, Тарскомъ, Томскомъ и Кузнецкомъ, по Гагемейстеру, насчитывалось 191,138 русскихъ м. п., въ среднемъ болѣе 30,000 человѣкъ на

[1]) Фойницкій. Ученіе о наказаніи, стр. 279.

уѣздъ; въ Тобольскомъ же, Туринскомъ и Тюменскомъ всего 45,135 душъ м. п., а въ уѣздахъ Березовскомъ, Сургутскомъ и Туруханскомъ только 721 ревизскихъ душъ; въ Семипалатинскомъ — 7,321, Нарымскомъ 1,822, Красноярскомъ 22,567 и Енисейскомъ 11,157 душъ мужскаго пола. Въ общемъ, по сравнительной густотѣ русскаго населенія, западная Сибирь приняла уже въ это время ту физіономію, которую имѣетъ и нынѣ.

По даннымъ составителя хронологическаго перечня важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири—Щеглова русское населеніе Сибири по 6-ой ревизіи (вѣроятно, ревизское, т. е. податное, мужскаго пола) составляло въ обѣихъ частяхъ края 553,766 человѣкъ, изъ которыхъ 443,544 приходилось на до-Енисейскую Сибирь, а остальные 110,222 на Иркутскую губернію (съ нынѣшнимъ Забайкальемъ) [1].

Насколько вѣрны приведенныя цифры, сказать трудно. Однако изъ этихъ данныхъ, казалось бы, можно сдѣлать одинъ общій вѣрный выводъ. Такъ, если принять численность русскаго населенія Сибири конца XVIII вѣка даже за 500,000 душъ обоего пола, если припомнить итогъ того же населенія къ концу XVII вѣка, вѣроятно, колебавшійся около 200,000, наконецъ, если обратить вниманіе на то, что большинство принудительно попавшихъ изъ Россіи въ Сибирь въ теченіе столѣтія лицъ были люди безсемейные и остались, очевидно, и въ Сибири безъ семьи, благодаря крайнему недостатку здѣсь русскихъ женщинъ, то значительный ростъ сибирскаго населенія за XVIII вѣкъ нельзя не приписать главнымъ образомъ колонизаціи страны пришлыми вольными элементами.

---

[1]) Щегловъ, стр. 82.

Глава II.

Колонизація Сибири съ начала XIX вѣка по 1861 г.

Въ теченіе перваго двадцатилѣтія XIX вѣка правительство удѣляло главное вниманіе тому вліянію, которое должна была оказать колонизація Сибири на поднятіе экономическаго благосостоянія этого далекаго и пустыннаго края, придавая сравнительно гораздо менѣе значенія интересамъ отдѣльныхъ переселяемыхъ имъ лицъ. Стремясь содѣйствовать развитію тѣхъ или другихъ мѣстныхъ промысловъ, а также облегчить сношенія между отдѣльными городами, правительство опредѣляло указами не только тѣ районы, въ которыхъ должны были возникнуть отдѣльныя поселенія, но также качественный и количественный составъ переселенцевъ.

Располагая довольно многочисленнымъ контингентомъ лицъ, для коихъ переходъ въ Сибирь носилъ характеръ карательной мѣры, а именно преступниковъ, ссылаемыхъ на поселеніе, правительство пользовалось этими лицами, какъ главнымъ колонизаціоннымъ элементомъ отдаленныхъ мѣстностей, представлявшихъ для государства какой либо интересъ въ промышленномъ или политическомъ отношеніи; къ этой категоріи поселенцевъ были присоединяемы, въ качествѣ колонизаторовъ края, и отдѣльныя лица, переселеніе коихъ въ Сибирь являлось однимъ изъ послѣдствій ихъ ограниченной правоспособности: сюда относятся крѣпостные крестьяне, отправленные помѣщиками въ Сибирь «за продерзость» въ зачетъ рекрутъ.

Такимъ образомъ правительственная колонизація Сибири имѣла въ теченіе перваго двадцатилѣтія XIX вѣка, какъ и въ XVIII столѣтіи, ясно выраженный принудительный характеръ, и ея исторія за это время близко совпадаетъ съ исторіей ссылки.

Изъ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣропріятій, касавшихся разсматриваемаго вопроса, въ хронологическомъ по-

рядкѣ, слѣдуетъ поставить на первое мѣсто указъ 1799 года о заселеніи Забайкалья. Узаконеніе это представляетъ существенный интересъ для исторіи колонизаціи Сибири какъ потому, что примѣненіе этого указа и изданныхъ въ дополненіе къ нему правилъ свидѣтельствовало о той настойчивости, которую правительство проявляло въ дѣлѣ заселенія Сибири, такъ и въ виду того, что достигнутые вышеупомянутымъ указомъ отрицательные результаты подготовили почву для новаго теченія въ законодательствѣ, основаннаго на сознаніи тѣхъ невыгодъ, къ которымъ приводило стремленіе заселять тотъ или другой раіонъ Сибири—элементами опороченными или же болѣе или менѣе безправыми.

Ближайшимъ поводомъ къ изданію указа 1799 г. послужило стремленіе правительства положить начало заселенію «полуденнаго края Сибири, прилежащаго къ границамъ Китайскимъ». Усматривая, что край этотъ, «одаренный отъ природы какъ плодотворнымъ кряжемъ земли, такъ и благорастворенным климатомъ, населенъ мало и не приноситъ той пользы, каковую бы Государство отъ него получить долженствовало», правительство имѣло въ виду переселить сюда выходцевъ изъ внутренней Россіи, при посредствѣ которыхъ явилась бы возможность распространить за Байкаломъ земледѣліе и скотоводство, а также завести впослѣдствіи суконныя и юфтовыя фабрики, въ видахъ развитія торговли съ Китаемъ. Группы лицъ, предназначенныхъ къ поселенію, состояли изъ добровольно переселявшихся отставныхъ солдатъ и принудительно ссылаемыхъ преступниковъ (за исключеніемъ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ), и крѣпостныхъ людей, отдаваемыхъ помѣщиками въ зачетъ рекрутъ; въ составъ этой послѣдней группы могли входить лишь лица моложе 45 лѣтъ, причемъ женатыхъ запрещалось разлучать съ женами. Общее число поселенцевъ должно было быть доведено до 10.000 человѣкъ, изъ коихъ на первое время предназначалось водворить на новыхъ мѣстахъ лишь 2.000 человѣкъ. Отставныхъ солдатъ при поселеніи предписывалось имено-

вать «государственными поселянами», а преступниковъ—ссыльными, съ предоставленіемъ имъ права, по истеченіи 10 лѣтняго срока «порядочной» жизни, переходить въ разрядъ государственныхъ крестьянъ.

При водвореніи всѣхъ этихъ лицъ въ Сибири, имѣли быть образованы селенія въ составѣ не свыше 100 дворовъ каждое, причемъ государственныхъ поселянъ повелѣвалось разселять ближе къ границѣ, а ссыльныхъ внутри края; норма душеваго надѣла была опредѣлена въ 30 десятинъ. Всѣмъ поселенцамъ имѣли быть предоставлены льготы, заключавшіяся въ снабженіи ихъ сельскохозяйственными орудіями, сѣменами, скотомъ и запасомъ хлѣба на $1^1/_2$ года и въ освобожденіи ихъ на 10 лѣтъ отъ всякихъ податей. Кромѣ того, на первое время предписывалось построить на счетъ казны до 2.000 домовъ, взамѣнъ каковой льготы первые 2.000 новоселовъ были обязаны «въ свободное время отъ полевыхъ работъ» строить дома для послѣдующихъ переселенцевъ [1]. Впредь до окончательнаго устройства селеній о бытѣ новоселовъ должны были заботиться особые «надзиратели надежные, попечительные и знающіе въ сельскомъ хозяйствѣ», по назначенію мѣстнаго губернскаго начальства. Высшій надзоръ надъ выполненіемъ всѣхъ предписаній былъ возложенъ на Сенатъ, которому поручалось принять мѣры, чтобы поселенцы при водвореніи «ни въ чемъ недостатку не имѣли». На расходы по устройству первыхъ поселеній на 2.000 душъ было ассигновано около 100.000 руб.

---

[1]) Слухи о льготахъ, предоставляемыхъ переселенцамъ, направлявшимся въ Забайкалье, получили въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такое распространеніе, что въ 1803 г. крестьяне далекаго Александровскаго уѣзда Кавказской губерніи изъявили упорное желаніе переселиться въ Иркутскую губернію на Китайскую границу. Крестьяне эти, какъ было объяснено въ указѣ, данномъ въ 1803 г. на имя Генералъ-Губернатора Селифонтова, «за всѣми убѣжденіями, какія употреблены были, чтобы отклонить ихъ отъ сего труднаго перехода, остались непреклонными», и по переселеніи въ Сибирь были водворены въ нынѣшнемъ Читинскомъ округѣ Забайкальской области.

Трудность исполненія указа 1799 г. въ полномъ его объемѣ стала ощущаться мѣстными губернскими властями непосредственно послѣ изданія его. Затрудненія эти были вызваны прежде всего отсутствіемъ какой бы то ни было организаціи въ самомъ процессѣ передвиженія тѣхъ лицъ, изъ которыхъ предполагалось составить контингентъ забайкальскихъ поселенцевъ. Такъ, напримѣръ, при отправленіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибирь помѣщики, вопреки требованію указа 1799 г., въ большинствѣ случаевъ не снабжали ихъ кормовыми средствами въ достаточномъ количествѣ; многіе изъ переселенцевъ, по донесенію Сибирскаго Генералъ-Губернатора Селифонтова, во время пути вынуждены были питаться подаяніемъ, были одѣты въ рубища и по прибытіи на мѣсто водворенія не получали «ни малѣйшаго со стороны правительства призрѣнія». Обстоятельства эти и были причиной того, что «предпріятіе о заселеніи полуденнаго края Сибири, вмѣсто чаемой отъ него пользы, обращалось въ сущую пагубу посылаемыхъ туда людей [1])».

Подобный результатъ правительственныхъ заботъ о заселеніи Забайкалья вскорѣ вызвалъ со стороны Сената принятіе мѣръ, клонившихся къ значительному видоизмѣненію первоначальныхъ предположеній. Указомъ 29 Января 1802 г. было признано необходимымъ пріостановить высылку помѣщичьихъ крестьянъ, ссылаемыхъ «за продерзости» впредь до указа, и задержать въ Тобольской губерніи находящихся уже въ пути переселенцевъ, размѣстивъ ихъ работниками по деревнямъ старожиловъ впредь до приготовленія имъ мѣстъ къ поселенію за Байкаломъ.

Столь же неудовлетворительно производилась пересылка и другихъ группъ поселенцевъ, о которыхъ упоминалъ указъ 1799 г., именно преступниковъ и отставныхъ солдатъ. Доне-

---

[1]) Докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, приложенный къ Именному указу 29 Іюня 1806 г. о заселеніи Сибири (Полное Собраніе Законовъ, № ~~29189~~). 22189

сеніемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабы, посланнаго въ 1802 г. Сенатомъ «для удостовѣренія въ способахъ пересылки и обзаведенія переселенцевъ» было выяснено, что переселенцы эти, стекавшіеся на сибирскій трактъ изъ разныхъ губерній, были настолько перемѣшаны между собою, что особенно часто въ случаяхъ утраты документовъ, представлялось затруднительнымъ опредѣлить ихъ званіе и происхожденіе; вслѣдствіе безпорядковъ въ пересылкѣ переселенцевъ было невозможно вести счетъ ни людямъ, ни затрачиваемымъ денежнымъ суммамъ. Крайняя небрежность въ обращеніи съ поселенческими партіями сопровождавшихъ ихъ воинскихъ командъ или даже мѣстныхъ обывателей приводила къ значительному усиленію смертности и къ развитію различныхъ болѣзней; послѣднему обстоятельству не мало способствовало и чрезмѣрное изнуреніе переселенцевъ вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи. Въ частности Лабою были удостовѣрены случаи прямаго нарушенія требованій указа 1799 г., выразившіеся, напримѣръ въ принудительной отсылкѣ отставныхъ солдатъ въ Забайкалье.

Еще болѣе затруднительнымъ для администраціи оказалось соблюденіе правилъ указа 1799 г., касавшихся водворенія переселенцевъ. Изъ числа земельныхъ участковъ, зачисленныхъ для водворенія послѣднихъ за Байкаломъ, нѣкоторые оказались совершенно непригодными для заселенія, и Лабѣ удалось освободить для переселенцевъ запасъ въ 105.700 дес. плодородной земли лишь по соглашенію съ главнымъ тайшею Хоринскихъ бурятъ, занимавшихъ эти земли. Общіе результаты дѣятельности мѣстныхъ властей по водворенію переселенцевъ сводились къ тому, что за Байкаломъ къ 1805 г. были водворены лишь 610 душъ; для остальныхъ же переселенцевъ, еще не было заготовлено ни помѣщеній, ни провіанта. Такимъ образомъ, вслѣдствіе выяснившейся невозможности направить всѣхъ поселенцевъ за Байкалъ согласно правиламъ 1799 г., послѣдующему законодательству оставалось лишь закрѣпить фактически установившійся порядокъ посредствомъ урегули-

рованія быта переселенцевъ, осѣдавшихъ, кромѣ Забайкалья, по пути къ нему—въ губерніяхъ Тобольской, Томской и Иркутской (въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ). Въ этомъ направленіи и было составлено въ 1806 г. новое «Положеніе для поселеній въ Сибири».

Положеніе это имѣло въ виду прежде всего облегчить правильный порядокъ водворенія поселенцевъ, поручивъ всѣ заботы о послѣднихъ начальникамъ сибирскихъ губерній—Тобольской, Томской и Иркутской.

Обязанности губернаторовъ заключались въ наблюденіи за правильною пересылкою поселенцевъ на назначенныя для нихъ мѣста и за своевременнымъ заготовленіемъ всего необходимаго для первоначальнаго обзаведенія поселенцевъ, какъ-то: строительнаго матеріала, скота, хлѣбныхъ запасовъ, сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ для посѣва. Въ предѣлахъ этихъ полномочій губернаторамъ предоставлялась полная свобода дѣйствій; не связанные «никакими канцелярскими формами», они были обязаны отчетностью лишь Сибирскому Генералъ-Губернатору, отвѣтствуя за всякіе безпорядки и упущенія, могущіе возникнуть при водвореніи переселенцевъ.

Далѣе, въ положеніи 1806 г. былъ подробно разсмотрѣнъ вопросъ о распредѣленіи поселенцевъ по отдѣльнымъ раіонамъ сибирскихъ губерній.

На поселеніе за Байкалъ постановлялось обратить 2,000 человѣкъ, въ число которыхъ входили: 1) всѣ крестьяне, уже принятые отъ помѣщиковъ въ зачетъ рекрутъ, за исключеніемъ уже назначенныхъ къ водворенію въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, а равно и осѣвшихъ уже по сю сторону Байкала, 2) пребывающіе въ Иркутской губерніи отставные солдаты, по ихъ желанію, и 3) преступники, прибывшіе въ Иркутскую губернію и имѣвшіе впредь быть отправляемы туда на поселеніе, съ исключеніемъ изъ нихъ лицъ «надежнѣйшаго поведенія», коихъ слѣдовало водворять въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи. Всѣ перечисленныя лица должны были быть поселяемы предпочтительно на земляхъ, избранныхъ Лабою.

Кромѣ Забайкалья, положеніе 1806 г. опредѣляло въ числѣ раіоновъ для колонизаціи и часть Иркутской губерніи по сю сторону Байкала (Нижнеудинскій уѣздъ и мѣстности, расположенныя близъ Большаго тракта), а также и тѣ части Тобольской и Томской губерній, въ которыхъ уже осѣли лица, предназначенныя къ поселенію въ Забайкальѣ. На ряду съ вышеизложенными правилами о разселеніи переселенцевъ и о предоставляемыхъ имъ льготахъ, положеніе 1806 года заключало въ себѣ попытку распредѣленія переселенцевъ на группы, въ зависимости отъ ихъ занятій на родинѣ, а также отъ вѣроисповѣдныхъ различій. Къ поселенію на свободныхъ земляхъ были предназначены преимущественно люди «къ хлѣбопашеству способные»; поселенцевъ же, обученныхъ какому либо ремеслу, предписывалось, по возможности, селить въ городахъ, съ оказаніемъ имъ пособій по усмотрѣнію губернатора. Евреевъ и цыганъ, какъ «нигдѣ прочно не водворяющихся», слѣдовало причислять въ городахъ въ разрядъ мѣщанъ. Относительно уроженцевъ Польскихъ и Остзейскихъ губерній положеніе устанавливало, чтобы люди эти, какъ принадлежащіе почти исключительно къ католическому или лютеранскому вѣроисповѣданіямъ, были распредѣлены въ селеніяхъ, по возможности обособленныхъ для каждаго вѣроисповѣданія.

Наконецъ, положеніе 1806 г. содержало нѣкоторыя правила, касавшіяся урегулированія добровольнаго переселенія въ Сибирь государственныхъ крестьянъ. Въ виду имѣвшагося въ Томской губерніи значительнаго запаса пустопорожнихъ удобныхъ земель, крестьянамъ изъ внутреннихъ губерній, испытывающимъ недостатокъ въ земельномъ довольствіи, была дана возможность водворенія въ означенной губерніи съ предоставленіемъ имъ денежныхъ пособій и пятилѣтней льготы отъ всѣхъ податей и повинностей, кромѣ рекрутской. Водворенію этихъ добровольныхъ переселенцевъ должно было, однако, предшествовать приведеніе въ извѣстность всего числа крестьянъ, могущихъ быть принятыми на томъ или другомъ участкѣ свободной земли. При разселеніи этихъ крестьянъ,

предписывалось не смѣшивать ихъ съ остальными поселенцами съ цѣлью сохранить единообразіе въ порядкѣ выдачи тѣмъ и другимъ ссудъ и взиманія долговъ, а также и въ виду различія въ правовомъ положеніи ихъ.

При обсужденіи значенія всѣхъ вышеизложенныхъ правилъ положенія 1806 г. слѣдуетъ имѣть въ виду, что многимъ изъ этихъ правилъ суждено было оставаться также неисполненными, какъ и предписаніямъ указа 1799 г. Мѣстныя губернскія власти, даже при полномъ желаніи слѣдовать указаніямъ закона, встрѣчались съ весьма серьезными затрудненіями при водвореніи переселенцевъ въ виду хаотическаго состоянія землевладѣнія старожилаго населенія и вслѣдствіе полнаго отсутствія свѣдѣній объ естественныхъ свойствахъ тѣхъ земель, которыя могли быть отведены переселенцамъ; къ этому слѣдуетъ присоединить и полную неподготовленность мѣстныхъ административныхъ органовъ къ выполненію совершенно новыхъ для нихъ колонизаціонныхъ задачъ. Сравнительно наиболѣе успѣшною въ этомъ отношеніи была дѣятельность Томскаго губернатора Хвостова, при управленіи котораго, въ теченіе трехъ лѣтъ было водворено во ввѣренной ему губерніи до 3,200 семействъ; въ число этихъ лицъ входили, кромѣ поселенцевъ, первоначально направленныхъ въ Забайкалье, еще и крестьяне, переходившіе въ Сибирь по своему желанію; лица эти, повидимому, уже черезъ нѣсколько лѣтъ оказались въ состояніи приступить къ отбыванію повинностей и къ возмѣщенію своихъ долговъ казнѣ [1]). Перечисленіе государственныхъ крестьянъ изъ Европейской Россіи въ Томскую губернію продолжалось, однако, лишь до 1812 года, когда состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта о пріостановленіи переселенія крестьянъ изъ одной губерніи въ другую (кромѣ Новороссійскаго края) впредь до приведенія въ извѣстность земель, могущихъ быть отведенными переселенцамъ [2]).

Менѣе благопріятными были результаты правительственной

---

[1]) Вагинъ. Жизнь и дѣятельность графа Сперанскаго, часть I, стр. 25.

[2]) I П. С. З. № 25150.

колонизаціи въ Иркутской губерніи. Хотя уже къ 1810 году здѣсь было водворено болѣе 6,000 душъ, но прочному устройству переселенцевъ препятствовали неурожаи, начавшіеся съ 1811 года и продолжавшіеся шесть лѣтъ. Мѣстное губернское начальство было вынуждено прекратить отправленіе переселенцевъ за Байкалъ, отпустить многихъ изъ нихъ на работы къ старожиламъ и выдать потомъ вторичную ссуду хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вторично подвергнутъ разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о подтвержденіи всѣхъ льготъ, дарованныхъ переселенцамъ въ силу указа 1799 года, каковой вопросъ и былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1817 году [1]).

Несмотря, однако, на дарованіе этихъ льготъ, поднятію благосостоянія иркутскихъ поселенцевъ препятствовали часто недобросовѣстныя дѣйствія низшихъ административныхъ органовъ при устройствѣ новыхъ поселеній. Особую извѣстность пріобрѣлъ нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ, завѣдывавшій «казенными поселеніями» до ревизіи Сперанскаго (1819 г.), своими стремленіями подчинить хозяйственный бытъ поселенцевъ самой мелочной регламентаціи, сопровождавшейся суровыми наказаніями за всякое отклоненіе отъ заведеннаго имъ порядка. Подобная дѣятельность Лоскутова и была одной изъ главныхъ причинъ того, что часть устроенныхъ селеній уже въ началѣ 20-хъ годовъ почти совершенно опустѣла [2]); такъ, въ 62 казенныхъ поселеніяхъ Иркутской губерніи было водворено 10,074 чел. мужскаго пола, а уже въ 1817 году на лицо состояло лишь 7,572 чел.

Изложенныя выше правила положенія 1806 г. о заселеніи Сибири представляютъ по своему содержанію довольно близкое сходство съ особыми узаконеніями, преслѣдовавшими цѣли колонизаціи сѣверныхъ окраинъ азіатскихъ владѣній Россіи. Такъ, въ 1811 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе

---

[1]) I П. С. З. № 27042.

[2]) Ядринцевъ. Колонизаціонное значеніе русской ссылки. «Дѣло» 1872, № 12, стр. 1—34.

Государственнаго Совѣта о переселеніи 360 семействъ въ Туруханскій уѣздъ Томской губерніи, [1]) въ виду необходимости содержать почтовыя станціи для перевозки чиновниковъ, ѣздившихъ для сбора ясака и по другимъ надобностямъ. На переселеніе это было предписано назначить: а) изъ Томской губерніи всѣхъ лицъ, опредѣляемыхъ къ ссылкѣ въ Иркутскую губернію, кромѣ предназначенныхъ къ каторгѣ, и б) всѣхъ желающихъ изъ числа людей, отсылаемыхъ изъ внутреннихъ губерній за Байкалъ. Люди эти должны были быть выбираемы изъ числа «здоровыхъ и не старыхъ» поселенцевъ, причемъ холостыхъ повелѣвалось женить на ссылаемыхъ преступницахъ. Всѣ водворяемые въ Туруханскомъ краѣ имѣли быть освобождаемы отъ уплаты податей на 6 лѣтъ, а отъ рекрутской повинности навсегда, съ предоставленіемъ имъ денежныхъ пособій въ размѣрѣ 25—50 р., возвращаемыхъ по частямъ въ теченіе 15 лѣтъ. Поселенцамъ было также даровано исключительное право на ловлю рыбы и звѣрей въ мѣстахъ ихъ водворенія. Кромѣ мѣропріятій по заселенію Туруханскаго края, въ томъ же 1811 г. были изданы правила объ устройствѣ зимовій по тракту между Якутскомъ и Охотскомъ. [2]) Поселенцы должны были быть набраны изъ числа лицъ, «впадающихъ въ неважныя преступленія и удаляемыхъ по суду изъ своихъ жилищъ», въ числѣ 64 семействъ русскихъ и якутовъ, и сверхъ того еще 175 человѣкъ, неспособныхъ къ отбыванію каторжныхъ работъ.

Примѣненіе обоихъ указовъ 1811 года дало на практикѣ далеко не удовлетворительные результаты. Желающихъ поселиться въ Туруханскомъ уѣздѣ не нашлось вовсе, не смотря на предложенія, сдѣланныя мѣстными властями, и къ заселенію этого края были обращены одни лишь ссыльные. Посельщики основали отдѣльныя зимовья. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій всѣ сдѣланныя ими по-

---

[1]) I. П. С. З. № 24737.

[2]) I. П. С. З. № 24803а).

пытки обратиться къ земледѣльческому труду оказались безуспѣшными, и въ 1823 г. правительство, въ виду стѣсненнаго положенія ихъ, было вынуждено освободить поселенцевъ на неопредѣленное время отъ уплаты подушной и оброчной податей [1]).

Неудачный исходъ этихъ колонизаціонныхъ мѣропріятій зависѣлъ не только отъ причинъ чисто мѣстнаго свойства, какъ суровость климата и дороговизна жизненныхъ средствъ, но и отъ того обстоятельства, что при водвореніи поселенцевъ вовсе не принимались въ соображеніе условія экономическаго быта этихъ лицъ на родинѣ. Если присоединить къ этому и крайне неудовлетворительную организацію доставки ссыльныхъ въ Сибирь, а также и небрежное отношеніе низшихъ административныхъ органовъ къ надзору за водвореніемъ ссыльныхъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, насколько трудно было для поселенцевъ ассимилироваться съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ 1818 г. одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей сибирской жизни начала настоящаго столѣтія Григ. Спасскій, писалъ: «хотя посельщики, съ нѣкотораго времени ссылаемые за преступленія въ Сибирь и отъ помѣщиковъ въ зачетъ рекрутъ, по минованіи трехлѣтней льготы, поступаютъ наравнѣ съ старожилами въ сословіе крестьянъ, но они весьма далеки отъ сихъ послѣднихъ какъ въ образѣ жизни, такъ и въ нравахъ» («Сибирскій вѣстникъ» 1818 года).

Изъ законодательныхъ постановленій начала настоящаго столѣтія, касавшихся ссылки въ Сибирь, слѣдуетъ отмѣтить: [1]) указъ 1812 года объ отправленіи въ Сибирь къ сосланнымъ на поселеніе женъ и дѣтей ихъ по дозволенію мірскихъ обществъ [2]) и 2) указъ 1814 года объ отсылкѣ помѣщичьихъ крестьянъ за порубку лѣсовъ на поселеніе въ Сибирь въ случаѣ негодности ихъ въ рекруты [3]).

---

[1]) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 12 Февраля 1823 г. (I. П. С. З. № 29311).

[2]) I. П. С. З. № ~~24238~~. 25238

[3]) I. П. С. З. № 25581.

Въ началѣ 20-хъ годовъ XIX столѣтія вопросъ объ упорядоченіи пересылки въ Сибирь лицъ, ссылаемыхъ за преступленія, былъ поставленъ въ ближайшую связь съ стремленіемъ законодателя придать всей сибирской ссылкѣ такую постановку, которая совмѣщала бы исправительный характеръ ссылки съ возможностью достиженія и нѣкоторыхъ колонизаціонныхъ результатовъ. Въ такомъ направленіи этотъ вопросъ былъ разработанъ въ «Уставѣ о ссыльныхъ», изданномъ въ 1822 году по инціативѣ и при ближайшемъ участіи Сибирскаго Генералъ-Губернатора Сперанскаго. Заключая въ себѣ подробныя указанія относительно пересылки ссыльныхъ этотъ уставъ узаконилъ постепенно сложившуюся двойственность сибирской ссылки,—отправленія на каторжныя работы и на поселеніе, и подраздѣлилъ весь контингентъ ссылаемыхъ на поселеніе на нѣсколько разрядовъ, а именно: 1) временныхъ заводскихъ рабочихъ, 2)дорожныхъ работниковъ, назначаемыхъ въ вѣдомство сухопутныхъ сношеній, 3)ремесленныхъ работниковъ, поступающихъ въ ремесленные дома, и 4) собственно поселенцевъ, которыхъ, въ свою очередь, должно было распредѣлять на двѣ группы: на поступающихъ въ казенныя селенія, устраиваемыя въ малонаселенныхъ мѣстахъ для удобства сношеній, и на лицъ, расселяемыхъ по деревнямъ старожиловъ. Поселенцы первой категоріи, находясь въ вѣдѣніи губернскихъ экспедицій о ссыльныхъ, были обязаны заниматься земледѣльческими работами и должны были получать отъ казны земельные надѣлы, дома, земледѣльческія орудія, а также денежныя ссуды; по истеченіи трехлѣтняго срока ихъ надлежало зачислять въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Что касается поселенцевъ, не назначаемыхъ въ казенныя поселенія, то губернскимъ правленіямъ слѣдовало ихъ распредѣлять по волостямъ, обязывая ихъ водворяться собственнымъ трудомъ въ теченіе пятилѣтняго срока и оставляя ихъ все это время подъ строгимъ надзоромъ, послѣ чего ихъ надлежало переводить въ крестьяне съ трехлѣтнею льготою отъ рекрутской повинности.

Вліяніе, оказанное уставомъ 1822 г. на общую организацію сибирской ссылки, выразилось въ нѣкоторомъ упорядоченіи процесса передвиженія ссыльныхъ [1]); что же касается до тѣхъ статей устава, которыя относились къ колонизаціонному значенію ссылки, то большинство изъ этихъ постановленій устава раздѣлили участь указа 1799 г. и послѣдовавшихъ за нимъ узаконеній какъ потому, что соблюденіе требованій устава со стороны низшихъ административныхъ органовъ далеко не было обезпечено достаточными гарантіями, такъ и въ виду того, что принудительный характеръ занятій, къ которымъ предписывалось обращать поселенцевъ, въ большинствѣ случаевъ служилъ главнымъ препятствіемъ къ успѣху всѣхъ начинаній правительства.

Независимо отъ этого, неудача мѣропріятій Сперанскаго зависѣла отъ того, что они были разсчитаны на незначительное число ссыльныхъ, ежегодный притокъ которыхъ, по предположенію Сперанскаго, не долженъ былъ превышать 1,000 человѣкъ. Между тѣмъ такое положеніе дѣлъ измѣнилось уже вскорѣ послѣ изданія устава о ссыльныхъ; подъ вліяніемъ указа 1823 года, запрещавшаго принимать въ военную службу бродягъ [2]), число ежегодно ссылаемыхъ въ Сибирь возросло въ три раза, достигнувъ въ 1834 году даже 11,500 человѣкъ. «Учрежденія, разсчитанныя на несравненно меньшее число, оказались не въ силахъ удовлетворить наросшимъ потребностямъ. Иркутская суконная фабрика стала недостаточною для занятія всѣхъ назначаемыхъ на нее работами; число лицъ, желавшихъ поступить во служеніе, превышало спросъ на нихъ, и надзоръ за ними былъ весьма слабъ; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что приписка къ селеніямъ старожиловъ шла неуспѣшно, такъ какъ ссыльнымъ отводились земли, неудобныя къ обработкѣ [3])». Столь же неудовлетворительными были и попытки устройства особыхъ поселеній для ссыльныхъ на основаніи правилъ новаго устава

---

[1]) Баронъ Корфъ. Біографія Графа Сперанскаго. 1861. Т. II, стр. 234.

[2]) I. П. С. З. № 29328.

[3]) Фойницкій. Ученіе о наказаніи. 1886. 1-ое изданіе, стр. 226.

1822 г. Еще въ 1827 г. Сибирскимъ Комитетомъ было разрѣшено мѣстной администрации выстроить въ Енисейской губерніи 22 деревни для помѣщенія въ нихъ около 6,000 ссыльныхъ, на водвореніе которыхъ была ассигнована сумма въ 479.000 р. Въ 1829 году была начата постройка казенныхъ поселеній, въ которыхъ были помѣщены преимущественно бродяги, бѣглые крѣпостные и штрафные солдаты [1]). Несмотря, однако на то, что лица эти были водворены въ удобной для земледѣлія мѣстности, заселеніе подвигалось весьма медленно, и многіе изъ ссыльныхъ, принудительно обращаемые въ земледѣльцевъ, убѣгали изъ поселеній. Если нѣкоторые изъ этихъ поселеній и достигли впослѣдствіи благосостоянія, то это произошло уже послѣ того, какъ обитатели этихъ поселеній были сравнены по своему положенію съ крестьянами (въ 1842 году). Такую же судьбу имѣли и казенныя поселенія, основанныя въ Иркутской губерніи [2]).

Затруднительность устройства ссыльныхъ, число которыхъ за періодъ 1823—1862 гг. превысило 356,000 чел., зависило отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить неравномѣрное отношеніе между полами среди прибывавшихъ партій, и уклоненіе мѣстнаго населенія отъ сближенія съ ссыльными и заключенія съ ними браковъ. Стремленія правительства пріобщить ссыльныхъ къ обще-гражданской жизни края выразилось въ рядѣ мѣропріятій, не приведшихъ однако къ какимъ либо результатамъ; сюда относится, напримѣръ, данное въ 1825 году разрѣшеніе покупать или вымѣнивать дѣтей женскаго пола отъ сопредѣльныхъ къ Сибири кочующихъ народовъ [3]), а также практиковавшіяся въ отдѣльныхъ случаяхъ въ теченіе 30-хъ годовъ выдачи денежныхъ пособій семьямъ старожиловъ за согласіе принимать въ домъ ссыльныхъ мужчинъ, въ качествѣ родственниковъ (150 р.), а

---

[1]) Гагемейстеръ. Статистическое обозрѣніе Сибири 1852 г. т. 2 ст. 114; Матеріалы для изслѣдованія землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній, т. IV, вып. 2, стр. 22—28.

[2]) Матеріалы, т. II, вып., 2, стр. 33—35.

[3]) I. П. С. З. № 30224.

также и самимъ женщинамъ, соглашавшимся вступать въ бракъ съ ссыльными (50 р.).

Жалобы мѣстной администраціи на неудовлетворительное положеніе ссыльныхъ въ Сибири и на невозможность помочь дѣлу, вслѣдствіе постепеннаго возрастанія числа ссылаемыхъ, обратила на себя вниманіе Императора Николая I, положившаго въ 1835 году на рапортѣ Томскаго губернатора резолюцію: «разсмотрѣть, нѣтъ ли возможности вовсе прекратить ссылку въ Сибирь на поселеніе, оставя сіе для однихъ каторжныхъ [1])».

Обнародованное въ 1845 г. «Уложеніе о наказаніяхъ» значительно упорядочило ссылку, какъ мѣру карательнаго характера, и прибавило къ существовавщимъ уже двумъ ея видамъ— ссылки на каторгу и на поселеніе,—ссылку на житье, имѣвшую въ противоположность первымъ двумъ видамъ ссылки— характеръ исправительнаго наказанія. Изъ всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь лицъ сосланные на каторгу были направляемы на работы на Нерчинскіе горные заводы, а сосланные на поселеніе водворялись, смотря по тяжести преступленія, въ Западной или Восточной Сибири въ 1859 г.; ссылка такихъ лицъ въ Западную Сибирь была прекращена. [2]).

Кромѣ лицъ, ссылаемыхъ по суду, въ Сибирь были направляемы и ссыльные административные, которые состояли изъ двухъ главныхъ категорій: 1) помѣщичьихъ крестьянъ, отправляемыхъ въ Сибирь за предосудительное поведеніе въ зачетъ рекрутъ и 2) мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ, удаляемыхъ изъ обществъ за проступки, предоставляемыхъ въ распоряженіе губернскаго начальства и переселяемыхъ въ другія губерніи. Принудительныя переселенія крѣпостныхъ крестьянъ, запрещенныя закономъ въ 1810 г. были вновь разрѣшены въ 1822 году [3]), хотя и не давали особеннаго численнаго контингента ссыльныхъ; за десятилѣтіе 1823—1833 число крестьянъ, сосланныхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ

---

[1]) Фойницкій. Ученіе о наказаніи. 1889. 2-е изданіе, стр. 288—289.

[2]) 2. П. С. З. № 34614.

[3]) I. П. С. З. №№ 25170, 28954 и 29507.

составило 1,283 чел. обоего пола [1]); въ 1831—1851 г.г. помѣщиками было сослано въ Сибирь за дурное поведеніе до 6,886 человѣкъ [2]).

Что касается до права мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ удалять изъ своей среды членовъ порочнаго поведенія, «за всѣми принятыми мѣрами остающихся неисправимыми», то это право было признано за названными обществами еще въ 1-омъ изданіи Свода Законовъ. [3]) Число крестьянъ, высланныхъ по приговорамъ мірскихъ обществъ, опредѣлялось въ 30-хъ и 40-хъ годахъ свыше 6,000 человѣкъ [4]).

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ колонизаціоннаго значенія Сибирской ссылки въ первую половину настоящаго столѣтія, надлежитъ имѣть въ виду, что въ этотъ періодъ постепенно выяснилось противорѣчіе между развитіемъ этой ссылки и интересами свободнаго населенія края; въ зависимости отъ этого стало быстро падать и значеніе самой ссылки для увеличенія численности сибирскаго населенія, игравшее важную роль въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ свидѣтельствуетъ уже сохранившіяся отъ этого времени указанія на то, что вліяніе ссыльнаго элемента на приростъ населенія было весьма слабымъ [5]).

Наконецъ, среди массы безсемейныхъ ссыльныхъ, принудительно обращаемыхъ къ занятіямъ, зачастую вовсе не соотвѣтствовавшихъ ихъ прежнему образу жизни, стали развиваться побѣги и бродяжничество, внушавшія мѣстной администраціи серьезныя опасенія въ виду развращающаго

---

[1]) А. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. Т. IV, стр. 317.

[2]) Максимовъ. Сибирь и каторга. 2 изданіе 1891 г., стр. 341—342.

[3]) Т. XIV Уставъ о предупрежденіи и пересѣченіи преступленій ст. 254—255. Въ 1837 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы семейныя лица этой категоріи были ссылаемы въ Сибирь не иначе, какъ съ женами и малолѣтними дѣтьми. (2 П. С. З. № 10344).

[4]) Максимовъ. Назв. соч. Стр. 341, примѣчаніе.

[5]) Напр., въ 40-хъ годахъ въ Тобольской губерніи на 400 сосланныхъ лицъ приходился лишь одинъ ссыльный, обзаводившійся семействомъ. (Фойницкій. Ученіе о наказаніи. 1889, 2 изданіе).

вліянія ссыльныхъ на крестьянское населеніе и вслѣдствіе чисто полицейскихъ соображеній побуждавшія правительство совершенно не допускать водворенія ссыльныхъ въ нѣкоторыхъ обширныхъ раіонахъ, какъ, напр., на Кабинетскихъ земляхъ Алтайскаго горнаго округа и въ Степномъ краѣ [1]).

Невозможность полагать въ основу колонизаціи Сибири ссыльный элементъ сознавалась и творцомъ «Устава о ссыльныхъ» Сперанскимъ, и если названный уставъ, какъ было выяснено выше, ставилъ колонизаціонное значеніе сибирской ссылки въ ближайшую зависимость отъ карательнаго характера послѣдней, то Сперанскимъ было обращено вниманіе и на организацію добровольныхъ переселеній въ Сибирь. Въ докладной запискѣ, представленной по этому вопросу въ 1821 г. въ Сибирскій Комитетъ, Сперанскій указывалъ на двоякую выгоду для государства отъ добровольныхъ переселеній крестьянъ въ Сибирь, заключающуюся какъ въ возможности «заселять этотъ пустынный малолюдный край», такъ и въ доставленіи крестьянамъ «обитающимъ въ губерніяхъ, скудныхъ землями, потребнаго изобилія». Признавая необходимымъ возстановить дѣйствіе § 12 положенія 1806 г., разрѣшавшаго водвореніе въ Томской губерніи добровольныхъ переселенцевъ изъ кре-

---

[1]) 2. П. С. З. № 237. Изъ представителей другихъ общественныхъ группъ, которыми правительство не признавало желательнымъ пользоваться для колонизаціи уже вообще Сибири, слѣдуетъ назвать евреевъ. Уже въ 1827 г. былъ изданъ указъ о недозволеніи евреямъ слѣдовать въ Сибирь за женами ихъ, ссылаемыми туда на поселеніе (2. П. С. З. № 1434). Добровольное переселеніе евреевъ въ Сибирь было разрѣшаемо лишь въ теченіе 1836 г. за каковое время въ Сибирь перешло около 1,200 семействъ ихъ. Разрѣшеніе евреямъ переселенія въ Сибирь съ отводомъ имъ 15 дес. на душу, послѣдовавшее 12 Ноября 1835 г., мотивировалось соображеніемъ о недостаточномъ количествѣ казенныхъ земель для надѣленія ихъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ имъ было предоставлено право постояннаго жительства (въ силу Выс. утв., 13 Апрѣля 1835 г., положенія о евреяхъ). Однако вскорѣ же послѣ изданія означеннаго закона переселеніе евреевъ въ сибирскія губерніи было признано нежелательнымъ, и уже въ началѣ 1837 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о пріостановленіи таковаго (Дѣло Архива Министерства Земл. и Госуд. Им. 1835 № 1609. Ср. Дуровъ. «Очеркъ колонизаціи Сибири»).

стьянъ малоземельныхъ губерній, Сибирскій Генералъ-Губернаторъ приводилъ въ пользу такого соображенія нижеслѣдующіе доводы: Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 1812 г. о недозволеніи крестьянамъ переселяться изъ одной губерніи въ другую было распространено администраціею на Сибирь лишь по недоразумѣнію, и представлялось бы неправильнымъ предположить, чтобы правительство запрещало добровольное переселеніе въ Сибирь въ то время, когда казна издерживала значительныя суммы на увеличеніе народонаселенія этого края; равнымъ образомъ отсутствіе межеванія земель въ Сибири не слѣдовало бы считать препятствіемъ къ переселенію уже потому, что приведеніе въ извѣстность всѣхъ земель въ Сибири потребуетъ продолжительнаго времени, между тѣмъ занятіе переселенцами пустопорожнихъ участковъ удобной земли не только не обусловило бы никакихъ стѣсненій для старожиловъ, но доставило бы имъ существенную пользу, облегчивъ для нихъ отбываніе повинностей. Наконецъ, по мнѣнію Сперанскаго, правительственныя мѣропріятія по заселенію Сибири не могли бы быть успѣшными, если бы они ограничились водвореніемъ въ этой странѣ лишь ссыльныхъ. Вслѣдствіе весьма незначительнаго числа женщинъ, составлявшихъ не болѣе десятой части всѣхъ ежегодно ссылаемыхъ лицъ, и съ другой стороны въ виду крайне затрудненнаго для ссыльныхъ сближенія съ семействами старожиловъ, ежегодно могли быть водворяемы въ Сибири лишь нѣсколько сотъ семей; при этомъ остальные поселенцы, оставаясь, по словамъ Сперанскаго, «въ работникахъ и ведя вообще холостую жизнь, рѣдко оставляютъ по себѣ потомство». Кромѣ этихъ соображеній принципіальнаго характера, Сибирскій Генералъ-Губернаторъ указывалъ и на наблюдавшееся среди крестьянъ нѣкоторыхъ губерній Европейской Россіи стремленіе переселяться въ Сибирь, гдѣ они ожидали найти бо́льшій земельный просторъ, чѣмъ на родинѣ. Подобное стремленіе замѣчалось даже въ предѣлахъ сибирскихъ губерній, гдѣ крестьяне проявляли склонность къ пере-

движенію изъ Тобольской губерніи въ Томскую. До 1812 г. были перечислены въ послѣдне-названную губернію болѣе 700 душъ изъ губерній Пермской и Тобольской; кромѣ того, въ Томскую казенную палату были представлены прошенія отъ 1,156 человѣкъ, оставшіяся неудовлетворенными вслѣдствіе послѣдовавшаго въ 1812 г. запрещенія крестьянскихъ переселеній. Наконецъ, Сибирскій Генералъ-Губернаторъ указывалъ въ своей докладной запискѣ и на то обстоятельство, что при проѣздѣ его въ 1819 г. черезъ Пермскую губернію многіе крестьяне, по недостатку земель, просили о разрѣшеніи имъ переселенія въ Сибирь [1]).

Представленіе Сперанскаго было разсмотрѣно въ концѣ 1821 г. въ Сибирскомъ Комитетѣ, и 10 Апрѣля 1822 г. послѣдовалъ Именной указъ Императора Александра I Правительствующему Сенату о разрѣшеніи казеннымъ крестьянамъ всѣхъ губерній переселенія въ Сибирь и о дарованіи таковаго же права и сибирскимъ старожиламъ въ предѣлахъ сибирскихъ губерній. Согласно п.п. 2—5 указа, крестьяне, желавшіе переселиться въ Сибирь, были обязаны представлять въ казенную палату, коей они были подвѣдомствены, удостовѣренія объ увольненіи ихъ отъ мірскихъ обществъ, причемъ разрѣшенія на переселеніе могли быть выдаваемы палатою лишь по уплатѣ крестьянами всѣхъ причитающихся съ нихъ недоимокъ.

Предварительно переселенія мірскимъ обществамъ было предоставлено отправлять въ сибирскія губерніи повѣренныхъ для выбора удобныхъ для водворенія мѣстъ; по прибытіи же въ Сибирь переселенцы могли или причисляться къ деревнямъ старожиловъ, по полученіи письменнаго согласія послѣднихъ, или же основывать новыя поселенія на пустопорожнихъ земляхъ; въ послѣднемъ случаѣ новоселы должны были получать разрѣшеніе на водвореніе отъ казенныхъ палатъ, съ утвержденія гражданскихъ губернаторовъ. § 8 указа содер-

[1]) Дѣло Архива Сибирскаго Комитета за 1822 г. по IV отд., № 4.

жалъ, однако, ограниченіе, что переселенцами не должны быть занимаемы земли, находящіяся въ пользованіи кочевыхъ инородцевъ.

Изданіе вышеизложеннаго указа 1822 г. имѣло весьма существенное значеніе въ исторіи заселенія Сибири уже въ томъ отношеніи, что указъ этотъ служилъ выразителемъ зарождавшагося въ законодательствѣ новаго направленія, характеризовавшагося стремленіемъ предоставить бóльшій земельный просторъ по крайней мѣрѣ той части населенія внутреннихъ губерній, которая въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ не была связана личною зависимостью отъ помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ этимъ изданіе указа 1822 г. вызвало перемѣну въ воззрѣніяхъ центральнаго управленія, отвлекая вниманіе правительственныхъ органовъ отъ ссыльной колонизаціи и поставивъ на первый планъ заботы о выясненіи размѣровъ земельной площади, которая могла бы быть отведена выходцамъ изъ государственныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній.

Поводомъ къ начавшейся по послѣднему вопросу перепискѣ между органами центральнаго управленія и сибирскою администраціею служили поступавшія уже въ 1822—1823 г.г. въ Министерство Финансовъ донесенія казенныхъ палатъ нѣкоторыхъ губерній о ходатайствахъ государственныхъ крестьянъ о разрѣшеніи имъ переселяться въ Сибирь на земли, назначаемыя имъ правительствомъ, не прибѣгая при этомъ къ отяготительной для нихъ посылкѣ повѣренныхъ для осмотра земель [1]).

---

[1]) Хотя указъ 1822 г. и не содержалъ никакихъ правилъ о выдачѣ переселенцамъ ссудъ или объ оказаніи имъ со стороны правительства какихъ либо льготъ при водвореніи на новыхъ мѣстахъ, но самый фактъ разрѣшенія переселенія въ Сибирь, повидимому, получилъ среди крестьянъ широкую огласку; стремленіе къ переходу въ Сибирь стало обнаруживаться уже въ годъ изданія указа и притомъ среди населенія такихъ губерній, эмиграція изъ коихъ не входила въ виды правительства. Въ концѣ 1822 г. Министромъ Финансовъ было получено донесеніе отъ Херсонской казенной палаты о прошеніяхъ, поданныхъ казенными поселянами Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній, желавшими переселиться въ Сибирь, причемъ число лицъ, для коихъ испрашивалось разрѣ-

Вслѣдствіе подобныхъ заявленій Министромъ Финансовъ въ 1823 г. было предписано казеннымъ палатамъ 4-хъ сибирскихъ губерній (Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской)—избравъ, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ и соображеніямъ, извѣстныя имъ (т. е. палатамъ) свободныя и удобныя къ хлѣбопашеству и земледѣлію земли, доставить свѣдѣнія: 1) о количествѣ десятинъ, хотя бы примѣрно, заключающемся въ каждомъ отдѣльномъ участкѣ такихъ земель, съ показаніемъ въ томъ числѣ лѣсныхъ и другихъ угодій, съ точнымъ обозначеніемъ уѣздовъ, близъ лежащихъ селеній и рѣкъ и съ приложеніемъ, по возможности, плановъ и 2) о всѣхъ многоземельныхъ селеніяхъ, съ показаніемъ числа казенныхъ крестьянъ, могущихъ быть въ нихъ водворенными [1]). Истребованныя свѣдѣнія были доставлены казенными палатами въ теченіе 1823—25 гг. и основывались частью на данныхъ старыхъ плановъ, сохранившихся отъ прежнихъ межевыхъ работъ, частью же на вычисленіяхъ, произведенныхъ по самому приблизительному расчету «безъ мѣры» губернскими землемѣрами, которымъ былъ порученъ казенными палатами осмотръ пустопорожнихъ земель. Вслѣдствіе крайней недостаточности и неточности плановыхъ данныхъ, а также спѣшности работы, подобныя вычисленія губернскихъ землемѣровъ во многихъ случаяхъ были совершенно произвольными. Въ виду столь неудовлетворительнаго характера свѣдѣній, представленныхъ въ Министерство Финан-

шеніе, достигало въ одной лишь Херсонской губерніи около 2,000 душъ обоего пола. Возможность подобной эмиграціи изъ Новороссійскаго края—къ заселенію котораго правительство уже приняло до того времени рядъ мѣръ—возбуждала среди мѣстныхъ властей опасенія, что выходъ крестьянъ «уменьшитъ очень еще малое народонаселеніе и обратитъ въ дикость степи, обработываемыя весьма недостаточно». Въ виду подобныхъ соображеній въ 1823 г. состоялся Именной указъ Императора Александра I Правительствующему Сенату о нераспространеніи правилъ 1822 г. о переселеніи въ Сибирь на губерніи Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую.

[1]) Дѣло Архива Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 1823 г. № 980а, по Деп. Гос. Им.

совъ, со стороны послѣдняго въ 1828 г. былъ сдѣланъ вторичный запросъ казеннымъ палатамъ сибирскихъ губерній, который привелъ, однако, къ столь же мало благопріятнымъ результатамъ, что и побудило Генералъ-Губернатора Западной Сибири Вельяминова сообщить Министру Финансовъ, что «при всемъ пространствѣ Сибири нѣтъ возможности съ достовѣрностью указать такихъ участковъ, на которыхъ можно было бы безъ предварительнаго осмотра оныхъ поселить крестьянъ [1])».

Между тѣмъ предварительная высылка повѣренныхъ представлялась для крестьянъ весьма затруднительной, вслѣдствіе отсутствія правительственнаго содѣйствія такимъ «ходокамъ» и въ виду дороговизны пути; это обстоятельство, въ связи съ стремленіемъ крестьянъ обойти требованія указа 1822 г. объ уплатѣ передъ уходомъ въ Сибирь, причитающихся съ нихъ недоимокъ, обусловливало учащеніе случаевъ самовольныхъ переселеній. При крайней скудости сохранившихся до настоящаго времени данныхъ о размѣрахъ такихъ переселеній можно, тѣмъ не менѣе, заключить о частыхъ случаяхъ несоблюденія требованій закона со стороны выселявшихся крестьяхъ уже потому, что въ 1830 г. сенатскимъ указомъ было подтверждено казеннымъ палатамъ Западной Сибири точно придерживаться правилъ указа 1822 г., допуская водвореніе переселенцевъ лишь при условіи, «если повѣренные, присланные ими для выбора земель съ именными списками всѣхъ желающихъ переселиться, пріискавъ земли, испросятъ на приселеніе къ деревнямъ согласіе на то старожилъ, а для водворенія на пустопорожнихъ земляхъ дозволеніе сибирскихъ казенныхъ палатъ, и объ ономъ сіи палаты увѣдомятъ таковыя же внутреннихъ россійскихъ губерній [2])».

Кромѣ случаевъ самовольнаго ухода крестьянъ въ Сибирь

[1]) Дѣло того-же Архива, 1829 г. № 1051 по I Деп.

[2]) 2 П. С. З. № 3883.

уже въ концѣ 20-хъ годовъ имѣлись указанія и на случаи обратныхъ переселеній изъ сибирскихъ губерній. Причины подобныхъ переселеній заключались отчасти въ крайней затруднительности для нѣкоторыхъ новоселовъ приспособиться къ непривычнымъ для нихъ условіямъ жизни въ Сибири, отчасти же въ не всегда успѣшной дѣятельности казенныхъ палатъ по водворенію переселенцевъ.

Довольно частыми были, повидимому, случаи возвращенія крестьянъ въ Оренбургскую губернію изъ Омской области. По вѣдомости, составленной въ 1835 г. Омской казенной экспедиціей, изъ числа 4,847 душъ, переселившихся съ 1824 по 1834 г., возвратилось въ Оренбургскую губернію 1,564 чел., причемъ поводомъ къ такому обратному выселенію крестьянъ служили, главнымъ образомъ, земельные споры, возникавшіе между новоселами и казаками Сибирскаго линейнаго войска. Для «отвращенія крестьянъ отъ подобныхъ переходовъ, служащихъ къ обремененію ихъ самихъ и ихъ собратій», Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири Вельяминовъ въ 1830 г. предписалъ подвѣдомственной ему Омской казенной экспедиціи водворять переселенцевъ немедленно по ихъ прибытіи, съ отводомъ имъ надлежащаго количества земли и наблюдая притомъ, чтобы выдача имъ узаконенныхъ видовъ на отлучку для заработковъ была производима не ранѣе ихъ дѣйствительнаго водворенія; самовольные переходы слѣдовало «воспрещать подъ опасеніемъ возвращенія на прежнія мѣста [1])».

Изъ приведенныхъ свѣдѣній о переселеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ Сибирь въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія можно заключить, что переселенія эти,—въ сколь-бы ограниченныхъ размѣрахъ они ни происходили,—оставались въ значительной степени внѣ воздѣйствія правительства [2]). По-

---

[1]) Дѣло того же Архива 1828 г. № 1098.

[2]) Что касается до переходовъ въ Сибирь бѣглыхъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, то данныя, относящіяся къ этому вопросу, представляются для первой половины XIX вѣка весьма скудными и отрывочными; при невозможности, въ виду этого, получить опредѣленное понятіе о числѣ такихъ бѣглыхъ, поселив-

*

слѣднее обстоятельство отчасти объясняется тѣмъ, что общій ходъ колонизаціи Сибири стоялъ внѣ всякой связи съ предпринятыми сибирскою администраціею работами по межеванію казенныхъ земель [1]).

снова выдвинутъ на очередь Сперанскимъ, по порученію котораго былъ шихся въ Сибири, представлялось бы вполнѣ правильнымъ предположить, что побѣги крѣпостныхъ въ Сибирь въ указанный періодъ времени далеко не отличались той интенсивностью, которая характеризовала ихъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ; въ пользу этого соображенія говоритъ и то обстоятельство, что законодательство первой половины XIX вѣка какъ бы игнорируетъ побѣги помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь. Уменьшеніе побѣговъ послѣднихъ въ эту страну стояло, повидимому, въ связи съ тѣмъ, что значительное большинство бѣглыхъ крестьянъ направлялось въ это время въ менѣе далекій Новороссійскій край (Ср. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. 1884. Т. II.).

[1]) Общіе результаты межевыхъ работъ, начавшихся въ Сибири еще въ XVIII столѣтіи, представлялись крайне неудовлетворительными по ихъ технической постановкѣ, которая, въ свою очередь зависѣла какъ отъ низкаго образовательнаго уровня межевыхъ чиновъ, такъ и отъ далеко недостаточнаго числа землемѣровъ, а равно и отъ отсутствія какого бы то ни было контроля надъ дѣятельностью послѣднихъ. Результатовъ межевыхъ работъ, произведенныхъ чинами Тобольскаго корпуса геодезистовъ, учрежденнаго въ 1714 г., а также и Иркутскаго корпуса, образованнаго въ 1719 г., не представлялось возможнымъ выяснить уже въ концѣ прошлаго столѣтія. Съ учрежденіемъ въ Сибири губерній, межевыя дѣйствія въ краѣ были возложены на губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, которые и приступили къ измѣренію отдѣльныхъ участковъ—въ Тобольской губерніи съ 1793 г., а въ Иркутской—съ 1783 г. Въ 1803 г. Сибирскій Генералъ-Губернаторъ Селифонтовъ затребовалъ отъ Тобольскаго и Иркутскаго губернаторовъ свѣдѣнія о положеніи межевыхъ работъ, причемъ обнаружилось, что представленные землемѣрами чертежи и вѣдомости «оказались несоотвѣтствующими той цѣли, которая начально была предположена». Въ 1806 г., почти одновременно съ изданіемъ «Положенія для поселеній въ Сибири», Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявилъ Генералъ-Губернатору Высочайшее повелѣніе о приведеніи въ извѣстность земель, могущихъ быть предназначенными: 1) для поселенія казенныхъ крестьянъ, 2) для казенныхъ заведеній, 3) для кочующихъ народовъ и ихъ звѣриной ловли и 4) для раздачи частнымъ лицамъ подъ хозяйственныя заведенія. Хотя истребованныя данныя и были представлены Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ Пестелемъ въ 1810 г., но они не могли имѣть никакого практическаго значенія уже потому, что въ число свободныхъ земель по большей части были включаемы не обитаемые и совершенно неизслѣдованные районы. (Дѣло Архива Сибирскаго Комитета 1822 г. № 5 по IV отд.).

Въ началѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія вопросъ о приведеніи въ извѣстность земель Сибири и объ улучшеніи межевой части въ краѣ былъ

Сознавая всю недостаточность вышеизложенныхъ частныхъ предписаній для регулированія переселеній, правительство уже въ 30-хъ годахъ приступило къ выработкѣ систематическихъ правилъ заселенія Сибири государственными крестьянами изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи. Въ докладной запискѣ, представленной по этому вопросу въ 1834 году Императору Николаю I Министромъ Финансовъ гр. Канкринымъ, высказывались соображенія о необходимости направить движеніе переселенцевъ изъ малоземельныхъ губерній въ Сибирь предпочтительно передъ губерніямиСаратовской и Оренбургской, въ коихъ оказывалось уже недостаточное количество удобныхъ для заселенія земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министръ полагалъ весьма полезнымъ, въ виду неудовлетворительнаго характера прежнихъ свѣдѣній о свободныхъ земляхъ въ Сибири, командировать туда особаго чиновника, «который бы, обозрѣвъ мѣста, собралъ ближайшія свѣдѣнія о тѣхъ, на коихъ можно начать водвореніе казенныхъ крестьянъ, и совокупно съ мѣстными начальствами придумалъ средства и правила удобнѣй-

---

составленъ проектъ, разсмотрѣнный и дополненный въ особомъ Комитетѣ. Согласно этому проекту, предполагалось ограничиться измѣреніемъ земель, пригодныхъ къ земледѣльческой культурѣ и расположенныхъ между южной границей Сибири и 60° сѣверной широты, причемъ наиболѣе населенную часть этой полосы имѣлось въ виду «снять или обозрѣть съ приличною подробностью, другую же описать только въ общемъ видѣ». Для производства означенныхъ работъ предположено было образовать особую экспедицію въ составѣ 15 чиновъ, имѣвшихъ окончить межеваніе въ теченіе 33-лѣтняго срока. Изложенныя соображенія не были, однако, примѣнены на практикѣ, въ виду состоявшагося въ 1826 г. Высочайшаго повелѣнія о пріостановленіи измѣренія сибирскихъ земель «до того времени, пока позволятъ приступить къ тому финансы». Въ 1831 г. вопросъ о необходимости общаго размежеванія означенныхъ земель былъ снова разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ Сибирскимъ Комитетомъ, причемъ на журналѣ Комитета Императоромъ Николаемъ I была сдѣлана приписка: «при семъ поставить на отвѣтственность Генералъ-Губернатора бдительно наблюдать за ходомъ сего дѣла, дабы не могло возникнуть жалобъ на притѣсненіе». (Дѣло Архива Сибирскаго Комитета 1822 г. № 79 по IV отд.). Во исполненіе этого постановленія Сибирскаго Комитета обмежеваніе земель было возложено на мѣстныхъ землемѣровъ, штатъ которыхъ въ 1834 г. былъ нѣсколько увеличенъ. (Ср. также выписки изъ дѣлъ Сибирскаго Комитета о межеваніи земель въ Сибири въ приложеніяхъ къ изданію «Сибирскія окраины» С. Прутченко. 1899, стр. 272—305).

шаго туда переселенія». Выборъ правительства палъ на состоявшаго при Министерствѣ Финансовъ д. с. с. Завелейскаго, который при отправленіи въ концѣ 1835 г. въ Сибирь былъ снабженъ особой инструкціей, заключавшей въ себѣ общія предположенія гр. Канкрина относительно порядка переселенія крестьянъ, а также и ихъ водворенія въ Сибири. Завелейскому поручалось послѣ личнаго осмотра пустопорожнихъ земель Западной Сибири (со включеніемъ Енисейской губ.) образовать, по соглашенію съ гражданскими губернаторами, переселенческіе участки, вмѣстимостью въ среднемъ по 3.000 дес. (при надѣлѣ по 30 дес. на душу). Для размежеванія этихъ участковъ въ 1835 году къ Завелейскому были прикомандированы 4 землемѣра, а въ Іюнѣ того же года обязанности этихъ лицъ были переданы особой 1/4 роты топографовъ, сформированной по силѣ Высочайше утвержденнаго доклада Военнаго Министра. Въ теченіе 1835—36 г.г. Завелейскимъ были осмотрѣны нѣкоторые пустопорожніе участки въ Тобольской и Томской губерніяхъ и въ Январѣ 1837 г. онъ уже доносилъ Министру Финансовъ о начавшемся межеваніи ихъ, сообщая при этомъ, что на основаніи всѣхъ собранныхъ свѣдѣній представлялось бы возможнымъ размѣстить на свободныхъ земляхъ Западной Сибири до 712,000 переселенцевъ, а въ Енисейской губерніи до 237,000 человѣкъ, изъ числа коихъ на первое время слѣдовало бы ограничиться водвореніемъ 57 тысячъ душъ въ Западной Сибири и 18 тысячъ въ Енисейской губерніи. Полагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое порученіе по пріисканію переселенческихъ участковъ оконченнымъ, Завелейскій представилъ на разсмотрѣніе Министра Финансовъ составленный имъ «Проектъ положенія колонизаціи государственныхъ крестьянъ изъ Европейско-россійскихъ губерній въ Западную и Восточную Сибирь».

Не смотря на всю детальность и даже многосторонность, проектъ этотъ представлялъ собою результатъ почти исключительно теоретическихъ соображеній, и это обстоятельство уже предрѣшало неосуществимость его. Съ другой стороны,

имѣвшіяся въ казенныхъ палатахъ весьма скудныя свѣдѣнія объ естественныхъ условіяхъ земель, предназначенныхъ для заселенія, и, во многихъ случаяхъ, крайне ошибочныя данныя о пространствѣ этихъ земель—не могли не отнять отъ цифровыхъ выводовъ Завелейскаго всякую достовѣрность; послѣднему обстоятельству не мало способствовала также и кратковременность пребыванія Завелейскаго въ Сибири. Наконецъ, предположенія послѣдняго о переселеніи значительнаго для того времени числа крестьянъ изъ Европейской Россіи были признаны со стороны сибирскихъ губернскихъ властей неудобовыполнимыми какъ въ виду неблагопріятнаго климата Сибири, такъ и вслѣдствіе «недостатка пристанища и продовольствія переселенцевъ во время слѣдованія ихъ изъ внутреннихъ губерній». Соглашаясь съ такими доводами, Министръ Финансовъ, съ своей стороны, полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ «устроить переселеніе въ Сибирь на общихъ основаніяхъ, пріемля въ соображеніе случающуюся неудачу при казенныхъ распоряженіяхъ въ отдаленныхъ мѣстахъ [1])». Такимъ образомъ гр. Канкринъ пришелъ къ убѣжденію о необходимости отказаться отъ своихъ прежнихъ предположеній, признавъ болѣе осторожнымъ руководиться въ вопросѣ о крестьянскихъ переселеніяхъ въ Сибирь исключительно правилами указа 1822 г., вошедшими почти безъ всякихъ измѣненій въ Т. XII Св. Зак. Уст. о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, изд. 1832 г.

Составляя въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія лишь предметъ обсужденія органовъ администраціи, вопросъ этотъ получилъ болѣе широкую постановку въ законодательствѣ уже по образованіи въ 1838 году Министерства Государственныхъ Имуществъ, къ числу главныхъ функцій котораго было отнесено управленіе государственными крестьянами. Во главѣ вновь образованнаго Министерства былъ поставленъ гене-

---

[1]) Дѣла Архива Мин. Земл. и Гос. Им. 1834 г., № 16623 и 1848 г., № 2158 (I Деп.).

ралъ-лейтенантъ, впослѣдствіи графъ, Киселевъ. Руководясь въ своей дѣятельности принципомъ оказанія крестьянамъ возможнаго «покровительства» съ цѣлью поднятія общаго уровня ихъ экономическаго благосостоянія и нравственнаго развитія [1]), Киселевъ обратилъ серьезное вниманіе и на организацію крестьянскихъ переселеній; мѣры, принятыя въ послѣднемъ отношеніи этимъ государственнымъ дѣятелемъ имѣли въ виду воспользоваться склонностью малоземельныхъ крестьянъ искать земельный просторъ, хотя бы въ далекихъ и малоизвѣстныхъ для нихъ краяхъ, для улучшенія экономическаго положенія лицъ, остающихся на надѣльныхъ земляхъ и въ то же время для колонизаціи многоземельныхъ губерній [2]). Съ этою цѣлью Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ былъ организованъ рядъ мѣръ по переселенію государственныхъ крестьянъ, которые въ первое десятилѣтіе существованія Министерства были направляемы по преимуществу въ губерніи, сравнительно болѣе близкія къ мѣстамъ ихъ выхода, какъ то: въ Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую, Саратовскую и Оренбургскую (съ нынѣшними Самарскою и Уфимскою), а съ начала 50-хъ годовъ—главнымъ образомъ въ сибирскія губерніи: Тобольскую, Томскую и Енисейскую.

При обсужденіи, въ частности, вопроса о томъ вліяніи, которое учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ оказало на общее положеніе дѣла колонизаціи Сибири, надлежитъ имѣть въ виду, что уже въ началѣ 40-хъ годовъ въ законодательствѣ замѣчается стремленіе подвести переселенческое движеніе въ Сибири подъ общія условія переселеній государственныхъ крестьянъ въ предѣлахъ Европейской Россіи. Такъ, при второмъ изданіи XII тома Св. Зак. (въ 1842 г.)

---

[1]) А. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время, т. II, стр. 18.

[2]) Ср. записку «Статистическое обозрѣніе переселеній государственныхъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній въ многоземельныя», приложенную къ дѣлу Архива Министерства Земл. и Гос. Им. 1849 г., № 4329, по Департаменту Сельскаго хозяйства.

были распространены на Сибирь правила «Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ» объ общемъ порядкѣ переселеній казенныхъ крестьянъ, которыя были изданы въ 1824 и 1831 г.г. [1]) и были помѣщены въ первомъ сводномъ изданіи «Устава» (1832 г.) съ отнесеніемъ ихъ лишь къ переселеніямъ въ губерніяхъ Европейской России. Далѣе, при составленіи въ 1843 г. въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ новыхъ правилъ въ дополненіе и въ измѣненіе соотвѣтственныхъ статей Свода Законовъ, было специально оговорено, что правила эти имѣлось въ виду распространить и на сибирскихъ переселенцевъ.

Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (изд. 1842 г.) и дополнительныя правила 1843 г. содержали подробныя указанія относительно тѣхъ условій, которымъ должны были удовлетворять крестьяне, изъявившіе желаніе переселиться, равно какъ и порядокъ переселенія и водворенія ихъ на новыхъ мѣстахъ. Согласно упомянутымъ узаконеніямъ, переселеніе въ сибирскія губерніи было разрѣшено государственнымъ крестьянамъ всѣхъ губерній, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ представлялось возможнымъ надѣлить крестьянъ полною узаконенною пропорціею изъ свободныхъ казенныхъ земель [2]), причемъ для разрѣшенія переселенія требовалось, чтобы въ соотвѣтственномъ сельскомъ обществѣ причиталось въ среднемъ менѣе 5 десятинъ на душу. Прошенія крестьянъ о дозволеніи имъ переселенія имѣли быть пред-

---

[1]) I. П. С. З. № 29848 и 2 П. С. З. № 4311.

[2]) Вышеизложенное правило было введено въ уставъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 14 Марта 1839 г., положенія Комитета Министровъ (2 П. С. З. № 12116). Необходимость отмѣны прежняго порядка переселеній въ Сибирь «изъ всѣхъ губерній» (согласно правиламъ указа 1822 г.) основывалась на высказанныхъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ соображеніяхъ о невозможности удовлетворить, поступавшія въ Министерство ходатайства о переселеніи въ Сибирь изъ многоземельныхъ губерній (въ особенности же Оренбургской) «изобилующихъ свободными и хлѣбородными землями, заселеніе которыхъ составляетъ предметъ особыхъ заботъ правительства»; кромѣ того, по мнѣнію гр. Киселева, многія изъ такихъ ходатайствъ были основаны «на одномъ только желаніи воспользоваться предоставленными переселенцамъ льготами и пособіями».

ставляемы вмѣстѣ съ увольнительными приговорами сельскихъ сходовъ въ губернскую палату государственныхъ имуществъ, которая препровождала ихъ на разсмотрѣніе Министра. По полученіи разрѣшенія палаты должны были немедленно увѣдомлять о немъ палату той губерніи, въ которую крестьяне переселялись; въ сибирскихъ губерніяхъ функціи палаты государственныхъ имуществъ по водворенію переселенцевъ принадлежали казеннымъ палатамъ. Къ переселенію не могли быть допускаемы крестьяне, состоявшіе на рекрутской очереди или неучаствовавшіе въ вынутіи жребія, находившіеся подъ слѣдствіемъ или судомъ, а равно и обязавшіеся договорами до окончанія срока ихъ; наконецъ, при переселеніяхъ надлежало избѣгать раздробленія семействъ крестьянъ. Крестьяне, оставшіеся на прежнихъ мѣстахъ, обязывались уплачивать за своихъ выселившихся односельчанъ всѣ подати и исправлять повинности въ продолженіи 3 лѣтъ, или же заплатить за нихъ всѣ причитавшіяся съ нихъ недоимки по земскимъ сборамъ.

При выходѣ съ родины переселенцевъ предписывалось снабжать пропускными видами и маршрутами; во время слѣдованія надзоръ за переселенческими партіями принадлежалъ особымъ проводникамъ, причемъ окружнымъ начальникамъ тѣхъ губерній, чрезъ которыя они переходили, было вмѣнено въ обязанность отводить переселенцамъ безплатныя квартиры и «склонять обывателей къ безденежному ихъ прокормленію»; заболѣвающихъ въ пути предписывалось доставлять въ ближайшіе города для леченія на счетъ казны.

По прибытіи на мѣсто новаго водворенія, всѣмъ крестьянамъ, переселившимся добровольно и съ разрѣшенія правительства, предоставлялось право на безвозвратное пособіе въ 35 р. на семью (въ 20 р.—въ случаѣ отпуска лѣса по 100 деревъ на дворъ), а также на отпускъ земледѣльческихъ орудій съ «потребнымъ числомъ рогатаго скота» на сумму до 20 р.; кромѣ того, на дворъ слѣдовало выдавать заимообразно сѣмена съ условіемъ возвращенія черезъ 3 года; сверхъ

этихъ пособій, переселенцамъ предоставлялась 8-лѣтняя льгота въ податяхъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ съ уплатою въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ половины оброчной подати, льгота отъ рекрутской повинности на 3 набора и отъ воинскаго постоя на 6 лѣтъ; наконецъ, съ переселенцевъ слагались недоимки по прежнему жительству ихъ.

Всѣ эти правила были подробно разъяснены и частью дополнены въ 1846 г. особымъ циркуляромъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ, согласно которому палатамъ было между прочимъ вмѣнено въ обязанность выдавать переселенцамъ пособія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они передъ отходомъ съ родины не будутъ въ состояніи выручить продажею своего имущества ту сумму, которая представится необходимою для содержанія ихъ во время пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ, окружнымъ начальникамъ и палатамъ тѣхъ губерній, черезъ которыя проходили переселенцы, было поручено подвергать переселенческія партіи осмотру и оказывать имъ, въ случаѣ необходимости, «вспоможеніе, даже съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ расходовъ».

Если вышеизложенныя правила касались преимущественно порядка выхода крестьянъ съ родины и передвиженія въ Сибирь, то правительствомъ было обращено особое вниманіе и на достиженіе возможнаго соотвѣтствія между общимъ числомъ переселяемыхъ крестьянъ и количествомъ приведенныхъ въ извѣстность и распланированныхъ казенныхъ пустопорожнихъ земель. Съ этою цѣлью еще въ 1837 г. былъ учрежденъ, взамѣнъ упраздненной ¼ роты топографовъ, особый органъ, подъ названіемъ «Сибирскаго межеванія», къ обязанности котораго, кромѣ общихъ задачъ по приведенію въ извѣстность землепользованія старожилаго населенія, было отнесено и образованіе переселенческихъ участковъ. Согласно инструкціи, данной этому органу, переселенческіе участки надлежало отрѣзывать отъ селеній государственныхъ крестьянъ, въ которыхъ имѣлся излишекъ противъ 15—десятинной нормы душевого надѣла земли, причемъ приселеніе переселенцевъ къ де-

ревнямъ старожиловъ было разрѣшено лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда отрѣзка особыхъ участковъ представлялась затруднительной вслѣдствіе отсутствія воды или по другимъ причинамъ. Работы чиновъ Сибирскаго межеванія сосредоточивались до 1852 года, главнымъ образомъ, въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи, гдѣ и были водворяемы первыя партіи переселенцевъ. Число послѣднихъ, какъ можно судить по сохранившихся свѣдѣніямъ Тобольской казенной палаты, имѣло до 1844 года довольно ограниченные размѣры, выражаясь цифрою въ 2348 душъ м. пола (изъ коихъ до 1300 человѣкъ переселились самовольно) [1]).

Нѣкоторое увеличеніе переселеній въ Тобольскую губернію началось въ 1844 году вслѣдствіе распоряженія Министра Государственныхъ Имуществъ о приглашеніи желающихъ изъ числа государственныхъ крестьянъ водвориться на земляхъ, оставшихся свободными за отводомъ надѣловъ старожиламъ Курганскаго округа. Въ продолженіи 1845—1847 г. въ Тобольской губерніи было водворено до 8400 душъ мужскаго пола, выходцевъ изъ среднихъ и восточныхъ губерній, причемъ къ 1851 г., по отчету начальника межеванія земель въ Западной Сибири, число переселенцевъ, водворенныхъ на участкахъ, заготовленныхъ въ Тобольской губерніи, достигло 19.503 душъ мужскаго пола. Въ 1851 г. Министръ Государственныхъ Имуществъ снова обратился къ палатамъ [2]) губерній, по преимуществу расположенныхъ въ черноземной полосѣ, съ циркулярнымъ предписаніемъ о вызовѣ желающихъ изъ государственныхъ крестьянъ къ переселенію въ сибирскія губерніи (въ нѣсколько округовъ Тобольской и

---

[1]) Дѣло Архива Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. 1850 г. № 2325 по I Деп.

[2]) Губерній: Черниговской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Калужской, Пензенской, Курской, Харьковской, Смоленской, Тульской, Тверской и Воронежской.

въ Томскій округъ Томской губерніи); мотивомъ къ такому вызову послужило стремленіе нѣсколько разрѣдить населеніе малоземельныхъ губерній, причемъ изъ каждой предназначалось выселить 300—400 семействъ. На основаніи этого предписанія, палатами было переселено въ Западную Сибирь въ теченіе 1852—1854 г.г. 38,235 душъ мужскаго пола, изъ коихъ приблизительно 24.990 человѣкъ было водворено въ Тобольской губерніи [1]), а остальные въ Томской губерніи.

Одновременно съ заселеніемъ Западной Сибири Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ было обращено вниманіе на необходимость направить часть переселенцевъ въ Енисейскую губернію, чтобы усилить здѣсь между инородцами и ссыльными населеніе крестьянъ. Для избѣжанія неудобствъ, связанныхъ съ переселеніемъ людей большими массами, Министерство примѣнило и въ данномъ случаѣ систему переселенія отдѣльныхъ группъ крестьянъ (главнымъ образомъ изъ сѣверовосточныхъ губерній) по предварительномъ увѣдомленіи со стороны Генералъ - Губернатора Восточной Сибири о количествѣ приведенныхъ въ извѣстность земель, пригодныхъ для заселенія.

Переходъ крестьянъ въ Енисейскую губернію, по вызову Министерства, начался въ 1852 г. и къ 1855 г., по отчету Енисейскаго губернатора, 795 семействъ выходцевъ изъ Вятской и Пермской губерній было водворено въ Минусинскомъ округѣ, климатическія и почвенныя условія котораго представлялись наиболѣе благопріятными для веденія земледѣльческаго хозяйства.

Въ слѣдующемъ 1856 году въ Енисейскую губернію пере-

---

[1]) Болѣе точныхъ цифръ не представляется возможнымъ привести, вслѣдствіе противорѣчивости свѣдѣній, имѣющихся въ архивныхъ дѣлахъ. Общее число переселенцевъ, водворенныхъ въ Томской губерніи въ теченіе 1852—1863 гг., составило, по свѣдѣніямъ мѣстной казенной палаты, 18,340 ревизскихъ душъ.

селилось 779 семействъ государственныхъ крестьянъ изъ губерній Вятской, Пермской и Орловской. Переходъ этихъ крестьянъ въ Сибирь, повидимому, послужилъ поводомъ къ ходатайствамъ ихъ односельчанъ о разрѣшеніи имъ слѣдовать за переселившимися, какъ объ этомъ можно судить уже потому, что въ 1857 г. изъ Орловской губерніи изъявило желаніе перейти въ Енисейскую губернію до 2.050 семействъ. Общее число крестьянъ, водворенныхъ въ этой губерніи съ 1852 г. по 1858 г., достигло 5982 душъ мужскаго пола.

Такимъ образомъ дѣятельность Министерства Государственныхъ Имуществъ по переселенію государственныхъ крестьянъ охватила въ теченіе 50-хъ годовъ три сибирскія губерніи, [1]) причемъ число крестьянъ, отправленныхъ въ отдѣльные годы въ Сибирь, находилось въ зависимости какъ отъ донесеній мѣстной администраціи о ходѣ работъ чиновъ Сибирскаго межеванія, такъ и отъ общаго размѣра тѣхъ ассигнованій, которыя могли быть предназначены для пособій сибирскимъ переселенцамъ изъ ежегодно отпускавшихся (съ 1839 г. по 1865 г.) изъ Государственнаго казначейства кредитовъ на переселенія государственныхъ кре-

[1]) Независимо отъ организаціи переселенія государственныхъ крестьянъ изъ Европейской Россіи, гр. Киселевымъ была сдѣлана попытка заселенія восточной окраины Сибири сибирскими же крестьянами старожилами. Въ этихъ видахъ въ 1852 г. Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ были составлены особыя правила, получившія Высочайшее утвержденіе черезъ Комитетъ Министровъ (2 П. С. З. № 25895), о переселеніи изъ Енисейской губерніи въ Камчатку крестьянъ, изъявлявшихъ желаніе къ такому переселенію, имѣвшему главною задачею содѣйствіе развитію земледѣлія на этой окраинѣ. Правила эти установляли для переселенцевъ льготы и пособія, аналогичныя тѣмъ, которыя предоставлялись въ то время и выходцамъ изъ Европейской Россіи, обезпечивая имъ, сверхъ того, и освобожденіе отъ рекрутства навсегда. На основаніи этихъ правилъ, въ 1852—1853 гг. были переселено въ Камчатку до 25 семействъ енисейскихъ крестьянъ; въ слѣдующемъ же 1854 году дальнѣйшее переселеніе въ этотъ край было признано невозможнымъ въ виду восточной войны, и 51 семья, направлявшаяся въ Камчатку, была водворена впослѣдствіе на р. Амурѣ. (Максимовъ. Заселеніе р. Амура. Томскій Сборникъ за 1861 г. № 55, стр. 210).

стьянъ [1]). Что касается до вопроса, насколько точно были примѣняемы губернскими властями при переселеніи крестьянъ правила устава 1842 г., то сохранившіяся нынѣ свѣдѣнія не даютъ возможности вполнѣ опредѣленно отвѣтить на него въ томъ или другомъ смыслѣ, хотя эти же свѣдѣнія указываютъ на то обстоятельство, что водвореніе переселенцевъ, прибывшихъ въ Сибирь, не всегда бывало успѣшнымъ. Такъ, уже въ первой половинѣ 40-хъ годовъ обнаружились неудобства, вызываемыя скопленіемъ переселенцевъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ отмежеванныхъ земель; отдѣльныя группы новоселовъ стали покидать отведенные имъ участки и основывать новые выселки, что въ значительной степени затрудняло какъ регистрацію новоприбывшихъ лицъ, такъ и самыя землеустроительныя работы. Во избѣжаніе подобныхъ самовольныхъ переходовъ новоселовъ Министръ Государственныхъ Имуществъ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о необходимости примѣнить къ сибирскимъ губерніямъ ст. 434 «Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», въ силу коей самовольное переселеніе на новыя мѣста было воспрещено подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Въ концѣ 1845 г. состоялось въ этомъ смыслѣ мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное 3 Января 1846 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири было предположено предупредить чрезмѣрное скопленіе переселенцевъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Курганскаго округа приселеніемъ части вновь прибывающихъ къ деревнямъ старожиловъ. Система эта примѣнялась долго послѣ 1847 г., хотя и имѣла своимъ послѣдствіемъ возникновеніе земельныхъ споровъ между новоселами и старожилами, вслѣдствіе отсутствія разграниченія земель той и другой группы

[1]) Размѣръ ежегодно отпускавшейся суммы съ 1839 г. по 1852 г. составлялъ около 142.000 руб., въ 1853 же году онъ подвергся сокращенію, въ зависимости отъ начавшихся въ этомъ году военныхъ дѣйствій Крымской компаніи.

крестьянъ, какъ это выяснилось изъ донесенія генералъ-лейтенанта Анненкова, ревизовавшаго Тобольскую губернію въ 1852 г. [1]).

Независимо отъ вышеизложенныхъ недостатковъ въ организаціи переселеній, при водвореніи переселенцевъ происходили нерѣдко неурядицы, вызванныя нежеланіемъ крестьянъ садиться на предназначенныя имъ земли, повидимому не вполнѣ соотвѣтствовавшія характеру занятій ихъ на родинѣ; въ подкрѣпленіе своихъ претензій нѣкоторые переселенцы приводили тотъ доводъ, что они предпочли бы оставаться на родинѣ, если бы знали, что ихъ просьбы о выборѣ земель не будутъ уважены. Вслѣдствіе возникшихъ безпорядковъ губернское начальство оказалось вынужденнымъ прибѣгнуть къ принудительному водворенію нѣкоторыхъ изъ переселенцевъ, и въ концѣ 1852 г. Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ были приняты мѣры къ тому, чтобы крестьянамъ, изъявлявшимъ желаніе переходить въ Западную Сибирь, было поставляемо на видъ, что назначеніе для нихъ земель зависитъ исключительно отъ мѣстнаго Генералъ-Губернатора [2]).

Подобныя неурядицы при водвореніи переселенцевъ въ значительной степени зависѣли отъ неудовлетворительныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи результатовъ дѣятельности чиновъ «Сибирскаго межеванія», которымъ были поручены, наряду съ функціями чисто техническаго характера, и сложныя землеустроительныя работы, съ коими имъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось успѣшно справляться. Ограничиваясь выполненіемъ техническихъ формальностей, установленныхъ межевыми инструкціями, и проектируя надѣлы въ узаконенныхъ нормахъ на цѣлый волостной районъ, эти чины, по общему правилу, не входили въ оцѣнку отводимыхъ угодій и не соображались съ экономическими условіями сельскаго

---

[1]) Дѣло Архива Мин. Земл. и Гос. Имуществъ 1852 г. № 5327 по Деп. Сел. Хоз.

[2]) Дѣло того же Архива 1852 г. № 2623 по I Деп.

хозяйства въ данной мѣстности; независимо отъ этого, самый ходъ межевыхъ работъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ былъ опереженъ наплывомъ переселенцевъ, при устройствѣ которыхъ межевымъ чинамъ зачастую приходилось нарушать преподанныя имъ инструкціи, размѣщая переселенцевъ, напр., въ дачахъ, даже не приведенныхъ въ извѣстность съемкою [1]).

Не смотря однако на то, что подобныя неудачи при водвореніи отдѣльныхъ переселенческихъ партій имѣли своимъ послѣдствіемъ распаденіе нѣкоторыхъ поселковъ, результаты переселенія въ Сибирь государственныхъ крестьянъ въ 40-хъ—50-хъ годахъ должны, въ общемъ, быть признаны весьма удовлетворительными. Данныя, собранныя въ 80-хъ и 90-хъ годахъ на мѣстахъ водворенія этихъ переселенцевъ, показываютъ, что громадное большинство поселковъ, основанныхъ въ Сибири «Киселевскими» переселенцами, достигло цвѣтущаго состоянія, какъ вслѣдствіе значительнаго запаса плодородныхъ земель, имѣвшагося во время водворенія этихъ крестьянъ, такъ и по причинѣ своевременно оказанныхъ имъ со стороны правительства пособій и льготъ [2]).

Кромѣ переселенія крестьянъ въ Сибирь, согласно предписаніямъ устава 1842 г., въ 40-хъ и 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія не прекращались и случаи самовольныхъ переселеній изъ внутреннихъ губерній, которые совершенно не поддавались правительственной регламентаціи. Какъ видно изъ архивныхъ матеріаловъ, переселенцы этой группы въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляли свою родину «цѣлыми семействами, не дожидаясь законнаго разрѣшенія, съ лежащими на нихъ недоимками». Не смотря на то, что по «Уставу о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ» всѣ семьи переселенцевъ, подле-

---

[1]) Очеркъ работъ по заготовленію отводу переселенческихъ участковъ 1893—1899 гг. Введеніе. Изданіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. С.-Петербургъ. 1900.

[2]) А. Кауфманъ. Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній, 1898; Его же. Переселенія въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. 45. Матеріалы для изученія землепользованія и хозяйственнаго быта населенія Иркутской и Енисейской губерніи. Т. IV, вып. 2.

жавшихъ отбытію рекрутской повинности, равно какъ и не уплатившихъ недоимки, надлежало удерживать на прежнихъ мѣстахъ, Министръ Государственныхъ Имуществъ принялъ во вниманіе, что возвращеніе на родину самовольныхъ переселенцевъ, уже прибывшихъ въ Сибирь, «привело бы ихъ къ совершенному разстройству, не принеся при этомъ никакой пользы казнѣ»; въ виду этого и было предписано Тобольской казенной палатѣ при водвореніи 872 переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь въ 1842 г. изъ Смоленской губерніи, отводить земельные участки и самовольнымъ переселенцамъ, не предоставляя имъ однако льготъ и пособій [1]). Въ 1843 г. въ виду аналогичныхъ соображеній состоялось положеніе Комитета Министровъ объ оставленіи на мѣстахъ новаго жительства всѣхъ уже водворившихся самовольныхъ переселенцевъ, обязавъ ихъ уплатить всѣ числившіяся на нихъ недоимки и отбывать рекрутскую повинность на новыхъ мѣстахъ, а въ 1845 г. подобное же начало было примѣнено Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ по отношенію ко всѣмъ лицамъ, переселившимся въ теченіе 1843—1845 гг. въ губерніи Оренбургскую, Самарскую, Тобольскую и Томскую безъ соблюденія требованій устава 1842 г. Причисленіе этихъ самовольныхъ переселенцевъ къ деревнямъ старожиловъ или къ вновь возникавшимъ переселенческимъ поселкамъ продолжалось и послѣ 1845 года, хотя болѣе или менѣе точный учетъ числа такихъ лицъ представляется затруднительнымъ по отсутствію достовѣрныхъ данныхъ [2]). Другой разрядъ самовольныхъ переселенцевъ состоялъ изъ лицъ, которыя оставались долгое время непричисленными ни къ одному обществу, а иногда и основывали отдѣльныя поселенія безъ вѣ-

---

[1]) Дѣло Архива Министерства Земл. и Гос. Им. за 1847 г. № 1359, по I Деп.

[2]) По весьма приблизительнымъ и совершенно непровѣреннымъ свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ, число такихъ переселенцевъ, водворенныхъ безъ выдачи казенныхъ пособій, составило въ Тобольской губерніи за періодъ 1839 — 1850 г.г. 3,238 душъ мужскаго пола, а въ Томской губерніи съ 1838 — 1850 г.г.—481 чел. (Дѣло того же Архива за 1850 г. № 2325 по I Деп.).

дома органовъ администраціи; образованію подобныхъ поселковъ благопріятствовала малонаселенность страны и отсутствіе у мѣстныхъ властей правильныхъ свѣдѣній о значительныхъ пространствахъ свободныхъ земель. Такимъ путемъ возникла въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи дер. Кирилинская, приписанная казенною палатою лишь въ 1869 году; равнымъ образомъ и въ Томской губерніи основалось много деревень, о существованіи которыхъ мѣстная администрація узнавала лишь при начавшемся межеваніи [1]). Такимъ образомъ въ серединѣ настоящаго столѣтія волна переселенческаго движенія продолжала распространяться по западной Сибири, постепенно ослабѣвая по мѣрѣ удаленія къ востоку и почти не проникая въ Иркутскую губернію и въ Забайкалье, куда могли попадать, кромѣ ссыльныхъ, лишь отдѣльные и какъ бы случайные переселенцы. Однако волна эта къ самому концу разсматриваемаго періода состояла почти уже изъ однихъ самовольныхъ выходцевъ, такъ какъ распоряженія о вызовѣ желающихъ переселяться въ Западную Сибирь почти совершенно прекратились въ концѣ 50-хъ годовъ [2]).

Одновременно съ совершившимся въ западной до-Байкальской Сибири процессомъ разселенія выходцевъ изъ внутреннихъ губерній, частью приглашаемыхъ правительствомъ, частью же приходившихъ самовольно, разселеніе въ юго-западной Сибири было нѣсколько отличнаго характера, выражаясь въ постепенномъ распространеніи предѣловъ русскихъ владѣній въ глубь Киргизской степи. Способы, къ которымъ правительство прибѣгало для достиженія такой цѣли, заключались какъ въ попыткахъ ассимилированія туземнаго

---

1) Ядринцевъ, Сибирь, какъ колонія, 1892, стр. 201.

2) Что касается до переселенія государственныхъ крестьянъ въ Енисейскую губернію, то оно продолжалось, хотя и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, до 1866 г., когда управленіе этими крестьянами перешло въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, причемъ былъ прекращенъ ежегодный отпускъ кредитовъ изъ Государственнаго Казначейства на переселеніе этихъ крестьянъ (ср. ниже стр. 260).

кочеваго населенія съ главными представителями русскаго элемента — сибирскими казаками, такъ и въ неоднократно принятыхъ мѣрахъ къ увеличенію численнаго состава Сибирскаго казачьяго войска, отдѣльныя части котораго, расположенныя гарнизонами въ укрѣпленіяхъ Киргизской степи служили здѣсь какъ-бы базисами русской гражданственности. Въ видахъ сближенія кочевыхъ инородцевъ съ смежнымъ русскимъ населеніемъ, еще въ 1808 г. администраціею Сибирскаго казачьяго войска было предположено привлечь зарѣчныхъ киргизовъ (кочевавшихъ къ югу отъ территоріи, занятой войскомъ) на внутреннюю сторону казачьихъ линій, съ цѣлью перечисленія желающихъ изъ нихъ въ казачье сословіе, для образованія осѣдлыхъ населенныхъ пунктовъ и для развитія между кочевниками земледѣлія. Окончательная же выработка въ законодательствѣ плана занятія Киргизской степи относится ко времени изданія «Устава о Сибирскихъ Киргизахъ» въ 1822 г. Согласно этому узаконенію вся степь, вошедшая въ составъ вновь образованной Омской области, была раздѣлена на внутренніе и внѣшніе округа, причемъ первые охватили собою поселки казаковъ и крестьянъ, расположенные въ сѣверной части Киргизской степи, тогда какъ образованіе внѣшнихъ округовъ было поставлено въ зависимость отъ поступательнаго движенія казачьихъ отрядовъ въ глубь степи. Открытіе этихъ округовъ, начавшееся уже вскорѣ послѣ изданія выше упомянутаго устава вызывало необходимость образованія постоянныхъ осѣдлыхъ поселеній при казачьихъ укрѣпленіяхъ или такъ называемыхъ окружныхъ приказахъ, и первыми колонизаторами этихъ раіоновъ явились переселяемые въ составѣ небольшихъ партій казаки Сибирскаго линейнаго войска. Между тѣмъ распространеніе русскаго управленія въ степи вызывало неудовольствіе среди наиболѣе вліятельныхъ киргизскихъ родовъ, перешедшее въ концѣ 30-хъ годовъ въ открытый мятежъ, который продолжался до 10 лѣтъ. Желая положить конецъ броженію среди киргизовъ, правительство обратилось къ мысли о необходимости значительно увеличить

численность русскаго элемента въ Киргизской степи, съ каковою цѣлью въ 1848 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о водвореніи 3,600 крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній, а также малороссійскихъ казаковъ въ раіонѣ Кокчетавскаго уѣзда [1]). Характеръ этой колонизаціи былъ впрочемъ почти исключительно военный, о чемъ можно судить потому, что крестьянъ-переселенцевъ предполагалось зачислить въ казаки, поселивъ между ними небольшія партіи послѣднихъ. Дальнѣйшія попытки колонизаціи степной территоріи, постепенно присоединяемой къ Сибири, относятся къ 1857 г., когда по положенію Сибирскаго Комитета было предложено желающимъ изъ крестьянъ Западно-Сибирскихъ губерній переселиться въ числѣ 300 семей въ Заилійскій и Семирѣченскій край (вошедшіе въ составъ Западно-Сибирскаго Генералъ-Губернаторства въ 1854 г.), съ зачисленіемъ ихъ въ казаки Сибирскаго линейнаго войска. Мѣра эта однако оказалась малоуспѣшной, и изъявившихъ желаніе переселиться насчитывалось не болѣе 50 семействъ. Для пополненія недостающаго числа переселенцевъ положеніями Сибирскаго Комитета въ 1858 и 1859 гг. было опредѣлено переселять въ Киргизскую степь съ обращеніемъ въ казаки всѣхъ крестьянъ, самовольно водворяющихся въ Западной Сибири, равно какъ и тѣхъ крестьянъ Западно-Сибирскихъ губерній, на которыхъ числилось податныхъ недоимокъ болѣе годоваго оклада; всѣмъ этимъ лицамъ, при водвореніи въ Киргизской степи предназначалось оказывать льготы по службѣ и полученію провіанта и предоставлять денежныя пособія на первое обзаведеніе. Наконецъ, уже въ 1863 г. эти льготы и пособія предназначено было оказывать и тѣмъ изъ крестьянъ, которые начали переселяться въ степныя станицы Сибирскаго казачьяго войска уже по собственному почину [2]).

---

[1]) Дѣло Архива Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 1853 г. № 2731 по I Деп.

[2]) 2 П. С. З. №№ 33029, 34359 и 40328

Не смотря однако на подобныя мѣропріятія, свободная колонизація вновь присоединяемыхъ владѣній вплоть до послѣдняго двадцатилѣтія XIX вѣка почти вовсе не имѣла поступательнаго движенія, и самое распространеніе русской государственной власти въ южномъ направленіи имѣло, такъ сказать, подготовительное значеніе для будущей колонизаціи степныхъ областей Сибири въ томъ отношеніи, что оно содѣйствовало полному умиротворенію киргизскихъ племенъ, особенное вліяніе въ этомъ смыслѣ оказали окончательное пораженіе въ 1864 г. вторгавшихся въ русскіе предѣлы коканцевъ и образованіе въ слѣдующемъ году новой Туркестанской области между Аральскимъ моремъ и озеромъ Иссыкъ-Куль.

Одновременно съ расширеніемъ сферы русской государственной власти на югозападной окраинѣ нашихъ азіатскихъ владѣній на крайнемъ востокѣ Азіатскаго материка происходили событія, приведшія къ присоединенію къ Россіи обширной территоріи, расположенной по бассейну одной изъ наиболѣе могущественныхъ водныхъ артерій восточной Азіи — р. Амура и по прибрежной полосѣ Тихаго Океана. Это расширеніе русскихъ владѣній совершилось мирнымъ путемъ, благодаря столь же энергичному, сколь и дальновидному образу дѣйствій одного изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей той эпохи — гр. Муравьева-Амурскаго.

Послѣ уступки р. Амура Китаю, согласно условіямъ Нерчинскаго договора 1689 г., русское правительство придерживалось въ теченіе болѣе полутора вѣка весьма осторожной политики въ вопросѣ о пограничной чертѣ русскихъ владѣній близъ Тихаго Океана, обращая почти исключительное вниманіе на урегулированіе торговли съ Китаемъ. Если въ XVIII столѣтіи и стало выясняться то значеніе, которое имѣла бы для Россіи свобода плаванія по Амуру въ цѣляхъ доставленія провіанта въ Камчатку и Охотскій край, то предпринятые тогда въ этомъ смыслѣ переговоры съ Китаемъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Столь же мало успѣха имѣла и попытка правительства отправить въ 1805 г. въ Пекинъ особое по-

сольство, которому между прочимъ было поручено склонить Богдыхана къ возвращенію р. Амура Россіи; посольство это, во главѣ котораго стоялъ гр. Головнинъ, было вынуждено возвратиться, едва достигнувъ Урги. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Генералъ-Губернаторами Восточной Сибири Лавинскимъ, Рупертомъ и Ладыженскимъ было составлено нѣсколько проектовъ объ отправленіи на р. Амуръ особыхъ экспедицій съ цѣлью изслѣдованія судоходныхъ условій этой рѣки. Осуществленію этихъ предположеній препятствовали однако опасенія правительства, чтобы дѣйствія участниковъ экспедиціи, направленныя къ поддержанію русскихъ интересовъ на берегахъ Амура не повлекли за собою ухудшенія политическихъ отношеній между Россіей и Китаемъ, что въ свою очередь могло бы въ сильной степени поколебать международную торговлю. Рѣшающее значеніе въ амурскомъ вопросѣ имѣло путешествіе академика Миддендорфа, который обнаружилъ, что сфера политическаго вліянія Китая отнюдь не простиралась на всю область, которая могла бы считаться уступленной Россіею въ 1689 г. Результаты изслѣдованій Миддендорфа обратили вниманіе правительственныхъ сферъ на вопросъ о судоходствѣ по Амуру, и вопросъ этотъ сталъ предметомъ тщательнаго разслѣдованія со стороны назначеннаго въ 1847 г. Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири Муравьева, по иниціативѣ котораго и было занято казачьими гарнизонами нѣсколько пунктовъ по нижнему теченію р. Амура. Между тѣмъ развязка амурскаго вопроса была ускорена начавшейся въ 1853 г. восточной войной, такъ какъ въ 1854 г. Муравьеву было Высочайше разрѣшено вступить въ непосредственные переговоры съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи восточныхъ окраинъ и въ видахъ обороны ввѣреннаго ему края отъ союзниковъ плыть по Амуру [1]).

---

[1]) И. Барсуковъ, Графъ Муравьевъ-Амурскій (Матеріалы для библіографіи) 1891, стр. 346 и также стр. 168—615; Грумъ-Гржимайло. Описаніе Амурской области, стр. 32.

Послѣ отраженія англо-французской эскадры близъ г. Петропавловска русская эскадра въ 1855 г. была переведена въ устье р. Амура, которое къ тому времени могло уже считаться фактически занятымъ русскими. Для закрѣпленія же новопріобрѣтенной территоріи за Россіею, Муравьевъ въ концѣ 1854 г. поручилъ своему сотруднику кн. Волконскому выбрать изъ крестьянъ Иркутской губерніи и Забайкальской области охотниковъ переселиться на Амуръ. Лѣтомъ 1855 г. по нижнему теченію р. Амура уже была водворена 51 семья русскихъ переселенцевъ въ составѣ 480 душъ; эти первые піонеры образовали здѣсь пять поселковъ между постомъ Маріинскимъ и устьемъ р. Амура, а черезъ нѣсколько лѣтъ, окончательно устроившись на новыхъ мѣстахъ, достигли быстро относительнаго благосостоянія.

Послѣ занятія Амура Муравьеву оставалось выполнить не менѣе трудную задачу, именно получить согласіе Пекинскаго правительства на уступку Россіи нынѣшнихъ Амурской и Приморской областей. Переговоры между Муравьевымъ и присланными на Амуръ китайскими уполномоченными начались осенью 1855 г., а въ 1858 г. былъ заключенъ Айгунскій договоръ, согласно которому весь лѣвый берегъ Амура отъ р. Аргуни до береговъ Восточнаго Океана перешелъ во владѣніе Россіи. Граница между Россіею и Китаемъ отъ устья р. Уссури по правую сторону Амура оставалась неопредѣленною до 1860 г., когда русскому уполномоченному гр. Игнатьеву удалось за содѣйствіе, оказанное имъ китайскому правительству при заключеніи мира съ Англіей и Франціей, склонить Богдыхана къ признанію правъ Россіи на весь Уссурійскій край съ заливомъ Петра Великаго до Корейскаго полуострова.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Амурскаго края къ Россіи началась колонизація, его выходцами изъ внутреннихъ губерній и изъ Забайкалья причемъ движеніе переселенцевъ распространилось на два главныхъ раіона: 1) на долину р. Амура съ ея лѣвыми притоками Зеей и Буреей и 2) на южную часть нынѣш-

ней Приморской области—Южно-Уссурійскій край. Колонизація Амурскаго края приняла при Муравьевѣ двоякую форму, выражаясь въ поселеніи при р. Амурѣ казаковъ вновь сформированнаго изъ Забайкальскаго войска Амурскаго казачьяго коннаго полка и въ заселеніи остальной мѣстности государственными крестьянами. Первыя три сотни забайкальскихъ казаковъ были двинуты на Амуръ весною 1857 г. и заняли лѣвый берегъ Амура отъ Усть-Стрѣлки до Буреинскихъ горъ. Вскорѣ по водвореніи казаки подпали подъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для ихъ хозяйства условій. Перемѣна климата и новыя почвенныя условія оказали пагубное вліяніе на ихъ скотоводческое хозяйство, а частыя наводненія Амура заставляли казаковъ переносить свои поселки на другія мѣста; нѣкоторые поселки были совершенно заброшены ими. Независимо отъ того, новоселамъ пришлось не мало пострадать отъ неурожаевъ и вызваннаго послѣдними поднятія цѣнъ на хлѣбъ. Лишь въ 60-хъ годахъ, казаки обжились и вездѣ почти устроились [1]). Переселеніе забайкальскихъ казаковъ въ долины рр. Амура и Уссури продолжалось до 1862 г., когда общее число водворенныхъ достигло 13,899 душъ обоего пола.

Что касается до другой группы первоначальныхъ колонизаторовъ Приамурскаго края — добровольныхъ выходцевъ изъ Европейской Россіи и Сибири, то уже къ 1858 г. Генералъ - Губернаторомъ Восточной Сибири былъ составленъ проектъ правилъ о привлеченіи сюда такихъ лицъ дарованіемъ имъ льготъ въ видѣ безвозмезднаго пользованія землею въ теченіе 20-лѣтняго срока, освобожденія навсегда отъ податей и повинностей, коими они были обложены въ мѣстахъ прежняго жительства, выдачи ссудъ на обзаведеніе хозяйствомъ и, наконецъ, путемъ сокращенія нѣкоторыхъ формальностей при представленіи ими ходатайствъ о переселеніи.

---

[1]) Максимовъ. Занятіе р. Амура въ «Морскомъ Вѣстникѣ» за 1865 г. 1 ч., т. 55, № 10, стр. 209—243.

Съ другой стороны, Министръ Государственныхъ Имуществъ Муравьевъ, отрицая возможность переселенія въ Приамурскій край выходцевъ изъ внутреннихъ губерній безъ оказанія имъ путевыхъ пособій и имѣя въ виду тогдашнее положеніе крестьянскаго вопроса, не позволявшее ни даровать особыя льготы, ни произвести повсемѣстный вызовъ желающимъ переселиться на Амуръ, полагалъ организовать переселеніе въ эту мѣстность на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ оно производилось въ другія мѣста Имперіи, т. е. перевести на Амуръ опредѣленное число семействъ государственныхъ крестьянъ на счетъ правительства.

При обсужденіи въ Сибирскомъ Комитетѣ приведенныхъ соображеній Генералъ - Губернатора Восточной Сибири и Министра Государственныхъ Имуществъ, Комитетъ пришелъ къ заключенію, «что вопросъ о заселеніи Приамурскаго края есть вопросъ первостепенной важности» и что усиленіе тамъ населенія существенно необходимо для развитія огромныхъ матеріальныхъ силъ края, въ виду чего и призналъ возможнымъ примѣнить обѣ системы колонизаціи этого края. Разрѣшивъ поэтому, отправленіе въ 1859 г. на Амуръ государственныхъ крестьянъ на основаніяхъ, предположенныхъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ, Комитетъ въ то же время предоставилъ Генералъ-Губернатору Восточной Сибири ввести въ дѣйствіе составленныя имъ правила о переселеніи въ Приамурскій край по отношенію къ жителямъ Восточной Сибири. Независимо отъ этихъ мѣръ, Сибирскій Комитетъ призналъ полезнымъ поручить Графу Муравьеву-Амурскому обсудить и другія предположенія «для привлеченія въ Амурскій край рабочаго и трудолюбиваго населенія»; подобныя предположенія, по мнѣнію Комитета, должны были имѣть въ виду дозволеніе селиться въ краѣ, кромѣ лицъ русскаго происхожденія, также и «иностраннымъ переселенцамъ, преимущественно нѣмцамъ, извѣстнымъ своимъ трудолюбіемъ». Для осуществленія предположеній о колонизаціи Приамурскаго края Комитетъ считалъ цѣлесообразнымъ

ассигновать съ 1859 г. къ отпуску изъ Государственнаго Казначейства въ распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ 100.000 руб., ежегодно внося эту сумму въ смѣту сего Министерства отдѣльно и сверхъ нормальнаго назначенія до тѣхъ поръ, пока представится надобность въ этомъ переселеніи» [1]). Сверхъ этой суммы, на ту же цѣль признавалось возможнымъ отпускать ежегодно по 50.000 руб. изъ «хозяйственнаго капитала» Восточной Сибири. На эти предположенія Комитета 8 Декабря 1858 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго положенія Сибирскаго Комитета Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ было сдѣлано распоряженіе о вызовѣ желающихъ переселиться въ Амурскій край изъ числа государственныхъ крестьянъ Вятской, Пермской, Тамбовской и Воронежской губерній въ количествѣ до 500 семействъ. Между тѣмъ еще до отправленія этихъ переселенцевъ въ путь выяснилось, что суммы, ассигнованныя на ихъ передвиженія, были далеко недостаточными для покрытія всѣхъ расходовъ; независимо отъ этого, «одновременное стеченіе столь значительнаго числа людей въ предѣлахъ Восточной Сибири» было признано «совершенно невозможнымъ, по уваженію, что встрѣтилось бы крайнее затрудненіе въ продовольствіи ихъ и размѣщеніи на зимовку» [2]). Въ виду такихъ затрудненій было признано возможнымъ отправить въ 1859 г. на Амуръ лишь 250 семей; остальныхъ переселенцевъ въ 1860 г. было опредѣлено зачислить въ казаки Сибирскаго линейнаго войска. Первая партія переселенцевъ достигла Амурской области въ 1859 г. въ составѣ 240 душъ обоего пола и была поселена на низовьяхъ р. Амура; въ слѣдующемъ году изъ внутреннихъ губер-

[1]) Выписка изъ журнала Сибирскаго Комитета 22 Ноября 1858 г. см. дѣло архива Сибирскаго Комитета 1858 г. № 240.

[2]) Представленіе Министра Государственныхъ Имуществъ въ Сибирскій Комитетъ 21 Марта 1859 г., № 700.

ній прибыли на Амуръ уже 524 человѣка, а въ 1861 г.— еще 249 душъ [1]).

Между тѣмъ невозможность выполнить первоначально предположенный планъ заселенія Амурскаго края привела къ измѣненію воззрѣній администраціи на этотъ вопросъ. Уже въ 1860 г. графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ было, въ представленіи Сибирскому Комитету, высказано мнѣніе, что нѣтъ «никакой побудительной причины стремиться къ особенно поспѣшному заселенію Амурскаго края, который долженъ, такъ сказать, составлять поземельный запасъ для Россіи въ будущности» [2]). Въ 1861 г. получили Высочайшее утвержденіе новыя правила «для поселенія русскихъ и иностранцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ», составленныя Сибирскимъ Комитетомъ примѣнительно къ внесеннымъ на разсмотрѣніе Комитета предположеніямъ Генералъ-Губернатора Восточной Сибири; узаконеніе это легло въ основаніе всей колонизаціи Приамурскаго края и въ пореформенную эпоху, установивъ, взамѣнъ переселенія крестьянъ въ этотъ край на казенный счетъ, оказаніе льготъ прибывающимъ на Амуръ своекоштнымъ переселенцамъ по уплатѣ поземельной и оброчной податей и отбыванію воинской повинности и освобожденіе ихъ отъ подушныхъ податей (см. ниже стр. 287).

Данныя о заселеніи Амурскаго края показываютъ, что колонизація этого края, равно какъ и Степныхъ Областей (см. выше стр. 84—86), въ началѣ 60-хъ годовъ находилась еще какъ бы въ первичной стадіи своего развитія, что и придавало ей въ это время отличный характеръ отъ колонизаціи другихъ частей сибирской территоріи, въ которыя направлялся въ то время главный потокъ переселенцевъ. Подводя итоги приведеннымъ выше свѣдѣніямъ о колонизаціи этихъ частей Сибири, слѣдуетъ имѣть въ виду, что если отсутствіе

---

[1]) Грумъ-Гржимайло. Описаніе Амурской области, стр. 425—426.

[2]) Представленіе Генералъ-Губернатора Восточной Сибири въ Сибирскій Комитетъ отъ 30 Сентября 1860 г., за № 1229.

какихъ бы то ни было достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ и не позволяетъ воспроизвести болѣе или менѣе точную картину сибирскаго переселенія въ дореформенную эпоху, то наличность отдѣльныхъ указаній на «самовольные» переходы крестьянъ за Уралъ заставляетъ предполагать, что свободное движеніе населенія въ Сибирь, не подвергавшееся почти никакому воздѣйствію со стороны государства, продолжалось и въ теченіе всего разсматриваемаго періода, давая, по выраженію Ядринцева, «колонизаціонный осадокъ», осѣдавшій послѣ нѣкотораго броженія преимущественно въ губерніяхъ западной Сибири—Тобольской и Томской. Что касается до общаго характера отношенія правительства къ вопросу о заселеніи Сибири, то разсмотрѣнный періодъ (1799—1861 г.г.) можно было бы охарактеризовать какъ эпоху, въ теченіе которой правительство переходило отъ прежней системы заселенія Сибири,—главнымъ образомъ лишь въ интересахъ страны,—къ новому направленію, при которомъ выгоды для заселяемаго края совмѣщались съ интересами самихъ колонизаторовъ. Если представителемъ стараго направленія явился указъ 1799 т. о заселеніи Забайкалья, имѣвшій главною цѣлью развитіе сношеній съ Китаемъ, ради чего и были привлекаемы въ этотъ далекій край поселенцы, принадлежавшіе къ довольно разнообразнымъ общественнымъ группамъ, то уже въ 40-хъ годахъ подобная политика правительства потерпѣла существенныя измѣненія, и вопросъ о колонизаціи Сибири былъ поставленъ въ тѣсную связь съ переселенческимъ вопросомъ. При оцѣнкѣ дѣятельности въ послѣднемъ направленіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, придавшей весьма стройную для того времени организацію переселеніямъ государственныхъ крестьянъ, нельзя однако упускать изъ виду, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ въ значительной степени зависѣлъ отъ проведенія въ жизнь личныхъ воззрѣній гр. Киселева, и что представленіе о желательности содѣйствія со стороны правительства процессу естественнаго разселенія народа по всей государственной территоріи не успѣло еще вполнѣ проникнуть въ сознаніе предста-

вителей законодательныхъ сферъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить перемѣна, происшедшая въ воззрѣніяхъ правительства на крестьянскія переселенія послѣ оставленія гр. Киселевымъ поста Министра Государственныхъ Имуществъ, а также и исключительно отрицательное отношеніе правительства къ переселеніямъ въ первое двадцатилѣтіе послѣ крестьянской реформы.

Глава III.

Историческій обзоръ законодательства по переселенческому вопросу за періодъ 1861—1900 гг. въ связи съ колонизаціею Сибири.

Въ предшествовавшей главѣ было выяснено, что вопросъ о колонизаціи Сибири уже съ 20-хъ годовъ XIX вѣка сталъ въ тѣснѣйшую связь съ организаціею переселенческаго дѣла, и что, наоборотъ, судебная и административная ссылка въ Сибирь совершенно утратила за это время свое прежнее колонизаціонное значеніе. Такой-же характеръ исключительно карательной мѣры ссылка сохраняетъ и во вторую половину XIX столѣтія, когда вредное вліяніе, оказываемое ссылкою на развитіе гражданскаго преуспѣянія Сибири успѣло высказаться еще съ большею опредѣленностью. Бѣдственное и безпомощное положеніе, въ которомъ оказывались поселенцы, постоянное стремленіе ихъ бѣжать съ мѣстъ поселенія, крайнее развитіе бродяжничества и отсутствіе вслѣдствіе этого безопасности для мѣстнаго постояннаго населенія—неоднократно вызывали предположенія правительства о полной отмѣнѣ или значительномъ сокращеніи размѣровъ сибирской ссылки. Но, не смотря на это, только въ 1899 г. по разсмотрѣніи вопроса о ссылкѣ и каторгѣ въ особомъ совѣщаніи, состоявшемся подъ личнымъ предсѣдательствомъ нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, приступлено было къ окончательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки, назначаемой какъ по суду, такъ и въ порядкѣ административномъ—по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ и лишь въ текущемъ послѣднемъ году XIX столѣтія вопросъ этотъ получилъ разрѣшеніе въ столь давно желанномъ направленіи.

Отрицательный взглядъ правительства на ссылку, какъ мѣру колонизаціонную, сохраняемый въ теченіе почти цѣлаго сто-

лѣтія, дѣлаетъ подробности о ссылкѣ въ настоящемъ трудѣ совершенно излишними, почему въ дальнѣйшемъ изложеніи и будетъ разсмотрѣна лишь исторія заселенія Сибири за истекшее сороколѣтіе добровольными колонизаторами-переселенцами изъ Европейской Россіи.

Въ началѣ обозрѣнія послѣдняго періода исторіи колонизаціи Сибири, наступившаго послѣ отмѣны крѣпостного права, должно быть прежде всего выяснено значеніе, оказанное этой великой реформой на общій ходъ переселенческаго дѣла. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ главнымъ образомъ указать на общее направленіе пореформеннаго законодательства, отличающееся (за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ) пассивнымъ и по своему существу даже отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ. Направленіе это отчасти объяснялось господствовавшимъ въ 60-хъ годахъ въ законодательныхъ сферахъ мнѣніемъ, что крестьяне, освобожденные изъ личной зависимости отъ помѣщиковъ и надѣленные землею, не будутъ нуждаться для поднятія ихъ благосостоянія въ прежней правительственной опекѣ и что отдѣльныя лица сельскаго состоянія найдутъ возможность обезпечить свое существованіе наемнымъ трудомъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ въ случаѣ, если бы доходность ихъ земли оказалась недостаточной для удовлетворенія ихъ потребностей. Независимо отъ того, на общее направленіе законодательства оказывало вліяніе и опасеніе, чтобы дарованіе освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ права переселенія на казенныя земли не привело бы къ развитію «вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи». Опасеніе это раздѣлялось и большинствомъ помѣстныхъ владѣльцевъ, лишенныхъ послѣ 1861 г. дароваго труда крѣпостныхъ и поставленныхъ въ необходимость обращаться при обработкѣ своихъ земель къ наемному труду крестьянъ или сдавать свою землю въ аренду послѣднимъ же; при такихъ условіяхъ уходъ крестьянъ на малоземельныя окраины представлялся землевладѣльцамъ весьма нежелательнымъ, угрожая имъ возвы-

шеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на ихъ земли [1]).

При всемъ несочувствіи общественнаго мнѣнія и законодательныхъ сферъ къ свободнымъ переселеніямъ сельскихъ обывателей теченіе народной жизни создавало условія, въ силу которыхъ потребность въ такихъ переселеніяхъ стала въ пореформенную эпоху ощущаться крестьянами съ постепенно возраставшею силою и главнымъ факторомъ въ этомъ направленіи явилось все болѣе и болѣе усилившееся во время крестьянской реформы несоотвѣтствіе между увеличеніемъ численности населенія Европейской Россіи, возросшей къ началу 90-хъ годовъ XIX столѣтія на 50%, и малою измѣняемостью размѣровъ земельнаго фонда, предоставленнаго въ его пользованіе [2]).

Въ этомъ отношеніи крестьянская реформа имѣла весьма важное значеніе для процесса народнаго разселенія и въ частности для колонизаціи Сибири. Если существованіе крѣпостного права было уже самостоятельною причиною неравномѣрнаго распредѣленія сельскаго населенія по территоріи Европейской Россіи, которому законъ объ обязательномъ переселеніи помѣщиками наиболѣе малоземельныхъ крестьянъ (ст. 1107 и 1108 т. IX Св. зак. 1857 г.) не могъ въ достаточной степени препятствовать, то актъ освобожденія крестьянъ сдѣлалъ послѣдствія неправильнаго разселенія бывшихъ крѣпостныхъ еще болѣе чувствительными для послѣднихъ; въ этомъ отношеніи надлежитъ прежде всего имѣть въ виду, что освобожденіе этихъ крестьянъ отъ личной зависи-

[1]) Ср. Тернеръ. Переселенческое дѣло. «Вѣстникъ Европы» за 1897 г., №№ 3—5; Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. 1877, стр. 142, и Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ (приложеніе къ 2-му изданію Опыта стат. изсл. 1881).

[2]) Усиленію для сельскаго населенія потребности въ землѣ содѣйствовало и то обстоятельство, что надѣленіе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ было расчитано не на наличную, а на ревизскую душу, въ виду чего при отводѣ земель по уставнымъ грамотамъ, начавшемся въ концѣ 1861 г., не была надѣлена землею вся часть населенія, равнявшаяся его приросту со времени составленія сказокъ послѣдней народной переписи, т. е. съ 1858 года.

мости привело къ установленію рѣзкой грани между землями помѣщиковъ и крестьянъ и въ то же время поставило послѣднихъ въ непосредственныя отношенія къ государству, финансовыя потребности котораго развивались параллельно общему оживленію экономической и политической жизни въ пореформенную эпоху. Условія эти, уже сами по себѣ благопріятствуя росту у крестьянъ потребности въ увеличеніи земельнаго обезпеченія, какъ главнаго источника ихъ благосостоянія, могли лишь содѣйствовать развитію въ нѣкоторыхъ губерніяхъ перенаселенія, явившемуся результатомъ весьма быстраго увеличенія численности сельскаго населенія въ сравненіи съ слабо измѣнявшеюся производительностью по преимуществу земледѣльческаго труда крестьянъ.

Если такой излишекъ населенія въ сравненіи съ емкостью территоріи началъ высказываться еще въ первой половинѣ настоящаго вѣка (ср. выше переселенія при гр. Киселевѣ), то въ пореформенную эпоху онъ выступилъ съ особою интенсивностью, совершенно заслонивъ собою, въ качествѣ основной причины выселеній, остальные мотивы уходовъ крестьянъ за Уралъ, какъ то: недовольство существующимъ правовымъ строемъ (бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ), стремленіе къ неограниченной религіозной свободѣ (переселенія раскольниковъ) и т. п.

Такимъ образомъ характерною для пореформенной эпохи особенностью по отношенію къ народной колонизаціи въ Сибири является господство экономическаго фактора въ качествѣ причины переселеній, и дѣйствіе этого фактора не могло не оказывать вліянія и на ходъ законодательства о переселеніяхъ.

Необходимость считаться съ постепенно обострявшимся дѣйствіемъ малоземелья, съ одной стороны, и опасеніе придать переселеніямъ нежелательные для правительства размѣры, съ другой,—составили тѣ два основныхъ начала, которыми характеризовалось законодательство 80-хъ годовъ, когда оно послѣ двадцатилѣтняго почти вполнѣ пассивнаго отношенія

къ переселеніямъ, наконецъ, приступило къ нѣкоторому облегченію для крестьянъ условій перехода на новыя мѣста.

Что касается, въ частности, вопроса о колонизаціи Сибири, то общее направленіе законодательства оказало самое рѣшительное вліяніе и на положеніе этого дѣла, а изданіе спеціальныхъ узаконеній о заселеніи сибирской территоріи началось лишь съ 1893 г. со времени учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги. Въ виду этого надлежитъ обратиться къ разсмотрѣнію общаго вопроса объ отношеніи пореформеннаго законодательства и администраціи къ переселенческому дѣлу вообще, поскольку имѣющіяся по этому предмету данныя могутъ освѣтить вопросъ объ отношеніи правительства къ крестьянскимъ переселеніямъ въ Сибирь.

Какъ уже было упомянуто, въ отношеніи правительства къ переселеніямъ въ концѣ 50-хъ годовъ произошелъ поворотъ, рѣзко отличающій эпоху, послѣдовавшую за временемъ управленія гр. Киселевымъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Положеніе 19 Февраля 1861 г., предоставивъ личную свободу 22 милліонамъ закрѣпощенныхъ крестьянъ, обошло молчаніемъ вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, установивъ лишь рядъ правилъ относительно порядка увольненія отдѣльныхъ домохозяевъ изъ однихъ обществъ и перечисленія въ другія; правила эти не касались общаго вопроса о переселеніяхъ въ томъ видѣ, какъ вопросъ этотъ былъ разработанъ въ «Уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», и заключали въ себѣ лишь рядъ условій, имѣвшихъ въ виду скорѣе ограничить помянутыя перечисленія; такъ, кромѣ требованій объ уплатѣ увольняемыми изъ общества лицами всѣхъ недоимокъ, о несостояніи ихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, объ отсутствіи безспорныхъ взысканій на нихъ и обязательствъ, объ отказѣ отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ, объ обезпеченіи ими остающихся въ обществѣ членовъ ихъ семействъ, поставлялась непремѣннымъ условіемъ увольненія наличность пріемнаго приговора отъ того общества, куда крестьяне переходили.

Кромѣ того, для крестьянъ, воспользовавшихся содѣйствіемъ

правительства для пріобрѣтенія въ собственность полеваго ихъ надѣла, выходъ изъ обществъ былъ затрудненъ рядомъ условій по отношенію къ уплатѣ выкупнаго долга, а бывшіе помѣщичьи крестьяне, не воспользовавшіеся этимъ содѣйствіемъ, должны были въ продолженіи 9 лѣтъ, т. е. до 1870 г. оставаться во «временно обязанныхъ» отношеніяхъ и могли выходить изъ обществъ не иначе, какъ съ согласія помѣщика.

Что касается до государственныхъ крестьянъ, то при переходѣ ихъ въ 1866 г. изъ управленія Министерства Государственныхъ Имуществъ въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій, всѣ правила о пособіяхъ, выдаваемыхъ переселенцамъ этой категоріи крестьянъ, были отмѣнены, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 15 Декабря 1866 года о неназначеніи впредь особыхъ кредитовъ на переселеніе государственныхъ крестьянъ изъ средствъ Государственнаго казначейства [1]). Взамѣнъ этихъ льготъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ было предоставлено лишь право ходатайствовать, при предъявленіи имъ владѣнной записи, о переселеніи части членовъ обществъ въ многоземельныя губерніи. Подобное право водворенія на казенныхъ земляхъ было предоставлено, кромѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, лишь весьма ограниченному числу сравнительно обдѣленныхъ землею сельскихъ обывателей, къ которымъ были отнесены, въ силу Высочайшихъ повелѣній отъ 1862, 1864, 1867 и 1868 годовъ: а) крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, б) горнозаводскіе мастеровые, в) безземельные батраки и бобыли отдѣльныхъ уѣздовъ Витебской губерніи, г) однодворцы западныхъ губерній и д) отставные нижніе чины, если эти послѣдніе представятъ удостовѣреніе, что они не могли получить надѣла отъ своихъ обществъ по малоземелью или по другимъ причинамъ.

Всѣ остальные разряды сельскихъ обывателей, а въ томъ числѣ и главная масса освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ были лишены права на переселеніе на казенныя

[1]) 2. П. С. З. № 43.987.

земли; если же требованія практической жизни и преодолѣвали формальныя запрещенія, и крестьяне переселялись, не увольняясь изъ обществъ, по паспортамъ, то при приходѣ на восточную окраину Россіи они встрѣчались съ весьма существенными затрудненіями, въ виду того, что администрація, исходя изъ требованій закона, не дозволяла переселенцамъ водворенія на казенныхъ пустопорожнихъ земляхъ; для крестьянъ было также запрещено селиться на угодьяхъ кочующихъ инородцевъ и (до 1865 г.) на земляхъ Кабинета Его Величества. Такимъ образомъ законодательство и администрація 60-хъ годовъ относились одинаково несочувственно къ обѣимъ фазамъ переселенческаго движенія—къ оставленію крестьянами своихъ обществъ и къ водворенію ихъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ. Если же законодательство и разрѣшало въ отдѣльныхъ случаяхъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о водвореніи переселенцевъ, осѣдавшихъ въ многоземельныхъ губерніяхъ вопреки разнообразнымъ запретамъ и препятствіямъ, то подобные законы представляли собою лишь частныя мѣропріятія, далеко не охватывавшія собою разнообразныхъ сторонъ этого экономическаго процесса. Къ такимъ законамъ, преслѣдовавшимъ лишь интересы заселенія отдѣльныхъ раіоновъ сибирской территоріи и вовсе не касавшихся способовъ переселенія выходцевъ изъ Европейской Россіи (въ противоположность «Уставу о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ») слѣдуетъ отнести уже упомянутое положеніе Сибирскаго Комитета 1861 г. о переселеніяхъ русскихъ и иностранцевъ въ Амурскую и Приморскую области, а также законъ 1865 г., предоставившій сельскимъ обывателямъ право водворенія на Кабинетскихъ земляхъ Алтайскаго округа (см. ниже, стр. 335).

Необходимость законодательнаго регулированія переселеній сказалась прежде всего въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи: Оренбургской, Уфимской и Самарской, куда стекалось довольно значительное число самовольныхъ переселенцевъ, осѣдавшихъ на земляхъ, пріобрѣтенныхъ у

мѣстныхъ вотчинниковъ—башкиръ, такъ называемыми «припущенниками». Къ этимъ переселенцамъ присоединялись и тѣ крестьяне, которые первоначально направлялись въ Сибирь и прерывали свой путь вслѣдствіе утомленія или неимѣнія средствъ. Недоразумѣнія, возникавшія съ вышеупомянутыми частными владѣльцами, оканчивавшіяся иногда возвращеніемъ переселенцевъ на родину, и побудили правительство къ установленію нѣкоторыхъ льготныхъ условій водворенія на казенныхъ земляхъ Оренбургской, Уфимской и Самарской губерній.

Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана въ 1868 г., когда составленнымъ по соглашенію Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ циркуляромъ крестьянамъ всѣхъ наименованій было предоставлено право получать въ названныхъ губерніяхъ участки, отводимые имъ мѣстнымъ управленіемъ Государственныхъ Имуществъ, причемъ отдѣльныя лица, желавшія поселиться въ этихъ губерніяхъ, должны были быть допускаемы къ осмотру участковъ, а переселенія цѣлыми обществами могли быть разрѣшаемы губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями.

Условія эти представляли значительныя удобства для развитія переселенческаго дѣла, хотя примѣненіе ихъ и было уже вскорѣ (въ томъ же 1868 г.) затруднено изданіемъ новаго циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, имѣвшаго въ виду предотвратить усиленіе переселенческаго движенія, вызванное обнародованіемъ перваго циркуляра. Ожидавшееся тогда скорое наступленіе девятилѣтняго срока по освобожденіи крестьянъ (въ 1870 г.), съ которымъ было связано право выхода отдѣльныхъ членовъ изъ обществъ независимо отъ разрѣшенія помѣщиковъ, возбуждало опасенія въ смыслѣ возможности массовыхъ переходовъ крестьянъ въ восточныя губерніи. Обстоятельство это и является объясненіемъ, почему циркуляръ 1868 г. не могъ послужить основаніемъ для выработки какого-либо законоположенія болѣе общаго характера (хотя въ этомъ смыслѣ и были составлены особой коммисіей, учрежденной въ

1869 г. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, предположенія, внесенныя въ Главный Комитетъ по устройству сельскаго состоянія и оставленныя безъ движенія) и почему съ этого года и вплоть до 1881 г. изданные относительно переселенцевъ 4 отдѣльныхъ узаконенія ограничивались почти исключительно официальнымъ признаніемъ уже совершившихся переходовъ крестьянъ въ восточныя губерніи и въ западную Сибирь. Законы эти были: Высочайше утвержденныя положенія Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, отъ 9 Апрѣля 1869 г., 6 Февраля 1871 г., 28 Января 1876 г. и 9 Ноября 1876 г. Первыя три изъ нихъ касались переселенцевъ, осѣвшихъ въ Оренбургской, Уфимской и Самарской губерніяхъ; предоставляя право на водвореніе на свободныхъ казенныхъ земляхъ лицамъ, уже проживавшимъ въ названныхъ губерніяхъ ко времени ихъ обнародованія, законы эти вовсе не касались, однако, вопроса о положеніи тѣхъ переселенцевъ, которые еще направлялись сюда, если не считать нѣкотораго расширенія круга лицъ, коимъ было разрѣшено переселеніе въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи [1]).

Аналогичный характеръ имѣетъ и положеніе 9 Ноября 1876 г. о перечисленіи переселенцевъ, водворившихся до 14 Декабря 1876 г. въ Тобольской и Томской губерніяхъ, съ переводомъ долгомъ на нихъ недоимокъ казенныхъ платежей и сборовъ и съ разсрочкой уплаты этихъ недоимокъ на 4 года. Изданіе этихъ правилъ, узаконявшихъ самовольный переходъ крестьянъ, совершенный до 1876 г., было вызвано донесеніями губернскихъ властей западной Сибири о неудобствахъ,

---

[1]) Къ этимъ лицамъ были, въ силу закона 1876 г., отнесены: а) безземельные крестьяне, не воспользовавшіеся надѣломъ по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, б) бывшіе помѣщичьи крестьяне, общества которыхъ получили даровой надѣлъ въ $1/4$ высшаго или указнаго и в) бывшіе государственные крестьяне, получившіе увольненіе изъ своихъ обществъ до выдачи имъ владѣнныхъ записей.

возникавшихъ для администраціи, благодаря наличности значительнаго (въ 1868 г. до 8,078 душъ) числа выходцевъ изъ Европейской Россіи, не приписанныхъ къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженствовавшихъ предпринять обратное переселеніе, по требованію губернскихъ властей о высылкѣ ихъ на родину [1]).

Подобныя узаконенія, хотя и не содержали въ себѣ правилъ, тормозившихъ движеніе переселенцевъ, но въ то же время оставляли послѣднее совершенно безъ всякой регулировки, которая между тѣмъ становилась все болѣе и болѣе необходимой, въ виду ежегодно увеличивавшагося числа прошеній сельскихъ обывателей объ отводѣ имъ участковъ казенныхъ земель; такъ, съ 1876 г. по 1881 г. въ Министерство Государственныхъ Имуществъ подобныхъ прошеній поступило около 1,000 (болѣе чѣмъ отъ 11,000 душъ), большинство коихъ было оставлено безъ послѣдствій.

Несоотвѣтствіе между законодательствомъ и требованіями жизни стало все болѣе обращать на себя вниманіе правительства и въ особенности органовъ мѣстнаго самоуправленія, хотя принятію какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ по вопросу о регулированіи переселеній препятствовало опасеніе, раздѣляемое лицами центральнаго управленія, чтобы предоставленіе крестьянамъ правъ на водвореніе на казенныхъ земляхъ не возбудило среди нихъ несбыточныхъ ожиданій общаго дополнительнаго надѣленія ихъ землею. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ разсмотрѣнное въ 1879 г. въ Комитетѣ Министровъ ходатайство Черниговскаго губернскаго земства объ измѣненіи для означенной губерніи общаго порядка крестьянскихъ переселеній. Мотивируя такое ходатайство необходимостью улучшить экономическое положеніе крестьянъ этой губерніи, которымъ приходилось испытывать рядъ крайне неблагопріятныхъ для ихъ хозяйствъ условій, какъ-то: недостаточность земельныхъ надѣловъ, истощеніе

---

[1]) 2. П. С. З. № 56571.

почвы, возвышеніе арендныхъ цѣнъ, наконецъ, недостаточная выгодность для нихъ земледѣльческихъ отхожихъ промысловъ,—Черниговское Губернское Земское Собраніе указывало на желательность распространенія вообще на крестьянъ Черниговской губерніи права водворенія на казенныхъ земляхъ восточныхъ губерній (Оренбургской и Уфимской), предоставленнаго закономъ 1876 г. отдѣльнымъ группамъ малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ. По поступленіи этого ходатайства въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, со стороны послѣдняго былъ сдѣланъ запросъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, отзывъ котораго служитъ весьма характернымъ выраженіемъ преобладавшаго въ теченіе 70-хъ годовъ воззрѣнія на переселенческій вопросъ. По мнѣнію тогдашняго Министра Государственныхъ Имуществъ Валуева надлежало относиться къ часто поступавшимъ ходатайствамъ о переселеніи на казенныя земли «съ величайшею осторожностью, дабы тѣмъ внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей». Вмѣстѣ съ тѣмъ Валуевъ придавалъ отклоненію упомянутыхъ ходатайствъ особое значеніе «вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли въ видахъ дополненія надѣловъ». Соглашаясь съ изложенными доводами, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маковъ, съ своей стороны, полагалъ возможнымъ допускать облегченіе условій переселенія лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ, когда необходимость такой мѣры будетъ доказана подробными изслѣдованіями хозяйственнаго быта крестьянъ. Приведенныя соображенія и вызвали отклоненіе Комитетомъ Министровъ ходатайства Черниговскаго земства.

Между тѣмъ, несмотря на опасенія возбудить въ населеніи преувеличенныя ожиданія, правительству уже въ самомъ

началѣ 80-хъ годовъ пришлось принять мѣры для обсужденія вопроса объ уменьшеніи замѣтно возросшихъ размѣровъ самовольныхъ переселеній крестьянъ, направлявшихся для водворенія, подъ видомъ ухода на заработки, въ Новороссію, въ приуральскія губерніи и въ западную Сибирь. Въ этихъ видахъ въ 1880 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особой коммисіи, на которую было возложено составить проектъ общаго переселенческаго закона, причемъ, въ виду продолжительнаго времени, потребнаго для выработки такого закона было признано необходимымъ поручить Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, издать, по взаимному соглашенію, временныя правила. Проектъ такихъ правилъ и былъ внесенъ въ Комитетъ Министровъ, при представленіи отъ названныхъ Министровъ, въ слѣдующемъ 1881 году.

Представленіе это имѣетъ особое значеніе въ томъ отношеніи, что оно служитъ выразителемъ перемѣны, происшедшей въ воззрѣніяхъ правительства подъ вліяніемъ безпрерывнаго роста переселеній. Считая вполнѣ выясненнымъ невозможность «оставить переселенческое дѣло въ его настоящемъ неопредѣленномъ положеніи» вышеназванные Министры признавали крайне желательнымъ «удовлетворить, безъ особой огласки, выразившейся потребности отдѣльныхъ группъ земледѣльческихъ классовъ къ водворенію на новыхъ мѣстахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано неудобнымъ придерживаться прежней системы обозначенія въ законѣ категорій крестьянъ, которые имѣли бы право ходатайствовать о переходѣ на новыя мѣста, а также давать указанія мѣстностей, изъ которыхъ могло быть допущено такое переселеніе, или цифровыхъ отношеній переселяющихся крестьянъ къ остающимся, въ виду того, что точное установленіе какихъ либо нормъ, съ одной стороны, повело бы къ тому, что далеко не весь контингентъ лицъ, дѣйствительно нуждающихся въ выселеніи, получилъ бы право на таковое, а съ другой стороны, несо-

мнѣнно, возбудило бы превратное толкованіе крестьянъ о приглашеніи правительствомъ отдѣльныхъ группъ изъ ихъ состава къ переселенію. Вслѣдствіе такихъ соображеній, Министры Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ и Управляющій Министерствомъ Финансовъ находили наиболѣе цѣлесообразнымъ сохранить выдачу разрѣшеній на переселеніе за центральными органами, облегчивъ для лицъ, получившихъ право на такое переселеніе, выполненіе нѣкоторыхъ затруднительныхъ для нихъ формальностей, которыя до того времени служили препятствіемъ къ удовлетворенію прошеній о переселеніи. Составленныя въ такомъ направленіи предположенія получили вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго 10 Іюля 1881 г. положенія Комитета Министровъ силу временныхъ правилъ, не подлежавшихъ обнародованію.

Измѣненія, введенныя этими правилами, касались нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ переселенческаго дѣла. Наиболѣе важное отличіе ихъ отъ предшествовавшихъ узаконеній заключалось въ предоставленіи Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, по взаимному соглашенію, разрѣшать переселеніе всѣмъ тѣмъ лицамъ сельскаго состоянія, «экономическое положеніе которыхъ къ тому побуждаетъ», причемъ въ основаніе выдачи такихъ разрѣшеній должны были быть положены производимыя черезъ мѣстныя крестьянскія учрежденія изслѣдованія экономическаго быта просителей. Полученіе подобнаго разрѣшенія освобождало отъ выполненія двухъ условій, которыя до того времени значительно затрудняли выселеніе недостаточно обезпеченныхъ лицъ, а именно: отъ представленія пріемныхъ приговоровъ отъ общества, куда переселенцы собирались перейти, и отъ обязательной уплаты переселяющимися всѣхъ казенныхъ и земскихъ недоимокъ и податей по 1 Января слѣдующаго года, причемъ уплата этихъ недоимокъ могла быть разсрочена на мѣстахъ новаго водворенія на нѣсколько лѣтъ, въ зависимости отъ платежныхъ силъ новоселовъ.

По вопросу о водвореніи лицъ, имѣвшихъ получить разрѣшеніе на переселеніе, правила 1881 г. постановляли отводить этимъ лицамъ въ кратковременное пользованіе, впредь до окончательнаго утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, переселенческіе участки, уже образованные Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ а равно и имѣвшіе быть образованными изъ казенныхъ оброчныхъ статей въ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, причемъ надѣлы для переселенцевъ были опредѣлены въ размѣрѣ не болѣе высшаго или указнаго, по мѣстности, надѣла, по положенію 19 Февраля 1861 г., а въ мѣстностяхъ, гдѣ размѣръ этотъ превышаетъ 8 дес. на душу,—а также и въ Сибирскихъ губерніяхъ, величина этого надѣла не должна была превышать послѣдняго размѣра [1]). Наконецъ, правила 1881 г. заключали въ себѣ первыя по времени постановленія по вопросу объ оказаніи переселенцамъ содѣйствія во время слѣдованія ихъ на новыя мѣста. Такъ, признано было необходимымъ учредить по путямъ передвиженія переселенцевъ особыя конторы, къ обязанности которыхъ были отнесены снабженіе переселяющихся свѣдѣніями по отысканію земель, выдача имъ матеріальныхъ пособій, а также оказаніе имъ врачебной помощи; на первое время однако было опредѣлено ограничиться открытіемъ въ видѣ опыта одной подобной конторы въ с. Батракахъ Симбирской губерніи (впослѣдствіи перенесенной въ г. Сызрань), которая могла бы обслуживать переселенцевъ, направлявшихся въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи и въ западную Сибирь.

Изъ приведеннаго здѣсь содержанія временныхъ правилъ

1) Правила 1881 г., относившіяся первоначально лишь къ лицамъ крестьянскаго сословія, были, въ силу Высочайше утвержденнаго, 17 Февраля 1884 г., положенія Комитета Министровъ, распространены и на лицъ, «не принадлежащихъ къ этому сословію, но издавна занимающихся хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ источникомъ для пропитанія ихъ и семействъ ихъ, и по быту своему не отличающихся отъ крестьянъ», причемъ подъ этимъ длиннымъ наименованіемъ разумѣлись исключительно лица одного мѣщанскаго сословія.

1881 г. можно заключить, что въ нихъ слѣдуетъ прежде всего видѣть попытку придать законную форму крайне безпорядочнымъ передвиженіямъ сельскихъ обывателей, и что продолжавшіяся опасенія правительства вызвать преувеличенные размѣры переселеній не позволили ему провести въ правилахъ 1881 г. какихъ-либо мѣръ, преслѣдующихъ собственно колонизаціонные интересы отдѣльныхъ районовъ. Послѣднее обстоятельство объясняется впрочемъ и временнымъ характеромъ самихъ правилъ, не содержавшихъ никакихъ указаній на содѣйствіе правительства переселенцамъ при ихъ водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Еще болѣе осторожное отношеніе правительства къ разсматриваемому вопросу высказалось при разработкѣ общаго переселенческаго закона, которая была поручена въ 1881 г. особой коммиссіи, образованной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Семенова, изъ представителей Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Юстиціи и Государственныхъ Имуществъ.

По разсмотрѣніи представленнаго на ея изученіе статистическаго матеріала о крестьянскихъ переселеніяхъ изъ отдѣльныхъ губерній за 70-е годы, коммисія пришла къ заключенію, что переселенческое движеніе, обнаружившееся съ особою силою въ концѣ 70-хъ и въ 1880-мъ году, представляется явленіемъ не случайнымъ, а вполнѣ естественнымъ, вызваннымъ стѣсненнымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ. Считая основной причиной переселеній крестьянское малоземелье, коммисія полагала допустить выселеніе изъ тѣхъ черноземныхъ губерній, въ которыхъ вліяніе этого фактора оказывалось особенно губительнымъ для крестьянскаго хозяйства; вмѣстѣ съ тѣмъ коммисія придерживалась воззрѣнія на возможность подчинить руководительству администраціи переселенческое движеніе во всѣхъ его фазахъ, начиная съ назначенія контингента лицъ, могущихъ переселяться въ каждый данный годъ, и кончая водвореніемъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Не довольствуясь разработкой предположеній объ организаціи переселеній въ коммисіи Семенова, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало полезнымъ привлечь къ обсужденію этого вопроса также лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ этого дѣла на практикѣ. Съ этою цѣлью заключенія коммисіи были переданы на обсужденіе особаго совѣщанія «свѣдущихъ людей». При исполненіи возложенной на него задачи совѣщаніе исходило изъ совершенно иныхъ основаній, нежели коммисія Семенова. Полагая, что государство должно считаться съ фактомъ переселенія въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно создается жизнью, и что всякая попытка подчиненія этого явленія какимъ нибудь нормамъ превратила бы послѣднія въ мертвую букву, совѣщаніе вмѣстѣ съ тѣмъ находило, что возраженія, выставляемыя противниками свободы переселеній, исходили лишь отъ неправильнаго пониманія экономическихъ потребностей народа, потерпѣвшихъ коренное измѣненіе послѣ 60-хъ годовъ. Въ видахъ возможно болѣе полнаго удовлетворенія этихъ потребностей, законодательству слѣдовало, по мнѣнію совѣщанія, признать право каждаго сельскаго обывателя на свободный переходъ на новыя мѣста. При этомъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ надлежало бы водворять съ денежными пособіями отъ правительства на казенныхъ земляхъ, ближайшихъ къ наиболѣе густо населеннымъ центральнымъ губерніямъ; что же касается тѣхъ крестьянъ, которые могли бы предпринять переселеніе на свой счетъ и страхъ, то имъ, по мнѣнію совѣщанія, могло бы быть предоставлено право ходатайствовать объ отводѣ земельныхъ надѣловъ въ Сибири, Средней Азіи и Закавказьѣ. Въ развитіе изложенныхъ общихъ соображеній совѣщаніемъ былъ составленъ проектъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, который и былъ разосланъ начальникамъ губерній. По полученію отзывовъ губернаторовъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ соотвѣтственнымъ повергнуть на благовоззрѣніе Государя Императора всеподданнѣйшій докладъ о главнѣйшихъ началахъ для разрѣшенія переселенческаго вопроса. Въ докладѣ этомъ гр. Тол-

стой указывалъ на невозможность допустить ту свободу переселенiй, на желательности которой настаивало совѣщанiе свѣдущихъ людей. Обнародованiе общаго закона о переселенiяхъ съ предоставленiемъ притомъ крестьянамъ разныхъ льготъ, по мнѣнiю гр. Толстаго, несомнѣнно развило бы стремленiе къ переселенiю среди массы сельскихъ обывателей, вовсе не нуждающихся въ переходѣ на новыя мѣста, причемъ подобное движенiе могло бы причинить чрезвычайныя затрудненiя, тѣмъ болѣе, что правительство не располагало въ то время достаточнымъ количествомъ отмежеванныхъ и годныхъ къ заселенiю казенныхъ земель. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ потребность къ переселенiю настоятельною лишь въ 12 губернiяхъ сѣверной и средней части черноземной полосы, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ считалъ наиболѣе цѣлесоотвѣтственнымъ допускать переходъ крестьянъ на новыя мѣста лишь въ той мѣрѣ, въ какой эта потребность дѣйствительно назрѣла въ каждомъ частномъ случаѣ, для чего гр. Толстой и предполагалъ предоставить администрацiи право останавливать переходъ на новыя мѣста, выдачу паспортовъ и распродажу крестьянскаго имущества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда выяснится, что переселенiе предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли.

Если всѣ изложенныя предположенiя Министра Внутреннмхъ Дѣлъ имѣли цѣлью нѣсколько ограничить рамки переселенческаго вопроса, то на ряду съ такими предположенiями во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Толстаго были приведены и другiя соображенiя, имѣвшiя въ виду упорядочить самыя условiя водворенiя переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Въ этихъ цѣляхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ было проектировано обратить остающiяся въ казнѣ за надѣленiемъ государственныхъ крестьянъ земли подъ поселенiя наиболѣе нуждающихся крестьянъ, предоставивъ въ то же время Министру Государственныхъ Имуществъ право принять мѣры къ приведенiю въ извѣстность земель западной Сибири и къ образованiю изъ нихъ такого количества переселенческихъ участковъ, которое удовлетворяло бы постоянно воз-

раставшей въ нихъ потребности; при этомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ высказывалъ убѣжденіе въ необходимости оказанія переселенцамъ содѣйствія выдачею имъ денежныхъ пособій во время пути и при водвореніи, равно какъ и въ предоставленіи имъ льготъ въ платежахъ и по отбыванію воинской повинности.

Такимъ образомъ въ предположеніяхъ всеподданнѣйшаго доклада гр. Толстаго ясно выразились два принципа: съ одной стороны, желательность сдержать переселенческое движеніе въ возможно тѣсныхъ размѣрахъ, съ другой — необходимость для государства принять на себя попеченіе объ устройствѣ тѣхъ крестьянъ, которымъ уже дана возможность перехода на новыя мѣста. Между тѣмъ первый изъ этихъ принциповъ продолжалъ сохранять первостепенное значеніе, о чемъ можно судить уже по скромнымъ размѣрамъ кредитовъ, испрошенныхъ на содѣйствіе переселенцамъ, согласно предположеніямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и опредѣлившихся въ 1884 г. въ размѣрѣ 40.000 р., каковая сумма была даже сокращена на послѣдующіе годы до 20.000 р.

Предположенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи ихъ въ особомъ совѣщаніи Министровъ: Императорскаго Двора, Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ, Финансовъ, Военнаго и Путей Сообщенія, были въ Маѣ 1884 г. одобрены Государемъ Императоромъ, выразившимъ Высочайшую волю, чтобы переселенія всецѣло были направляемы правительствомъ. Для дальнѣйшей разработки въ такомъ направленіи основныхъ положеній переселенческаго дѣла была образована при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особая коммисія подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника фонъ-Плеве, изъ представителей Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ. Проекты, выработанные коммисіею, съ частными исправленіями и измѣненіями, сдѣланными отдѣльными Министрами, послужили затѣмъ основаніемъ для представленія, внесеннаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1889 г. въ Государственный Совѣтъ. При обсужденіи озна-

ченнаго представленія въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Государственной Экономіи были высказаны соображенія, что новый проектъ закона о переселеніяхъ вызванъ дѣйствительными потребностями народной жизни, въ виду того, что «прогрессивный изъ году въ годъ приростъ населенія заставляетъ правительство не закрывать возможности переселенія, какъ единственнаго средства къ уменьшенію крайней густоты населенія и поправленія хозяйственнаго быта тѣхъ крестьянскихъ селеній, которымъ за недостаткомъ земли, угрожаетъ безъисходная нищета. Тѣмъ не менѣе, Соединенные Департаменты признавали желательнымъ придать означеннымъ правиламъ болѣе скромную постановку, ограничиваясь изданіемъ постановленій, опредѣляющихъ собственно порядокъ заселенія казенныхъ земель въ случаяхъ, когда то будетъ признано правительствомъ полезнымъ и необходимымъ».

Такая постановка вопроса представлялась, по заключенію Соединенныхъ Департаментовъ, прямымъ послѣдствіемъ того положенія, что причины, вызывавшія передвиженіе крестьянъ за послѣднее время (т. е. въ концѣ 80-хъ годовъ) сильно измѣнились, вслѣдствіе чего необходимость въ переселеніи значительно сократилась противъ прежняго. Полагая, что достаточно выгодныя для крестьянъ условія арендованія внѣ надѣльныхъ земель (въ смыслѣ близкой соразмѣрности между величиной арендныхъ платъ за земельныя угодья и доходностью этихъ послѣднихъ) и распространеніе дѣятельности только что учрежденнаго крестьянскаго банка будутъ значительно способствовать устраненію тяжелыхъ послѣдствій крестьянскаго малоземелья, Соединенные Департаменты считали вмѣстѣ съ тѣмъ, что на правительствѣ лежитъ обязанность скорѣе сдерживать переселеніе, чѣмъ поощрять его посредствомъ оказанія переселенцамъ содѣйствія въ разныхъ видахъ.

Въ зависимости отъ изложенныхъ соображеній Соединенными Департаментами были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ, проектированныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, главнымъ образомъ въ редакціи нѣсколько категорически

изложенныхъ статей объ отводѣ переселенцамъ участковъ и оказаніи имъ ссудъ на мѣстахъ новаго водворенія. Заключенія Соединенныхъ Департаментовъ были затѣмъ выслушаны въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта и представлены на Высочайшее утвержденіе, послѣдовавшее 13 Іюля 1889 года.

Получившія, такимъ образомъ, силу закона и дѣйствующія понынѣ, «правила о переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли» имѣютъ въ виду предоставить право на переселеніе всѣмъ нуждающимся въ таковомъ лицамъ указанныхъ сословій, безъ стѣсненій ихъ какими либо формальностями при полученіи соотвѣтствующихъ разрѣшеній. Сверхъ того правила эти стремятся подчинить самый процессъ переселенія такому воздѣйствію со стороны правительства, которое ставило бы самые размѣры переселеній въ ближайшую зависимость отъ возможности отвода переселенцамъ свободныхъ земель. Для осуществленія этихъ принциповъ законъ 1889 года ставитъ необходимымъ условіемъ для переселенія отдѣльныхъ лицъ разрѣшеніе на таковое переселеніе, выдаваемое Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ; лица, предпринявшія переселеніе безъ сего разрѣшенія, подлежатъ обратному возвращенію въ мѣста приписки распоряженіями административныхъ властей. Выдача подобнаго разрѣшенія обусловлена признаніемъ вышеупомянутыхъ Министровъ уважительности причинъ, вызывавшихъ ходатайство, и наличностью свободныхъ земель, предназначенныхъ для заселенія, причемъ полученіе таковаго разрѣшенія освобождаетъ отъ испрошенія увольнительныхъ приговоровъ отъ обществъ. Въ просьбахъ о переселеніи дозволяется указывать на тѣ мѣстности Имперіи, въ которыхъ крестьяне желали бы водвориться, хотя заявленія этого рода удовлетворяются лишь при условіи согласія съ общими видами правительства.

Для водворенія переселенцевъ Министру Государственныхъ Имуществъ предоставлено образовывать особые участки изъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи, въ губерніяхъ То-

больской и Томской и въ областяхъ Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской; участки эти отводятся переселенцамъ въ постоянное безсрочное пользованіе на одинаковыхъ условіяхъ съ мѣстными государственными крестьянами (въ Европейской Россіи первоначально лишь во временное арендное пользованіе на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ) безъ права отчужденія ихъ и обремененія ихъ долгами. Если такимъ образомъ законъ 1889 года стремится упрочить земельное устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, предотвративъ продажу переселенческихъ участковъ, съ другой стороны, онъ имѣетъ также въ виду избѣжать какой бы то ни было ломки хозяйственнаго строя переселенцевъ или нарушенія формы землевладѣнія, которая характеризовала этотъ строй на родинѣ переселенцевъ. Съ этою цѣлью послѣднимъ, при водвореніи на новыхъ мѣстахъ, предоставлено избирать на сельскомъ сходѣ общинную или подворную форму землепользованія.

Въ видахъ облегченія положенія новоселовъ въ наиболѣе трудное для нихъ первое время по водвореніи за ними обезпечено право пользоваться ссудами на продовольствіе и обсѣмененіе полей, не ожидая окончательнаго ихъ перечисленія и на тѣхъ же основаніяхъ, какія установлены для мѣстныхъ крестьянъ. Независимо отъ этого, Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, по взаимному ихъ соглашенію, предоставлено оказывать въ случаяхъ необходимости особое содѣйствіе отдѣльнымъ переселенцамъ выдачею имъ путевыхъ пособій во время слѣдованія къ мѣстамъ назначенія и производствомъ, по прибытіи на мѣсто, денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе, пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій. Новоселамъ было также разрѣшено отпускать необходимый для возведенія усадебныхъ построекъ лѣсной матеріалъ изъ казенныхъ дачъ. Въ связи съ подобными пособіями стоятъ и льготы, оказываемыя переселенцамъ освобожденіемъ ихъ отъ уплаты казенныхъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя имъ земли въ теченіе 2-хъ лѣтъ—въ Европейской Россіи и 3-хъ лѣтъ—въ Сибири и Средней Азіи.

Сверхъ перечисленныхъ льготъ и пособій новоселамъ предоставлено еще весьма значительное облегченіе сложеніемъ съ нихъ всѣхъ недоимокъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ, равно какъ и платежей съ невыкупленныхъ окончательно надѣловъ, причемъ всѣ означенные платежи, въ противоположность требованію временныхъ правилъ 1881 г., переводятся на прежнія общества переселенцевъ.

Кромѣ опредѣленія характера и размѣра льготъ предоставленныхъ новоселамъ, законъ 1889 г. заключаетъ въ себѣ указаніе и на порядокъ образованія въ переселенческихъ поселкахъ сельскихъ обществъ, а также приселенія къ этимъ поселкамъ вновь прибывающихъ переселенцевъ. Наконецъ, помянутый законъ содержитъ и правила о перечисленіи къ мѣстамъ водворенія всѣхъ лицъ сельскаго состоянія и мѣщанъ, самовольно переселившихся въ прежнее время въ губерніи: Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую, Тобольскую и Томскую и въ Степныя области: Семирѣченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую.

Вышеизложенныя правила закона 1889 г., относившіяся первоначально лишь къ переселенію въ губерніи Европейской Россіи и западной Сибири и въ вышеупомянутыя степныя области, были въ 1891 и 1892 г.г. распространены на Уральскую и Тургайскую области и на губерніи: Енисейскую и Иркутскую. Въ противоположность временнымъ правиламъ 1881 г., законъ 1889 г. было признано соотвѣтственнымъ обнародовать, за исключеніемъ лишь статей, которыми для переселенцевъ устанавливалась возможность полученія ссудъ при водвореніи. Обнародованіемъ этихъ правилъ имѣлось въ виду содѣйствовать уменьшенію самовольныхъ переселеній въ томъ соображеніи, что прямая выгода побудитъ лицъ, стремящихся къ переходу на новыя мѣста, предпочесть законный путь. Съ другой стороны, еще при разработкѣ означенныхъ правилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было обращено вниманіе на невозможность сохраненія въ тайнѣ законоположеній, относящихся къ такимъ явленіямъ народной жизни,

какъ переселеніе, и на нежелательность распространенія неточныхъ и неполныхъ свѣдѣній, могущихъ лишь содѣйствовать ходившимъ среди крестьянъ преувеличеннымъ слухамъ о роли правительства въ организаціи переселеній.

Обсуждая значеніе вышеизложенныхъ правилъ 1889 г. въ исторіи переселенческаго дѣла, нельзя не указать на то обстоятельство, что правила эти являются первымъ по времени закономъ общаго содержанія, признавшимъ за переселеніями значеніе народной потребности, долженствующей быть удовлетворенною. Касаясь наиболѣе существенныхъ моментовъ переселенческаго дѣла, какъ то: вопроса о выходѣ переселенцевъ съ родины, о водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ, о льготахъ, на которыя они могли расчитывать, законъ этотъ не содержалъ, однако, постановленій болѣе или менѣе исчерпывающихъ какой либо изъ этихъ вопросовъ, а представлялъ собою лишь одну программу, отдѣльные пункты которой нуждались въ подробной разработкѣ для успѣшнаго проведенія въ жизнь; иначе говоря, законъ 1889 г. могъ указывать успѣшное воздѣйствіе на общій ходъ этихъ переселеній лишь при условіи выработки позднѣйшихъ дополнительныхъ правилъ.

Потребность въ такихъ дополнительныхъ узаконеніяхъ сказалась прежде всего по вопросу о самовольныхъ переселенцахъ, направлявшихся въ Сибирь. На основаніи новаго закона, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было выдано до 1892 г. разрѣшеній на переселеніе въ разныя мѣстности 17,289 семьямъ, между тѣмъ какъ, по даннымъ, добытымъ регистраціею, за эти же годы прошло только за Уралъ 28,911 семей. Такимъ образомъ значительная часть крестьянъ продолжала переходить въ Сибирь за свой счетъ и страхъ, и цѣль упорядоченія переселеній, которую преслѣдовалъ законъ 1889 г., оставалась, повидимому, недостигнутой. Въ виду невозможности примѣнить къ такому значительному числу самовольныхъ переселенцевъ требованія закона объ ихъ возвращеніи на родину административнымъ порядкомъ, правительству оставалось лишь прибѣг-

нуть къ неоднократно уже испытанному средству, именно къ причисленію къ мѣстамъ водворенія на общемъ основаніи всѣхъ переселенцевъ, перешедшихъ къ этому времени безъ установленныхъ разрѣшеній въ западную Сибирь. Между тѣмъ непрерывный наплывъ выходцевъ изъ Европейской Россіи значительно опередилъ ходъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ какъ на казенныхъ, такъ и на Кабинетскихъ земляхъ западной Сибири, въ виду чего Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министрами Императорскаго Двора и Удѣловъ и Государственныхъ Имуществъ признало необходимымъ пріостановить выдачу разрѣшеній на переселеніе, о чемъ и было сообщено начальникамъ губерній циркуляромъ отъ 6 Марта 1892 г. Несмотря, однако, на это запрещеніе, движеніе крестьянъ за Уралъ продолжалось, достигнувъ за 1892 г. 84,200 душъ, а въ 1893 г.—61,435 душъ. При столь значительныхъ размѣрахъ движенія переселенцамъ приходилось сталкиваться съ цѣлымъ рядомъ неудобствъ, вызываемыхъ отсутствіемъ правильной организаціи въ ихъ передвиженіи и въ особенности недостаткомъ продовольственной и врачебной помощи. Если, съ одной стороны, скопленіе переселенцевъ въ отдѣльныхъ пунктахъ на пути вызывало значительное развитіе инфекціонныхъ болѣзней во время слѣдованія ихъ къ новымъ мѣстамъ, то, съ другой стороны, самый процессъ водворенія ихъ былъ весьма затрудненъ отсутствіемъ заготовленныхъ участковъ казенныхъ земель. Такимъ образомъ переходъ крестьянъ въ Сибирь, не смотря на существованіе закона 1889 г., продолжалъ сохранять свой прежній безпорядочный характеръ и не могъ приносить для колонизаціи страны тѣхъ результатовъ, какихъ можно было бы ожидать, благодаря ежегодному увеличенію размѣровъ переселеній.

Серьозныя невыгоды такого крайне ненормальнаго положенія переселенческаго дѣла выступали съ особою очевидностью послѣ разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ вопроса о проведеніи черезъ Сибирь сплошнаго желѣзнодорожнаго пути;

сооруженіе этого пути должно было естественно оказать вліяніе на значительное усиленіе переселенческаго движенія, не только вслѣдствіе удешевленія проѣзда и устраненія многихъ неудобствъ при передвиженіи переселенцевъ, удерживавшихъ многихъ лицъ отъ выселенія за Уралъ, но и по причинѣ ожидавшагося наплыва изъ Европейской Россіи на постройку пути многочисленныхъ рабочихъ, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи должны были вступить въ ряды сибирскихъ новоселовъ, не желая возвращаться на родину и приглашая къ переселенію оставшихся за Ураломъ членовъ ихъ семействъ. Независимо отъ такого вліянія на увеличеніе притока переселенцевъ, начало работъ по сооруженію Сибирскаго рельсоваго пути имѣло и другое столь же важное значеніе для колонизаціи этого края, установивъ прочную связь между правительственными попеченіями объ экономическомъ и культурномъ развитіи Сибири съ вопросомъ о регулированіи крестьянскихъ переселеній.

Цѣлесоотвѣтственность подобной постановки дѣла была обусловлена рядомъ соображеній общеполитическаго и финансоваго характера: непосредственное отношеніе къ постройкѣ желѣзной дороги имѣло стремленіе устранить непроизводительныя затраты, представлявшіяся неизбѣжными при эксплоатаціи пути, пересѣкавшагося рядами пустынныхъ мѣстностей; далѣе сама постройка пути могла оказать могучее содѣйствіе экономическому развитію страны и такимъ образомъ съ избыткомъ покрыть громадныя израсходованныя по сооруженію дороги суммы, лишь при условіи цѣлесоотвѣтственнаго воздѣйствія государства на разселеніе по Сибири и на дальнѣйшее устройство въ этомъ краѣ непрерывно притекавшихъ изъ-за Урала колонизаціонныхъ элементовъ.

Изложенныя соображенія подверглись детальному обсужденію при разсмотрѣніи вопроса объ общемъ порядкѣ сооруженія новаго пути, и въ силу Высочайше утвержденнаго, 10 Декабря 1892 г., журнала особаго совѣщанія о постройкѣ Сибирской желѣзной дороги было опредѣлено:

Во первыхъ: образовать особый фондъ на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою Сибирской желѣзной дороги и имѣющія цѣлью какъ облегченіе сей постройки, такъ и содѣйствіе заселенію и промышленному развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей. Размѣръ этого фонда первоначально былъ установленъ въ 14.000.000 руб. и впослѣдствіи въ 1897 г. увеличенъ еще на 7.900.000 руб.

Во вторыхъ: учредить особый Комитетъ Сибирской желѣзной дороги подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Высочайшею властью, съ тѣмъ чтобы къ вѣдѣнію Комитета относились между прочимъ: 1) распоряженіе суммами, назначенными на вспомогательныя предпріятія Сибирской желѣзной дороги, и 2) разсмотрѣніе и разрѣшеніе прочихъ вопросовъ, относящихся до осуществленія связанныхъ съ Сибирской желѣзной дорогой вспомогательныхъ предпріятій.

Образованный подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, изъ лицъ высшаго управленія, стоящихъ во главѣ тѣхъ вѣдомствъ, къ компетенціи которыхъ относятся какъ сооруженіе Сибирскаго пути, такъ и вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою означеннаго пути, Комитетъ имѣетъ такимъ образомъ своею задачею общее руководительство дѣятельностью этихъ вѣдомствъ.

Согласно Августѣйшей волѣ Основателя Комитета Императора Александра III, выраженной въ рескриптѣ, данномъ на Имя Наслѣдника Престола, всѣ мѣропріятія по сооруженію Сибирской желѣзной дороги были поставлены въ ближайшую связь съ тѣми предположеніями, которыя должны способствовать заселенію и промышленному развитію Сибири. Для облегченія же этой послѣдней задачи Комитету, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій его, согласно съ мнѣніемъ Августѣйшаго Предсѣдателя, было признано необходимымъ учредить особую подготовительную при Комитетѣ коммисію, на которую и было возложено предварительное разсмотрѣніе всѣхъ мѣропріятій по устройству переселенцевъ и по другимъ вопросамъ, связан-

нымъ съ этимъ дѣломъ, съ тѣмъ, чтобы предположенія комиссіи вносились затѣмъ непосредственно на усмотрѣніе Комитета Сибирской желѣзной дороги. Въ связи съ обсужденіемъ подобныхъ предположеній на подготовительную коммисію въ томъ же 1893 году было возложено и составленіе смѣтъ потребныхъ въ каждомъ отдѣльномъ году расходовъ изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги, для включенія подлежащихъ кредитовъ, по утвержденіи Комитетомъ названной дороги, въ Государственную роспись.

Въ составъ членовъ образованной, согласно Высочайше утвержденному, 4 Марта 1893 г., положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги, подготовительной коммисіи входятъ, подъ предсѣдательствомъ Управляющаго дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги Статсъ-Секретаря Куломзина, представители тѣхъ вѣдомствъ, которыя вносятъ свои предположенія въ Комитетъ, причемъ въ сужденіяхъ коммисіи, кромѣ опредѣленныхъ членовъ, принимаютъ участіе и лица, которыя по своему служебному положенію и занятіямъ могутъ содѣйствовать всестороннему выясненію тѣхъ или другихъ вопросовъ, подлежащихъ впослѣдствіи разсмотрѣнію Комитета. Такой составъ коммисіи имѣетъ весьма существенное значеніе въ томъ отношеніи, что онъ вноситъ единство въ воззрѣнія представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ на важнѣйшіе вопросы и въ то же время гарантируетъ всестороннее и незамедлительное обсужденіе этихъ вопросовъ взамѣнъ обычныхъ письменныхъ сношеній между вѣдомствами.

Руководящимъ принципомъ въ предположеніяхъ, выработанныхъ по вопросу о регулированіи переселеній, послужила высказанная, въ засѣданіи Комитета, отъ 8 Марта 1895 года, Августѣйшимъ Предсѣдателемъ послѣдняго мысль, что къ крестьянскимъ переселеніямъ слѣдуетъ относиться безъ особыхъ опасеній, правительственное же воздѣйствіе должно направляться къ тому, чтобы переселеніе носило характеръ болѣе сознательный и получило вполнѣ правильную постановку.

При обсужденіи размѣровъ и характера переселенческаго движенія, Комитетъ усматривалъ, что выселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній Россіи не можетъ оказывать невыгоднаго вліянія на экономическое развитіе страны, въ виду того, что численность такого выселенія является весьма незначительною въ сравненіи съ ежегоднымъ приростомъ населенія, достигающимъ $1^1/_2$ милліона чел. Съ другой стороны, Комитетомъ было обращено вниманіе на крайне благотворное вліяніе переселеній на политическое и экономическое развитіе Сибири, способствующихъ насажденію тамъ русской культуры, и содѣйствующихъ достиженію правительствомъ задачи ближайшаго объединенія нашихъ Азіатскихъ владѣній съ Европейской Россіей. Подобная постановка вопроса сразу положила конецъ всѣмъ тѣмъ опасеніямъ и колебаніямъ въ воззрѣніи на переселенческій вопросъ, которыя, какъ было изложено выше, оказывали свое вліяніе еще при разработкѣ переселенческаго закона 1889 года.

Исходя изъ этихъ основныхъ принциповъ, Комитетъ (въ 1895 г.) поставилъ на ближайшую очередь вопросъ о допущеніи нѣкоторыхъ измѣненій въ переселенческомъ законѣ 1889 г. въ смыслѣ упорядоченія организаціи выхода крестьянъ съ родины и условій ихъ водворенія въ Сибири; правила, выработанныя въ этомъ направленіи подготовительною коммисіею, получили въ 1896 г. (15 Апрѣля) Высочайшее утвержденіе чрезъ Государственный Совѣтъ. Въ связи съ принципіальнымъ разрѣшеніемъ указанныхъ общихъ вопросовъ Комитетъ Сибирской желѣзной дороги еще въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ обратилъ вниманіе на неотложную необходимость принятія мѣръ къ скорѣйшему устройству уже прибывшихъ въ Сибирь переселенцевъ, съ каковою цѣлью на подготовительную коммисію было возложено выясненіе вопроса о приведеніи въ извѣстность свободныхъ земель и объ отводѣ ихъ переселенцамъ. Исполнивъ порученную ей задачу, коммисія представила Комитету правила для образованія переселенческихъ и запасныхъ участ-

ковъ въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги и временныя постановленія о расширеніи предѣловъ вѣдомства учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніяхъ западной Сибири. Правила эти, были положены въ основаніе всей позднѣйшей дѣятельности правительства по вопросу о разселеніи въ Сибири выходцевъ изъ Европейской Россіи.

Независимо отъ сего, вопросъ объ упорядоченіи переселеній былъ также разсмотрѣнъ въ 1894 г. особымъ совѣщаніемъ, образованнымъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сипягина). Предположенія совѣщанія коснулись нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ сторонъ переселенческаго дѣла, какъ то: вопросовъ о порядкѣ выдачи разрѣшеній на переселеніе, объ ослабленіи самовольнаго движенія, о выдачѣ пособій переселенцамъ, о развитіи ходачества—и послужили основаніемъ для выработки соотвѣтственныхъ правилъ подготовительной при Сибирскомъ Комитетѣ коммисіей.

Такимъ образомъ истекшее со времени учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги семилѣтіе ознаменовалось въ исторіи переселенческаго вопроса усиленною дѣятельностью органовъ центральнаго управленія по установленію законодательныхъ нормъ по сему вопросу. Подобное направленіе дѣятельности правительства обусловило необходимость ближайшаго ознакомленія какъ съ примѣненіемъ на мѣстѣ уже изданныхъ правилъ, такъ и съ тѣми новыми потребностями, которыя выяснились при примѣненіи этихъ правилъ на практикѣ. Достиженію послѣдней цѣли въ значительной степени содѣйствовали неоднократныя служебныя поѣздки въ Сибирь отдѣльныхъ лицъ въ качествѣ представителей тѣхъ или другихъ учрежденій, непосредственно завѣдывающихъ отдѣльными сторонами переселенческаго дѣла. Изъ такихъ поѣздокъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто посѣщенія западной Сибири въ 1895 г. и 1898 г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ермоловымъ, имѣвшія главною цѣлью ознакомленіе съ рядомъ

вопросовъ, связанныхъ съ поземельнымъ устройствомъ сибирскаго населенія и съ заготовленіемъ земель для переселенцевъ. Къ 1895 же году относится и поѣздка въ Сибирь Директора Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ тайнаго совѣтника Тихѣева, въ качествѣ предсѣдателя особой коммисіи, Высочайше учрежденной въ 1895 г. для изученія и общаго направленія работъ по образованію переселенческихъ участковъ. Значеніе всѣхъ этихъ поѣздокъ для переселенческаго вопроса заключается какъ въ вліяніи оказанныхъ ими на общій ходъ вышеуказанныхъ работъ, такъ и въ ближайшемъ выясненіи, благодаря имъ, размѣра площади, могущей быть отведенной вновь прибывающимъ переселенцамъ.

Лѣтомъ 1896 года была совершена поѣздка въ Сибирь Управляющимъ дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ, поставившимъ себѣ задачею «вникнуть въ причины, вызывающія уходъ переселенцевъ съ родины и условія, которыми онъ обставленъ, выяснить нужды этихъ выходцевъ въ пути слѣдованія, ознакомиться съ многообразными сторонами первоначальнаго устройства и жизни ихъ на новой родинѣ, съ характеромъ земель, на которыхъ въ настоящее время новоселамъ приходится созидать свое хозяйство, а равно и съ мѣстностями, могущими служить будущимъ колонизаціоннымъ фондомъ [1])».

Заключенія, къ которымъ пришелъ Статсъ-Секретарь Куломзинъ при посѣщеніи переселенческаго раіона вдоль Сибирской желѣзной дороги, были изложены въ особомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ по упомянутой поѣздкѣ и, по разсмотрѣніи ихъ подготовительною при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіею, послужили основаніемъ цѣлаго ряда мѣръ (о коихъ будетъ изложено въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ ниже), выработанныхъ за послѣднее трехлѣтіе и касающихся разнообразныхъ вопросовъ не только по организаціи передви-

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина по его поѣздкѣ въ Сибирь. Введеніе.

женія переселенцевъ и водворенія ихъ, но и улучшенія условій дальнѣйшей жизни новоселовъ въ Сибири.

Еще въ 80-хъ годахъ при разработкѣ предположеній объ организаціи переселеній выяснилась желательность нѣкотораго измѣненія въ порядкѣ управленія переселенческимъ дѣломъ, сосредоточивавшагося въ одномъ изъ отдѣленій Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. При постоянно осложнявшемся дѣлопроизводствѣ по переселенческому вопросу, подобный порядокъ сталъ обнаруживать все болѣе и болѣе неудобствъ, какъ въ виду его несоотвѣтствія общегосударственной важности переселенческаго дѣла, такъ и вслѣдствіе недостаточной численности завѣдывавшаго этимъ дѣломъ служебнаго персонала. Въ видахъ устраненія указанныхъ неудобствъ въ концѣ 1896 г. состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта, удостоившееся Высочайшаго утвержденія 2 Декабря того же года, объ образованіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особаго Переселенческаго Управленія, къ обязанностямъ котораго были отнесены—какъ функціи чисто исполнительнаго характера — какъ-то: руководство выдачею разрѣшеній на переселеніе, а въ потребныхъ случаяхъ и выдача этихъ разрѣшеній, попеченіе объ устройствѣ переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и завѣдываніе кредитами, открываемыми на переселенческое дѣло, такъ и предварительная разработка всѣхъ законодательныхъ мѣропріятій по переселенческому вопросу. Такимъ образомъ значеніе дѣятельности Переселенческаго Управленія для дѣла заселенія Сибири выражается въ томъ, что оно, путемъ изученія на мѣстѣ отдѣльныхъ потребностей и своевременнаго заявленія о нихъ, облегчаетъ состоящей при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги подготовительной коммисіи разработку всей совокупности предположеній по упомянутому вопросу, и въ то же время имѣетъ черезъ своихъ, командируемыхъ какъ въ губерніи выхода переселенцевъ, такъ и въ Сибирь, чиновниковъ особыхъ порученій, наблюденіе за положеніемъ переселенческаго дѣла на мѣстѣ и общее руководство имъ.

Соотвѣтственно такому расширенію состава и компетенціи органа центральнаго управленія, вѣдающаго переселенческое дѣло, былъ усиленъ и составъ мѣстныхъ установленій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Сибири. Такъ, въ послѣдніе годы, согласно предуказаніямъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, былъ значительно увеличенъ контингентъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, къ числу обязанностей которыхъ еще въ 1893 г. были отнесены заботы о водвореніи переселенцевъ, а также и чиновниковъ, командируемыхъ на линію Сибирской желѣзной дороги для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ въ мѣстахъ наибольшаго скопленія выходцевъ изъ Европейской Россіи.

Не касаясь въ настоящемъ мѣстѣ вопроса о роли, принадлежащей всѣмъ этимъ лицамъ въ дѣлѣ непосредственнаго упорядоченія переселеній, надлежитъ лишь замѣтить, что производимая этими лицами тщательная регистрація переселенцевъ при слѣдованіи ихъ черезъ извѣстные пункты и при ихъ водвореніи доставляетъ матеріалъ, весьма цѣнный какъ для статистическаго изслѣдованія переселеній, такъ и для тщательной разработки соотвѣтственныхъ законодательныхъ нормъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ представленъ обзоръ данныхъ, основанныхъ на этомъ статистическомъ матеріалѣ и излагаемыхъ въ связи съ мѣропріятіями Комитета Сибирской желѣзной дороги по регулированію переселеній. Для большаго удобства при разсмотрѣніи этихъ свѣдѣній и узаконеній представляется цѣлесообразнымъ сгруппировать всѣ данныя, сюда относящіяся, вокругъ двухъ фазъ переселенческаго движенія, разсмотрѣвъ отдѣльно моментъ выхода переселенцевъ съ родины и ихъ перехода на новыя мѣста и моментъ ихъ водворенія въ Сибири. Изученіе перваго изъ этихъ двухъ моментовъ, представляетъ существенный интересъ въ томъ смыслѣ, что оно даетъ точное понятіе о количественномъ и качественномъ контингентѣ тѣхъ лицъ, которыми заселялась Сибирь за послѣдніе годы.

Глава IV.

Современныя условія выселенія переселенцевъ изъ Европейской Россіи и ихъ передвиженія въ Сибирь.

При обзорѣ хода законодательства о переселеніяхъ послѣ 1861 г. было указано, что постепенное развитіе его—въ смыслѣ расширенія круга лицъ, получавшихъ право на переселеніе,—явилось слѣдствіемъ постоянно возраставшаго числа крестьянъ, самовольно переходившихъ на новыя мѣста. При всемъ томъ значеніи, которое имѣютъ для освѣщенія всего процесса колонизаціи Сибири свѣдѣнія о размѣрахъ переселеній крестьянъ Европейской Россіи, слѣдуетъ упомянуть, что общая регистрація переселенцевъ, направлявшихся въ Сибирскія губерніи и области, стала вестись лишь съ 1885 г., что же касается болѣе раннихъ свѣдѣній, сохранившихся по этому предмету, то они могутъ дать лишь весьма приблизительное представленіе объ общемъ числѣ лицъ, перешедшихъ за Уралъ,—въ виду того, что данныя эти имѣются не за всѣ годы и касаются лишь тѣхъ переселенцевъ, которые были оффиціально причислены къ сибирскимъ сельскимъ обществамъ казенными палатами. Если по этимъ даннымъ и не представляется возможнымъ имѣть полную картину крестьянскихъ переселеній въ Сибирь въ 60-хъ, 70-хъ и частью 80-хъ годахъ, то трудность дѣлать какія либо заключенія по этому вопросу увели-

чивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе крестьяне, направлявшіеся въ Сибирь, не доходили по недостатку средствъ къ продолженію пути до мѣста ихъ первоначальнаго назначенія, осѣдая гдѣ либо въ восточныхъ приуральскихъ губерніяхъ; съ другой стороны, въ Сибирь проникали по прежнему цѣлыя группы крестьянъ, которые проживали среди старожиловъ безъ всякой прописки, а поэтому ускользали отъ какой бы то ни было регистраціи. Единственный выводъ, къ которому можно придти на основаніи всеподданнѣйшихъ отчетовъ начальниковъ Сибирскихъ губерній, а также и по имѣющимся даннымъ о причисленіи переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи и въ Алтайскомъ округѣ, сводится къ тому, что выселенія выходцевъ изъ внутреннихъ губерній за Уралъ безостановочно продолжались и послѣ крестьянской реформы, причемъ цифра переселяющихся въ первые годы составляла въ среднемъ около 2,000 душъ въ годъ. Замѣтное увеличеніе числа переселенцевъ начинается уже въ 80-хъ годахъ, и въ 1881—1882 гг. число это, по разсчету Гурвича, составило 74,000 душъ [1]). Въ 1885 г., когда началась регистрація переселенцевъ при ихъ слѣдованіи черезъ Тобольскую губернію, цифры переселеній пріобрѣтаютъ большую точность; достигая до 11,832 чел. въ 1885 г., онѣ возрасли въ 1890 г. до 47,378 чел. Въ слѣдующемъ 1891 году цифра эта почти удвоилась, достигнувъ 82,150 чел., каковое обстоятельство въ значительной степени должно было быть приписано неурожаю хлѣбовъ, поразившему въ этотъ годъ многія губерніи внутренней Россіи. Сохраняя въ слѣдующіе за 1891 годомъ че-

---

[1]) Столь значительное число переселенцевъ 1881 и 1882 гг. въ сравненіи съ общимъ ихъ числомъ за предшествовавшіе годы подтверждается свѣдѣніями о выселеніи крестьянъ изъ отдѣльныхъ губерній Европейской Россіи. Изъ изслѣдованій Григорьева («Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи» 1885 г. и «Докладъ Рязанскому Губернскому Собранію о переселеніяхъ крестьянъ изъ Рязанской губерніи») можно усмотрѣть, что три четверти всѣхъ переселенцевъ за 1877—1881 гг. Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ вышли весною 1881 г. Кромѣ того, въ 1881 г. изъ этого-же раіона переселилось слишкомъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ за весь періодъ 1861—1880 гг.

тыре года средній размѣръ свыше 50,000 чел., переселѣнческое движеніе достигло въ 1896 г. небывалой до того напряженности, опредѣлившись въ 202,302 чел.; въ слѣдующемъ 1897 г. оно опустилось до 86,575 чел., вновь увеличившись въ 1898 г. до 205,645 чел. и достигнувъ въ 1899 г. до 223,981 чел. обоего пола [1].

Такимъ образомъ, несмотря на довольно сильныя колебанія изъ году въ годъ, общія числа крестьянъ, выселявшихся въ Сибирь, имѣли за послѣднее двадцатилѣтіе несомнѣнную склонность къ повышенію, въ зависимости отъ постепеннаго уменьшенія емкости территоріи по отношеніи къ населенію.

Дѣйствіе послѣдняго фактора и выражается въ развитіи того «малоземелья», на которое изслѣдователи сибирскихъ переселеній единогласно указываютъ какъ на коренную причину послѣднихъ [2]); къ такому же заключенію приходили и представители тѣхъ правительственныхъ органовъ, на которыхъ была возложена выработка законоположеній по переселенческому вопросу.

На выдающееся значеніе малоземелья, какъ основной причины крестьянскихъ переселеній, указываютъ данныя, добытыя при опросѣ самихъ сибирскихъ переселенцевъ. Такъ, на вопросъ, предлагавшійся встрѣченнымъ на пути движенія переселенцамъ и новоселамъ 199 поселковъ, о причинѣ ихъ выхода съ родины Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ, отвѣты варьировались: «отъ безземелья», «жить не при чемъ», «земли мало стало», «земли добиваться шли», «на землю захотѣлось», «подъ деревнями больше мѣста было, чѣмъ подъ пашнями», «кола выру-

---

1) Ср. приложенную къ настоящему изслѣдованію діаграмму о размѣрахъ переселенческаго движенія въ Сибирь за 1882—1899 гг.

2) Гурвичъ. Переселеніе крестьянъ въ Сибирь 1889. Исаевъ. Переселенія въ народномъ хозяйствѣ 1890. Чудновскій. Переселенческое дѣло на Алтаѣ 1889. Въ Запискахъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. I, вып. 1. Остафьевъ. Переселенцы въ Сибири (Юрид. Вѣстн. 1891) А. Риттихъ. Переселенія, 1882. Серповскій. Переселенія въ Россіи въ древнее и новое время. 1885.

бить негдѣ», «утѣсненіе скотинѣ», но во всѣхъ этихъ отвѣтахъ, въ сущности заключался одинъ, а именно: неимѣніе или недостатокъ земли вообще или какихъ-либо отдѣльныхъ угодій [1]). Къ такимъ же заключеніямъ приводятъ и свѣдѣнія подворнаго изслѣдованія переселенческихъ поселковъ, образованныхъ до 1893 г. на казенныхъ земляхъ Тобольской и Томской губерній. Изъ показаній, данныхъ крестьянами поселковъ Томской губерніи выясняется, что изъ общаго числа 4,707 дворовъ для 1,792 (или 38% общаго числа) причиною переселеній явился недостатокъ и дурное качество вообще земли, для 599 (27%)— недостатокъ лѣса, выгоновъ и усадьбы, для 321 (8%)—несоотвѣтствіе надѣла составу семьи, для 407 (8%)—неурожаи и голодъ. Въ остальныхъ дворахъ крестьяне выставляли причиною своихъ переселеній повидимому менѣе опредѣленные мотивы, какъ то «невозможность существовать», стремленіе «идти за людьми», желаніе «работать на себя», исканіе лучшаго и т. п. [2]). Изъ перечня этихъ данныхъ можно съ очевидностью заключить, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ причины выселеній имѣли чисто экономическій характеръ, выражаясь въ несоотвѣтствіи доходности крестьянскихъ земель потребностямъ земледѣльческаго хозяйства и затруднительности добывать себѣ заработки на сторонѣ. Такое общее понятіе недостаточной доходности крестьянскаго хозяйства совпадаетъ по своему содержанію съ общимъ родовымъ понятіемъ «малоземелья», которое, смотря по особенностямъ мѣста выхода переселенцевъ, распадается на цѣлый рядъ болѣе мелкихъ и видовыхъ признаковъ (отчасти уже перечисленныхъ выше),

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла. 1896, стр. 1—2 и Приложенія къ означенному отчету (данныя личнаго опроса 199 поселковъ, стр. 1—193).

[2]) А. Кауфманъ, Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи. 1896. Итогов. табл. стр. 239. Ср. также Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ, Т. I, 1895 (А. Станкевича).

какъ то: недостаточный размѣръ надѣльныхъ земель, неблагопріятное распредѣленіе земельныхъ угодій и односторонній ихъ составъ, наконецъ, низкая урожайность болѣе или менѣе распаханныхъ и истощенныхъ полей [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе одного или нѣсколькихъ изъ этихъ факторовъ является, повидимому, самостоятельною побудительною причиною къ выселенію; въ другихъ же — недостаточная доходность крестьянскаго хозяйства обусловливается также и совершенно особою причиною, обнаруживаемою при разсмотрѣніи условій сельскаго хозяйства въ мѣстахъ выхода переселенцевъ, а именно—неприспособленностью этого хозяйства, въ силу причинъ экономическаго и культурнаго свойства, къ переходу къ болѣе интенсивной системѣ обработки земли.

Помимо данныхъ, добытыхъ опросомъ самихъ переселенцевъ, общая зависимость между степенью земельнаго обезпеченія послѣднихъ и ихъ стремленіемъ къ выселенію можетъ быть выяснена и статистическими свѣдѣніями о распредѣленіи переселенцевъ по мѣстамъ ихъ выхода. Въ этомъ отношеніи изслѣдователями переселеній были различаемы отдѣльные раіоны выселеній, въ зависимости отъ частыхъ причинъ, побуждавшихъ крестьянъ бросать свои родныя мѣста. Такъ, напр., у Гурвича встрѣчается противоположеніе средняго черноземнаго раіона— «гдѣ переселеніе является выходомъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія»,— раіону восточно-русскому, изъ котораго переселенія представляютъ «вполнѣ разумное проявленіе народнаго консерватизма, побуждающаго крестьянина, покуда есть возможность, крѣпко держаться привычныхъ способовъ веденія хозяйства» [2]). Подобное противоположеніе, однако едва ли представляется правильнымъ въ виду того, что основная причина выселеній—именно недостаточная доходность земледѣльческаго хозяйства или малоземелье въ обширномъ смыслѣ

[1]) Ср. Объяснительную записку «Совѣщанія свѣдущихъ людей» образованнаго въ 1882 г. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для выработки проекта общаго переселенческаго закона (ср. выше, стр. 110).

[2]) Гурвичъ. Переселенія крестьянъ въ Сибирь, стр. 59.

слова—все таки остается тождественной для обоихъ упомянутыхъ раіоновъ.

При обсужденіи значенія, принадлежащаго отдѣльнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи по отношенію къ крестьянскимъ выселеніямъ въ Сибирь, представляется повидимому наиболѣе удобнымъ руководствоваться признакомъ большей или меньшей зависимости благосостоянія мѣстныхъ сельскихъ обывателей отъ результатовъ земледѣльческаго труда ихъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего опредѣляется замѣтное различіе между двумя частями территоріи Европейской Россіи—между черноземною и нечерноземною полосою; въ свою очередь, въ каждомъ изъ этихъ раіоновъ являются отдѣльныя мѣстности, гдѣ выселенія достигли болѣе или менѣе значительнаго развитія, въ силу тѣхъ или другихъ частныхъ экономическихъ причинъ [1]).

Обращаясь прежде всего къ губерніямъ черноземной полосы, слѣдуетъ упомянуть, что выходцы этихъ губерній преобладали уже среди сибирскихъ переселенцевъ 50-хъ годовъ. Аналогичный выводъ долженъ быть сдѣланъ и по отношенію къ переселенцамъ пореформеннаго періода; если регистрація послѣднихъ представляется недостаточной вплоть до средины 80-хъ годовъ, то данныя, полученныя послѣ 1887 года, съ очевидностью указываютъ на преобладающее значеніе въ переселенческомъ дѣлѣ выходцевъ изъ губерній черноземной полосы.

Еще въ дореформенную эпоху эти губерніи отличались наибольшею плотностью населенія, сосредоточивая въ себѣ при этомъ наибольшее число крѣпостныхъ крестьянъ, составлявшихъ въ нихъ отъ 40% до 60% всего населенія; занятія этихъ крестьянъ имѣли крайне односторонній характеръ, будучи направлены почти исключительно къ земледѣльческому труду. При надѣленіи крестьянъ землею на основаніи положенія 1861 г. для разсматриваемыхъ здѣсь губерній были приняты нѣсколько низшія нормы по сравненію съ другими гу-

---

[1]) Распредѣленіе переселенцевъ по губерніямъ выселенія ихъ можетъ быть наглядно усмотрѣно на прилагаемой къ сему изслѣдованію картограммѣ.

берніями [1]); въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ и сравнительно значительное число крестьянъ, получившихъ въ этихъ губерніяхъ даровые или «нищенскіе» надѣлы въ размѣрѣ $^1/_4$ высшаго или указнаго [2]).

Такимъ образомъ, если уже до освобожденія крестьянъ существовали условія, благопріятствовавшія развитію среди крестьянъ нестепной черноземной полосы потребности въ расширеніи землепользованія, то послѣдняя могла лишь усилиться, благодаря естественному приросту населенія, достигшему къ концу 70-хъ годовъ 20% населенія 1858 года. Въ настоящее время разсматриваемый раіонъ представляется одной изъ самыхъ населенныхъ мѣстностей Россіи, и число сельскихъ обывателей на квадратную версту составляетъ въ немъ до 54,2 чел. Въ зависимости отъ этого обстоятельства средняя величина земельныхъ надѣловъ, приходящихся на одну душу мужскаго пола, опустилась въ большинствѣ среднихъ сѣверныхъ губерній черноземной полосы до величины $1^3/_4$—3 десятинъ, и общее число лицъ, обезпеченныхъ землею въ размѣрѣ не свыше 3 десятинъ, возросло уже въ 1877 г. до 3.403.800 человѣкъ [3]). Вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось и число крестьянъ, порывавшихъ связь съ землею, а въ 1893 г. число такихъ безземельныхъ дворовъ составляло въ разсматриваемомъ раіонѣ черноземной полосы до 6% общаго числа крестьянскихъ дворовъ [4]).

Параллельно развитію такого количественнаго «малоземелія»

---

[1]) Напримѣръ, въ сѣверныхъ и среднихъ черноземныхъ губерніяхъ размѣры высшихъ или указныхъ надѣловъ колебались въ предѣлахъ отъ 2 до 4 десятинъ, тогда какъ въ юговосточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ и въ сѣверозападномъ краѣ они измѣнялись въ предѣлахъ 4—7 десятинъ. (Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи, изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ).

[2]) Въ 80-хъ годахъ число такихъ «дарственниковъ» составляло, напримѣръ, въ Курской губ. до 26.000 человѣкъ, и въ Воронежской—до 51.000 душъ мужскаго пола (Сводъ статистическихъ матеріаловъ).

[3]) Сводъ стат. матер., стр. 12 и слѣд.

[4]) Временникъ Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ № 33.—Населеніе сельскихъ обществъ и количество у нихъ пахотной надѣльной земли. 1894. Таблицы, стр. 2—3.

и въ значительной степени въ зависимости отъ послѣдняго шло и постепенное ухудшеніе качества крестьянскихъ земель, выражавшееся въ общемъ пониженіи ихъ урожайности. Явленіе это, обусловленное отчасти еще небрежною, а иногда и хищническою эксплоатаціею земель помѣщиками и крѣпостными [1]), стало выступать съ особой рельефностью послѣ реформы 1861 г. по мѣрѣ того, какъ крестьяне, благодаря увеличенію численности ихъ хозяйствъ, были вынуждаемы обращать подъ пашню значительную часть своихъ надѣльныхъ угодій. Подобное увеличеніе площади запашекъ насчетъ пастбищъ—достигающей въ Курской и Орловской губерніяхъ 81%, а въ Тульской губерніи болѣе 82% всѣхъ земель—имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ сокращеніе скотоводства, въ свою очередь обусловливающее трудность правильнаго удобренія земли [2]). Въ томъ же направленіи дѣйствовала и вырубка сравнительно небольшихъ лѣсныхъ площадей, входившихъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ въ черноземной полосѣ, вынуждая крестьянъ обращать часть навоза на топливо. Вызванное всѣми этими условіями истощеніе почвы привело къ тому, что результаты крестьянскаго хозяйства стали въ большей степени зависѣть отъ совокупности метереологическихъ явленій того или другого года [3]).

---

[1]) Кн. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. 1881, стр. 140—141.

[2]) Вліяніе увеличенія площади пашни на сокращеніе размѣровъ крестьянскаго скотоводства было констатировано еще въ 1873 г. коммисіею, учрежденной подъ предсѣдательствомъ Министра Государственныхъ Имуществъ Валуева для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. (Ср. особый журналъ Комитета Министровъ по докладу этой Коммисіи 1873—74 г.г.)

[3]) Однимъ изъ послѣдствій такихъ неблагопріятныхъ условій было общее уменьшеніе количества собраннаго хлѣба, ощущавшееся въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени и достигшее, напримѣръ, за десятилѣтіе 1883 — 1892 г.г. въ Европейской Россіи (со включеніемъ нечерноземныхъ губерній) до 15% прежняго нормальнаго сбора съ одной десятины для ячменя, 29% для яровой пшеницы, 14% для ржи и 17% для овса. Въ частности, примѣромъ сильнаго сокращенія хлѣбнаго сбора могутъ служить данныя за то же десятилѣтіе по Воронежской губерніи, гдѣ такое уменьшеніе сбора составляло 19% для ячменя, 17% для озимой пшеницы, 40% для яровой пшеницы и 29% для овса. (ср. Статистика Россійской Имперіи XII. Сборникъ свѣдѣній по Россіи. Изданіе Центр. Стат. Комитета, 1897. Таблицы на стр. 134 и сл.)

Вмѣстѣ съ пониженіемъ урожайности надѣльныхъ земель увеличивались и неудобства, вытекавшія отъ постояннаго дробленія хозяйствъ и заключающіяся въ невыгодномъ расположеніи крестьянскихъ надѣловъ и въ особенности въ черезполосности, которая въ значительной мѣрѣ препятствуетъ правильному ходу сельскохозяйственныхъ работъ.

Всѣ эти причины приводили къ замѣтному уменьшенію доходности крестьянскихъ надѣльныхъ земель, и этому обстоятельству особенно содѣйствовалъ совершавшійся въ порéформенную эпоху переходъ крестьянскаго хозяйства изъ натуральной формы въ денежную, вызвавшій необходимость зачастую спѣшной продажи многихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ для уплаты государственныхъ налоговъ и земскихъ и мірскихъ сборовъ. Вслѣдствіе такихъ условій уже въ 70-хъ годахъ указывалось на несоразмѣрность между доходностью послѣднихъ и лежащими на крестьянахъ платежами; фактъ этотъ былъ удостовѣренъ изслѣдованіями Коммисіи (60-хъ и 70-хъ годовъ) дтя пересмотра системы податей и сборовъ [1]).

При подобныхъ условіяхъ крестьянамъ приходилось обращаться къ расширенію своего землепользованія путемъ покупки или съемки внѣнадѣльныхъ земель, а также искать заработковъ въ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ или отхожихъ промыслахъ.

Между тѣмъ расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія путемъ покупки земельныхъ участковъ встрѣтилось съ весьма серьознымъ препятствіемъ, заключавшимся въ непрерывномъ возрастаніи цѣнъ на землю, увеличившихся въ разсматриваемыхъ здѣсь губерніяхъ къ 1890 г. на 100—200% стоимости земли въ началѣ 60-хъ годовъ [2]).

Неблагопріятное вліяніе указаннаго фактора отчасти ослабляется нынѣ развитіемъ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка, при посредствѣ котораго, со времени его учрежденія (въ 1883 г.) до 1899 г., площадь крестьянскаго земле-

---

[1]) Янсонъ, Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, 1877, стр. 80—81.

[2]) Янсонъ, Сводъ статистическихъ матеріаловъ, стр. XXV (введеніе), стр. 89.

владѣнія увеличилась на 3.567.146 десятинъ, или на 2,8% всей площади удобной надѣльной земли крестьянъ въ началѣ 90-хъ годовъ. Надлежитъ замѣтить, что въ общемъ числѣ покупокъ крестьянами земель при содѣйствіи банка довольно значительный % составляютъ такъ называемыя «переселенческія сдѣлки», имѣющія въ виду пріобрѣтеніе сельскими обывателями земель съ цѣлью переселенія на нихъ: въ 1898 г. число такихъ сдѣлокъ доходило до 24% общаго количества сдѣлокъ банка. Между тѣмъ успѣшная дѣятельность банка встрѣчается съ наибольшими затрудненіями именно въ тѣхъ нестепныхъ губерніяхъ черноземной полосы, о которыхъ шла рѣчь выше. Затрудненія эти заключаются въ слабой платежеспособности крестьянъ этого раіона, получившихъ ссуды изъ банка. Напр., изъ общаго числа 388 имѣній, перешедшихъ къ 1 Января 1899 г. въ собственность банка вслѣдствіе неуплаты заемщиками въ срокъ платежей,—243 имѣнія или 62 % приходятся на раіонъ нестепныхъ черноземныхъ губерній. Важное значеніе послѣдней цифры станетъ особенно очевиднымъ, если принять во вниманіе, что число всѣхъ выданныхъ банкомъ въ указанныхъ губерніяхъ ссудъ не превышаетъ 27% общаго количества банковыхъ ссудъ [1]).

Другой процессъ, аналогичный, повышенію купчихъ цѣнъ на землю, выражался въ возрастаніи, въ теченіе перваго двадцатипятилѣтія послѣ реформы 1861 г., и арендныхъ цѣнъ на землю, увеличившихся за это время на 200—300%,—далеко не въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ продуктивной и денежной доходности хозяйства арендаторовъ [2]).

Главныя причины подобнаго роста арендныхъ цѣнъ лежали въ постоянномъ возрастаніи спроса на землю, благопріятствовавшемъ развитію спекулятивныхъ арендъ или перенайма зе-

---

[1]) Отчетъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка за 1898 г.

[2]) Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. 1892. (Т. II. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи, стр. 323 и сл.).

мель; появленіе между землевладѣльцами и крестьянами съемщиковъ-посредниковъ служило въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самостоятельною причиною подъема арендныхъ цѣнъ на нѣсколько сотъ процентовъ ихъ первоначальной величины.

Независимо отъ такихъ измѣненій въ характерѣ единоличныхъ арендъ, аналогичныя перемѣны наблюдаются и при арендованіи земельныхъ участковъ цѣлыми сельскими обществами. Въ этихъ случаяхъ искони свойственное общинному землепользованію уравнительное вліяніе на имущественное обезпеченіе сообщинниковъ постепенно уступаетъ мѣсто явленію совершенно противоположнаго свойства, а именно—преобладанію въ пользованіи снимаемой землей наиболѣе состоятельныхъ членовъ міра, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже передаютъ землю своимъ же сочленамъ за повышенную цѣну; такимъ образомъ нужда въ землѣ зачастую перестаетъ быть мѣриломъ при разверсткѣ арендуемыхъ міромъ земель, и мірскія аренды принимаютъ видъ артельныхъ арендъ съ чисто спекулятивнымъ характеромъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія арендаторовъ явился тотъ фактъ, удостовѣренный изслѣдованіями земской статистики, что въ общемъ числѣ крестьянъ, арендующихъ внѣнадѣльныя земли, лица относительно менѣе состоятельныя все болѣе и болѣе уступаютъ свое мѣсто лицамъ съ большими земельными надѣлами; иначе говоря, площадь арендуемыхъ земель находится въ прямой зависимости отъ величины надѣловъ, а не въ обратномъ, какъ слѣдовало бы предполагать, если бы арендованіе внѣнадѣльныхъ земель служило дѣйствительнымъ коррективомъ крестьянскому малоземелью. Такой процессъ устраненія менѣе состоятельныхъ крестьянъ отъ аренды достигъ уже въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ крайней степени своего развитія, что и выражается въ невозможности для такихъ крестьянъ продолжать арендованіе земель. Въ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ губерній въ послѣднее время наблюдались случаи, когда на отдѣльные участки вовсе не находилось арендаторовъ, не смотря даже на пониженіе сдат-

чиками цѣнъ; подобная остановка въ повышеніи арендныхъ цѣнъ относится еще ко второй половинѣ 80-хъ годовъ и отчасти должна быть объяснена уменьшеніемъ матеріальнаго достатка арендующихъ крестьянъ и неудовлетворительнымъ качествомъ сдаваемой земли, а отчасти и общимъ паденіемъ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства.

Въ связи съ общимъ ухудшеніемъ условій денежной аренды для населенія черноземной полосы стоятъ и аналогичныя измѣненія въ характерѣ натуральныхъ арендъ, — «испольщины» или «скопщины» — въ смыслѣ увеличенія доли продукта, приходящейся къ доплатѣ со стороны арендаторовъ «отработками» или деньгами. Наконецъ, въ черноземныхъ губерніяхъ получила сравнительно широкое развитіе и форма «отработочной» аренды, при которой съемщикъ, за право обработки въ свою пользу извѣстнаго участка, обязывается произвести тѣ или другія сельскохозяйственныя работы въ пользу землевладѣльца. Какъ «испольныя», такъ и «отработочныя» аренды представляются для крестьянъ менѣе выгодными въ сравненіи съ денежной арендой уже въ томъ отношеніи, что арендаторъ лишается при нихъ значительной доли самостоятельности въ веденіи своего хозяйства, и самое существованіе этихъ формъ аренды наряду съ денежной ея формой объясняется отсутствіемъ у съемщиковъ достаточныхъ наличныхъ денежныхъ средствъ. Изъ вышеизложенныхъ данныхъ объ арендованіи крестьянами черноземныхъ губерній внѣнадѣльныхъ земель можно вывести заключеніе, что аренды далеко не могутъ восполнить для населенія этихъ губерній его недостатка въ земельномъ обезпеченіи вслѣдствіе измельчанія надѣловъ.

Что касается до мѣстныхъ промысловъ, распространенныхъ въ разсматриваемыхъ губерніяхъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что «сдѣльныя» или «отрядныя» земледѣльческія работы на частновладѣльческихъ земляхъ составляютъ лишь нѣкоторое подспорье для наименѣе обезпеченныхъ крестьянъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить самостоятельными источниками

благосостоянія населенія. Совершенно такой же характеръ имѣютъ въ нестепныхъ черноземныхъ губерніяхъ и кустарные промыслы, направленные здѣсь лишь къ удовлетворенію потребностей самихъ производителей, причемъ занятія эти, по общему правилу, пріурочиваются обычно лишь ко времени свободному отъ земледѣльческихъ работъ.

Наконецъ, фабричнозаводская промышленность въ раіонѣ этомъ развита весьма слабо и, ограничиваясь почти исключительно технической переработкой сельскохозяйственныхъ продуктовъ, даетъ занятія всего лишь десятой части всѣхъ фабричныхъ рабочихъ Европейской Россіи [1]).

При выясненныхъ условіяхъ значительная часть сельскаго населенія упомянутаго раіона отыскиваетъ себѣ пропитаніе въ отхожихъ промыслахъ, которые, судя по количеству ежегодно выдаваемыхъ паспортовъ, занимаютъ свыше 2,000,000 чел. Нѣкоторая часть этихъ рабочихъ направляется изъ черноземныхъ губерній на неземледѣльческіе промыслы въ центральныя промышленныя губерніи и горнозаводскій раіонъ южныхъ губерній, большинство же идетъ на земледѣльческія работы въ южныя и юго-восточныя степныя губерніи [въ Новороссію, въ Донскую область, на сѣверный Кавказъ (въ степи) и въ приволжскія губерніи]. Передвиженіе земледѣльческихъ рабочихъ, какъ объ этомъ можно судить по спеціальнымъ изслѣдованіямъ, посвященнымъ этому вопросу, и понынѣ лишено правильной организаціи. Принадлежа къ слоямъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, рабочіе эти предпринимаютъ переходы въ другія губерніи при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: такъ, до $^{7}/_{10}$ изъ числа приходящихъ въ Херсонскую губернію совершаютъ весь путь пѣшкомъ, за неимѣніемъ средствъ на пріобрѣтеніе желѣзнодорожныхъ билетовъ [2]).

[1]) Ср. Своды данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1893—97 гг. изд. Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ.

[2]) Кн. Шаховской. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. 1896, стр. 62.

При этомъ крестьяне идутъ на поиски работы въ большинствѣ случаевъ совершенно наугадъ, не имѣя точнаго представленія о потребности въ рабочихъ рукахъ на мѣстахъ, куда они направляются, вслѣдствіе чего и заработки ихъ носятъ большею частью случайный характеръ. Отсутствіе организованной связи между рабочими и нанимателями выражается въ постоянномъ несоотвѣтствіи между числомъ приходящихъ рабочихъ и дѣйствительною потребностью сельскихъ хозяевъ въ рабочихъ рукахъ, вслѣдствіе чего избытокъ рабочихъ приходится часто на неурожайные годы, т. е. именно въ то время, когда въ пришлыхъ крестьянахъ ощущается менѣе всего необходимости. Независимо отъ этихъ коренныхъ особенностей самаго характера земледѣльческихъ промысловъ, должно замѣтить, что значеніе послѣднихъ въ крестьянскомъ быту должно постепенно уменьшаться вслѣдствіе неизбѣжнаго, въ будущемъ, сокращенія размѣровъ передвиженія сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Къ такому заключенію приводитъ постоянное уменьшеніе различія въ густотѣ населенія черноземныхъ губерній, изъ которыхъ крестьяне выходятъ, и тѣхъ губерній степной полосы, въ которыя они отправляются. Приростъ населенія въ послѣднихъ достигалъ, напримѣръ, въ отдѣльныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи отъ 67% до 75% всего населенія за 25 лѣтъ, и это обстоятельство заставляетъ ожидать наступленія момента, когда потребность въ пришлыхъ рабочихъ перестанетъ вовсе ощущаться въ степныхъ губерніяхъ, и наступленіе такого кризиса можетъ быть въ значительной степени ускорено и наблюдающимся въ послѣднее время среди землевладѣльцевъ южныхъ и юговосточныхъ губерній распространеніемъ земледѣльческихъ машинъ, сокращающихъ потребность въ пришлыхъ рабочихъ до 80% [1]). Если въ

[1]) Распространеніе земледѣльческихъ машинъ въ южной степной полосѣ, вліяя на уменьшеніе заработковъ крестьянъ, приходящихъ въ этотъ раіонъ на сельско-хозяйственныя работы, дѣйствуетъ уже въ настоящее время въ качествѣ импульса къ переселеніямъ крестьянъ въ Сибирь, какъ это было выяснено, напр., опросомъ сибирскихъ новоселовъ при поѣздкѣ въ Сибирь

дополненіе къ изложенному присовокупить, что періодическіе уходы крестьянъ на заработки не уменьшаютъ спроса на землю и измельчанія надѣловъ, которые сохраняются за ними, и что самое передвиженіе крестьянъ въ степныя губерніи и обратно вызываетъ у нихъ непроизводительные расходы, исчисляемые безъ преувеличенія десятками милліоновъ рублей [1]), то станетъ вполнѣ очевиднымъ, что и земледѣльческіе отхожіе промыслы не могутъ оказать особенно сильнаго воздѣйствія на ослабленіе послѣдствій крестьянскаго малоземелья и не даютъ достаточно выгодныхъ заработковъ тѣмъ взрослымъ рабочимъ, которые представляются въ излишними въ сравненіи съ потребностями мѣстной земледѣльческой промышленности. Наличность въ нестепной черноземной полосѣ до полъ-милліона подобныхъ лицъ [2]) и служитъ показателемъ исторически сложившагося и быстро развившагося явленія — «перенаселенія»,

---

Статсъ-Секретаря Куломзина въ 1896 году. (см. Приложенія къ всеподданнѣйшему отчету Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь для ознакомленія съ переселенческимъ дѣломъ стр. 141, 179, 183.).

[1]) Кн. Шаховской, назв. соч., стр. 247.

[2]) Сводъ статистическихъ данныхъ, стр. XXXI и XXXIII (предисловіе). Вышеизложенныя заключенія о недостаточномъ, въ сравненіи съ затрачиваемыми крестьянами средствами, воздѣйствіи сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ на поднятіе экономическаго благосостоянія крестьянъ, вполнѣ подверждаются и данными, собранными въ 1898 г. Членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-лейтенантомъ Томичемъ, во время его командировки въ южныя губерніи для ознакомленія, между прочимъ, съ «условіями передвиженія рабочихъ, слѣдующихъ ежегодно изъ среднихъ губерній въ южныя на полевыя работы». Изъ данныхъ этихъ выясняется, что число рабочихъ, ежегодно приходящихъ въ Бессарабскую, Таврическую и Екатеринославскую губерніи, составляетъ до 1.200.000 чел. «Рабочіе эти представляютъ изъ себя по большей части толпы людей, недѣлями идущихъ въ поискахъ за работою, безъ строго опредѣленной цѣли, въ отношеніи мѣста и условій найма..., направляясь въ мѣста, которыя, по ихъ частнымъ, всегда мало основательнымъ, свѣдѣніямъ, наиболѣе нуждаются въ рабочихъ рукахъ; не найдя тамъ работы, они начинаютъ метаться по разнымъ мѣстностямъ и хозяйствамъ, то непомѣрно увеличивая, то крайне уменьшая цѣну на рабочія руки и этимъ ставя и себя, и хозяевъ въ тяжелое положеніе. (Докладъ генералъ - лейтенанта Томича Министру Внутреннихъ Дѣлъ, 1898).

или недостаточной, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, вмѣстимости территоріи по отношенію къ ея населенію.

Изъ всѣхъ этихъ краткихъ свѣдѣній объ экономическомъ бытѣ населенія нестепныхъ черноземныхъ губерній можно усмотрѣть, что условія этого быта скомбинировались въ высшей степени благопріятно для развитія среди населенія потребности въ выселеніи на многоземельныя окраины. Дѣйствительно, если крестьяне разсматриваемыхъ губерній и были довольно тѣсно связаны съ занимаемыми ими землями въ силу условій какъ правоваго, такъ и экономическаго характера, затруднявшими для нихъ переходы на новыя мѣста, то, съ другой стороны, постоянно присущее сельскимъ обывателямъ стремленіе улучшить свое матеріальное положеніе, не измѣняя земледѣльческаго характера своихъ занятій, служило могучимъ импульсомъ къ переселенію, которому устанавливавшіяся между крестьянами и ихъ прежде переселившимися односельчанами письменныя сношенія могли лишь содѣйствовать.

Переходя къ другимъ частямъ черноземной полосы, должно замѣтить, что нѣкоторыя изъ особенностей экономическаго быта нестепныхъ черноземныхъ губерній какъ, напримѣръ, измѣненіе въ условіяхъ арендъ, увеличеніе числа малоземельныхъ крестьянъ и т. п. должны быть отнесены и къ характеристикѣ остальныхъ раіоновъ черноземной полосы; тѣмъ не менѣе совокупность этихъ условій еще не успѣла здѣсь сложиться въ томъ же направленіи, какъ въ разсматриваемомъ выше среднерусскомъ раіонѣ крестьянскихъ выселеній. Такъ, напримѣръ, группа восточныхъ и юго-восточныхъ черноземныхъ губерній (Симбирская, Самарская, Саратовская, Уфимская, Оренбургская и части губерній Казанской и Нижегородской) дали за семилѣтіе 1887—1894 г.г. до 21,5% и въ 1898 г. до 16% общей массы сибирскихъ переселенцевъ. Потребность въ выселеніи изъ этихъ губерній не имѣетъ еще той интенсивности, какъ въ сѣверныхъ и среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, и, повидимому, болѣе пріурочивается къ годамъ болѣе или менѣе сильныхъ

неурожаевъ. Объ этомъ казалось бы возможнымъ заключить даже потому, что, напримѣръ, въ 1896 г. число выходцевъ изъ всего этого раіона не превысило 7% и въ 1897 г.—5% общей массы сибирскихъ переселенцевъ. Въ названномъ раіонѣ не ощущается того повсемѣстнаго избытка въ рабочихъ, не находящихъ себѣ занятій въ земледѣліи, который характеризуетъ собою черноземныя нестепныя губерніи; независимо отъ того, довольно важнымъ подспорьемъ для населенія служитъ здѣсь промышленное скотоводство, а для жителей приволжскихъ губерній этого раіона—рыболовство, работы на пристаняхъ и бурлачество.

До нѣкоторой степени аналогичныя условія характеризуютъ собою бытъ населенія южныхъ степныхъ губерній (Бессарабской, Херсонской, Таврической, Области Войска Донскаго и Астраханской), въ которыхъ еще до настоящаго времени наблюдается недостатокъ рабочихъ рукъ для земледѣлія, привлекающій сюда, какъ уже было указано выше, довольно значительное число крестьянъ на лѣтнія работы. Далѣе, въ этомъ раіонѣ населеніе имѣетъ, кромѣ земледѣлія, иные источники пропитанія, какъ, напримѣръ, рыбныя ловли на берегахъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей и въ устьяхъ рр. Днѣпра, Дона, Волги и Урала, дающія заработки десяткамъ тысячъ мѣстнаго и пришлаго населенія; наконецъ, довольно выгодное подспорье для населенія этихъ губерній доставляютъ заработки отъ горныхъ промысловъ въ Донецкомъ бассейнѣ и въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской. Въ виду изложеннаго выселенія крестьянъ въ Сибирь изъ разсматриваемаго раіона имѣли въ общемъ сравнительно ограниченные размѣры, выражаясь за время 1887—1894 г.г. всего 2% общаго числа сибирскихъ переселенцевъ; возросши въ 1897 г. до 10% лишь вслѣдствіе значительно понизившейся за этотъ годъ общей цифры выходцевъ за Уралъ относительное число переселенцевъ изъ этихъ губерній въ 1898 г. вновь опустилось до 3%. Столь же незначительными были и выселенія въ Сибирь изъ 3-хъ губерній югозападнаго черноземнаго раіона (Кіевской, Волынской и Подольской), состав-

лявшія въ 1887—1898 г.г. только отъ 2% до 4% всего переселенческаго движенія въ Сибирь.

Общее стремленіе крестьянъ наиболѣе заселенныхъ губерній черноземной полосы къ переселеніямъ, обнаруживавшее въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія постоянную склонность къ усиленію, становилось особенно интенсивнымъ въ тѣ годы, когда крестьянское хозяйство подвергалось разстройству вслѣдствіе неурожаевъ, охватывавшихъ за послѣдніе годы болѣе или менѣе обширные раіоны черноземной полосы. Въ послѣднемъ отношеніи особенное значеніе имѣлъ неурожай 1891—1892 г.г., во время котораго во многихъ губерніяхъ этой полосы было замѣчено весьма сильное увеличеніе числа переселенцевъ. Изъ этихъ губерній слѣдуетъ поставить на первое мѣсто Черниговскую, въ которой число переселенцевъ возрасло послѣ 1890 г. съ цифры въ 152 души обоего пола до 3,965—въ 1891 г. и достигло въ 1896 г. 36,198 д. об. пола; равнымъ образомъ и въ Пензенской губ. цифры эти возрасли съ 555 д. въ 1890 г. до 2,009—въ 1891 г. и до 23,119—въ 1895 г.; въ Полтавской губ., въ которой до 1890 г. годовыя цифры переселенцевъ не превысили 466 д. въ 1892 г. выселилось уже 8,107 д., а въ 1896—38,436 д. Наконецъ, въ Самарской губ. переселенческое движеніе весьма замѣтно усилилось въ 1898 г., когда оно охватило до 13,523 д. об. пола, вмѣсто 1,026 чел. предшествовавшаго 1897 года. Аналогичное явленіе наблюдалось и во многихъ другихъ губерніяхъ черноземной полосы, лишь въ губерніяхъ Курской и Тамбовской цифры переселенцевъ представлялись менѣе измѣнившимися послѣ 1891 года.

Что касается до губерній нечерноземной полосы (т. е. центральныхъ промышленныхъ, сѣверныхъ и западныхъ), то общее число выходцевъ, направлявшихся изъ этихъ губерній въ Сибирь, остается неизмѣнно менѣе значительнымъ въ сравненіи съ черноземными губерніями, составляя въ 1896 г. 12% и въ 1897 и 1898 г.г. 27% всего сибирскаго переселенія. Явленіе это объясняется

тѣмъ, что населеніе нечерноземной полосы, имѣетъ возможность заработывать посторонними промыслами съ сравнительно меньшей затратой труда бо́льшія средства, чѣмъ могло бы дать одно земледѣліе, и тотъ избытокъ рабочихъ рукъ, сравнительно съ потребностями земледѣльческой промышленности, который наблюдается въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній, находитъ болѣе или менѣе вѣрные заработки въ подсобныхъ промыслахъ, развитію коихъ способствуютъ какъ естественныя богатства и топографическія особенности (въ особенности же обширная лѣсная площадь въ сѣверныхъ губерніяхъ и обиліе въ нихъ рѣкъ и озеръ), такъ и близость нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ губерній къ столицамъ и другимъ крупнымъ торгово-промышленнымъ центрамъ. Далѣе, въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ губерній получила довольно широкое развитіе кустарная промышленность, которая, пріобрѣтя здѣсь характеръ самостоятельной отрасли обрабатывающей промышленности, даетъ занятія болѣе или менѣе значительнымъ группамъ населенія въ составѣ цѣлыхъ селъ и, не смотря на возрастающую зависимость отъ фабрично-заводской промышленности, продолжаетъ поставлять свои продукты на внутренній рынокъ. Обращаясь къ той части населенія, которая примѣняетъ свой трудъ на сторонѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ этихъ губерніяхъ уходъ крестьянъ на земледѣльческія работы является скорѣе исключеніемъ; населеніе идетъ главнымъ образомъ или на ремесленные промыслы (каменьщики, печники, плотники, маляры, портные), или же на фабрики, на сплавъ лѣса, на суда и т. п. промыслы. [1]) Занятія эти предоставляютъ крестьянамъ во всякомъ случаѣ болѣе выгодные и обезпеченные заработки уже потому, что здѣсь даже по характеру этихъ занятій не можетъ быть того неорганизованнаго

---

[1]) Короленко. Сельско-хозяйственныя и статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Изданіе Департамента Земледѣлія и Сельской промышленности, 1892, стр. 89—90. Ср. также С. Рудневъ. Промыслы крестьянъ Европейской Россіи. Сборникъ Саратовскаго губернскаго земства за 1894, №№ 6 и 11.

массоваго предложенія рабочихъ рукъ, которымъ отличаются земледѣльческіе отхожіе промыслы крестьянъ черноземной полосы. Затѣмъ тѣ части населенія нечерноземныхъ губерній, которыя занимаются преимущественно земледѣліемъ, имѣютъ возможность, больше нежели крестьяне черноземныхъ губерній, разсчитывать на увеличеніе размѣровъ посѣвной площади въ виду преобладанія въ нечерноземной полосѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель (занимающихъ до 44% всей площади), арендованіе которыхъ, по общему правилу, представляется для крестьянъ болѣе выгоднымъ, нежели земель частновладѣльческихъ.

Но если потребность въ выселеніи въ общемъ и не достигаетъ значительной степени среди населенія нечерноземныхъ губерній, то для отдѣльныхъ губерній этой полосы все таки должны быть сдѣланы исключенія. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего указать на заволжскія сѣверо-восточныя губерніи—Вятскую и Пермскую, изъ коихъ Вятская въ періодъ 1870—1879 г.г. занимала уже первое мѣсто по числу ея переселенцевъ, причисленныхъ за это время Томской казенной палатой (2,729 чел. изъ общаго числа 15,501 душъ). Обѣ упомянутыя губерніи занимали 4-е и 6-е мѣсто по общему числу выходцевъ, отправлявшихся въ Сибирь и за 1887—1894 г., хотя за послѣдніе годы цифры переселенцевъ изъ этихъ губерній и не возрастали съ тою быстротою, какъ въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ; такъ, въ 1898 г. они составляли до 5% всей переселенческой массы, и почти 17% всего количества сибирскихъ переселенцевъ изъ нечерноземной полосы.

Причины выселеній изъ вышеназванныхъ заволжскихъ губерній сводятся, повидимому, къ тому, что здѣсь, если и не наблюдается того абсолютнаго недостатка въ землѣ, какъ въ черноземномъ раіонѣ, то даетъ за то себя чувствовать постепенное пониженіе урожайности земли, которая «потеряла значительную часть своей цѣнности отъ вѣковой дурной обработки и недостаточнаго удобренія». [1]) При этомъ въ этихъ

[1]) Романовъ. Переселенія крестьянъ Вятской губ. 1883. Гурвичъ. Переселенія крестьянъ въ Сибирь, стр. 58.

губерніяхъ въ значительной степени побуждала крестьянъ къ выселенію и затруднительность для нихъ быстраго перехода отъ привычнаго подсѣчнаго хозяйства къ болѣе интенсивной культурѣ, и дѣйствіе этой причины обострялось производившимися здѣсь работами по отводу надѣловъ и выдѣленію занадѣльныхъ земель въ казну [1]). Въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія причины, какъ, напримѣръ, довольно значительная численность безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ [2]), среди которыхъ стремленіе къ выселенію за Уралъ поддерживалось личнымъ знакомствомъ съ условіями сибирской жизни при переходахъ въ губерніи западной Сибири на заработки.

Въ послѣдніе годы, однако, губерніи—Вятская и Пермская уступили свое первенствующее значеніе по отношенію къ переселеніямъ другой части нечерноземной полосы—именно раіону Западныхъ губерній (Виленская, Гродненская, Ковенская, Могилевская, Витебская и Минская); число выходцевъ изъ этихъ губерній, составлявшее до 1895 г. менѣе 1⁰/₀ общаго числа сибирскихъ переселенцевъ возрасло къ 1898 г. уже до 14,7 ⁰/₀, составивъ такимъ образомъ болѣе половины всего числа выходцевъ изъ нечерноземной полосы. Таковое обстоятельство слѣдуетъ, повидимому, поставить въ прямую зависимость отъ прироста населенія, начинающаго вызывать въ послѣдніе годы среди земледѣльческой части этого послѣдняго то же явленіе «перенаселенія», которое уже издавна наблюдалось въ черноземныхъ губерніяхъ.

Что касается другихъ раіоновъ нечерноземной полосы, то общее число сибирскихъ переселенцевъ изъ нихъ было до сихъ поръ весьма незначительнымъ. Составляя отъ 4⁰/₀ (въ

---

1) Гурвичъ. Назв. соч. Стр. 56.

2) Въ 1893 г. число безземельныхъ дворовъ достигало 39,981—въ Пермской губерніи и 15,551—въ Вятской, что составляетъ 9⁰/₀ общаго числа дворовъ въ первой изъ названныхъ губерній и 3⁰/₀—во второй.

1897 г.) до 2% (въ 1898 г.) общей цифры выходцевъ въ Сибирь для промышленныхъ губерній (Московской, Калужской, Владимірской, Ярославской, Тверской и Смоленской), число это для остальныхъ раіоновъ (сѣверныхъ, сѣверозападныхъ и отчасти прибалтійскихъ губерній) опускалось ниже 1%.

Если, согласно изложенному, стремленіе крестьянъ къ выселенію за Уралъ находилось въ ближайшей зависимости отъ чисто экономическихъ причинъ, а именно отъ недостаточной доходности ихъ земледѣльческаго хозяйства, то, кромѣ такого общаго мотива къ выселеніямъ, на размѣры послѣднихъ вліяли, однако, и другіе побочные факторы, содѣйствовавшіе тому, что переселенческое движеніе изъ отдѣльныхъ раіоновъ иногда, повидимому, и превышало дѣйствительную въ немъ потребность. Къ числу такихъ факторовъ слѣдуетъ отнести прежде всего время отъ времени распространявшіеся среди сельскихъ обывателей преувеличенные слухи о мѣрахъ воспособленія переселенцамъ. Вопросъ о регулированіи размѣровъ переселеній въ смыслѣ исключенія изъ передвиженія элементовъ, недостаточно надежныхъ для колонизаціонныхъ цѣлей, разрѣшается лишь Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги путемъ принятія цѣлаго ряда мѣръ, о которыхъ и будетъ изложено ниже при разсмотрѣніи вопроса о сознательности переселенческаго движенія.

Приведенныя выше данныя о распредѣленіи сибирскихъ переселенцевъ по раіонамъ ихъ выхода представляется весьма интереснымъ дополнить свѣдѣніями объ экономическомъ положеніи ихъ на родинѣ. Въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе имѣютъ опросы переселенцевъ, произведенные на мѣстахъ ихъ новаго водворенія или на пути ихъ слѣдованія въ Сибирь. Разработка данныхъ, полученныхъ такимъ путемъ началась въ концѣ 80-хъ годовъ, хотя подобныя изслѣдованія, предпринятыя въ то время частными лицами, охватывали собою лишь сравнительно небольшое число переселенческихъ семей и отличались нѣкоторою односторонностью, ка-

саясь по преимуществу лишь размѣровъ денежныхъ средствъ, взятыхъ переселенцами съ родины. [1]).

Болѣе полныя данныя по вопросу объ матеріальномъ благосостояніи сибирскихъ переселенцевъ на родинѣ были получены уже послѣ учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги, когда стали ассигноваться средства на собраніе, обработку и отпечатаніе статистическихъ изслѣдованій переселенческаго быта.

Изслѣдованія эти представляются результатами разработки какъ тѣхъ данныхъ, которыя были получены при регистраціи переселенцевъ при ихъ проѣздѣ по Сибирской желѣзной дорогѣ (въ г. Челябинскѣ), такъ и отдѣльныхъ подворныхъ опросовъ, произведенныхъ на мѣстахъ водворенія спеціально командированными лицами. Такимъ образомъ были, напримѣръ, обслѣдованы въ 1894—1895 г.г. 100 переселенческихъ поселковъ, образованныхъ въ Тобольской губерніи за періодъ съ конца 70-хъ годовъ по 1894 г. и въ 1894 г.—82 поселка, возникшихъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи, за время съ 1880 г. по 1893 г. [2]). Независимо отъ этихъ работъ съ 1895 г. началась систематическая обработка данныхъ, добываемыхъ общею регистраціею переселенцевъ въ Челябинскѣ, въ связи съ болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ экономическаго положенія нѣкоторыхъ переселенческихъ семействъ, производимымъ особымъ статистическимъ отрядомъ, сформированнымъ въ 1894 г.

Данныя, полученныя послѣднимъ путемъ и опубликованныя въ настоящее время, относятся къ переселенцамъ,

---

[1]) Ср., напр., статьи Остафьева, Голубева и Марусина объ Алтайскихъ переселенцахъ, и изслѣдованія Гурвича (Переселенія крестьянъ въ Сибирь) и Исаева (Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ).

[2]) Результаты этихъ изслѣдованій были опубликованы въ изданіяхъ: «Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи за 15 лѣтъ, 2 тома А. Станкевичъ. (1895—1897) и «Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи» (2 тома) А. Кауфмана. Общіе выводы изъ послѣдняго изслѣдованія изложены въ статьѣ того-же автора «Томскіе переселенцы» помѣщенной въ VII томѣ «Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній».

прошедшимъ въ Сибирь за время 1895 и 1896 г., касаясь всѣхъ наиболѣе важныхъ сторонъ экономическаго быта выходцевъ на родинѣ, какъ то: численности ихъ семействъ, характера и размѣровъ ихъ землевладѣнія, земледѣлія, скотоводства, промысловыхъ занятій, и ихъ финансоваго положенія [1]).

Общіе выводы изъ этихъ статистическихъ данныхъ представляютъ значительный интересъ при сопоставленіи ихъ со свѣдѣніями, касающимися положенія крестьянскаго населенія на мѣстахъ выхода переселенцевъ. Матеріалъ для такого рода сопоставленія могутъ дать выводы изъ статистическихъ изслѣдованій земствъ 22 губерній, сведенные г. Благовѣщенскимъ [2]).

Обращаясь прежде всего къ распредѣленію сибирскихъ переселенческихъ семействъ по рабочему составу ихъ, надлежитъ отмѣтить, что подобная классификація представляетъ довольно близкое сходство съ распредѣленіемъ дворовъ соотвѣтственнаго рабочаго состава и въ трудѣ Благовѣщенскаго, какъ это можно усмотрѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Процентныя отношенія семействъ:	У переселенцевъ.				Въ общемъ итогѣ населенія 22 изслѣдованныхъ земствами губерній.
	1895 г.		1896 г.		
	Черноземныхъ губ.	Нечерноземныхъ губ.	Черноземныхъ губ.	Нечерноземныхъ губ.	
Безъ работниковъ.	0,5	2,6	0,5	0,7	7,0
Съ 1 работникомъ.	50,9	57,4	53,0	50,3	56,7
Съ 2 и болѣе работниками. . . .	48,6	40,0	47,5	49,0	36,3

[1]) Приведенныя ниже данныя объ экономическомъ положеніи переселенцевъ 1895—1896 г.г. выведены по даннымъ изданія «Цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь составленный подъ руководствомъ Г. А. Пріймака». Изд. 1898 и 1899 г.г.

[2]) Н. Благовѣщенскій. Сводный сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ описямъ, Т. I. 1893.

Нѣсколько меньшій процентъ среди переселенцевъ семействъ безъ работниковъ объясняется, повидимому, тѣмъ общимъ положеніемъ, что самое стремленіе къ выселенію среди крестьянъ находится въ извѣстнаго рода зависимости отъ наличности въ семьѣ рабочихъ рукъ, не находящихъ на родинѣ примѣненія своему труду.

Переходя далѣе, къ размѣрамъ землевладѣнія переселенцевъ 1895—1896 г.г. на родинѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что относящіяся сюда данныя отличаются наибольшею полнотою, охватывая собою совокупность всѣхъ переселенцевъ, зарегистрированныхъ за эти годы по линіи Сибирской желѣзной дороги. Общее распредѣленіе переселенческихъ семействъ по размѣру надѣльной земли на родинѣ выясняется изъ слѣдующихъ цифръ:

% переселен. семействъ	1895 г.	1896 г.
Безземельныхъ	15,7	18,9
Имѣвшихъ до 1 десятины.	16,5	13,8
» » 3 десятинъ.	36,5	31,8
» » 5 десятинъ.	15,0	17,4
» » 10 десятинъ.	12,8	14,4
» свыше 10 десятинъ.	2,4	3,1
необознач. надѣл.	1,1	0,6

Такимъ образомъ около одной трети переселенческихъ семей были безземельными или же имѣли весьма скудные душевые надѣлы до 1 дес., другая треть также была лишь слабо обезпечена въ земельномъ отношеніи и лишь остальная треть переселенцевъ состояла изъ лицъ, земельное довольствіе которыхъ представлялось по своему размѣру сравнительно удовлетворительнымъ.

Среднее число десятинъ, приходившихся на дворъ, равнялось 2,8 для переселенцевъ 1895 года и 3,0 — для переселенцевъ 1896 года. При сравненіи этихъ цифръ съ среднею величиною земельныхъ надѣловъ Европейской Россіи, составляющей, по даннымъ Благовѣщенскаго, 11,0 дес. на крестьянскій дворъ, выясняется съ полною очевидностью, что значительное число

сибирскихъ переселенцевъ принадлежало къ малоземельнымъ группамъ сельскаго населенія. Въ виду этого обстоятельства, среди переселенцевъ было весьма развито арендованіе внѣнадѣльныхъ земель, къ которому прибѣгали около половины всѣхъ переселенческихъ дворовъ (1895 года — 51,3 % и 1896 года—50,3 %); изъ числа этихъ дворовъ $^9/_{10}$ пользовались исключительно краткосрочной съемкой земли и лишь 5—6% могли обращаться къ сравнительно болѣе выгодной долгосрочной арендѣ. Что касается до пользованія «купчею» землею, то оно было значительно слабѣе распространено среди переселенцевъ и отмѣчено въ 1895 г. лишь у 9%, и въ 1896 г.— у 6%.

Въ связи съ такимъ признакомъ малоземелія, въ смыслѣ абсолютнаго недостатка земель у переселяющихся, находится и нѣкоторое несоотвѣтствіе между величиною надѣловъ и количествомъ рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ. Для губерній черноземной полосы, изъ которыхъ выселилось до $^3/_4$ всего числа сибирскихъ переселенцевъ, зависимость между этими двумя факторами экономическаго быта переселенцевъ выразилась въ 1895—1896 г.г. слѣдующимъ образомъ:

Семейства:	Величина надѣла: 1895 г.	1896 г.
безъ работниковъ	3,8	3,5
съ 1 работникомъ	3,5	3,9
съ 2 работниками	4,4	5,1
болѣе 2 работниковъ	6,0	6,5

Если сопоставить эти данныя съ тѣмъ количествомъ земли, которое можетъ быть обработано однимъ работникомъ, составляющимъ въ средней и южной Россіи отъ 5 до 7 десятинъ пахатной земли [1]), то недостатокъ надѣла, столь очевидный для преобладающей по численности группы семействъ

[1]) Сводъ статистическихъ данныхъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи, стр. X (предисловіе).

съ однимъ работникомъ, станетъ яснымъ и для хозяйствъ съ 2 работниками, имѣющихъ въ 2—3 раза меньшую площадь по сравненію съ той, которая въ дѣйствительности могла бы быть использована ими, равняясь 10—14 десятинъ одной лишь пахатной земли. Это несоотвѣтствіе между надѣломъ и рабочими силами семьи ясно еще болѣе для дворовъ, имѣющихъ свыше 2 работниковъ.

Независимо отъ упомянутой особенности землевладѣнія сибирскихъ переселенцевъ на ихъ родинѣ, данныя по регистраціи за 1895—1896 г.г. указываютъ и другую весьма характерную черту ихъ экономическаго быта, а именно на часто наблюдавшуюся недостаточность размѣра надѣльной, купчей и арендованной ими земли даже для самого пропитанія ихъ семейства. Это явленіе выясняется уже изъ высокаго % хозяйствъ, покупавшихъ хлѣбъ на свое продовольствіе,—составлявшаго для переселенцевъ 1895 года — 61,5 %, а для переселенцевъ 1896 года даже 73,7 %. Что же касается числа всѣхъ крестьянъ, которые могли продавать хлѣбъ, не прикупая его со стороны, то оно составляло не болѣе одной десятой части всѣхъ зарегистрированныхъ переселенцевъ.

Данныя регистраціи, касающіяся другого весьма важнаго фактора въ хозяйственномъ быту переселенцевъ на родинѣ ихъ, а именно степени обезпеченности ихъ живымъ инвентаремъ, представляютъ слѣдующую картину:

	1895 г.	1896 г.
На дворъ приходилось лошадей . . .	1,5	1,7
» » » коровъ	1,2	1,3
% дворовъ безъ скота	24,3	22,2
» » безъ рабочаго скота . . .	36,4	35,5
» » съ 1 лошадью	46,5	43,5
» » съ 2 и болѣе	18,1	21,0

Цифры эти показываютъ, что одна треть переселенческихъ дворовъ отличалась слабою хозяйственною самостоятельностью, не имѣя вовсе рогатаго скота, при этомъ число такихъ дворовъ

среди переселенцевъ было болѣе значительнымъ, нежели вообще у населенія, на мѣстахъ ихъ выхода, гдѣ оно, согласно даннымъ Благовѣщенскаго, составляло не болѣе 23% всего количества крестьянскихъ дворовъ.

Не смотря на это послѣднее обстоятельство было бы, однако, неправильнымъ придавать этой группѣ мало состоятельныхъ переселенцевъ особо замѣтное вліяніе на образованіе общаго контингента переселяющихся уже потому, что число такихъ безлошадныхъ дворовъ въ значительной степени уравновѣшивается и наличностью дворовъ, обезпеченныхъ живымъ инвентаремъ свыше средней нормы; наоборотъ, представлялось бы вполнѣ соотвѣтственнымъ признать въ средѣ переселенцевъ преобладающее значеніе за средне-состоятельными крестьянами, придавая этому послѣднему понятію, конечно, лишь относительный смыслъ.

Такой признакъ «средне-состоятельности» большинства переселенцевъ выступаетъ еще яснѣе при сравненіи размѣровъ средствъ, вырученныхъ переселенцами передъ уходомъ съ родины: по этому признаку переселенцы 1895—1896 гг. распредѣляются на слѣдующія группы:

% семействъ, выручившихъ отъ ликвидаціи своего имущества:

	Въ 1895 г.	Въ 1896 г.
до 50 руб.	12,8	9,0
50—100 »	26,3	23,1
100—200 »	30,2	38,6
200—300 »	13,8	16,0
Свыше 300 »	16,9	13,3

Изъ этой таблицы, въ которой особенно замѣтно преобладаніе среднихъ группъ, можно усмотрѣть, что переселенцы, имѣвшіе передъ отправленіемъ въ путь не свыше 100 р., составляли не болѣе $^2/_5$—$^1/_3$ общаго количества. Къ такому же выводу о принадлежности главной массы переселенцевъ къ лицамъ болѣе состоятельнымъ, сравнительно съ представителями «безхозяйственной бѣдноты», можно придти и при разсмотрѣніи данныхъ объ обезпеченности переселенцевъ про-

довольствіемъ; изъ этихъ данныхъ обнаруживается, что отнюдь не болѣе одной десятой части переселенцевъ вовсе не имѣли на родинѣ хлѣбныхъ запасовъ, (въ 1895 году—11% всѣхъ семействъ, въ 1896 году—9%); изъ остальныхъ: $^1/_4$—$^2/_5$ (26% въ 1895 и 42% въ 1896) имѣли свой хлѣбъ на время до 6 мѣсяцевъ, $^1/_3$—$^1/_4$ на 11 мѣсяцевъ и около одной трети на цѣлый годъ. Наконецъ, для характеристики финансоваго положенія переселенцевъ представляется весьма любопытнымъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что изъ зарегистрованныхъ семействъ въ 1895 году до 54% не имѣли вовсе недоимокъ, а въ 1896 году такихъ семей было даже 73,5 %.

Переходя къ разсмотрѣнію данныхъ о занятіяхъ переселенцевъ на родинѣ, надлежитъ замѣтить, что данныя эти указываютъ на двѣ особенности экономическаго быта переселенцевъ на родинѣ, именно: на наличность довольно значительнаго числа семей, не имѣющихъ никакихъ другихъ заработковъ, кромѣ земледѣльческихъ (до 48% среди переселенцевъ 1895 г. и 34%—1896 г.) и на существованіе тѣсной связи съ землею въ средѣ значительнаго большинства переселенческихъ семействъ.

Послѣднее обстоятельство явствуетъ уже изъ того, что если не болѣе одной пятой части (19% за оба упомянутыхъ года) зарегистрованныхъ семействъ не испытывали потребности въ примѣненіи своего труда на сторонѣ, то, съ другой стороны, изъ всего числа семействъ, члены коихъ прибѣгали къ такому способу добыванія заработка, не болѣе одной десятой части (въ 1895 г.—9% а въ 1896 г.—7%) не имѣли своей запашки и такимъ образомъ совершенно порвали связь съ землею.

Что касается до характера занятій переселенцевъ, искавшихъ себѣ заработки внѣ собственнаго хозяйства, то довольно значительная часть этихъ лицъ была занята поденными работами (до 56% за оба года); до одной трети такихъ семействъ отпускали нѣкоторыхъ своихъ членовъ въ отхожіе промыслы, а отъ $^1/_3$ до $^1/_5$ всего числа такихъ семействъ имѣли въ своей средѣ лицъ, занятыхъ сдѣльными земледѣльческими работами и почти столько же семействъ поставляли рабочихъ на сро-

ковыя неземледѣльческія работы (напр., фабрично-заводскія). Въ частности, наиболѣе распространенными занятіями среди переселенцевъ, имѣвшихъ неземледѣльческіе заработки, были приведенныя въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Изъ числа переселенцевъ съ неземледѣльческими заработками занимались:	1895 г.	1896 г.
извозомъ	15%	17%
лѣснымъ промысломъ	10%	27%
портняжнымъ ремесломъ	8%	3%
сапожнымъ »	4%	3%
столярнымъ и плотничьимъ	18%	17%
работами на фабрикахъ и заводахъ .	5%	12%

По поводу этой таблицы нельзя не отмѣтить, что переселенцы нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ здѣсь группъ являются весьма важнымъ для Сибири колонизаціоннымъ элементомъ, въ томъ отношеніи, что они содѣйствуютъ распространенію необходимыхъ въ сельскомъ быту ремеслъ.

Что касается общаго, преобладающаго типа сибирскаго переселенца, то, какъ показываютъ вышеприведенныя статистическія данныя, его слѣдуетъ искать въ крестьянинѣ-земледѣльцѣ, для котораго обработка надѣльной или арендованной земли составляетъ одинъ изъ главныхъ, а иногда и единственный источникъ къ существованію; въ то же время по матеріальному обезпеченію онъ довольно замѣтно выдѣляется надъ наиболѣе обездоленными группами сельскихъ обывателей. Послѣднее заключеніе вполнѣ подтверждается рядомъ изслѣдованій о сибирскихъ переселенцахъ, произведенныхъ въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Изъ этихъ изслѣдованій по полнотѣ собранныхъ данныхъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто уже упомянутыя работы по обслѣдованію переселенческихъ поселковъ, возникшихъ до 1893 г. въ Тобольской губ. (А. Станкевича) и въ Томской губ. (А. Кауфмана). Общіе итоги этихъ изслѣдованій могутъ быть сведены въ нижеслѣдующую табличку:

Изъ 100 хозяйствъ на родинѣ было:	У тобольскихъ переселенцевъ.	У томскихъ переселенцевъ.
Безземельныхъ .	13,4	13,3
Безлошадныхъ .	18,1	19,4
Безъ посѣва . .	13,1	14,1

Изъ 100 хозяйствъ взяли съ собою денегъ:	Тобольскіе переселенцы.	Томскіе переселенцы.
Менѣе 50 р. . . .	15,9	24,2
50—100 р.	23,9	26,3
100—200 р. [1]) . .	42,1	27,3
Болѣе 200 р. [1]) . .	18,1	22,2

Данныя эти имѣютъ довольно близкое сходство съ вышеприведенными свѣдѣніями о переселенцахъ 1895—96 гг., причемъ среди послѣднихъ переселенцевъ замѣчается лишь большій процентъ безлошадныхъ, каковое обстоятельство стоитъ въ связи съ нѣкоторымъ пониженіемъ уровня состоятельности переселенцевъ 1894—96 гг., о причинѣ котораго будетъ сказано ниже. Что же касается до размѣра средствъ, взятыхъ съ родины переселенцами, водворенными въ западныхъ Сибирскихъ губерніяхъ до 1894 г., то данныя таблички представляютъ близкую аналогію съ соотвѣтствующими данными для переселенцевъ 1895—96 гг. въ смыслѣ весьма замѣтнаго (въ особенности у тобольскихъ переселенцевъ) преобладанія среднесостоятельныхъ группъ переселенцевъ. Выводъ этотъ вполнѣ совпадаетъ и съ данными, добытыми опросомъ переселенцевъ, водворившихся на Кабинетскихъ земляхъ Алтайскаго округа, по которымъ выяснилось, что менѣе 50 руб. взяли изъ дому лишь 16,7% общаго количества семей, отъ 50 до 100 р.—17,7%, отъ 100 до 200 р.—25,5%, отъ 200 до 400 р.—24,1% и, наконецъ, свыше 400 р.—16,0% [2]).

Все вышеизложенное вполнѣ подтверждаетъ правильность выводовъ, сдѣланныхъ также въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ его въ 1896 г. въ Сибирь о принадлежности главной массы переселенцевъ къ средне-состоятельнымъ лицамъ. Это обстоятельство сознается и въ средѣ самихъ переселенцевъ, такъ какъ при опросѣ послѣднихъ получались

---

[1]) По Тобольской губ.—250 руб.

[2]) Чудновскій, Переселенческое дѣло на Алтаѣ, 1889, стр. 59. Къ такому заключенію о средне-состоятельности переселенцевъ приводятъ и изслѣдованія Гурвича «Переселенія крестьянъ въ Сибирь» о сибирскихъ переселенцахъ конца 80-хъ годовъ.

весьма характерные отвѣты: «богатымъ не зачѣмъ идти, бѣднымъ не на что»; переселялись и «бѣдные, но только кто въ силахъ пройти» [1]).

Переходя къ вопросу о тѣхъ измѣненіяхъ въ степени матеріальнаго благосостоянія, которыя могли быть отмѣчены за отдѣльные годы у зарегистрованныхъ семействъ сибирскихъ переселенцевъ, надлежитъ обратиться къ даннымъ, собраннымъ въ истекшемъ 1899 году лицами мѣстной сибирской администраціи путемъ опроса 93.312 семействъ переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ и Кабинетскихъ земляхъ 4-хъ Сибирскихъ губерній и Степнаго Генералъ-Губернаторства. Эти свѣдѣнія представляютъ общую характеристику переселенческихъ семей того или другаго года по обезпеченности ихъ живымъ инвентаремъ и земледѣльческими орудіями, по признаку ихъ хозяйственной самостоятельности и, наконецъ, по размѣрамъ ихъ посѣвной площади. Данныя эти могутъ быть сведены въ слѣдующую таблицу:

Годъ переселенія.	Процентное отношеніе къ общему числу семей количества семействъ, имѣвшихъ на родинѣ.					Число десятинъ надѣльной земли на семью на родинѣ.
	Лошадей.	Рогатый скотъ.	Мелкій скотъ.	Земледѣльческ. орудія.	Собственное хозяйство.	
1889	83%	83%	68%	77%	83%	2,7
1890	85%	79%	74%	78%	86%	3,6
1891	82%	82%	68%	73%	82%	3,0
1892	81%	81%	73%	74%	85%	2,8
1893	79%	76%	65%	71%	80%	2,6
1894	78%	76%	68%	74%	77%	2,7
1895	72%	73%	59%	65%	74%	2,1
1896	74%	74%	64%	68%	79%	2 3
1897	85%	83%	73%	79%	81%	2,4
1898	81%	81%	69%	76%	81%	3,0

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 2.

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что въ серединѣ 90-хъ годовъ наблюдалось довольно замѣтное пониженіе общаго уровня состоятельности выходцевъ изъ Европейской Россіи, выразившееся въ уменьшеніи относительнаго числа семействъ, обезпеченныхъ домашнимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями; а также и въ нѣкоторомъ пониженіи числа семействъ, ведшихъ самостоятельное хозяйство, и уменьшеніи величины посѣвной площади переселившихся крестьянъ. Съ 1897 же года обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе указанныхъ цифръ въ обратномъ направленіи. Подобныя измѣненія находятся въ зависимости отъ общаго повышенія въ серединѣ 90-хъ годовъ размѣровъ переселенческаго движенія въ Сибирь, достигшаго особой напряженности въ 1896 году: облегчившійся съ постепеннымъ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги переѣздъ крестьянъ на новыя мѣста, а также и проникавшіе въ среду сельскихъ обывателей слухи о содѣйствіи оказываемымъ имъ организованною Комитетомъ названной дороги выдачею ссудъ развили стремленіе къ переселенію среди крестьянъ, рѣшавшихся идти за Уралъ не смотря на недостаточное знакомство ихъ съ условіями жизни въ Сибири. Желаніе предотвратить выселеніе такихъ лицъ и этимъ путемъ предупредить конечное разореніе большей части изъ нихъ побудило Комитетъ Сибирской желѣзной дороги принять цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ возбужденію сознательнаго отношенія переселенцевъ къ предпринимаемому имъ шагу. Успѣшные результаты этихъ мѣропріятій, о которыхъ будетъ подробнѣе изложено ниже, при разсмотрѣніи общаго вопроса о сознательности переселенческаго движенія, обнаружились уже въ 1897 г., въ которомъ, напримѣръ, процентъ переселенцевъ, бывшихъ на родинѣ безлошадными и безкоровными, понизился на 11% (съ 26% до 16% общаго числа переселенцевъ). Насколько эти мѣры успѣли оказать глубокое вліяніе на составъ переселенцевъ, можно судить также и потому, что въ 1898 г., не смотря на значи-

тельное увеличенiе переселенческаго движенiя, (достигшаго 176.076 чел., не считая ходоковъ) средняя степень матерiальной обезпеченности переселенцевъ осталась почти безъ измѣненiй сравнительно съ 1897 г., какъ въ этомъ убѣждаетъ сопоставленiе двухъ послѣднихъ строкъ вышеприведенной таблицы.

При обсужденiи общаго вопроса о возможномъ воздѣйствiи правительства на сформированiе контингента переселенцевъ изъ лицъ, могущихъ явиться надежнымъ колонизацiоннымъ элементомъ для Сибири, надлежитъ имѣть въ виду, что дѣйствительные результаты въ этомъ отношенiи не могутъ быть достигнуты одними лишь ограничительными мѣрами, какъ, напримѣръ, требованiемъ отъ желающихъ переселиться опредѣленныхъ денежныхъ взносовъ, примѣняемымъ внѣ прямой зависимости отъ общихъ мѣропрiятiй по упорядоченiю переселенческаго дѣла. Такъ, напримѣръ, въ 1896 г. нѣкоторыми начальниками губернiй былъ сдѣланъ опытъ препятствовать переходу въ Сибирь малоимущихъ крестьянъ, съ воспрещенiемъ имъ продавать ихъ хозяйства до предъявленiя удостовѣренiя въ наличности 300 руб. свободныхъ денегъ. Однако эти распоряженiя повели лишь къ различнымъ злоупотребленiямъ, или къ тому, что крестьяне, желавшие уйти въ Сибирь, сообща собирали требуемую сумму и представляли удостовѣренiе о наличности у нихъ необходимыхъ денегъ; по полученiи же разрѣшенiя на продажу имущества собранныя суммы передавались затѣмъ другимъ крестьянамъ, такимъ образомъ въ концѣ концовъ удавалось получить желаемое разрѣшенiе всѣмъ собиравшимся въ путь [1]).

Но если требованiю отъ крестьянъ, желающихъ переходить въ Сибирь, наличности опредѣленнаго размѣра денежныхъ средствъ и нельзя придавать значенiя мѣры, могущей сдерживать переселенческое движенiе во всемъ его объемѣ, то, по-

---

[1]) Журналъ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисiи. 1897, № 46.

добная мѣра оказывается вполнѣ успѣшною въ случаяхъ ея примѣненія лишь къ переселенцамъ, желающимъ водвориться въ такихъ раіонахъ, переходъ въ которые въ виду ихъ географическаго положенія представляетъ тѣ или другія трудности. Такъ, напримѣръ, эта мѣра съ успѣхомъ примѣнялась до послѣдняго времени къ желающимъ переселиться въ Амурскую и Приморскую области, причемъ нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ этотъ слѣдуетъ объяснять исключительно сознаніемъ самихъ крестьянъ, что на такое далекое переселеніе дѣйствительно нужны большія деньги (Ср. Главу VI-ую).

Послѣ общей характеристики переселенческой массы по степени обезпеченности отдѣльныхъ группъ, входящихъ въ ея составъ, представляется весьма интереснымъ ознакомиться съ другою стороною переселенческаго вопроса,—съ подраздѣленіемъ всѣхъ сибирскихъ переселенцевъ на двѣ группы по признаку чисто правового характера, а именно по отношенію ихъ къ требованію законодательства о полученіи передъ уходомъ съ родины соотвѣтственныхъ разрѣшеній, дающихъ въ то же время право и на полученіе участковъ свободной казенной земли въ Сибири съ извѣстными льготами. Въ этомъ вопросѣ представляется наиболѣе важнымъ ознакомиться съ данными объ общемъ числѣ лицъ, отправляющихся въ путь безъ испрошенія соотвѣтственныхъ разрѣшеній, или такъ называемыхъ «самовольныхъ» переселенцевъ, а также и о различныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ сокращенію размѣровъ этого нежелательнаго для государства явленія.

Какъ уже было указано выше, послѣ перехода управленія государственными крестьянами въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ право переселенія на казенныя земли предоставлялось лишь немногимъ разрядамъ сельскихъ обывателей, что однако не могло препятствовать многимъ крестьянамъ предпринимать переселеніе на свой страхъ, не имѣя ни разрѣшенія отъ губернскихъ властей, ни увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ своихъ обществъ. Необходимость упроченія хозяйствен-

наго быта этихъ самовольныхъ выходцевъ заставляла правительство неоднократно (въ 1876, 1881, 1889 и 1892 гг.) допускать для такихъ переселенцевъ изъятія изъ закона, въ смыслѣ предоставленія послѣднимъ одинаковаго съ законными переселенцами права на устройство въ Сибири.

При этомъ, какъ было уже сказано, хотя принудительная высылка самовольныхъ переселенцевъ на родину и была узаконена правилами 1889 г., но она представлялась для сибирской администраціи неудобопримѣнимой въ виду крайне вреднаго вліянія, которое она не преминула бы оказать на хозяйственный бытъ этихъ крестьянъ. Между тѣмъ вскорѣ послѣ изданія закона 1889 г. число самовольныхъ переселенцевъ начало быстро возрастать, въ 1894 г. самовольное переселеніе достигло до 78% всего переселенческаго движенія; затѣмъ, понизившись въ 1895 году до 24% общей массы переселенцевъ, оно составило въ 1896 г.—36%, въ 1897 г.—34%, и въ 1898 г.—44% всего движенія. Для выясненія причинъ, вызывающихъ самовольные переходы крестьянъ въ Сибирь, могутъ служить данныя, добытыя при опросѣ переселенцевъ при поѣздкѣ въ Сибирь Управляющаго дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги лѣтомъ 1896 г.; изъ данныхъ этихъ видно, что лишь незначительное число (именно 18% всѣхъ опрошенныхъ семей) самовольныхъ переселенцевъ рѣшились сразу предпринять переселеніе на свой счетъ и страхъ, не желая возбуждать ходатайства о разрѣшеніи и будучи увѣрены въ успѣшномъ водвореніи на новыхъ мѣстахъ наравнѣ съ получившими разрѣшеніе; значительное же большинство крестьянъ предпочитало сдѣлать попытку попасть въ Сибирь законнымъ путемъ, лишь впослѣдствіи отказываясь отъ такого намѣренія вслѣдствіе различныхъ препятствій, не зависившихъ отъ ихъ воли. Главнымъ изъ этихъ препятствій были задержки въ удовлетвореніи со стороны мѣстной администраціи представленныхъ переселенцами ходатайствъ о выдачѣ имъ надлежащихъ разрѣшеній; причина эта обусловила, напримѣръ, въ 1896 г. выходъ съ родины до 55% всего числа самовольныхъ переселен-

цевъ. Другою причиною самовольныхъ выселеній служили, по словамъ опрошенныхъ крестьянъ, несочувственное отношеніе мѣстныхъ властей къ ходатайствамъ о переселеніи и отказъ въ выдачѣ разрѣшеній; въ послѣднемъ случаѣ самовольное отправленіе въ путь представлялось для крестьянъ иногда прямо неизбѣжнымъ въ виду того, что они часто распродавали свое имущество немедленно вслѣдъ за подачей прошеній о дозволеніи имъ переселиться. Въ отдѣльныхъ случаяхъ причиной самовольнаго ухода былъ даже частичный отказъ администраціи въ разрѣшеніи переселенія нѣкоторымъ изъ семей, совмѣстно подававшихъ ходатайства о переселеніи, такъ какъ иногда онъ въ значительной степени затруднялъ хозяйственные разсчеты, сдѣланные переселенцами сообща [1]).

Хотя такимъ образомъ опросныя данныя и показываютъ, что среди самовольныхъ переселенцевъ лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ наблюдалось сознательное стремленіе идти въ обходъ закона, то тѣмъ не менѣе развитіе самовольныхъ переселеній представляло для правительства существенныя неудобства въ виду весьма серьезнаго опасенія, что размѣры такихъ переселеній затруднятъ для администраціи ея заботы по водворенію переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Вопросъ о самовольныхъ переселенцахъ подвергся детальному обсужденію въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги въ засѣданіи 8 Марта 1895 г. [2]), когда Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Комитета была высказана мысль, легшая въ основаніе всей послѣдовавшей дѣятельности Комитета по разсматриваемому вопросу, и заключавшаяся въ признаніи крайней нежелательности принудительнаго возвра-

---

[1]) Статистическія данныя по переселенческому дѣлу, собранныя Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ въ поѣздку въ Сибирь въ 1896 г.

[2]) Разсматриваемый здѣсь вопросъ былъ впервые представленъ на обсужденіе Комитета Сибирской желѣзной дороги въ 1894 г. и разрѣшенъ въ соотвѣтствіи съ прежними узаконеніями, въ смыслѣ предоставленія всѣмъ самовольнымъ переселенцамъ 1893 и 1894 г.г. права водворенія на казенныхъ земляхъ и полученія пособій отъ правительства.

щенія на родину переселенцевъ, хотя бы и самовольно покинувшихъ мѣста постоянной осѣдлости,—въ виду того, что такіе выходцы, порвавъ всякія связи съ сельскими обществами, и обнищавъ на пути, едва ли будутъ охотно приняты вновь въ среду своихъ прежнихъ односельчанъ. Вполнѣ присоединяясь къ такой мысли своего Августѣйшаго Предсѣдателя, Комитетъ въ то же время призналъ не цѣлесоотвѣтственнымъ и принудительное возвращеніе тѣхъ самовольныхъ переселенцевъ, которые находились еще на пути въ Сибирь, вслѣдствіе затрудительности для мѣстныхъ властей распознавать такихъ переселенцевъ отъ сельскихъ обывателей, направлявшихся по краткосрочнымъ паспортамъ на отхожіе заработки, и въ виду возможности причиненія матеріальнаго ущерба лицамъ, ошибочно подозрѣваемымъ въ самовольномъ переселеніи. Эти соображенія побудили Комитетъ совершенно отказаться на будущее время отъ примѣненія какихъ либо принудительныхъ мѣръ по отношенію къ самовольнымъ выходцамъ и признать полезнымъ разработку, въ законодательномъ порядкѣ, предположеній о такихъ мѣропріятіяхъ, которыя могли бы ослабить размѣры самовольныхъ переселеній путемъ возбужденія сознательности и обдуманности въ средѣ крестьянъ, стремящихся выселяться [1]).

Выработка предположеній была возложена Комитетомъ на состоящую при немъ подготовительную коммисію, которая и приступила къ разсмотрѣнію вопроса въ связи съ составленіемъ проекта изъятій для сибирскихъ переселенцевъ изъ общаго закона 1889 г. При обсужденіи отрицательныхъ сторонъ самовольныхъ переселеній выяснилось, что учащеніе

[1]) Что касается до тѣхъ переселенцевъ, которые имѣли прибыть въ Сибирь въ 1895 г., до утвержденія, въ установленномъ порядкѣ, новыхъ правилъ, то Комитетъ, призналъ необходимымъ устроить всѣхъ этихъ переселенцевъ на участкахъ, заготовленныхъ въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги, и отвести имъ казенную землю на общемъ основаніи съ распространеніемъ на нихъ дѣйствія правилъ о пособіяхъ отъ правительства, нуждающимся семействамъ, переселяющимся съ установленнаго разрѣшенія.

случаевъ переходовъ въ Сибирь безъ установленныхъ разрѣшеній оказывало, несомнѣнно, вредное вліяніе на сельскихъ обывателей, собиравшихся идти въ Сибирь, укрѣпляя въ нихъ убѣжденіе въ нетвердости закона и въ возможности его неисполненія; съ другой стороны, наплывъ въ Сибирь многочисленныхъ переселенцевъ возбуждалъ опасенія, какъ бы водвореніе ихъ на свободныхъ земляхъ, предназначенныхъ для заселенія, не обусловило въ отдѣльныхъ мѣстахъ недостатка въ такихъ земляхъ для имѣвшихъ прибыть законныхъ переселенцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе на невозможность препятствовать отдѣльнымъ лицамъ отправляться въ Сибирь безъ проходныхъ свидѣтельствъ по паспортамъ и ходатайствовать тамъ о водвореніи на казенныхъ земляхъ. Независимо отъ этого, въ интересахъ колонизаціи нѣкоторыхъ наименѣе заселенныхъ раіоновъ Сибири и въ особенности восточной ея части (Иркутской губерніи) представлялось даже полезнымъ допустить возможно большій притокъ переселенцевъ, вслѣдствіе чего правительству приходилось относиться снисходительно къ водворенію на этихъ мѣстахъ самовольныхъ переселенцевъ, видя и въ нихъ залогъ экономическаго роста края. Съ цѣлью взаимнаго примиренія изложенныхъ здѣсь принциповъ было признано цѣлесообразнымъ примѣнить къ самовольному переселенію такія правила, которыя провели бы рѣзкое различіе между положеніемъ законныхъ и самовольныхъ переселенцевъ при ихъ водвореніи на новыхъ мѣстахъ и въ то же время исключали бы необходимость періодическаго изданія отдѣльныхъ узаконеній для сравненія правъ той и другой группы переселенцевъ. При этомъ особенно важнымъ представилось вызвать среди крестьянъ, собирающихся идти въ Сибирь, сознательное отношеніе къ ихъ положенію, дѣйствуя въ томъ направленіи, чтобы переселенцы твердо знали, что именно они теряютъ, оставляя старыя мѣста безъ установленнаго разрѣшенія, и какія льготы они получаютъ при испрошеніи послѣдняго; для такого направленія переселенцевъ въ сторону законнаго пути, надлежало обставить этотъ путь

такъ, чтобы онъ представлялся особенно выгоднымъ въ сравненіи съ путемъ, сопряженнымъ съ обходомъ закона; достигнуть этого казалось наиболѣе удобнымъ установленіемъ ограниченія для самовольныхъ переселенцевъ тѣхъ льготъ, которыми было облегчено для законныхъ переселенцевъ какъ передвиженіе въ Сибирь, такъ и водвореніе ихъ на новыхъ мѣстахъ. Ограниченія эти, узаконенныя въ силу Высочайшаго утвержденія, 15 Апрѣля 1896 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, коснулись прежде всего самаго момента водворенія самовольныхъ переселенцевъ, которые поселяются на заготовленныхъ для переселенцевъ участкахъ на общемъ основаніи лишь по мѣрѣ возможности, причемъ на нихъ переводятся всѣ состоящія за ними по прежнимъ обществамъ недоимки въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой по нимъ отвѣтственности; вмѣстѣ съ тѣмъ на этихъ переселенцевъ не распространяется льгота по отбыванію воинской повинности. Наконецъ, помянутое узаконеніе провело еще одну черту различія между самовольными и законными переселенцами, предоставивъ лишь вторымъ право пользоваться льготнымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ.

Наряду съ этими мѣропріятіями, имѣвшими въ виду уменьшить размѣры самовольныхъ переселеній, Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги было обращено особое вниманіе на достиженіе той же цѣли и посредствомъ общаго упорядоченія переселеній, сообщеніемъ послѣднимъ возможной сознательности и устойчивости. Основною и наиболѣе дѣйствительною изъ принятыхъ въ этомъ направленіи мѣръ представляется правительственное содѣйствіе развитію среди выселяющихся крестьянъ такъ называемаго «ходачества», т. е. заблаговременнаго отправленія ими въ мѣстности, намѣчаемыя для переселенія особыхъ довѣренныхъ лицъ или «ходоковъ» для предварительнаго ознакомленія съ дѣйствительными условіями жизни въ Сибири и для избранія наиболѣе подходящихъ къ привычнымъ условіямъ мѣстъ новой осѣдлости. Право посылки такихъ ходоковъ, признаваемое за переселенцами еще въ

дореформенную эпоху [1]), послѣ 1861 г. вовсе не упоминалось въ законодательствѣ, встрѣчая въ это время далеко несочувственное отношеніе администраціи 70-хъ и 80-хъ годовъ, вслѣдствіе существовавшихъ тогда опасеній, чтобы ходоки своими разсказами о сибирскомъ привольѣ не поощряли крестьянъ къ массовымъ выселеніямъ. Не смотря на эти неблагопріятныя условія, ходачество, однако, получало на практикѣ все большее распространеніе, заставляя и администрацію постепенно измѣнять свое воззрѣніе. Такъ, уже въ 1894 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ циркулярно разъяснило, что посылка ходоковъ, правильно избранныхъ и утвержденныхъ земскими начальниками, со стороны лицъ, уже получившихъ разрѣшеніе на поселеніе, представляется весьма желательной и заслуживающей поощренія. Для развитія ходачества на этихъ основаніяхъ было признано полезнымъ узаконить это явленіе народной жизни, и на основаніи Высочайше утвержденнаго, 15 Апрѣля 1896 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта за сельскими обывателями, получившими разрѣшеніе переселиться въ Сибирь, подтверждено право отправлять, для осмотра мѣстъ пригодныхъ къ заселенію и зачисленія ихъ за собою на два года, ходоковъ, избранныхъ изъ среды переселяющихся и утвержденныхъ подлежащими административными органами; при этомъ такимъ ходокамъ дана возможность пользоваться при передвиженіи въ Сибирь и обратно всѣми льготами, предоставленными самимъ переселенцамъ.

Дальнѣйшее развитіе законодательство о ходокахъ получило при разработкѣ предположеній по переселенческому дѣлу, намѣченныхъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ статсъ-секретаря Куломзина по его поѣздкѣ въ Сибирь въ 1896 г. Предположеніями этими по вопросу о ходачествѣ имѣлось въ виду распространить право высылки ходоковъ на каждую семью, желающую переселиться въ Сибирь, дозволивъ таковую высылку предва-

[1]) См. выше указъ 1822 г. о дозволеніи государственнымъ крестьянамъ переселяться въ Сибирь.

рительно испрошенія узаконенныхъ разрѣшеній и распространивъ на этихъ «семейныхъ» ходоковъ, всѣ тѣ льготы, которыя уже были предоставлены ходокамъ закономъ 15 Апрѣля 1896 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенія на переселеніе тѣмъ семьямъ, ходоки которыхъ запаслись въ Сибири опредѣленными земельными долями проектировалось выдавать уже безъ задержки. Эти предположенія получили силу закона на основаніи Высочайше утвержденнаго, 7 Декабря 1896 г., положенія Комитета Сибирской желѣзной дороги, согласно которому семейное ходачество разрѣшено въ видѣ временной мѣры. Вслѣдъ за изданіемъ этого законоположенія Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ были циркулярно преподаны мѣстнымъ губернскимъ учрежденіямъ разъясненія относительно примѣненія новыхъ законодательныхъ мѣръ, причемъ изъ этихъ разъясненій особое значеніе имѣетъ указаніе на необходимость обусловливать выдачу разрѣшеній на переселеніе требованіемъ предварительной посылки ходока.

Въ основѣ приведенныхъ узаконеній и въ особенности послѣдняго положена мысль, что сообщенія ходоковъ, какъ лицъ, представляющихся въ глазахъ крестьянъ особливо опытными и заслуживающими довѣрія, могутъ успѣшнѣе всего содѣйствовать уясненію для сельскихъ обывателей дѣйствительныхъ условій жизни въ Сибири и сообщать всему переселенческому движенію характеръ обдуманности и устойчивости. Въ частности, законъ о семейныхъ ходокахъ имѣетъ въ виду уменьшить размѣры самовольнаго переселенія дарованіемъ каждой семьѣ, посылавшей ходока и, стало быть, уже сознательно взвѣсившей выгоды устройства на избранномъ мѣстѣ, право обязательнаго обмѣна полученнаго ходаческаго свидѣтельства на проходное, но уже для всей семьи. Насколько оправдались всѣ приведенныя предположенія, можно судить изъ сопоставленія статистическихъ данныхъ о переселеніяхъ въ 1896 году съ таковыми же данными для 1897 г. и 1898 г., когда законы о ходачествѣ уже вступили въ силу.

Сравненіе этихъ данныхъ между собою указываетъ, что,

не смотря на кратковременность дѣйствія этихъ законовъ, они успѣли уже оказать, несомнѣнно, благотворное вліяніе на общее упорядоченіе переселенческаго движенія.

Ближайшимъ результатомъ примѣненія всѣхъ этихъ законовъ явилось усиленіе ходаческаго движенія. Составивъ въ 1898 г. болѣе одной четверти всей переселенческой массы, число ходоковъ превысило болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза число переселившихся семей, тогда какъ въ 1896 г. оно равнялось лишь 6% общаго движенія и 43% числа переселенческихъ семей. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ ходаческаго движенія, послѣднее стало уже въ 1897 г. болѣе сознательнымъ, что выразилось въ крайне рѣзкомъ пониженіи числа ходоковъ, переходившихъ въ Сибирь безъ испрошенія соотвѣтственныхъ разрѣшеній: отношеніе этихъ самовольныхъ ходоковъ къ общему числу ходоковъ, составлявшее въ 1895 г. и 1896 г. 83%, въ 1897 г. понизилось до 23%. Подобное упорядоченіе ходаческаго движенія находится въ ближайшей зависимости отъ удачной организаціи, которую получило въ 1897 г. семейное ходачество главнымъ образомъ въ западныхъ губерніяхъ, выпустившихъ въ 1897 году изъ числа 6762 ходоковъ всего лишь 10% самовольныхъ; особенно выдѣлилась въ послѣднемъ отношеніи Витебская губернія, которая изъ 3756 ходоковъ въ 1897 г. дала лишь $4{,}_6$% самовольныхъ, а въ 1898 г. изъ 2867 чел. даже не болѣе $1{,}_7$%, между тѣмъ какъ въ 1896 г. вышедшіе изъ этой губерніи 236 ходоковъ были всѣ самовольными.

Значительный интересъ представляетъ сопоставленіе измѣненія въ числѣ ходоковъ съ измѣненіями въ размѣрахъ самовольныхъ переселеній. Данныя регистраціи переселенцевъ за послѣдніе годы обнаруживаютъ, что оба процесса находятся въ обратномъ соотношеніи, такъ какъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наблюдалось наиболѣе замѣтное уменьшеніе самовольныхъ выселеній, въ то же время было обнаружено наибольшее увеличеніе числа ходоковъ. Это относится въ особенности къ губерніямъ нечерноземнаго района, въ которыхъ по-

ниженіе числа самовольныхъ переселеній съ 91% общаго числа въ 1896 г. до 52% въ 1897 г. соотвѣтствуетъ увеличенію числа ходоковъ на 31% (съ 18% на 49%) за тѣ же годы; въ частности отмѣченное выше упорядоченіе ходаческаго движенія въ Витебской губерніи вызвало пониженіе числа самовольныхъ выходцевъ съ 100% общаго числа въ 1896 г. до 17%—въ 1897 г. и до 1,6%—въ 1898 г.

Наоборотъ, наибольшій процентъ самовольныхъ переселеній дали тѣ губерніи (именно въ 1898 г. губерніи: Самарская, Уфимская, Вятская, Пермская и нѣкоторыя другія), въ которыхъ ходачество не успѣло получить правильной постановки, и гдѣ поэтому самовольное движеніе ходоковъ преобладало надъ разрѣшеннымъ.

При обсужденіи общаго вопроса объ организаціи ходачества надлежитъ имѣть въ виду, что регистраціею ходоковъ въ Челябинскѣ обнаружено несомнѣнное стремленіе каждой переселенческой семьи имѣть своего собственнаго ходока, выразившееся въ значительномъ преобладаніи въ общей массѣ семейныхъ ходоковъ, составившихъ въ 1898 г. до 93% общаго числа всѣхъ ходоковъ; обстоятельство это съ очевидностью указываетъ на полную своевременность изданія закона 7 Декабря 1896 г. о семейныхъ ходокахъ. Что же касается вопроса о характерѣ ходаческой дѣятельности по отысканію участковъ для водворенія, то лучшимъ доказательствомъ осмотрительности ходоковъ и ихъ добросовѣстнаго отношенія къ сложной задачѣ, можетъ служить то обстоятельство, что изъ всего числа ходоковъ, возвратившихся изъ Сибири въ 1896 г., только 26%, а изъ ходоковъ 1897 г. лишь 23% и 1898 г.—30% избрали мѣста для водворенія, остальные же вернулись съ отрицательными результатами.

Если такое возвращеніе ходоковъ можетъ на первый взглядъ казаться связаннымъ съ непроизводительнымъ расходомъ по передвиженію ихъ въ Сибирь и обратно, то нельзя упускать изъ виду, что ходоки оказываютъ самое благотворное воздѣйствіе не только на свои семьи, но и вообще на односельчанъ, пре-

дупреждая неосторожныя и потому неудачныя выселенія и сопряженное съ ними разореніе переселяющихся. Что касается тѣхъ ходоковъ, которые зачисляютъ за собою выбранные ими участки въ Сибири, то въ пользу ихъ добросовѣстности говоритъ уже то обстоятельство, что значительная часть ихъ въ поискахъ удобныхъ мѣстъ проводятъ въ Сибири довольно продолжительное время (иногда свыше полгода), останавливаясь на заработкахъ у мѣстныхъ старожиловъ—крестьянъ или въ переселенческихъ поселкахъ и успѣвая иногда даже пріобрѣсти хозяйственныя постройки, обзавестись инвентаремъ и заготовить посѣвы прежде, нежели приступить къ переселенію своихъ семей. Благодаря все болѣе и болѣе проникающему въ народную массу убѣжденію въ необходимости осмотрительнаго отношенія къ переселеніямъ, въ послѣдніе два года бывали, по наблюденію переселенческихъ чиновниковъ, случаи вторичной отправки ходоковъ послѣ неудачныхъ или недостаточно удовлетворительныхъ первоначальныхъ развѣдокъ, при чемъ иногда даже послѣ второй неудачи посылались ходоки въ третій разъ и только уже послѣ упорныхъ, давшихъ дѣйствительно благопріятные результаты, развѣдокъ совершалось окончательное переселеніе партій и отдѣльныхъ семей.

Такимъ образомъ въ развитіи ходачества слѣдуетъ видѣть безспорно лучшій залогъ для приданія переселенческому движенію сознательности и обдуманности, тогда какъ всѣ другіе способы, которыми крестьяне могутъ получать свѣдѣнія о Сибири, значительно уступаютъ ходачеству по достигаемымъ ими результатамъ. Сравнительно наиболѣе удачнымъ изъ такихъ способовъ является *личное ознакомленіе* крестьянъ съ Сибирскими губерніями предварительно окончательнаго переселенія; способъ этотъ, почти совпадающій по своему характеру съ ходачествомъ и отличающійся отъ послѣдняго только тѣмъ, что будущій переселенецъ при своей поѣздкѣ въ Сибирь имѣетъ цѣлью вовсе не переселеніе, мысль о которомъ является у него лишь впослѣдствіи, но только отысканіе хорошаго временнаго заработка, находитъ себѣ однако лишь

довольно ограниченное примѣненіе и притомъ по преимуществу среди выходцевъ изъ болѣе близкихъ къ Сибири восточныхъ и сѣверовосточныхъ губерній. Такимъ путемъ, напримѣръ возникли поселенія около г. Томска, основанныя плотниками и каменщиками, первоначально нанятыми въ Вяткѣ для строительныхъ работъ въ Томскѣ (университетъ, клиника, торговые ряды и частныя зданія), и пожелавшими впослѣдствіе перевести въ Сибирь свои семьи; тѣмъ же способомъ образовалась цѣлая сѣть поселковъ изъ нижегородскихъ плотниковъ въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи, приходившихъ для заработковъ на золотые промыслы.

Другой способъ, поддерживающій среди сельскихъ обывателей стремленіе къ переходамъ въ Сибирь — это письменныя сношенія лицъ, уже переселившихся, съ ихъ бывшими односельчанами. Подобныя письма зачастую бывали однако причиною неудачныхъ переселеній, заключая въ себѣ иногда даже умышленно преувеличенныя описанія благополучія переселенцевъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ земляковъ нерѣдко изъ одного чисто эгоистическаго разсчета, напр., изъ желанія, чтобы вновь прибывшіе наняли землянки, оставшіяся пустыми за устройствомъ домовъ. Еще менѣе достовѣрнымъ источникомъ свѣдѣній о Сибири представляются распространяющіеся среди крестьянъ, всегда болѣе или менѣе далекіе отъ истины слухи о сибирскомъ привольѣ, подъ вліяніемъ которыхъ переселенцы часто двигались въ глушь совершенно наудачу, не имѣя дѣйствительнаго представленія даже о самой мѣстности, куда они направлялись, и часто вполнѣ обманываясь въ своихъ ожиданіяхъ при приходѣ на новыя мѣста; послѣднее обстоятельство служитъ объясненіемъ наблюдавшагося въ 70-хъ и 80-хъ г.г. блужданія переселенцевъ по губерніямъ западной Сибири, весьма вредно отражавшагося на ихъ экономическомъ благосостояніи.

Поводомъ къ распространенію подобныхъ слуховъ часто служили въ послѣдніе годы сами правительственныя мѣропріятія, облегчавшія для переселенцевъ водвореніе въ Сибири и

получавшія въ представленіи послѣднихъ значеніе особыхъ вызововъ правительства къ переселенію, съ столь желанными льготами, вродѣ освобожденія отъ всякихъ податей, заготовленія казенныхъ даровыхъ хлѣбныхъ запасовъ и т. п. Совершенно столь же произвольное толкованіе давалось крестьянами и циркулярнымъ распоряженіямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, издававшимся въ дополненіе къ общему переселенческому закону 1889 г., вывѣшиваемымъ, по общему порядку, въ волостныхъ правленіяхъ и читаемымъ на сельскихъ сходахъ мѣстною крестьянскою администраціею. Первымъ изъ этихъ распоряженій былъ циркуляръ 1892 г. о пріостановленіи выдачи разрѣшеній на переселеніе въ Сибирь, вслѣдствіе недостатка въ то время заготовленныхъ земель; онъ во многихъ мѣстахъ былъ истолкованъ крестьянами въ желаемомъ для нихъ и прямо противоположнымъ его значенію смыслѣ, какъ приглашеніе къ переселенію. Въ томъ же направленіи былъ перетолкованъ и второй циркуляръ, изданный въ 1894 г. въ отмѣну перваго и возобновлявшій выдачу разрѣшеній, хотя и этотъ циркуляръ указывалъ лишь на порядокъ ходатайства о переселеніи, рекомендовалъ время, наиболѣе удобное для выхода въ путь, и угрожалъ карою закона за самовольное переселеніе.

Наконецъ, послѣднимъ источникомъ, изъ котораго крестьяне узнаютъ о возможности хорошо устраиваться въ Сибирь, слѣдуетъ искать въ литературѣ переселенческаго вопроса и въ особенности въ наиболѣе доступныхъ для народа изданіяхъ, печатаемыхъ въ формѣ небольшихъ книжекъ; книжки эти, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ изображаютъ жизнь въ Сибири, скрывая дурныя стороны ея, въ освѣщеніи, наиболѣе привлекательномъ для народнаго представленія, и какъ бы подтверждаютъ печатнымъ словомъ крайне искаженные ходячіе слухи о Сибири.

Борьба противъ, несомнѣнно, крайне вреднаго вліянія подобныхъ слуховъ и толкованій, представляется возможною лишь при истинномъ разъясненіи крестьянамъ всѣхъ вопросовъ, касающихся переселенія, и мѣры, принятыя въ этомъ направле-

ніи, относятся исключительно къ послѣднему пятилѣтію, какъ предпринятыя по почину Комитета Сибирской желѣзной дороги. Такъ, Комитетомъ было обращено особое вниманіе на неудобства, возникавшія при обнародованіи обычнымъ путемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя касались организаціи правительственнаго содѣйствія переселенцамъ и выдачи имъ ссудъ, а также условій водворенія въ Сибири самовольныхъ переселенцевъ, въ виду того, что опубликованіе обычнымъ путемъ соотвѣтственныхъ узаконеній, какъ указано было уже выше, часто истолковывалось крестьянами въ смыслѣ приглашенія къ выселенію. Съ другой стороны, при опросѣ переселенцевъ во время поѣздки Статсъ-Секретаря Куломзина въ Сибирь въ 1896 г. было съ очевидностью доказано, что крестьянское населеніе Европейской Россіи имѣетъ вполнѣ опредѣленное, хотя иногда и сильно искаженное представленіе о всѣхъ таковыхъ мѣрахъ, имѣвшихъ въ виду воспособленіе сибирскимъ переселенцамъ. При такихъ условіяхъ представлялось наиболѣе правильнымъ поручить органамъ администраціи давать разъясненія всѣмъ интересующимся этимъ вопросомъ крестьянамъ необходимыхъ законовъ и условій переселенія, содѣйствуя въ то же время распространенію среди сельскихъ обывателей правильныхъ свѣдѣній объ естественныхъ условіяхъ Сибири. Въ этихъ видахъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ были приняты мѣры къ сообщенію мѣстной администраціи Европейской Россіи, а въ томъ числѣ и земскимъ начальникамъ, данныхъ о порядкѣ переселенія въ Сибирь и объ условіяхъ водворенія въ этомъ краѣ; впослѣдствіи эти должностныя лица были снабжены особыми сборниками законоположеній, относящихся къ переселенческому дѣлу, краткимъ описаніемъ губерній и областей Сибири, а также изданіемъ Канцеляріи Комитета Министровъ «Маршруты для переселенцевъ». Въ то же время съ цѣлью ознакомленія крестьянъ съ условіями жизни въ Сибири признано было полезнымъ помѣщать въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» статьи съ краткими, но вѣрными свѣдѣніями о характерѣ свободныхъ земель въ Сибири и условіяхъ водворенія на нихъ, и была составлена вышепомянутою

Канцеляріею народная брошюра «Сибирское переселеніе», излагающая яснымъ слогомъ всѣ эти свѣдѣнія; брошюра эта въ количествѣ до 400.000 экземпляровъ была разослана по уѣзднымъ земскимъ управамъ и уѣзднымъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ для распространенія среди народа по продажной цѣнѣ въ $1^1/_2$ коп. Съ 1897 г. Переселенческимъ Управленіемъ предпринято составленіе подобнаго-же рода справочныхъ книжекъ, раздѣляющихся по своему содержанію, на два вида: 1) изданія, предназначаемыя для должностныхъ лицъ, соприкасающихся съ переселенческимъ вопросомъ на мѣстахъ выхода переселенцевъ, и 2) ежегодно издаваемыя народныя брошюры, содержащія свѣдѣнія о передвиженіи по Сибири и водвореніи въ этомъ краѣ, необходимыя для самихъ переселенцевъ и особенно для ходоковъ.

Если всѣ эти мѣропріятія имѣли ближайшею цѣлью содѣйствовать выработкѣ сознательности въ переселенческомъ движеніи и такимъ образомъ оказывать вліяніе на сформированіе контингента переселяющихся изъ наиболѣе полезныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи элементовъ, то Комитетъ Сибирской желѣзной дороги относился съ неменьшею заботливостью и къ облегченію для переселенцевъ условій передвиженія на новыя мѣста.

Переходя къ разсмотрѣнію порядка приготовленія къ переселенію и выхода съ родины переселенцевъ, слѣдуетъ замѣтить, что общее руководство дѣломъ выдачи разрѣшеній на переселеніе на казенныя земли до—Байкальской Сибири до послѣдняго времени принадлежало двумъ Министерствамъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Такой порядокъ, основанный на необходимости соразмѣрять выдачу разрѣшеній съ положеніемъ землеустроительныхъ работъ въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ, подтвержденный временными правилами 1881 г. и общимъ переселенческимъ закономъ 1889 г. (распространеннымъ въ 1892 г. на Средне-Сибирскія губерніи) сталъ однако вызывать нѣкоторыя неудобства при постоянно увеличивавшемся за истекшее десятилѣтіе числѣ переселенцевъ. Неудобства эти выражались въ

медленности при разсмотрѣніи ходатайствъ, являвшейся слѣдствіемъ сосредоточенія всего дѣла исключительно въ центральномъ управленіи и необходимости въ предварительномъ сношеніи названныхъ выше Министерствъ по каждому отдѣльному ходатайству; очевидно, что задержка въ выдачѣ разрѣшеній не могла не содѣйствовать развитію самовольныхъ выселеній. На неудобства эти было обращено вниманіе при пересмотрѣ въ 1896 г. правилъ о переселеніяхъ въ Сибирь. Такъ какъ въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги переселенческіе участки въ это время имѣлись уже въ достаточномъ количествѣ, а въ будущемъ такіе участки, по установленному порядку, должны отмежевываться заблаговременно и передаваться въ вѣдѣніе чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то представилось возможнымъ, въ видахъ ускоренія выдачи разрѣшеній на переселеніе, поручить завѣдываніе этимъ дѣломъ по отношенію къ Сибири одному Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ правомъ децентрализировать въ потребныхъ случаяхъ дѣятельность по выдачѣ разрѣшеній, уполномочивая на это органы мѣстнаго управленія, а именно Генералъ-Губернаторовъ и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія [1]. Въ видахъ однообразнаго урегулированія дѣятельности этихъ органовъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ преподаны имъ указанія, какъ напримѣръ, о принятіи въ соображеніе наличнаго состава переселяющихся семействъ, съ обращеніемъ осо-

[1]) Разрѣшенія на переселеніе въ Приамурское Генералъ-Губернаторство выдаются, въ силу п. 1 отд. II Высочайше утвержденнаго 18 Іюня 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, начальниками губерній и лишь крестьянамъ, имѣющимъ «средства, достаточныя для переселенія и водворенія на новомъ мѣстѣ безъ всякаго пособія отъ казны»; въ отношеніи же переселенія въ Алтайскій горный округъ на земли Кабинета Его Величества должно замѣтить, что водвореніе тамъ до 1896 г. могло, согласно Высочайше утвержденному, 30 Іюля 1866 г., положенію Комитета Министровъ, происходить на законномъ основаніи лишь въ силу особаго разрѣшенія, выдаваемаго Главнымъ Управленіемъ Алтайскаго округа; съ 1896 же года (согласно положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 27 Апрѣля этого года) разрѣшеніе на переселеніе въ названный округъ выдается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по соглашенію съ Министромъ Императорскаго Двора и сообщается подлежащему губернатору, для объявленія просителямъ.

баго вниманія на нахожденіе среди послѣднихъ достаточнаго числа работниковъ.

Аналогичныя циркулярныя разъясненія были даны въ послѣдніе три года Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и земскимъ начальникамъ по вопросу объ устраненіи различныхъ неблагопріятныхъ условій, сопровождающихъ выходъ сельскихъ обывателей съ родины, какъ то: происходящей иногда спѣшно ликвидаціи имущества, неудобнаго выбора времени (по преимуществу осенью) ухода и, наконецъ, встрѣчающихся неправильностей въ выдаваемыхъ крестьянамъ проходныхъ свидѣтельствахъ [1]), къ которымъ относится, напримѣръ, выдача одного свидѣтельства на нѣсколько семей или помѣщеніе въ немъ невѣрнаго маршрута. Затѣмъ, въ видахъ облегченія выхода съ родины членовъ такихъ сельскихъ обществъ, среди которыхъ подобное выселеніе могло бы способствовать подъему благосостоянія остающихся членовъ, и въ цѣляхъ оказанія со стороны этихъ обществъ содѣйствія правительству въ его заботахъ и матеріальныхъ пожертвованіяхъ по переселенческому дѣлу, сельскимъ обществамъ предоставлено право участвовать въ расходахъ по переселенію ихъ однообщественниковъ, получившихъ установленное разрѣшеніе.

Съ другой стороны, въ видахъ возможнаго согласованія интересовъ переселяющихся и остающихся на мѣстѣ членовъ сельскихъ обществъ, предоставлено органамъ, завѣдующимъ переселенческимъ дѣломъ, ходатайствовать при разрѣшеніи переселеній, вызываемыхъ государственною необходимостью, въ заслуживающихъ особаго уваженія случаяхъ, о сложеніи съ отвѣтственности сельскихъ обществъ недоимокъ въ казенныхъ сборахъ, состоящихъ на переселившихся однообщественникахъ.

---

[1]) Проходное свидѣтельство, представляя собой документъ, выдаваемый переселенцамъ въ удостовѣреніе ихъ права на переселеніе и дѣйствительный въ теченіе двухъ лѣтъ, содержитъ въ себѣ, кромѣ указанія маршрутовъ, также и свѣдѣнія, необходимыя для причисленія переселенцевъ къ мѣстамъ новаго водворенія.

Если приведенныя мѣропріятія имѣли своею цѣлью по возможности упорядочить условія, сопровождавшія выходъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, то въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ былъ принимаемъ также цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ облегченію для переселенцевъ и всего процесса передвиженія ихъ на новыя мѣста. Для полнаго выясненія значенія этихъ мѣропріятій надлежитъ предварительно вкратцѣ разсмотрѣть тѣ условія, при которыхъ переселенцы передвигались въ Сибирь. Въ 70—80-хъ годахъ движеніе переселенцевъ совершалось по двумъ главнымъ направленіямъ; изъ нихъ по первому сѣверному пути, пересѣкающему Уральскій хребетъ по Сибирскому тракту, шли переселенцы, осѣдавшіе преимущественно въ среднихъ округахъ Тобольской и Томской губерній, другое же южное направленіе развѣтвлялось на нѣсколько путей, проходившихъ черезъ Самарскую и Уфимскую губерніи на Челябинскъ и черезъ Оренбургскую губернію по почтовому тракту отъ Троицка къ Петропавловску и Омску. Сѣверное направленіе пріобрѣло наибольшее значеніе послѣ проведенія желѣзной дороги между Пермью и Тюменью, и въ 1888—1891 г.г. черезъ Тюмень слѣдовало 70—80 % всего числа сибирскихъ переселенцевъ, а въ 1892—1894 г.г.—даже до 85%. Въ предѣлахъ Европейской Россіи переселенцы, придерживавшіеся этого сѣвернаго пути, шли большей частью на Нижній Новгородъ, откуда они переправлялись по рр. Волгѣ и Камѣ въ Пермь на баржахъ, буксируемыхъ пароходами; а по прибытіи въ Тюмень по желѣзной дорогѣ слѣдовали, смотря по мѣстамъ водворенія, или на подводахъ (въ Ишимскій округъ Тобольской губерніи), или же на пароходахъ и баржахъ по рѣкамъ Обскаго бассейна (въ Тарскій округъ Тобольской губерніи, въ Акмолинскую область и въ Томскую и Енисейскую губерніи) до возможныхъ конечныхъ пунктовъ водяныхъ сообщеній, а затѣмъ на подводахъ же. Съ проведеніемъ Западно-Сибирской желѣзной дороги путь этотъ утратилъ свое значеніе, и въ настоящее время большинство переселенцевъ направляется по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ на Че-

лябинскъ, гдѣ они пересаживаются въ поѣзда Сибирской дороги. Подобное измѣненіе направленія передвиженія переселенцевъ имѣло весьма существенное значеніе для послѣднихъ уже потому, что движеніе ихъ по желѣзной дорогѣ въ значительной мѣрѣ сократило время пути, обставивъ при этомъ несравненно болѣе благопріятными условіями ихъ пребываніе въ пути и значительно уменьшивъ ихъ путевые расходы. Неудобства, сопряженныя съ прежней системой передвиженія, стали особенно сильно ощущаться при начавшемся въ 80-хъ годахъ увеличеніи переселенческаго движенія. Главнымъ изъ такихъ неудобствъ былъ недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ, съ которымъ переселенцамъ приходилось сталкиваться при передвиженіи по рѣкамъ Обской системы. На конечной станціи Уральской дороги «Тюмень» и на сибирскихъ пристаняхъ стали скопляться значительныя партіи переселенцевъ въ ожиданіи прихода пароходовъ и баржъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Утомленные продолжительнымъ путемъ, не имѣя почти никакихъ становищъ, переселенцы часто бывали вынуждены проводить нѣсколько недѣль подъ открытымъ небомъ, при самыхъ неудовлетворительныхъ въ санитарномъ отношеніи условіяхъ, подвергаясь вслѣдствіе этого заразнымъ заболѣваніямъ, дававшимъ, благодаря отсутствію организованной медицинской помощи, значительный процентъ смертности, въ особенности, среди дѣтей. Всѣ эти неудобства становились еще болѣе чувствительными для переселенцевъ при ихъ переѣздѣ по рѣкамъ западной Сибири, по причинѣ громаднаго скопленія ихъ на баржахъ и пароходахъ въ сравненіи съ вмѣстимостью послѣднихъ. Распространенію заразныхъ болѣзней между переселенцами немало содѣйствовало и то обстоятельство, что они зачастую тщательно скрывали заболѣвшихъ, опасаясь задержекъ въ пути со стороны администраціи, представлявшихся для нихъ крайне нежелательными вслѣдствіе скудости средствъ, взятыхъ ими въ путь.

Для устраненія этихъ недостатковъ въ организаціи переселеній еще въ 80-хъ годахъ были принимаемы отдѣль-

ныя мѣры, клонившіяся къ достиженію двухъ главныхъ цѣлей: къ ослабленію заболѣваемости и смертности среди переселенцевъ и къ облегченію для нихъ условій передвиженія. Стремленіе правительства къ осуществленію послѣдней изъ этихъ цѣлей выразилось прежде всего въ учрежденіи, въ силу временныхъ правилъ 1881 г., особой переселенческой конторы въ с. Батракахъ Симбирской губерніи, имѣвшей своею задачею, кромѣ регистраціи переселенцевъ, направлявшихся въ Сибирь и въ восточныя губерніи Европейской Россіи, еще и оказаніе имъ содѣйствія выдачею путевыхъ пособій. Аналогичныя обязанности были возложены и на особыхъ чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ, назначенныхъ съ 1884 г. въ города, черезъ которые проходили главнѣйшіе пути переселенцевъ, какъ то въ Самару, Уфу, Оренбургъ, Тюмень и Томскъ. Помощь, оказываемая этими лицами переселенцамъ, выражалась въ снабженіи ихъ маршрутами и въ распредѣленіи между наиболѣе нуждающимися денежныхъ средствъ, которыя ассигновались на этотъ предметъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Независимо отъ этого правительственнаго содѣйствія переселенцамъ, въ 80-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ городахъ возникли, по почину администраціи, общества частныхъ лицъ, преслѣдовавшія тѣ же цѣли; первымъ изъ такихъ обществъ, по времени возникновенія, былъ временный комитетъ, образованный въ 1883 г. въ г. Тюмени по иниціативѣ Тобольскаго губернатора Лысогорскаго; дѣятельность этого комитета выразилась прежде всего въ оказаніи медицинской помощи переселенцамъ и въ сооруженіи для временнаго ихъ помѣщенія бараковъ, въ которыхъ уже въ 1884 году нашли себѣ пріютъ свыше 700 семей; независимо отъ того, комитетъ выдавалъ переселенцамъ денежныя пособія и перевозилъ за свой счетъ на баржахъ наиболѣе нуждающихся изъ нихъ, озаботившись въ то же время и объ общемъ удешевленіи провоза ихъ по рѣкамъ (на 10%—20%).

Главнымъ препятствіемъ къ расширенію дѣятельности какъ Тюменскаго комитета, такъ и подобныхъ же комитетовъ,

образованныхъ въ 1889—1890 г. г. въ С.-Петербургѣ, Томскѣ и Иркутскѣ (въ послѣднемъ для оказанія содѣйствія переселенцамъ, направлявшимся черезъ Забайкалье въ Амурскую область), былъ недостатокъ средствъ, составлявшихся исключительно изъ пожертвованій частныхъ лицъ; вслѣдствіе этой причины Тюменскій комитетъ, напримѣръ, могъ помѣщать, при значительно увеличившихся въ это время размѣрахъ переселенія, въ выстроенныхъ имъ зданіяхъ только не болѣе одной десятой части всѣхъ семей, проходившихъ черезъ Тюмень.

Равнымъ образомъ переселенцамъ было оказываемо содѣйствіе и со стороны нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ и пароходныхъ компаній, вводившихъ для нихъ болѣе или менѣе значительныя скидки изъ общей платы за проѣздъ; наиболѣе крупныя льготы въ этомъ отношеніи были даны переселенцамъ Уральскою дорогою въ 1889 г., понизившей для нихъ проѣздную плату до 0,3 коп. за версту съ человѣка и до 11 коп. съ пуда багажа за все разстояніе между Пермью и Тюменью; благодаря подобной скидкѣ, путевые расходы всѣхъ переселенцевъ, пользовавшихся Уральской дорогою, сократились, по вычисленію г. Архипова, на 60.000 руб. Разнообразныя скидки, дѣлаемыя для переселенцевъ отдѣльными дорогами, были объединены въ 1894 г. введеніемъ общаго переселенческаго тарифа, въ силу котораго на всѣхъ дорогахъ была установлена плата въ 0,3 коп. за версту съ каждаго члена переселенческой семьи, кромѣ дѣтей моложе 10 лѣтъ, которыхъ опредѣлено было перевозить безплатно; наконецъ, въ 1898 г. цѣна переселенческаго билета была понижена до размѣра стоимости дѣтскаго билета III класса. [1]) Чтобы судить объ уменьшеніи расходовъ переселенцевъ введеніемъ послѣдняго тарифа, слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ 90-хъ годовъ проѣздъ переселенческой семьи среднихъ губерній (Курской и Тамбовской) до Томска

[1]) Сборникъ тарифовъ 1898, Льготный тарифъ № 10.

обходился около 57 рублей (принимая въ расчетъ скидки, дѣлаемыя съ отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ [1]); а въ настоящее время проѣздъ отъ Орла до Томска семьи средняго состава (3 взрослыхъ и 2 малолѣтнихъ), ѣдущей по разрѣшенію, стоитъ 14 руб. 70 коп., семьи же самовольныхъ переселенцевъ, слѣдующей въ вагонѣ IV класса,—47 р. 80 к.

Такимъ образомъ до учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги, скидки съ желѣзнодорожныхъ тарифовъ являлись почти единственными мѣрами общаго характера, существенно облегчавшими передвиженіе переселенцевъ въ Сибирь; что же касается оказанія переселенцамъ врачебной помощи и выдачи имъ путевыхъ ссудъ, то эти операціи носили характеръ чисто случайный и далеко не могли удовлетворять потребностямъ переселенцевъ, какъ въ виду недостаточности средствъ, которыя ассигновывались на эти цѣли, такъ и вслѣдствіе недостаточной численности личнаго состава чиновъ, завѣдывавшихъ этимъ дѣломъ.

Организація правительственнаго содѣйствія переселенцамъ при передвиженіи ихъ въ Сибирь получила совершенно новую постановку послѣ учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги. Въ этомъ отношеніи Комитетомъ было обращено особое вниманіе на достиженіе возможно болѣе тѣсной связи между всѣми мѣрами, принимаемыми по разсматриваемому вопросу, путемъ установленія общаго надзора за дѣятельностью личнаго состава, завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ на пути переселенцевъ. Осуществленіе этого надзора по всей линіи Сибирской желѣзной дороги поручено чиновнику особыхъ порученій при Переселенческомъ Управленіи, командированному въ конечный пунктъ дороги. Въ видахъ облегченія названному лицу его обязанностей, постепенно осложнявшихся по мѣрѣ удлиненія Сибирскаго пути, при немъ учреждены особыя счетная, хозяйственная и картографическая части; въ связи съ этимъ постепенно увеличено число лицъ, ежегодно коман-

---

1) Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, стр. 48.

дируемыхъ въ качествѣ помощниковъ этого чиновника въ мѣста наибольшаго скопленія переселенцевъ. Дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ, число которыхъ возросло съ 2—въ 1895 г. до 16—въ 1900 г., состоитъ въ завѣдываніи врачебно-продовольственными пунктами, устроенными для переселенцевъ, въ выдачѣ нуждающимся переселенцамъ путевыхъ пособій и въ направленіи отдѣльныхъ партій на такіе участки, которые являются наиболѣе подходящими и соотвѣтствующими условіямъ прежней жизни переселенцевъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ мѣропріятій Комитета, касающихся содѣйствія переселенцамъ во время пути, слѣдуетъ прежде всего указать на достигнутое за послѣдніе годы улучшеніе общихъ условій передвиженія.

Первыя по времени мѣры подобнаго характера были приняты Комитетомъ еще въ начальный періодъ сооруженія Сибирскаго пути и заключались въ отпускѣ средствъ для зафрахтованія баржъ въ видахъ эвакуаціи переселенцевъ изъ тѣхъ мѣстъ, (напримѣръ Тюмени, Омска, Кривощекова), въ которыхъ недостатокъ перевозочныхъ средствъ вызывалъ чрезмѣрное скопленіе переселенцевъ. Въ связи съ этимъ Комитетъ озаботился облегченіемъ для переселенцевъ покупки необходимыхъ имъ для слѣдованія на заготовленные участки телѣгъ и лошадей, пріобрѣтеніе которыхъ становилось для самихъ переселенцевъ недоступнымъ вслѣдствіе значительнаго подъема цѣнъ, вызваннаго усилившимся спросомъ; съ этою цѣлью лошади и телѣги заготовлялись въ городахъ Ачинскѣ, Красноярскѣ и Омскѣ для продажи переселенцамъ по удешевленнымъ цѣнамъ. Заготовка ихъ, а также и плотовъ, для слѣдованія по рѣкамъ, производилась въ послѣднее время и въ Забайкальской области для переселенцевъ, направляющихся въ Амурскую область.

Продолженіе Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути вглубь страны, въ связи съ увеличеніемъ размѣровъ переселенческаго движенія, вызвало со стороны правительства принятіе ряда мѣръ, клонившихся къ улучшенію условій перевозки переселенцевъ въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ. Съ цѣлью разработки соот-

вѣтственныхъ предположеній съ 1896 г. при Министерствѣ Путей Сообщенія образовано Особое Совѣщаніе изъ представителей, заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ органовъ, для выясненія типа вагоновъ, наиболѣе пригодныхъ для перевозки переселенцевъ [1]), организаціи снабженія послѣднихъ горячей пищей и водою на пути, врачебнаго осмотра ихъ и т. п.

Изъ всѣхъ мѣропріятій по содѣйствію переселенцамъ въ пути слѣдуетъ выдѣлить на первое мѣсто *оказаніе врачебно-продовольственной помощи* въ связи съ общимъ *санитарнымъ надзоромъ*. Въ настоящее время врачебный надзоръ за переселенцами, направляющимися въ Сибирь, начинается еще въ предѣлахъ Европейской Россіи, гдѣ онъ выражается въ медицинскомъ осмотрѣ переселенцевъ, производимомъ во время наиболѣе оживленнаго движенія въ городахъ Ряжскѣ, Сызрани и на нѣкоторыхъ станціяхъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги лицами, особо командируемыми для сего Переселенческимъ Управленіемъ; независимо отъ того, по линіи упомянутой желѣзной дороги въ составѣ переселенческихъ поѣздовъ слѣдуютъ особые санитарные вагоны для отдѣленія больныхъ заразными болѣзнями. Наиболѣе завершенной представляется организація врачебно-продовольственной помощи переселенцамъ вдоль самой Сибирской желѣзной дороги, гдѣ еще въ 1893 году, по Высокому почину нынѣ Царствующаго Государя Императора, было положено основаніе устройству для переселенцевъ особыхъ врачебно-питательныхъ пунктовъ, сооруженныхъ въ предѣлахъ Тобольской и Томской губерній изъ суммъ состоявшаго подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Величества Особаго Комитета, по распоряженію бывшаго тогда Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретаря фонъ-Плеве. Успѣшная дѣятельность этихъ пунктовъ побудила Ко-

---

[1]) Въ настоящее время переселенцы перевозятся какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, въ вагонахъ IV класса, а также въ вагонахъ особаго типа, устроенныхъ по образцу вагоновъ воинскихъ поѣздовъ и снабженныхъ нѣкоторыми дополнительными приспособленіями, какъ-то: лѣстницами, желѣзными печами и т. п.

митетъ Сибирской желѣзной дороги въ слѣдующемъ 1894 году приступить къ дальнѣйшей организаціи такихъ пунктовъ, съ каковою цѣлью Комитетомъ ежегодно ассигнуются средства изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги на устройство этихъ пунктовъ какъ на главной линіи движенія переселенцевъ по Сибирской магистрали, такъ и по мелкимъ артеріямъ этого движенія: рѣкамъ и трактамъ, соединяющимъ рельсовый путь съ сравнительно отдаленными раіонами, предназначенными для колонизаціи. Эти пункты, различаясь между собой главнымъ образомъ по размѣрамъ, въ зависимости отъ общаго количества прилегающихъ къ нимъ свободныхъ земель, имѣютъ по своему устройству близкую аналогію между собою. Въ виду того, что назначеніе врачебно-питательныхъ пунктовъ, заключается какъ въ доставленіи переселенцамъ продовольственной помощи, такъ и въ предупрежденіи развитія среди нихъ тѣхъ или другихъ эпидемическихъ болѣзней, на каждомъ пунктѣ имѣются особыя помѣщенія для временнаго пріюта и отдыха переселяющихся семей, которымъ производится особая регистрація въ связи съ медицинскимъ осмотромъ, при чемъ за снабженіе лѣкарствами и за врачебную помощь съ переселенцевъ не взимается платы. Для удовлетворенія этихъ потребностей при каждомъ пунктѣ имѣется врачебный персоналъ и аптека, а въ наиболѣе важныхъ пунктахъ устроены больничныя помѣщенія. Продовольственная помощь, оказываемая на пунктахъ, выражается въ продажѣ переселенцамъ по заготовительнымъ цѣнамъ съѣстныхъ припасовъ и горячей пищи и въ выдачѣ послѣдней безплатно дѣтямъ моложе 10-ти лѣтняго возраста, а также въ крайнихъ случаяхъ и взрослымъ.

Изъ всѣхъ существующихъ нынѣ пунктовъ наибольшее значеніе принадлежитъ тѣмъ, которые устроены близъ станцій Западно-и Средне-Сибирской желѣзныхъ дорогъ, гдѣ переселенцы покидаютъ вагоны, чтобы продолжать путь на подводахъ; что-же касается тѣхъ пунктовъ, которые были сооружены когда-то, по пути переселенцевъ въ Европейской Россіи, какъ,

напримѣръ, въ Нижнемъ Новгородѣ, Казани и Перми, то они нынѣ утратили свое прежнее значеніе въ виду того, что движеніе переселенцевъ чрезъ эти города на Тюмень значительно ослабѣло.

Первымъ изъ пунктовъ, расположенныхъ по нынѣшнему пути слѣдованія главной массы переселенцевъ, является пунктъ при ст. Западно-Сибирской желѣзной дороги Челябинскъ, имѣющій наибольшее значеніе въ виду того, что имъ пользуются всѣ переселенцы, слѣдующіе по линіи дороги и подвергающіеся здѣсь тщательному медицинскому осмотру съ цѣлью отдѣленія заразныхъ больныхъ. Отличаясь отъ другихъ пунктовъ размѣромъ построекъ и численностью врачебнаго персонала, состоящаго изъ одного врача и его помощниковъ— нѣсколькихъ студентовъ и фельдшеровъ, Челябинскій пунктъ функціонируетъ въ настоящемъ видѣ уже съ 1896 г., причемъ расходъ на его содержаніе и сооруженіе дополнительныхъ построекъ въ 1899 году былъ опредѣленъ въ размѣрѣ около 40.000 руб. Каждый изъ слѣдующихъ въ восточномъ направленіи за Челябинскомъ врачебно-питательныхъ пунктовъ имѣетъ существенное значеніе для опредѣленнаго раіона, предназначеннаго для заселенія. Такъ, ближайшій къ Челябинску пунктъ при г. Курганѣ существенно необходимъ для переселенческихъ семей, направляющихся отъ желѣзной дороги въ западную часть Петропавловскаго уѣзда Акмолинской области, пункты при станціяхъ Пѣтуховѣ, Петропавловскѣ и Омскѣ, важны для переселенцевъ, идущихъ въ Акмолинскую область, между тѣмъ какъ пункты при станціяхъ Каинскѣ, Каргатѣ и Татарской обслуживаютъ переселенцевъ, слѣдующихъ въ Юдинскую и Верхне-Каинскую волости Томской губерніи, въ которыхъ, благодаря произведеннымъ осушительнымъ работамъ, явился въ послѣдніе годы значительный запасъ земель. Затѣмъ Обскій пунктъ является узломъ движенія для переселенцевъ, направляющихся рѣчнымъ путемъ къ Барнаулу, Боготольскій пунктъ имѣетъ весьма важное значеніе для переселенческихъ участковъ по р. Четѣ, пункты въ Ачинскѣ, Краснояр-

скѣ, Канскѣ и Ольгинѣ лежатъ въ раіонѣ, гдѣ также имѣется значительный запасъ заготовленныхъ участковъ. Наконецъ, пункты въ Тайшетѣ и Тулунѣ имѣютъ существенное значеніе для переселенцевъ, идущихъ въ Иркутскую губернію и далѣе на востокъ; переселенцевъ, направляющихся на крайній востокъ (въ Амурскую область и въ Хабаровскій округъ Приморской области) обслуживаетъ также пунктъ въ г. Стрѣтенскѣ Забайкальской области.

О размѣрахъ дѣятельности всѣхъ этихъ пунктовъ можно судить по даннымъ регистраціи переселенческаго движенія за 1898 г., изъ которыхъ обнаруживается, что за этотъ годъ на 16 врачебно-продовольственныхъ пунктахъ была подана медицинская помощь 109.449 больнымъ (въ томъ числѣ 47.919 переселенцамъ, 29.184 новоселамъ и 32.346 старожиламъ); продовольственная помощь переселенцамъ на пунктахъ выразилась за тотъ же годъ въ выдачѣ свыше 647.800 порцій горячей пищи, изъ которыхъ 578.402 порціи было роздано безплатно, и въ снабженіи переселенцевъ печенымъ хлѣбомъ въ количествѣ до 80.179 пудовъ.

Что касается становищъ, расположенныхъ внѣ желѣзной дороги, то они сосредоточены по путямъ къ раіонамъ, въ которыхъ имѣется наибольшее число свободныхъ земельныхъ участковъ. Въ истекшемъ (1899-мъ) году въ Тобольской губерніи дѣйствовали 4 врачебно-продовольственныхъ пункта въ Тарскомъ уѣздѣ, не считая пункта въ г. Тюмени, которымъ пользуются переселенцы изъ Вологодско-Вятскаго раіона, водворяющіеся въ названномъ уѣздѣ. Въ Томской губерніи подобные пункты въ числѣ трехъ представлялись необходимыми лишь для переселенцевъ, слѣдующихъ на участки, образованные въ Томско-Чулымской тайгѣ; въ Енисейской губерніи функціонировали 2 становища для переселенцевъ, направлявшихся въ Минусинскій уѣздъ; наконецъ, переселенцамъ, слѣдующимъ въ Амурскую область оказывается помощь въ гор. Благовѣщенскѣ, а для крестьянъ, направляющихся въ Сѣверо-Уссурійскій край, устроены бараки въ гор. Хабаровскѣ.

Не ограничиваясь устройствомъ врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги обратилъ особое вниманіе и на необходимость оказанія переселенцамъ врачебной помощи во время слѣдованія ихъ внѣ раіоновъ обслуживаемыхъ каждымъ пунктомъ. Съ этою цѣлью еще до окончанія работъ по сооруженію Западно-Сибирской дороги былъ приглашенъ медицинскій персоналъ для сопровожденія переселенцевъ при переѣздѣ отъ Тюмени на баржахъ; впослѣдствіи лица эти были переведены въ Челябинскъ, откуда они сопровождаютъ переселенческіе поѣзда при особыхъ санитарныхъ вагонахъ. Наличность подобныхъ вагоновъ, количество которыхъ по линіи Сибирской желѣзной дороги въ 1899 г. доходило до 20, даетъ возможность изолировать больныхъ, предупреждая распространеніе заразныхъ болѣзней среди переселенцевъ въ то время, когда послѣдніе, вслѣдствіе утомленія отъ пути, являются особенно предрасположенными къ такимъ заболѣваніямъ.

Благопріятные результаты всѣхъ перечисленныхъ мѣропріятій не замедлили обнаружиться замѣтнымъ уменьшеніемъ смертности среди переселенцевъ: уже въ 1895 г. число умершихъ во время пути опустилось до 1% общаго числа зарегистрированныхъ переселенцевъ, не повысившись и въ 1896 г., несмотря на увеличившійся размѣръ переселенческаго движенія [1]).

Кромѣ оказанія подобнаго содѣйствія передвиженію переселенцевъ въ послѣднее время была придана правильная организація и выдачѣ переселенцамъ денежныхъ ссудъ въ пути слѣдованія. Вслѣдствіе закона 1889 г., согласно которому разрѣшеніе выдачи ссудъ было поставлено въ зависимость отъ соглашенія Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, названными вѣдомствами

[1]) Въ 1896 г. число умершихъ составляло 0,6%, въ 1897 г.—0,4%, въ 1898 г.—0,23% (ср. отчетъ по командировкѣ въ Сибирь помощника начальника Переселенческаго Управленія М-ва В. Д., 1899, стр. 27) и въ 1899—0,14% всего числа зарегистрированныхъ переселенцевъ.

были преподаны мѣстнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ особыя правила для руководства; на основаніи этихъ правилъ, въ началѣ 90-хъ годовъ переселенцамъ отпускалось по 25—30 р. на семью при прохожденіи ихъ черезъ нѣкоторые города, какъ, напримѣръ, Тюмень, Томскъ, Челябинскъ и др. Этотъ порядокъ выдачи путевыхъ ссудъ подвергся въ 1894 г. пересмотру, причемъ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги было установлено, что размѣры подобныхъ ссудъ должны зависѣть какъ отъ протяженія пути, предстоящаго переселенцамъ, такъ и отъ избраннаго ими способа передвиженія. Въ зависимости отъ этихъ соображеній, наивысшій размѣръ путевыхъ ссудъ былъ опредѣленъ въ 50 р., соотвѣтственно дѣйствительнымъ расходамъ на передвиженіе переселенцевъ преимущественно воднымъ путемъ отъ Тюмени до Томска и на продовольствіе ихъ; затѣмъ было признано возможнымъ назначить для сравнительно немногочисленныхъ семей, направлявшихся въ Иркутское и Приамурское Генералъ-Губернаторства, дополнительныя пособія, выдаваемыя имъ при слѣдованіи черезъ Томскую губернію, также въ размѣрѣ 50 руб. Выдача этихъ ссудъ отнесена къ обязанностямъ командируемыхъ въ Сибирь переселенческихъ чиновниковъ. Въ видахъ обезпеченія правильной отчетности и своевременнаго возврата выданныхъ ссудъ, признано цѣлесообразнымъ поручить этимъ чиновникамъ сообщать о выданныхъ ими ссудахъ подлежащему губернатору и казенной палатѣ той губерніи, куда переселенцы направляются; затѣмъ такія же увѣдомленія посылаются казенной палатѣ и со стороны крестьянскихъ начальниковъ, наблюдающихъ за водвореніемъ переселенцевъ, для зачисленія ссудъ долгомъ заемщиковъ Государственному Казначейству.

Въ 1896 году былъ измѣненъ нѣсколько порядокъ выдачи ссудъ переселенцамъ, отправляющимся въ Приамурское Генералъ - Губернаторство, которымъ разрѣшено выдавать, въ размѣрѣ 75 р., часть ссудъ, слѣдуемыхъ имъ при водвореніи, еще во время пути, преимущественно при оставленіи ими желѣзной дороги, для пріобрѣтенія перевозочныхъ средствъ.

Болѣе существенныя измѣненія правилъ о путевыхъ ссудахъ были сдѣланы въ 1899 г. Измѣненія эти коснулись максимальнаго размѣра ссудъ, который нынѣ пониженъ до 30 р., причемъ самая выдача ссудъ допущена лишь при оставленіи переселенцами желѣзной дороги для отправленія на мѣсто водворенія, кромѣ лишь единичныхъ исключительныхъ случаевъ, когда помощь на желѣзной дорогѣ явится особо настоятельною. Цѣлесообразность подобныхъ измѣненій основывается на томъ вліяніи, которое было оказано проложеніемъ Сибирской дороги на уменьшеніе путевыхъ расходовъ переселенцевъ. Такъ, уже въ лѣтніе мѣсяцы 1896 года, не смотря на значительные размѣры переселеній, въ г. Томскѣ и на 9 желѣзнодорожныхъ пунктахъ было не болѣе 5,872 случаевъ выдачи путевыхъ ссудъ, и средній размѣръ ихъ не превышалъ 10 рублей на семью; въ слѣдующемъ 1897 г. число семействъ, воспользовавшихся ссудами, уменьшилось до 1,399, причемъ средній размѣръ составлялъ 12 рублей. Наконецъ, въ 1898 г. потребность для переселенцевъ въ путевыхъ ссудахъ сократилась еще болѣе, о чемъ можно судить по тому, что эти пособія требовались переселенцами лишь на конечныхъ станціяхъ [1]). При уменьшеніи размѣровъ путевыхъ ссудъ въ 1899 г., было однако подтверждено установленное еще въ 1896 г. право полученія ссудъ ходоками; въ то же время былъ увеличенъ до 100 р. размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ переселенцамъ, слѣдующимъ въ Амурскую и Приморскую области, при оставленіи ими конечнаго пункта желѣзной дороги, вслѣдствіе указаній Приамурскаго Генералъ-Губернатора на дороговизну и трудность пути въ предѣлахъ управляемаго имъ края.

Въ дополненіе къ сказанному о путевыхъ ссудахъ, слѣдуетъ замѣтить, что правомъ на полученіе ссудъ пользуются нынѣ лишь переселенцы, отправляющіеся въ Сибирь съ установленнаго

1) Въ 1898 г., не смотря на значительное увеличеніе числа переселенцевъ въ сравненіи съ 1897 г., путевыя ссуды были выданы лишь 4.786 семействамъ.

разрѣшенія. Что же касается самовольныхъ переселенцевъ, то они нынѣ лишены права на денежное воспособленіе въ пути слѣдованія, въ связи съ общими соображеніями о нежелательности примѣнять къ нимъ мѣры, носящія до извѣстной степени поощрительный характеръ.

Въ предыдущемъ изложеніи былъ приведенъ обзоръ условій передвиженія въ Сибирь выходцевъ изъ Европейской Россіи, переселяющихся по собственному почину. Въ дополненіе необходимо указать на отдѣльныя мѣропріятія послѣдняго времени, направленныя къ привлеченію въ Сибирь нѣкоторыхъ категорій лицъ, представляющихъ собою особенно желательный для правительства колонизаціонный элементъ. Такъ, напр., уже въ первомъ засѣданіи Комитета Сибирской желѣзной дороги былъ возбужденъ вопросъ о поселеніи въ раіонѣ названной желѣзной дороги отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ, являющихся одними изъ наиболѣе культурныхъ и притомъ хорошо дисциплинированныхъ колонизаторовъ Сибири. Вопросъ этотъ былъ подробно разработанъ въ теченіе 1894—1895 гг. подлежащими вѣдомствами, и по обсужденіи въ подготовительной при Комитетѣ коммиссіи, составившей по этому предмету соотвѣтственныя правила, былъ внесенъ на разсмотрѣніе Комитета. Согласно Высочайше утвержденному, 27 Апрѣля 1896 г., положенію послѣдняго, Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено вмѣнить въ обязанность подлежащимъ учрежденіямъ, при выдачѣ разрѣшеній на переселеніе, оказывать, по возможности, предпочтеніе лицамъ, принадлежащимъ къ нѣкоторымъ категоріямъ запасныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ (напр., сверхсрочно служившимъ унтеръ-офицерамъ, чинамъ, имѣющимъ знакъ отличія военнаго ордена и т. п.); вмѣстѣ съ тѣмъ, отбывшимъ въ Сибири воинскую повинность уроженцамъ внутреннихъ губерній предоставлено право, вмѣсто возвращенія на родину, селиться съ ихъ семействами въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги на условіяхъ, подобныхъ условіямъ водворенія обыкновенныхъ переселенцевъ. Водворе-

ніе нижнихъ чиновъ имѣетъ наибольшее значеніе въ колонизаціонномъ отношеніи для весьма слабо заселенныхъ частей Амурской и Приморской областей, и, напримѣръ, въ Южно-Уссурійскомъ округѣ въ 1898 году было приписано до 539 нижнихъ чиновъ, отбывшихъ службу въ мѣстныхъ войскахъ и пожелавшихъ остаться здѣсь навсегда, переселивъ также и свои семейства.

Другими колонизаторами, направлявшимися за послѣдніе годы въ Сибирь по приглашенію правительства, были казаки Донскаго и Оренбургскаго войскъ. Лица эти переселяются въ Приморскую область для усиленія состава Уссурійскаго казачьяго войска, которое имѣетъ цѣлью какъ облегчить охрану государственной границы, такъ и содѣйствовать болѣе успѣшному заселенію мѣстности, прилегающей къ линіи Уссурійской желѣзной дороги. До настоящаго времени выходцы эти вмѣстѣ съ казаками Забайкальскаго войска, увеличили составъ Уссурійскаго войска на 264 семейства; переселеніе этихъ лицъ, на которое первоначально были ассигнуемы особые кредиты, совершается нынѣ на счетъ средствъ бюджета Военнаго Министерства, причемъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 3 Іюня 1894 г. и 17 Апрѣля 1895 г., мнѣній Государственнаго Совѣта, казакамъ-переселенцамъ въ первые годы по водвореніи ихъ на земляхъ Уссурійскаго войска, оказываются льготы по уплатѣ земскихъ сборовъ и по несенію службы въ перво-очередныхъ частяхъ войска.

Глава V.

Основанія устройства переселенцевъ на казенныхъ земляхъ западной и средней Сибири и Степнаго края.

Выше было указано, что передвиженіе выходцевъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь въ первое двадцатилѣтіе пореформенной эпохи совершалось почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства и безъ законодательной регламентаціи, если не считать лишь двухъ узаконеній совершенно спеціальнаго характера, а именно правилъ 1861 г. о поселеніи русскихъ и иностранцевъ на восточной окраинѣ Сибири—въ Амурской и Приморской областяхъ и закона 1865 г. о переселеніи лицъ сельскаго состоянія въ Алтайскій округъ (см. Гл. VI и VII). Столь же пассивнымъ было отношеніе законодательства и къ другому моменту переселенческаго движенія, именно къ водворенію переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Въ виду этого вся пореформенная эпоха въ исторіи колонизаціи Сибири вплоть до учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги можетъ быть охарактеризована отсутствіемъ какого бы то ни было плана какъ въ разселеніи выходцевъ изъ Европейской Россіи по Сибирской территоріи, такъ и (до начала 80-хъ годовъ) въ оказаніи имъ правительственнаго содѣйствія при водвореніи. Послѣ образованія названнаго Комитета колонизація Сибири вступаетъ въ совершенно новый фазисъ своего развитія, и наряду съ организаціей поземельно-устроительныхъ ра-

ботъ для водворенія переселенцевъ на казенныхъ земляхъ раіона Сибирской желѣзной дороги возникаетъ и стройная система мѣропріятій къ прочному устройству переселенцевъ на избранныхъ мѣстахъ и достиженію ими возможно скорѣе экономическаго благосостоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозно-нравственнаго и умственнаго развитія.

Обращаясь къ колонизаціи казенныхъ земель западной и средней Сибири за послѣднее сорокалѣтіе, слѣдуетъ прежде всего прослѣдить вопросы о выборѣ переселенцами мѣстъ для ихъ водворенія, въ связи съ подготовительными для этого работами по нарѣзкѣ годныхъ для заселенія участковъ, чтобы затѣмъ перейти къ другому, не менѣе важному, вопросу о содѣйствіи, оказываемомъ правительствомъ переселенцамъ уже по ихъ водвореніи.

Въ предыдущей главѣ было уже упомянуто, что отсутствіе статистическихъ свѣдѣній не даетъ возможности имѣть точнаго представленія о размѣрахъ крестьянскихъ переселеній въ Сибирь въ теченіе 60-хъ, 70-хъ и первой половины 80-хъ годовъ XIX вѣка. Та же причина препятствуетъ и возможности получить болѣе или менѣе вѣрную картину распредѣленія переселенцевъ по отдѣльнымъ частямъ Сибири; свѣдѣнія, сюда относящіяся, освѣщаютъ этотъ вопросъ весьма неполно, будучи основаны лишь на цифровыхъ данныхъ сибирскихъ казенныхъ палатъ о перечисленныхъ по новому мѣсту жительства ревизскихъ душахъ.

Такъ, въ Томскую губернію съ 1861 по 1882 г. было перечислено 30,900 душъ. Цифры эти распредѣляются по годамъ причисленія переселенцевъ слѣдующимъ образомъ [1]):

Годы.	Число перечисленныхъ ревизскихъ душъ:	Годы.	Число перечисленныхъ ревизскихъ душъ:
1861	78	1872	2,210
1862	1,085	1873	1,393
1863	1,080	1874	1,608

[1]) Памятная книжка Томской губерніи за 1884 г. Пространство и населеніе Томской губерніи въ связи съ вопросомъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, стр. 9.

Годы.	Число перечисленных ревизских душ.	Годы.	Число перечисленных ревизских душ.
1864	не было	1875	1,008
1865	»	1876	1,254
1866	2,130	1877	1,477
1867	приблизительно 4,800	1878	1,606
1868		1879	1,952
1869		1880	1,961
1870	1,419	1881	2,064
1871	1,574	1882	2,205

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что перечисленія крестьянъ въ Томской губерніи происходили въ первое двадцатилѣтіе пореформенной эпохи непрерывно (за исключеніемъ лишь 1863 и 1864 гг.), достигая въ среднемъ числа около 1,500 человѣкъ въ годъ. Эти цифры не даютъ однако правильнаго представленія о годовыхъ размѣрахъ переселеній на казенныя земли названной губерніи какъ потому, что они заключаютъ въ себѣ отчасти переселенцевъ, перечисленныхъ къ волостямъ кабинетскихъ земель Алтайскаго округа, такъ и вслѣдствіе того, что нѣкоторые новоселы по нѣскольку лѣтъ проживали въ селеніяхъ старожиловъ безъ прописки [1]).

Еще менѣе достовѣрны свѣдѣнія о переселенцахъ, водворившихся за тотъ же періодъ въ Тобольской губерніи; по даннымъ, собраннымъ Ядринцевымъ, число душъ, причисленныхъ казенною палатою этой губерніи составляетъ, за время съ 1846 г. до 1879 г. 43,753 души; между тѣмъ по донесенію той же казенной палаты въ Министерство Государственныхъ Имуществъ число причисленныхъ ею переселенцевъ за время только съ 1846 до 1859 г. достигало 37.148 душъ [2]). Такимъ образомъ на періодъ 1861—1879 гг.

---

[1]) Тамъ же. Стр. 9.

[2]) См. Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія. 1892, стр. 199 и дѣло Архива Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 1850 г., № 2325 по 1 Деп. Донесеніе Тобольской казенной палаты о числѣ причисленныхъ переселенцевъ.

приходится, судя по даннымъ Ядринцева, всего лишь 6,425 душъ, что представляется однако весьма мало вѣроятнымъ по сравненію съ приведенными данными о перечисленіи переселенцевъ въ Томской губерніи.

Цифры ежегодно прибывавшихъ въ Сибирь переселенцевъ пріобрѣтаютъ значительно бо̀льшую полноту и точность только съ 1885 года, когда начала производиться общая регистрація переселяющихся съ обозначеніемъ направленія ихъ пути, при ихъ прохожденіи черезъ города Тюмень и Челябинскъ. При распредѣленіи всего числа прошедшихъ въ Сибирь переселенцевъ по двумъ періодамъ: 1885—1893 гг. и 1894—1899 гг., въ зависимости отъ измѣнившихся за послѣднее шестилѣтіе условій ихъ передвиженія, въ виду открытія пассажирскаго движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ, получается слѣдующая классификація переселенцевъ по избраннымъ ими мѣстамъ водворенія [1]):

Раіонъ направленія переселенцевъ.	1885—1893 г.		1894—1899 гг.	
	Число душъ обоего пола.	Процентное отношеніе къ общему числу.	Число душъ обоего пола.	Процентное отношеніе къ общему числу.
Тобольская губернія	26.000	8%	120.000	15%
Томская »	244.500	75%	400.500	51%
Енисейская губернія	25.000	8%	74.000	9%
Иркутская »	600	0,2%	3.000	3%
Акмолинская область	4,000	1%	150,500	20%
Семипалатинская »	11.000	3%	8.500	1%
Амурская и Приморская области .	16.000	5%	18.000	2%
Всего . .	316.600	100	774.502 [2])	100

[1]) Въ дополненіе къ этимъ цифрамъ, показывающимъ *общее число* переселенцевъ, *направлявшихся* въ ту или другую часть Сибири, ниже будутъ приведены данныя о переселенцахъ, *осѣвшихъ на* спеціально заготовленныхъ *переселенческихъ участкахъ*.

[2]) Со включеніемъ лицъ, направлявшихся въ Тургайскую область (8,000 чел.), а также въ за-Уральскіе уѣзды Оренбургской губерніи—Челябинскій и Троицкій (14,000 чел.), число это составитъ около 800.000 душъ обоего пола. См. приложенную къ настоящему очерку діаграмму разселенія переселенцевъ.

Если приведенныя цифры и не могутъ дать вполнѣ точнаго представленія о дѣйствительномъ водвореніи переселенцевъ въ тѣхъ или другихъ раіонахъ Сибири въ виду того, что нѣкоторая часть переселенцевъ, въ особенности изъ числа шедшихъ въ Приамурское Генералъ-Губернаторство, измѣняли во время пути свои первоначальныя предположенія о поселеніи въ той или другой мѣстности, причемъ извѣстное число выходцевъ изъ Европейской Россіи предпринимало обратный путь на родину (см. ниже объ обратныхъ переселенцахъ, стр. 365—367),— то сравненіе относительнаго числа лицъ, направлявшихся за оба эти періода въ тѣ или другія сибирскія губерніи или области, показываетъ, что разселеніе переселенцевъ по этимъ раіонамъ стало за послѣднее время болѣе равномѣрнымъ (напримѣръ, въ Томскую губернію, привлекавшую до 1893 г. въ среднемъ около ³/₄ всѣхъ переселенцевъ, изъ коихъ до 80% шли на Алтай, за послѣднее шестилѣтіе направлялись не болѣе половины ихъ; наоборотъ, число шедшихъ въ Акмолинскую область возросло съ 12 на 20%). Послѣднее обстоятельство, столь важное для для успѣшнаго хода колонизаціи Сибири, въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ оказаннаго Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги воздѣйствія на болѣе правильный и сознательный выборъ переселенцами мѣстъ новой осѣдлости ихъ.

Что касается характера водворенія переселенцевъ, приходившихъ въ Сибирь въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, при крайне затрудненныхъ въ то время условіяхъ выселенія изъ внутреннихъ губерній, то переселенцы эти прибывали въ значительномъ большинствѣ случаевъ самовольно, иногда имѣя при себѣ паспорта, а иногда и вовсе не имѣя никакихъ документовъ. Часть этихъ лицъ подавали прошенія въ соотвѣтствующія казенныя палаты, другіе же селились на свободныхъ участкахъ совершенно произвольно. Наконецъ, нѣкоторые переселенцы по прибытіи въ западную Сибирь часто подолгу безуспѣшно искали земель, подходящихъ къ привычнымъ для нихъ хозяйственнымъ условіямъ, и затѣмъ или уходили обратно, или

продолжали свой путь далѣе на востокъ [1]), или же осѣдали впослѣдствіи на кабинетскихъ земляхъ Алтайскаго округа. Такимъ образомъ колонизація западной Сибири русскими крестьянами была тѣсно связана съ процессомъ постояннаго передвиженія части переселенцевъ съ одного мѣста на другое, и послѣднему обстоятельству не мало содѣйствовали и неудовлетворительные въ колонизаціонномъ отношеніи результаты работъ, произведенныхъ чинами «Сибирскаго Межеванія», которое въ 1871 г. было преобразовано въ «Съемочныя отдѣленія при Главныхъ Управленіяхъ Западной и Восточной Сибири». Стремленіе правительства упорядочить процессъ разселенія переселенцевъ сказалось съ опредѣленностью только въ серединѣ 80-хъ годовъ, послѣ учрежденія въ Западной Сибири мѣстнаго Управленія Государственныхъ Имуществъ и подъ вліяніемъ усиливавшагося съ 1881 г. прилива переселенцевъ [2]), когда въ силу Высочайше утвержденнаго, 22 Января 1885 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта былъ образованъ особый межевой отрядъ съ спеціальною цѣлью отводить изъ казенныхъ земель западно-сибирскихъ губерній участки для заселенія.

Общіе результаты дѣятельности этого отряда за время съ 1885 г. по 1893 г. выразились въ образованіи 146 участковъ (изъ нихъ 40 въ Тобольской губерніи и 106—въ Томской) общей площадью въ 430,000 десятинъ, на которыхъ было водворено 14,743 души мужскаго пола [3]).

Въ 1891 наплывъ переселенцевъ настолько опередилъ ходъ работъ по образованію участковъ, что весь составъ

---

[1]) Ядринцевъ, названное сочин., стр. 203.

[2]) Что касается правилъ 9 Ноября 1876 г. и 13 Іюля 1881 г. о перечисленіи самовольныхъ переселенцевъ къ мѣстамъ водворенія ихъ, то они имѣли задачею лишь узаконить фактически сложившійся порядокъ занятія переселенцами свободныхъ казенныхъ земель, совершенно не касаясь вопроса объ устройствѣ на этихъ земляхъ вновь прибывающихъ крестьянъ.

[3]) Обзоръ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ 1893—1898. стр. 14. Изданіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. С.-Петербургъ. 1900.

переселенческаго отряда былъ обращенъ къ занятіямъ по отводу земель уже прибывшимъ переселенцамъ, въ виду чего къ 1892 г. въ западной Сибири уже не оказалось вовсе заготовленныхъ участковъ, и самая выдача разрѣшеній на переселеніе въ сибирскія губерніи была временно прекращена (циркуляромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 6 Марта 1892 г., ср. выше стр. 118).

Переходя къ вопросу о колонизаціи въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ казенныхъ земель средне-сибирскихъ губерній, слѣдуетъ замѣтить, что въ продолженіи указаннаго періода Иркутская губернія, какъ и въ дореформенную эпоху, почти вовсе не привлекала выходцевъ изъ Европейской Россіи, почему при дальнѣйшемъ изложеніи и слѣдуетъ имѣть въ виду лишь Енисейскую губернію.

Въ отличіе отъ Западной Сибири, Енисейская губернія продолжала быть пріемникомъ лишь отдѣльныхъ переселенческихъ партій, выселявшихся по вызову правительства изъ Европейской Россіи, по преимуществу изъ сѣверо-восточныхъ губерній (Пермской и Вятской), и въ началѣ 60-хъ годовъ, вплоть до перехода управленія бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1866 г.); хотя число такихъ партій и не превысило 15, но онѣ дали въ совокупности съ прибывшими въ 50-хъ годахъ новоселами до 9000 душъ обоего пола. Послѣ измѣненія въ управленіи бывшими государственными крестьянами и прекращенія дѣятельности правительства по вызову переселенцевъ въ Енисейскую губернію, заселеніе послѣдней выходцами изъ Европейской Россіи продолжалось однако непрерывно и находилось въ самой тѣсной преемственной связи съ предшествовавшей правительственной колонизаціей. Послѣднее обстоятельство явствуетъ изъ произведеннаго въ концѣ 80-хъ годовъ въ Енисейской губерніи мѣстнаго изслѣдованія, выяснившаго, что изъ всѣхъ переселенцевъ, водворившихся здѣсь съ 1865 г. по 1890 г. до 64% принадлежали къ разряду бывшихъ государственныхъ крестьянъ, причемъ свыше половины хозяйствъ (53%) при-

надлежали къ выходцамъ изъ Вятской и Пермской губерній, т. е. того же раіона, изъ котораго были выбираемы крестьяне, переселившіеся сюда по приглашенію правительства. Общее число переселенцевъ, прибывшихъ за 25 лѣтъ съ 1865 по 1890 г. въ Енисейскую губернію изъ Европейской Россіи составило 26,061 об. пола; къ этимъ лицамъ слѣдуетъ прибавить еще приблизительно 5,000 человѣкъ, переселившихся сюда изъ другихъ частей Сибири. Около одной трети изъ числа всѣхъ этихъ переселенцевъ не могли сразу прочно осѣсть, мѣняя мѣста своего водворенія до двухъ и болѣе разъ; явленіе это находится въ близкой аналогіи съ указанными выше перемѣнами мѣстъ осѣдлости переселенцами западно-сибирскихъ губерній. По даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, въ Енисейской губерніи причины такихъ переходовъ переселенцевъ обусловливались главнымъ образомъ неурожаями, постигавшими новоселовъ въ первое время по водвореніи, желаніемъ найти лучшія мѣста, вызовами родственниковъ, недостаточнымъ спросомъ на рабочія руки и т. п. Что касается способа водворенія переселенцевъ, то енисейскіе новоселы, повидимому, предпочитали образовывать новые заселки на незанятыхъ участкахъ, нежели селиться въ деревняхъ старожиловъ, хотя послѣдній способъ водворенія и былъ для нихъ единственно доступнымъ въ тѣхъ раіонахъ, въ которыхъ уже успѣлъ обнаружиться недостатокъ въ свободныхъ земляхъ; при этомъ часто они осѣдали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ даже старожилому населенію не было извѣстно о наличности пригодныхъ для заселенія земель. Общее приращеніе населенія Енисейской губерніи вслѣдствіе переселенія составило за періодъ 1862—1890 г.г. до $1/_{12}$ части всего мѣстнаго населенія, причемъ притокъ переселенцевъ былъ наиболѣе интенсивнымъ въ южномъ Минусинскомъ уѣздѣ, представлявшемся вслѣдствіе своихъ климатическихъ и почвенныхъ условій наиболѣе пригоднымъ для земледѣлія [1]).

[1]) Матеріалы по изученію землепользованія и хозяйственнаго быта населенія Иркутской и Енисейской губерній. 1890. Т. IV, вып. 2, стр. 31 и слѣд., 128 и слѣд.

Приведенныя данныя о водвореніи переселенцевъ въ западныхъ и среднихъ сибирскихъ губерніяхъ показываютъ, не смотря на всю свою скудость, что заселеніе ихъ въ теченіи перваго тридцатилѣтія послѣ реформы 1861 г. имѣло характеръ вольно-народной колонизаціи, совершавшейся почти безъ всякаго воздѣйствія или вмѣшательства правительства.

Нѣсколько иной характеръ имѣла въ это время колонизація Степныхъ областей: Акмолинской и Семипалатинской. Заселеніе первой изъ нихъ приняло болѣе значительные размѣры лишь въ 80-хъ годахъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ переселенія крестьянъ въ эту область представлялись, повидимому, крайне рѣдкими, и русское населеніе ея состоялось почти исключительно изъ лицъ казачьяго сословія.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири Казнаковъ обратилъ вниманіе на необходимость привлеченія въ Киргизскую степь русскихъ крестьянъ, высказавъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1875 годъ мысль, что казаки, поселенные еще въ концѣ XVIII столѣтія по такъ называемой Горькой линіи, «не только не принесли пользы дѣлу обрусѣнія края, но сами научились поголовно киргизскому нарѣчію и переняли нѣкоторые безвредные обычаи и привычки кочеваго народа». Признавая крайне желательнымъ «осторожное, безъ стѣсненія кочевниковъ, сближеніе русскаго населенія съ киргизами», генералъ-лейтенантъ Казнаковъ учредилъ въ 1875 г. при Главномъ Управленіи Западной Сибири коммисію для выработки положенія о порядкѣ колонизаціи степи и образованія поселковъ на киргизскихъ земляхъ; въ этомъ же году было приступлено и къ отысканію удобныхъ для поселенія мѣстъ и ихъ обмежеванію. Эти подготовительныя работы, производившіяся около 4 лѣтъ, привели къ образованію въ Акмолинской области цѣлой сѣти поселковъ близъ почтовыхъ и торговыхъ трактовъ, пересѣкающихъ Киргизскую степь въ направленіи между городами Акмолинскомъ, Атбасаромъ, Кокчетавомъ и Петропавловскомъ. Изъ числа 30 обмежеванныхъ участковъ—19 были заняты переселенцами въ числѣ 4,000 душъ

обоего пола, остальные же остались пустыми. Развитію колонизаціи края препятствовали какъ не всегда удачный выборъ нѣкоторыхъ участковъ мѣстною администраціею, такъ и несочувственное отношеніе къ переселенію преемниковъ Казнакова, опасавшихся возникновенія споровъ между новоселами и кочевымъ киргизскимъ населеніемъ. Между тѣмъ одною изъ причинъ усиленія крестьянской колонизаціи Акмолинской области послужили быстро распространявшіеся слухи о льготахъ, предоставленныхъ переселенцамъ въ силу правилъ, выработанныхъ коммисіей при Главномъ Управленіи Западной Сибири и заключавшихся въ освобожденіи на 10 лѣтъ отъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, кромѣ воинской, всѣхъ переселенцевъ, которые обзаведутся въ теченіе двухъ лѣтъ хозяйствомъ; независимо отъ этого, на первоначальное обзаведеніе было опредѣлено выдавать безвозмездное пособіе въ 20 рублей, а также и лѣсные матеріалы по 100 деревъ на дворъ.

Наряду съ крестьянами, водворенными на основаніи этихъ правилъ, въ Акмолинскую область начали приходить самовольные переселенцы, осѣдавшіе въ ней въ качествѣ арендаторовъ киргизскихъ земель и основавшіе на послѣднихъ, не смотря на протесты киргизскихъ обществъ, ряды поселковъ; первыми изъ такихъ переселенцевъ были отдѣльные крестьяне изъ Тобольской и Пермской губерній, поселившіеся въ концѣ 60-хъ годовъ при озерѣ Кривомъ (Саумиль-Куль) въ Кокчетавскомъ уѣздѣ. Только во время губернаторской ревизіи 1884 года администраціей были обнаружены отдѣльныя деревни въ 50 дворовъ—«Явленная» и «Кундукъ», существовавшія на киргизскихъ земляхъ уже нѣсколько лѣтъ, не смотря на неоднократныя запрещенія переселенцамъ селиться въ Степномъ краѣ. Вслѣдъ за упомянутой ревизіей Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири было предложено областной администраціи: 1) ни въ какомъ случаѣ не допускать дальнѣйшаго вселенія выходцевъ Европейской Россіи, поручивъ уѣзднымъ начальникамъ бди-

тельно слѣдить за этимъ, 2) ни подъ какимъ предлогомъ не допускать переселенцевъ останавливаться въ населенныхъ мѣстахъ области долгое время и побуждать ихъ скорѣе продолжать свой путь и 3) всѣхъ самовольныхъ новоселовъ выдворять на родину этапнымъ порядкомъ.

Примѣненіе этихъ началъ на практикѣ не могло однако остановить притока переселенцевъ и оказывалось также безуспѣшнымъ для удаленія уже водворившихся самовольно; такъ, напримѣръ, новоселовъ, осѣвшихъ въ теченіе 1871—1883 г.г. въ Кокчетавскомъ уѣздѣ на арендованныхъ киргизскихъ земляхъ близъ урочища Бакымъ-Чока, администраціи приходилось выдворять три раза, пока они не получили права пользоваться занятыми ими землями на основаніи переселенческаго закона 1889 г. Наплывъ самовольныхъ переселенцевъ въ уѣздахъ Акмолинской области—Кокчетавскомъ, Атбасарскомъ и Петропавловскомъ достигъ особой силы въ 1891 году, когда, по словамъ Остафьева, «переселенцы буквально наводнили всѣ казачьи поселенія, блуждая изъ поселка въ поселокъ и тщетно ища пристанища». Переселенцы эти вышли большею частью изъ средней части черноземной полосы, изъ губерній: Самарской, Воронежской и Харьковской, отправясь въ Степной край черезъ Оренбургскую губернію и Тургайскую область. Для устройства всѣхъ этихъ переселенцевъ Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ барономъ Таубе былъ командированъ на мѣста жительства ихъ чиновникъ особыхъ порученій, который и намѣтилъ 12 новыхъ поселковъ въ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ; вслѣдъ затѣмъ въ область были приглашены нѣсколько чиновъ Западно-Сибирскаго переселенческаго отряда, которыми и были нарѣзаны переселенческіе участки для водворенія 10.940 душъ мужскаго пола на пространствѣ свыше 250.000 дес. Работы по устройству этихъ засельщиковъ и по приведенію въ извѣстность свободныхъ земель обѣщали быть успѣшными лишь при условіи прекращенія дальнѣйшаго наплыва переселенцевъ, въ виду чего въ томъ же году, по ходатайству Степнаго Генералъ-Губернатора, выдача разрѣшеній

на переселеніе въ Степной край на основаніи закона 1889 г. была временно пріостановлена. Общіе результаты колонизаціи Акмолинской области за время 70-хъ и 80-хъ и начала 90-хъ годовъ могутъ быть выяснены изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ: въ 1868 г. все населеніе области состояло изъ 101,910 чел., обитавшихъ въ 5 городахъ и 8-ми казачьихъ селеніяхъ, причемъ извѣстныхъ администраціи крестьянскихъ поселковъ вовсе не было, между тѣмъ къ 1894 г. мѣстное осѣдлое населеніе возросло на 75,000 душъ и состояло уже на 50% изъ крестьянъ-новоселовъ, основавшихъ 47 поселковъ.

Значительно медленнѣе происходила за тотъ же періодъ времени колонизація другой области, входящей въ составъ Степнаго Генералъ - Губернаторства, — Семипалатинской. Въ 1887 г. здѣсь насчитывалось лишь 5 крестьянскихъ поселковъ, возникшихъ изъ упраздненной въ 1871 г. казачьей станицы Канонирской. Въ 1887 г. Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ Колпаковскимъ была командирована коммисія съ цѣлью осмотра мѣстъ для устройства русскихъ поселеній въ уступленномъ въ 1883 г. Китаемъ урочищѣ въ долинахъ Марка-Куль и Кары-Када въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ. Вслѣдъ за коммисіей въ эту мѣстность прибыла и партія самовольныхъ переселенцевъ изъ Томской губерніи, къ которой скоро присоединились и выходцы изъ Европейской Россіи; водворясь на новыхъ мѣстахъ, нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ немедленно принялись за посѣвы, что привело ихъ сейчасъ же къ столкновеніямъ съ мѣстными кочевниками. Съ своей стороны, органы мѣстной администраціи, не имѣя руководящихъ началъ для русской колонизаціи края, отнеслись благопріятно къ жалобамъ туземцевъ и приняли рядъ безуспѣшныхъ, впрочемъ, мѣръ къ выселенію крестьянъ, которые получили, наконецъ, разрѣшеніе остаться на облюбованныхъ ими земляхъ только уже послѣ изданія переселенческаго закона 1889 г., когда и было оффиціально признано селеніе

Чаганатинское, въ составѣ 17 семей [1]). Въ послѣдующіе годы число переселенцевъ въ Семипалатинской области постепенно увеличивалось, достигши къ 1895 г. 6,000 душъ обоего пола.

Что касается колонизаціи другихъ степныхъ областей, не входящихъ въ составъ Степнаго Генералъ-Губернаторства, то изъ числа послѣднихъ слѣдуетъ указать на Тургайскую область, служащую колонизаціоннымъ раіономъ еще съ конца 70-хъ годовъ. Первоначальные засельщики этой области водворялись въ уѣздныхъ городахъ послѣдней—Кустанаѣ и Актюбинскѣ, куда ихъ привлекали слухи объ удобствахъ жизни въ вновь возникшихъ «вольныхъ» городахъ, о казенныхъ пособіяхъ, объ обиліи и плодородіи прилегавшихъ къ этимъ городамъ земель и т. п. Къ 1887 г. въ Кустанаѣ уже насчитывалось свыше 7,300 переселенцевъ, которые пользовались землею въ городскомъ отводѣ или же арендовали земельные участки у ближайшихъ къ городу киргизовъ. Съ середины 80-хъ годовъ вновь прибывшіе переселенцы, не находя себѣ мѣстъ въ самомъ городѣ, начали разселяться въ сѣверовосточной части его уѣзда, гдѣ также арендовали киргизскія земли, образовавъ на послѣднихъ къ 1897 г. до 10 поселковъ съ населеніемъ до 9,000 душъ. Аналогичный процессъ колонизаціи происходилъ и въ Актюбинскомъ уѣздѣ, гдѣ переселенцы, сначала селившіеся въ уѣздномъ городѣ, стали впослѣдствіи, по причинѣ «утѣсненія» въ земельныхъ угодьяхъ, переходить въ сѣверную часть Актюбинской киргизской волости, гдѣ и основывали отдѣльные хутора. На основаніи Высочайше утвержденнаго, 25 Марта 1891 г., Степнаго положенія всѣ эти переселенцы были въ 1893 г. перечислены по мѣстамъ новаго жительства, а въ поселкахъ, образованныхъ ими на арендованныхъ у киргизовъ земляхъ, было введено общественное и волостное управленіе. Послѣ изданія указаннаго закона, не смотря на продолжав-

---

[1]) Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества. Т. XVIII. Остафьевъ. Колонизація степныхъ областей.

шееся движенiе переселенцевъ въ Тургайскую область, она была, по распоряженiю Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, оффицiально закрыта для водворенiя выходцевъ изъ Европейской Россiи, и самое перечисленiе вновь прибывшихъ «самовольныхъ» переселенцевъ было отложено впредь до выясненiя могущихъ оказаться въ области земельныхъ остатковъ. положенiе этихъ лицъ въ отношенiи земельнаго обезпеченiя было весьма шатко: единственнымъ источникомъ существованiя многихъ изъ нихъ служило арендованiе земель у киргизъ, которое, однако, въ силу ст. 126 Степнаго положенiя, было до крайности затруднено (на основанiи этой статьи право сдачи земель въ аренду предоставлено исключительно киргизскимъ *обществамъ*, которыя, однако, согласно мѣстнымъ обычаямъ, вовсе не имѣютъ въ своемъ непосредственномъ распоряженiи зимовочныхъ угодiй). Арендныя отношенiя, возникавшiя на сдѣлкахъ, не пользовавшихся охраною закона, были лишены юридической силы, почему арендаторы-поселенцы и находились въ полной зависимости отъ киргизъ-сдатчиковъ, со стороны которыхъ они и подвергались различнымъ притѣсненiямъ и вымогательствамъ. Въ виду такого ненормальнаго положенiя русскихъ поселенцевъ въ Тургайской области и крайней обостренности ихъ отношенiй къ киргизамъ, мѣстный военный губернаторъ, желая предупредить начавшееся уже распаденiе переселенческихъ поселковъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ, возбудилъ въ 1897 г. ходатайство о безотлагательномъ приступѣ къ поземельному устройству жителей самовольныхъ поселковъ [1]). Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги, согласно Высочайше утвержденному, 23 Декабря 1897 г. положенiю котораго, Министру Земледѣлiя было предоставлено произво-

[1]) Журналы подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисiи №№ 46 и 72; «Переселенцы-арендаторы Тургайской области» 1897. Изданiе Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ Министерства Земледѣлiя и Государственныхъ Имуществъ.

дить въ Тургайской области образованіе переселенческихъ участковъ. Затѣмъ на основаніи Высочайше утвержденнаго, 23 Іюня 1899 г., положенія того же Комитета было постановлено приступить къ перечисленію засельщиковъ по мѣстамъ новаго водворенія, по мѣрѣ поселенія ихъ на заготовленныхъ для нихъ участкахъ.

Всѣ приведенныя данныя о колонизаціи западно- и средне-сибирскихъ губерній и Степнаго края въ теченіе перваго тридцатилѣтія послѣ крестьянской реформы подтверждаютъ высказанную выше мысль объ отсутствіи общаго колонизаціоннаго плана. Выборъ переселенцами того или другаго участка происходилъ зачастую совершенно случайно и безъ всякихъ указаній со стороны администраціи на степень соотвѣтствія занимаемыхъ земель условіямъ прежняго хозяйства переселенцевъ; въ послѣднемъ отношеніи не было достигнуто положительныхъ результатовъ и Западно-Сибирскимъ межевымъ отрядомъ. Послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ явилось то обстоятельство, что въ началѣ 90-хъ годовъ, при значительно усилившемся приливѣ переселенцевъ, въ раіонѣ наиболѣе удобныхъ для колонизаціи земель не оставалось вовсе заготовленныхъ свободныхъ участковъ, и легальное переселеніе въ эти мѣстности должно было быть пріостановлено.

Неудовлетворительное положеніе дѣла устройства переселенцевъ въ Сибири, происходившее какъ вслѣдствіе отсутствія общихъ руководящихъ началъ въ дѣятельности мѣстной администраціи, такъ и въ частности благодаря скудости отпускавшихся на этотъ предметъ кредитовъ, обратило на себя особое вниманіе образованнаго въ концѣ 1892 г. Комитета Сибирской желѣзной дороги. При обсужденіи въ первомъ засѣданіи своемъ общаго плана вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ постройкою желѣзной дороги, Комитетъ остановился прежде всего на соображеніи о необходимости возможно болѣе раціональной постановки заселенія раіона, прилегающаго къ проектированной желѣзнодорожной линіи. Придя къ заключенію, что организація переселенческаго дѣла на сколько

нибудь прочныхъ началахъ требуетъ прежде всего приведенія въ извѣстность количества свободныхъ и годныхъ къ заселенію земель казны и Кабинета Его Величества, Комитетъ призналъ вполнѣ цѣлесообразнымъ отпустить изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій дополнительныя средства для болѣе широкаго развитія работъ по отводу земель переселенцамъ. Что же касается разработки общихъ основаній для дѣятельности тѣхъ поземельно - устроительныхъ партій, которыя Комитетъ нашелъ необходимымъ снарядить, то этотъ вопросъ былъ порученъ разсмотрѣнію учрежденной въ силу Высочайше утвержденнаго, 24 Февраля 1893 г., положенія Комитета подготовительной коммисіи.

Положивъ въ основаніе своихъ сужденій по данному дѣлу обширный матеріалъ, имѣвшійся въ Министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по вопросу о предшествовавшемъ порядкѣ отвода переселенцамъ казенныхъ земель, Комитетъ въ то же время полагалъ необходимымъ согласовать свои предположенія и съ особыми бытовыми условіями крестьянскаго землепользованія въ Сибири, существенные интересы котораго неминуемо имѣли быть затронуты при работахъ по образованію переселенческихъ участковъ.

Такъ какъ вопросъ объ устройствѣ переселенцевъ въ Сибири распадается, собственно говоря, на два частныхъ вопроса: объ устройствѣ участковъ для поселенія и о водвореніи на нихъ переселенцевъ, причемъ первый вопросъ относится къ функціямъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, а второй принадлежитъ ближайшимъ образомъ къ кругу дѣятельности чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то и было признано необходимымъ придержаться строгаго разграниченія указанныхъ функцій обоихъ вѣдомствъ, придавъ выработаннымъ предположеніямъ форму двухъ особыхъ законоположеній: «Временныхъ правилъ для образованія переселенческихъ и запасныхъ участковъ въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги» и «Временныхъ постановленій о расширеніи предметовъ вѣдомства учрежденій по

крестьянскимъ дѣламъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ». Оба узаконенія удостоились Высочайшаго утвержденія по журналу Комитета Сибирской желѣзной дороги 13 Іюня 1893 г.

Обращаясь прежде всего къ разработаннымъ въ первомъ изъ этихъ узаконеній правиламъ объ образованіи переселенческихъ участковъ, слѣдуетъ разсмотрѣть общія начала, легшія въ основу ихъ, а также и тѣ практическія послѣдствія, къ которымъ привело примѣненіе этихъ правилъ на практикѣ въ теченіе истекшаго послѣ ихъ изданія семилѣтія.

Статьи «Временныхъ правилъ» 1893 г. начинаются перечисленіемъ тѣхъ уѣздовъ 4-хъ Сибирскихъ губерній и Акмолинской области, которые пересѣкаются линіей Сибирской желѣзной дороги или лежатъ въ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ и въ предѣлахъ которыхъ землеустроительнымъ партіямъ была представлена широкая свобода выбора участковъ [1]). Проектируемое ранѣе ближайшее ограниченіе колонизируемаго района полосою въ извѣстное число верстъ отъ линіи желѣзной дороги, въ которой должны бы были сосредоточиться работы этихъ партій, было признано Комитетомъ, согласно указанію Августѣйшаго Предсѣдателя его, нежелательнымъ, въ виду опасенія стѣснить такимъ образомъ межевыя работы и вызвать замедленіе въ неотложномъ дѣлѣ устройства многихъ тысячъ переселенцевъ, ожидавшихъ своего водворенія; при этомъ, однако, въ ст. 3 временныхъ правилъ было указано на желательность начать работы по отводу участковъ съ волостей, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ и ближайшихъ къ станціямъ.

Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ наличный запасъ земель оказывался достаточнымъ для приступа къ работамъ, статьею 5 временныхъ правилъ постановлялось предназначить къ отводу переселенцамъ преимущественно земли единственнаго пользованія казны. Однако, вслѣдствіе отсутствія точнаго раз-

[1]) Изъ этихъ уѣздовъ были исключены Ялуторовскій и Курганскій уѣзды Тобольской губерніи, въ которыхъ, по заключенію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, всѣ наличныя земли представлялись потребными для старожилаго населенія.

граниченія между этими землями и участками, находившимися въ пользованіи старожилаго населенія, пришлось разрѣшить весьма важный вопросъ принципіальнаго характера, заключавшійся въ согласованіи поземельныхъ интересовъ переселенцевъ и кореннаго населенія. При этомъ вслѣдствіе невозможности отсрочить неотложное дѣло устройства переселенцевъ впредь до окончанія работъ по поземельному устройству старожиловъ было признано цѣлесообразнымъ приступить къ непосредственному образованію переселенческихъ участковъ на тѣхъ земляхъ, которыя не представляются необходимыми ни для обезпеченія быта кореннаго населенія, ни для другихъ государственныхъ потребностей. Въ видахъ охраненія интересовъ старожиловъ, временными правилами было опредѣлено не распространять работъ по образованію участковъ на тѣ дачи, въ которыхъ на наличную душу мужскаго пола приходилось менѣе 15 дес. удобной земли. Что же касается вопроса о томъ, какія земли слѣдуетъ признать необходимыми для старожиловъ и по этому не подлежащими отводу подъ переселенческіе участки, то временными правилами въ этомъ отношеніи была принята двоякая система: предоставляя чинамъ землеустроительныхъ партій «принимать по возможности заявленія крестьянъ (старожиловъ) о тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ они предпочли бы выдѣлить земли подъ сіи участки», (ст. 8), правила содержали и перечень тѣхъ видовъ угодій постояннаго пользованія старожиловъ, которыя не подлежали включенію въ переселенческіе участки; сюда были отнесены усадебныя земли, пашни, огороженныя поскотины, заказныя рощи и душевые покосы (передѣляемые по душамъ). Въ цѣляхъ разграниченіи интересовъ переселенцевъ и кореннаго населенія, съ особою тщательностью разсмотрѣнъ вопросъ о заимочной формѣ землепользованія сибирскихъ крестьянъ. Подъ «заимкою» обозначалась «совокупность пахотныхъ, сѣнокосныхъ и пастбищныхъ земель, которыми обыкновенно окружены избушки или строенія, служащія для лѣтняго, а иногда и для постояннаго пребыванія заимщика, т. е. того лица, въ захватномъ

пользованіи котораго состоятъ упомянутыя земли». Въ виду возможности коллизіи интересовъ заимщиковъ, наиболѣе прочно осѣвшихъ на занятыхъ ими земляхъ, и выгодъ всего колонизаціоннаго дѣла, которое могло бы въ раіонахъ наибольшаго распространенія заимокъ встрѣтиться съ крупными неудобствами, временными правилами признано полезнымъ избѣгать включенія заимокъ въ участки, допуская его только въ случаѣ неизбѣжности; при этомъ заимочникамъ, имѣющимъ прочное домообзаводство и хозяйство, предоставлено оставаться на своихъ участкахъ и сохранять въ своемъ исключительномъ пользованіи угодья, которыя не разбросаны отдѣльными клочками, при непремѣнномъ однако, условіи, отказа отъ пользованія землею въ своемъ прежнемъ обществѣ; послѣднее условіе введено въ временныя правила съ цѣлью побужденія заимщиковъ покинуть заимку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ земельные интересы болѣе тѣсно связаны съ тѣми селеніями, къ которымъ они приписаны.

Другимъ соображеніемъ, съ которымъ землеустроительныя партіи должны были считаться при отводѣ участковъ, была необходимость охраненія интересовъ лѣснаго хозяйства страны. Въ этихъ видахъ временными правилами признано необходимымъ оградить въ мѣстностяхъ богатыхъ лѣсомъ отъ включенія въ участки наиболѣе цѣнныя лѣсныя насажденія; въ тѣхъ же раіонахъ, которые отличаются скудностью лѣса, запрещено вводить въ участки всѣ вообще лѣсныя площади, которыя уже составляютъ или могутъ составить казенныя лѣсныя дачи. Такое запрещеніе распространено и на лѣса, прилегающіе ко всей линіи желѣзной дороги на разстояніи 2—5 верстъ, за исключеніемъ лишь раіоновъ, расположенныхъ ближе 5 верстъ отъ станцій и разъѣздовъ, содѣйствіе къ скорѣйшему заселенію которыхъ признано особенно желательнымъ.

Независимо отъ огражденія интересовъ лѣснаго хозяйства страны, «Временныя правила» содержатъ и указанія на необходимость предназначать часть уже отграниченныхъ въ участки

*

земель въ запасъ для удовлетворенія будущихъ государственныхъ потребностей въ землѣ (напримѣръ, для землеустройства старожиловъ, для промышленныхъ предпріятій и т. п.) [1]). Предѣльная норма запасныхъ земель опредѣлена въ 10—25% общей площади участковъ, хотя самый отводъ такихъ земель обусловленъ возможностью устройства въ данной мѣстности переселенцевъ, и въ случаѣ необходимости допускается отводъ послѣднимъ даже всѣхъ земель раіона, обращаемыхъ въ участки.

Постановивъ общимъ правиломъ, что водвореніе переселенцевъ на отведенныхъ имъ земляхъ относится непосредственно къ кругу обязанностей чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Комитетъ считалъ тѣмъ не менѣе полезнымъ дать и чинамъ межевыхъ партій нѣкоторыя руководящія указанія по вопросу о томъ, какое приблизительно число лицъ можетъ быть поселено въ той или другой мѣстности. Въ этомъ отношеніи рекомендовано руководиться переселенческимъ закономъ 1889 г., согласно которому участки отводятся по числу наличныхъ переселенцевъ мужскаго пола въ размѣрѣ, опредѣляемомъ «по соображеніи съ условіями земледѣлія и производительностью почвы въ избранной мѣстности». Затѣмъ правила 1893 г. содержатъ указаніе лишь на наивысшій размѣръ отвода въ 15 дес. на одну наличную душу мужскаго пола, каковая норма была установлена еще «Уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ» для надѣленія государственныхъ крестьянъ въ многоземельныхъ губерніяхъ. На практикѣ эта норма утратила однако характеръ предѣльной величины и представляетъ собою тотъ средній размѣръ земельнаго обезпеченія, который повсемѣстно отводится переселенцамъ на одну душу мужскаго пола. Независимо отъ разграниченія участковъ, на чиновъ межевыхъ партій возложенъ выборъ мѣстъ для устройства поселеній, а также, въ частности, и отводъ земель для церквей и школъ на участкахъ, превышающихъ 2.000 десятинъ.

[1]) Выборъ такихъ запасныхъ земель всецѣло предоставленъ чинамъ землеустроительныхъ партій, которымъ даны лишь указанія относительно оставленія такихъ земель въ ближайшей къ линіи желѣзной дороги полосѣ.

Установивъ такимъ образомъ общіе руководящіе принципы для дѣятельности межевыхъ партій, правила 1893 г. опредѣлили и формальный порядокъ производства самыхъ работъ. Въ этомъ отношеніи правилами было проведено строгое раздѣленіе между приведеніемъ земель въ извѣстность и ихъ проектированіемъ въ участки, причемъ функціи перваго рода, носящія чисто техническій характеръ, возложены на межевыхъ техниковъ-топографовъ, между тѣмъ какъ самое проектированіе переселенческихъ участковъ поручено поземельно-устроительнымъ чинамъ, а именно «производителямъ работъ», на обязанности которыхъ лежитъ и общее руководство дѣйствіями межевыхъ техниковъ. Составленный производителемъ работъ проектъ вносится затѣмъ на обсужденіе особой коммисіи, разсматривающей его съ точки зрѣнія пригодности участка для заселенія и соблюденія въ то же время интересовъ старожилаго населенія. Въ составъ этихъ коммисій, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго партіею старшаго производителя работъ, входятъ должностныя лица, являющіяся представителями интересовъ какъ старожилаго населенія, такъ и отдѣльныхъ вѣдомствъ, какъ то: крестьянскій начальникъ, уѣздный исправникъ, мѣстный лѣсничій, податной инспекторъ, и, наконецъ, составившій проектъ производитель работъ. Въ видахъ еще болѣе полнаго охраненія выгодъ населенія, а также и интересовъ колонизаціи, проекты отводовъ могутъ быть пересмотрѣны, вслѣдствіе жалобъ населенія или протеста крестьянскаго начальника, губернскими управленіями. По утвержденіи и окончательномъ разграниченіи участковъ, послѣдніе поступаютъ въ вѣдѣніе крестьянскаго начальника, а запасные участки и вновь образованныя казенныя лѣсныя дачи сдаются мѣстному лѣсничему. Для огражденія лѣсныхъ насажденій на отмежеванныхъ, но еще не занятыхъ, переселенческихъ и запасныхъ участкахъ, отъ истребленія старожилами, организована по иниціативѣ мѣстной администраціи въ 1894 г. особая охрана такихъ участковъ, на которую Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги и были ежегодно (съ 1894 г.

по 1899 г.) отпускаемы кредиты изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій названной дороги; благодаря указанному мѣропріятію, удалось прекратить своевременно самовольную порубку, распашку, сѣнокошеніе и другіе способы незаконнаго пользованія назначенными для водворенія переселенцевъ землями.

Изложенныя начала, преподанныя временными правилами 1893 г., легли въ основаніе всей дѣятельности образованныхъ, согласно Высочайше утвержденному, 24 Февраля 1893 г., положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги, 4-хъ временныхъ партій въ составѣ 100 человѣкъ—81 межевыхъ техниковъ и 19 поземельно-устроительныхъ чиновъ, а также и дѣйствовавшаго уже ранѣе Западно-Сибирскаго переселенческаго отряда. Работы партій, первоначально, въ теченіе 1893—1895 г.г., были преимущественно направлены на излюбленныя переселенцами земли Тобольской, Томской и Енисейской губерній, причемъ подъ участки отводились тѣ изъ свободныхъ земель, пригодность которыхъ къ культурѣ была очевидной и образованіе участковъ изъ которыхъ не встрѣчало никакихъ особыхъ затрудненій. Такихъ участковъ вмѣстѣ съ запасными было отведено въ продолжѣніе указаннаго трехлѣтія—286 въ Тобольской губерніи, (на 54,242 душъ), 180—въ Томской губерніи (на 41,935 душъ) и 181—въ Енисейской (на 38,210 душъ). Болѣе сложными и въ нѣкоторой степени затруднительными для межевыхъ партій были работы въ Акмолинской области, въ которой въ виду своеобразныхъ естественныхъ условій, а также и кочеваго характера кореннаго киргизскаго населенія правила 1893 г. не могли точно примѣняться на практикѣ, и гдѣ вслѣдствіе этихъ причинъ за 1893—1895 г.г. было отведено не болѣе 78 участковъ (къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще 6 участковъ, образованныхъ въ Семипалатинской области) на 30,512 душъ. Независимо отъ такихъ количественныхъ результатовъ, работы межевыхъ партій за это трехлѣтіе имѣли весьма важное значеніе и въ томъ отношеніи, что онѣ выяснили необходимость разрѣшенія ряда вопросовъ,

приведшихъ къ значительному расширенію колонизаціонныхъ рамокъ, намѣченныхъ «Временными правилами» 1893 г. Цѣлесообразность такихъ измѣненій въ общемъ направленіи работъ вызывалась, кромѣ незнакомства межевыхъ чиновъ съ естественными условіями Степнаго края и съ потребностями кочеваго населенія, также и другими затрудненіями, съ которыми партіи встрѣтились и въ западно - сибирскихъ и Енисейской губерніяхъ; затрудненія эти заключались въ скоро выяснившемся для западной Сибири истощеніи запаса земель, непосредственно пригодныхъ для заселенія, а также въ дороговизнѣ и медленности работъ въ Енисейской губерніи, главнымъ образомъ вслѣдствіе гористаго и лѣсистаго характера послѣдней. Эти обстоятельства, побудили Министерство Земледѣлія ходатайствовать передъ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги о снаряженіи особой коммисіи для ознакомленія на мѣстѣ съ выяснившимися потребностями переселенческаго дѣла. Въ виду этого Комитетомъ было предоставлено Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ командировать въ Сибирь особую коммисію для изученія и общаго направленія работъ по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ, поручивъ ей между прочимъ выяснить вопросы: 1) о способахъ ускоренія и удешевленія межевыхъ работъ въ восточной Сибири, 2) о мѣрахъ къ заселенію прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ мѣстностей «таежнаго» и «урманнаго» характера, занятыхъ дѣвственнымъ лѣсомъ и болотами, и 3) о расширеніи раіона работъ по заготовленію участковъ въ предѣлахъ Степныхъ областей, а равно разработать, совмѣстно въ Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ, программу естественно-историческаго и хозяйственно-статистическаго изслѣдованія Степнаго края. Во исполненіе указаннаго постановленія Комитета, удостоившагося Высочайшаго утвержденія 13 Мая 1895 г., была командирована въ Сибирь коммисія подъ предсѣдательствомъ Директора Департамента Государственныхъ Имуществъ тайнаго совѣтника Тихѣева, которая и исполнила порученную ей

задачу въ теченіе лѣта 1895 г. Заключенія коммисіи послужили затѣмъ основаніемъ для разработки предположеній о распространеніи колонизаціонной дѣятельности правительства на полосу «тайги» и «урмановъ», прилегающихъ съ сѣвера къ линіи Сибирской желѣзной дороги, и на Степной Край.

Вопросъ объ использованіи для заселенія таежныхъ и урманныхъ пространствъ такимъ образомъ впервые подвергся весьма тщательному изученію въ отчетѣ коммисіи тайнаго совѣтника Тихѣева, пришедшаго къ заключенію о существенномъ значеніи заселенія тайги не только въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія раіона колонизаціонныхъ мѣропріятій, но и съ точки зрѣнія успѣховъ заселенія значительной части уже образованныхъ участковъ, а равно культуры и хозяйства многихъ изъ заселенныхъ мѣстностей Сибири. Подтвердивъ уже имѣвшіяся въ Министерствѣ Земледѣлія указанія на истощеніе въ Сибири запаса земель, пригодныхъ для непосредственнаго обращенія подъ участки, тайный совѣтникъ Тихѣевъ обратилъ вниманіе и на крайне вредное вліяніе, оказываемое близостью тайги, скопляющей излишніе запасы влаги, на климатическія и сельскохозяйственныя условія прилегающихъ къ ней или вклинившихся въ нее переселенческихъ участковъ, и въ частности, на произрастаніе на нихъ хлѣбовъ. По вопросу о способѣ заселенія тайги и о наиболѣе пригодныхъ для послѣдней колонизаціонныхъ элементахъ, въ отчетѣ высказывалось убѣжденіе, что въ виду трудности для переселенцевъ обработки таежныхъ пространствъ по отношенію къ послѣднимъ слѣдуетъ совершенно отказаться отъ образованія переселенческихъ участковъ, какъ способа, разсчитаннаго на болѣе или менѣе быстрое заселеніе предназначаемыхъ для того земель значительными группами переселенцевъ. Указавъ на рядъ случаевъ успѣшнаго заселенія отдѣльныхъ таежныхъ раіоновъ самовольными выходцами изъ сопредѣльныхъ уѣздовъ сибирскихъ губерній, тайный совѣтникъ Тихѣевъ высказалъ мысль, что единственный, хотя и медленный, но вѣрный путь для заселенія таежныхъ пространствъ есть «вольная колонизація, которую пра-

вительство должно съ одной стороны облегчить и поощрить, а съ другой — направить и урегулировать». Подобное регулированіе правительствомъ будущаго процесса заселенія тайги представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что тайга и урманы являются не только колонизаціоннымъ фондомъ, но и лѣсною площадью, и что при безпорядочномъ заселеніи ихъ легко могутъ пострадать и въ настоящее время, несомнѣнно, страдаютъ интересы лѣсоохраненія и лѣснаго хозяйства страны [1]).

Этотъ взглядъ раздѣлялъ и Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ермоловъ, лично ознакомившійся съ положеніемъ вопроса о заселеніи тайги во время поѣздки въ Сибирь осенью 1895 г. По мнѣнію названнаго Министра, высказанному въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ по поѣздкѣ, единственно возможнымъ путемъ къ постепенному заселенію таежныхъ пространствъ является «предоставленіе розыска и раздѣлки удобныхъ для того мѣстъ иниціативѣ и предпріимчивости старожилаго населенія и привыкшихъ къ борьбѣ съ лѣсомъ выходцевъ изъ сѣверныхъ губерній». [2]).

Затѣмъ вопросъ о заселеніи тайги, подвергся подробному обсужденію въ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіи весною 1896 г. при участіи Иркутскаго Генералъ-Губернатора. Соглашаясь по существу съ указаніемъ на цѣлесообразность направленія въ таежные раіоны преимущественно мѣстныхъ сибирскихъ уроженцевъ, коммисія усматривала, что колонизація тайги должна идти постепенно, при помощи піонеровъ-одиночекъ, которымъ предстоитъ розыскивать среди лѣса отдѣльные клочки земли, болѣе или менѣе

---

[1]) Отчетъ Предсѣдателя Высочайше учрежденной въ 1895 г. Коммисіи для изученія и общаго направленія работъ по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ. 1896, стр. 47—73.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по поѣздкѣ въ Сибирь осенью 1895 г. 1896, стр. 15; см. также приложенія къ названному докладу. 1896, стр. 91.

способные къ заведенію на нихъ хлѣбопашества и обращать ихъ, а за ними и сосѣднія площади въ культурное состояніе. Въ видахъ согласованія интересовъ такихъ засельщиковъ тайги съ выгодами казеннаго лѣснаго хозяйства, коммисія полагала организовать обслѣдованіе лѣсныхъ пространствъ въ предѣлахъ губерній Тобольской и Томской, а также Иркутскаго Генералъ-Губернаторства лѣсными спеціалистами и поземельно-устроительными чинами, для опредѣленія внѣшнихъ границъ этихъ пространствъ и выдѣленія изъ нихъ особенно цѣнныхъ или защитныхъ площадей, не подлежащихъ заселенію.

Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ несовмѣстимымъ съ интересами заселенія тайги выжидать окончанія этого общаго обслѣдованія, коммисія считала необходимымъ составить правила для «вольнаго» заселенія таежныхъ мѣстностей, отстоящихъ отъ линіи желѣзной дороги въ разстояніи не менѣе 20 вер., которыя были одобрены Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги и получили Высочайшее утвержденіе 27 Апрѣля 1896 г. [1]).

Дальнѣйшему разъясненію характера колонизаціи таежныхъ и урманныхъ раіоновъ въ значительной степени содѣйствовала поѣздка въ Сибирь лѣтомъ 1896 г. Управляющаго дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги. Детальное ознакомленіе съ таежными раіонами и пустопорожними таежными и урманными казенными землями 4-хъ сибирскихъ губерній привело Статсъ-Секретаря Куломзина къ убѣжденію въ существованіи значительныхъ пространствъ земли, изъ которыхъ одни еще вовсе не были изслѣдованы, въ смыслѣ ихъ пригодности для заселенія, между тѣмъ какъ другія являлись, повидимому, вполнѣ подходящими, по своимъ естественнымъ и топографическимъ особенностямъ, для образованія переселенческихъ участковъ; въ послѣднемъ отношеніи было, напримѣръ, выяснено, что въ таежныхъ раіонахъ притоковъ р. Иртыша, рр. Шиша и Туя могло быть найдено до 300,000 дес,. удобныхъ для раздѣлки подъ пашню, на лѣвомъ берегу р. Ир-

---

1) На практикѣ эти правила по причинамъ, изложеннымъ ниже, пока вовсе еще не примѣнялись и потому разсматривать ихъ подробно нѣтъ необходимости.

тыша—приблизительно 50,000 дес., въ Каинскомъ округѣ по верховьямъ рѣки Тартаса—до 60,000 дес., въ западной лѣсистой части Томской губерніи до 70,000 дес. и, наконецъ, въ Чулымо-Маріинской тайгѣ Томской губерніи — также до 70,000 дес. Наличность столь значительныхъ пространствъ въ Сибири, первоначально считавшихся непригодными для культуры и оказавшихся по ближайшемъ ознакомленіи съ ними вполнѣ отвѣчающими требованіямъ земледѣльческаго хозяйства, побудило Статсъ-Секретаря Куломзина высказать въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ по его поѣздкѣ мнѣніе, что «отказаться отъ заселенія сѣверныхъ частей Сибири путемъ образованія въ удобныхъ къ тому мѣстахъ переселенческихъ участковъ можно будетъ лишь тогда, когда будетъ твердо установлено, что въ томъ или другомъ раіонѣ для крестьянина-земледѣльца не представляется возможнымъ существовать»; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо соблюдать особую осторожность при примѣненіи правилъ 27 Апрѣля 1896 г. о заселеніи тайги и объявлять ту или другую мѣстность подлежащею заселенію по означенному закону лишь послѣ полнаго удостовѣренія, что она является непригодною для образованія участковъ [1]).

Начавшееся въ 1896 г. во исполненіе закона 27 Апрѣля того же года изслѣдованіе таежныхъ и урманныхъ пространствъ вполнѣ подтвердило справедливость взглядовъ на наиболѣ цѣлесообразный способъ заселенія этихъ пространствъ, путемъ образованія въ нихъ переселенческихъ участковъ. Изслѣдованіе это, производившееся въ западно-сибирскихъ губерніяхъ въ теченіе 1896—1897 гг., а въ средне-сибирскихъ и въ продолженіе 1898 и 1899 гг., охватило до начала 1899 г. площадь въ 7,862,400 десятинъ и привело къ предназначенію подъ колонизацію раіона верховьевъ р. Шиша въ Тарскомъ уѣздѣ Тоболь-

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла. 1896, стр. 133 и сл., а также журналъ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіи 1897 г. № 40, стр. 72—75.

ской губерніи, а также до 560 тысячъ десятинъ въ Томской губерніи (въ Томскомъ и Маріинскомъ уѣздахъ) и около 919 тысячъ десятинъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи. Если колонизаціонныя свойства этихъ раіоновъ Томской и Иркутской губерній еще не могутъ быть вполнѣ выяснены за недавнимъ временемъ ихъ изслѣдованія, то таежныя пространства системы рр. Шиша и Туя оказались на всемъ ихъ протяженіи вполнѣ пригодными для заселенія обычнымъ путемъ, т. е. цѣлыми партіями переселенцевъ, которыя и стали стекаться сюда въ значительномъ числѣ послѣ того, какъ на средства Комитета Сибирской желѣзной дороги въ этой мѣстности было проведено нѣсколько колесныхъ тропъ, и такимъ образомъ былъ облегченъ для переселенцевъ доступъ въ этотъ раіонъ. Полная пригодность земель, входящихъ въ составъ таежныхъ пространствъ, къ заселенію на общемъ основаніи была провѣрена затѣмъ Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, при его вторичной поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1898 г. По окончательному заключенію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ермолова «рѣзкой разницы въ естественныхъ условіяхъ мѣстностей, обращаемыхъ въ переселенческіе участки и предназначаемыхъ къ вольному заселенію здѣсь (т. е. въ таежныхъ раіонахъ) нѣтъ; дѣло главнымъ образомъ лишь въ большой удаленности послѣднихъ отъ населенныхъ пунктовъ и въ отсутствіи готовыхъ дорогъ». Въ виду обнаружившагося стремленія переселенцевъ занимать мѣста въ тайгѣ и урманахъ и появленія ходоковъ въ такихъ районахъ, гдѣ еще только начинались подготовительныя къ проектированію участковъ съемочныя работы, были сдѣланы соотвѣтствующія указанія относительно образованія переселенческихъ участковъ въ мѣстностяхъ, которыя предполагалось ранѣе предоставить подъ вольное заселеніе [1]). Въ частности успѣшность заселенія верховьевъ

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1898 г., стр. 27, ср. также приложенія къ означенному докладу стр. 42.

р. Шиша побудила уже въ 1898 г. совершенно исключить эту мѣстность изъ числа раіоновъ, подлежащихъ вольному заселенію и предназначить ее для обращенія подъ переселенческіе участки. Результатомъ произведенныхъ затѣмъ въ этомъ раіонѣ землеустроительныхъ работъ явилось образованіе въ 1899 г. 38 переселенческихъ поселковъ съ населеніемъ около 3,000 человѣкъ въ мѣстности, гдѣ еще въ 1896 г. господствовали лишь необозримыя пространства березоваго лѣса, не имѣвшаго почти никакой цѣны, и стараго горѣлаго бурелома. Независимо отъ раіона р. Шиша, въ Тарскомъ уѣздѣ таежными обслѣдованіями было обнаружено до полумилліона десятинъ вполнѣ удобныхъ для заселенія на общемъ основаніи и нынѣ не только обращенныхъ въ участки, но даже по большей части уже и заселенныхъ. Далѣе, около 250 тысячъ такихъ же, ранѣе предназначенныхъ подъ вольное заселеніе, земель было отведено подъ участки на обслѣдованныхъ пространствахъ Томской губерніи, причемъ участки, расположенные въ южной части Томско-Чулымской тайги, нынѣ уже почти сплошь заселены. Наконецъ, въ таежныхъ пространствахъ, обслѣдованныхъ въ Енисейской губерніи, намѣчено для заселенія на общемъ основаніи до 85 тысячъ десятинъ [1]).

Независимо отъ такого непосредственнаго вліянія таежныхъ изслѣдованій на увеличеніе колонизаціонной площади, изслѣдованія эти продолжаютъ приводить къ новымъ *«открытіямъ»* пригодныхъ къ заселенію на общемъ основаніи раіоновъ въ мѣстахъ, считавшихся вполнѣ недоступными для колонизаціи; путемъ развѣдокъ въ обширныхъ, пустопорожнихъ пространствахъ выяснилась въ послѣдніе годы полная возможность колонизаціи Тавдинскаго края (въ Тобольской губерніи), гдѣ можно разсчитывать на отводъ подъ участки во всякомъ случаѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ. Въ Томской губерніи раз-

---

[1]) Очеркъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ. 1893—1899. Изданіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. С.-Петербургъ. 1900, стр. 174.

вѣдки въ 1898 г. обнаружили въ Маріинскомъ и Каинскомъ уѣздахъ сотни тысячъ десятинъ пригодныхъ къ образованію участковъ земель и не менѣе благопріятные, въ общемъ результаты ожидаются и отъ развѣдокъ, произведенныхъ въ 1899 г. [1]).

Если такимъ образомъ изслѣдованія таежныхъ пространствъ привели къ распространенію колонизаціонной площади далеко къ сѣверу отъ той полосы, въ которой первоначально въ 1893—1895 гг. были нарѣзываемы переселенческіе участки, то Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги, какъ указано выше, было уже въ 1895 г. признано также желательнымъ расширить работы по отводу участковъ и въ ближайшихъ къ линіи южныхъ районахъ Степныхъ областей. Въ основу послѣдняго рода работъ было, начиная съ 1896 г., положено предварительное подробное естественно-историческое и хозяйственно-статистическое изслѣдованіе Степныхъ областей. Программа этого изслѣдованія была составлена въ Сибири особымъ совѣщаніемъ, образованнымъ подъ предсѣдательствомъ Степнаго Генералъ-Губернатора изъ членовъ командированной въ Сибирь коммисіи тайнаго совѣтника Тихѣева, а также и мѣстныхъ дѣятелей, прикосновенныхъ къ колонизаціи края. Во главѣ столь серьезнаго изслѣдованія надлежало поставить опытнаго и авторитетнаго спеціалиста по части хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій, назначивъ въ помощь ему лицо, особо свѣдущее по почвеннымъ и другимъ изслѣдованіямъ, на обязанности котораго лежали-бы выработка программъ и пріемовъ для наблюденій надъ природой края и общее руководство наблюденіями этого рода. Наконецъ прочимъ участникамъ экспедиціи предстояло поручить вести совмѣстно естественно-историческое и хозяйственно-статистическое изслѣдованіе края.

Основная задача работъ экспедиціи, снаряженной лѣтомъ 1896 г. для производства этого изслѣдованія, состояла въ

---

1) Тамъ-же, стр. 175.

выясненіи экономическихъ условій жизни кочеваго населенія Степнаго края и въ опредѣленіи, на основаніи полученныхъ данныхъ нормъ, необходимаго для киргизской семьи земельнаго довольствія съ цѣлью выдѣленія изъ-подъ киргизскихъ кочевыхъ мѣстъ, въ которыхъ было-бы возможно образовать переселенческіе участки безъ ущерба для киргизскаго населенія соблюденіе земельныхъ интересовъ этихъ кочевниковъ представляло особое значеніе въ виду крайней родовой обособленности киргизскаго землепользованія, благодаря которой обдѣленный почему-либо землею родъ, по обычаю, не можетъ быть принятъ къ себѣ другимъ и такимъ образомъ обреченъ на полное раззореніе; съ другой стороны, значеніе подробныхъ изслѣдованій, пріуроченныхъ къ отдѣльнымъ ауламъ кочевниковъ (т. е. къ группамъ семей, имѣющихъ общее зимнее стойбище) заключается и въ предупрежденіи неоднократно случавшихся, въ первые годы работъ по отводу переселенческихъ; участковъ въ Степномъ краѣ, затрудненій въ водвореніи переселенцевъ въ обширныхъ раіонахъ, которые были объявляемы мѣстной администраціей закрытыми для колонизаціи именно въ виду опасенія стѣснить кочевое населеніе. Это значеніе работъ экспедиціи было удостовѣрено въ 1896 же году Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ, обратившимъ вниманіе на тотъ крайне цѣнный матеріалъ, который даютъ эти изслѣдованія, и указавшимъ на небходимость усилить составъ партіи въ видахъ ускоренія хода работъ [1]. Въ теченіе 1896—1899 гг. изслѣдованіе это производилось въ 10 уѣздахъ: Кокчетавскомъ, Акмолинскомъ и Атбасарскомъ Акмолинской области, Павлодарскомъ, Семипалатинскомъ, Зайсанскомъ, Усть-Каменогорскомъ и Каркаралинскомъ — Семипалатинской и Актюбинскомъ и Кустанайскомъ—Тургайской, причемъ 7 уѣздовъ съ 125.000 киргизскихъ хозяйствъ изслѣдованы нынѣ вполнѣ; въ Акмолинскомъ же и Семипалатинскомъ уѣздахъ работы должны

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 168.

быть окончены въ 1900 году, вмѣстѣ съ изученіемъ Тургайскаго и Иргизскаго уѣздовъ Тургайской области.

Изслѣдованіе производилось и производится, подъ руководствомъ опытнаго, составившаго себѣ въ земской статистикѣ извѣстное имя, изслѣдователя г. Щербины, по одобренной Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги программѣ, лишь нѣсколько видоизмѣненной согласно указанію опыта, въ видахъ лучшаго выясненія всѣхъ свойствъ и особенностей киргизскаго хозяйства. Изслѣдованіе это поставлено въ тѣсную связь съ производившимися въ Степномъ краѣ работами особыхъ гидротехническихъ партій (см. ниже, стр. 235—239), дававшихъ нужныя свѣдѣнія о степени обезпеченности изучаемыхъ мѣстностей водою, и сообразовалось съ трудами временныхъ партій по образованію участковъ, для облегченія работъ которыхъ экспедиціею подготовлялся соотвѣтственный матеріалъ; что же касается работъ въ Тургайской области, то здѣсь попутно съ изслѣдованіемъ киргизскаго хозяйства изучались и самовольно образовавшіеся переселенческіе поселки. Общіе результаты, достигнутые до настоящаго времени работами экспедиціи, имѣютъ весьма существенное значеніе для дальнѣйшей колонизаціи Степнаго края; благодаря этимъ изслѣдованіямъ, нынѣ можетъ считаться уже выясненнымъ, что изъ 20.000.000 обслѣдованныхъ экспедиціею десятинъ до 10.000.000 представляются для обезпеченія быта мѣстнаго кочеваго населенія излишними и, слѣдовательно, могущими въ годной для культуры своей части служить для цѣлей образованія переселенческихъ участковъ. Не ограничиваясь установленіемъ общихъ цифровыхъ итоговъ излишковъ, изслѣдованіе Степнаго края даетъ точныя указанія, гдѣ именно находятся эти излишнія для кочевниковъ земли и отъ какихъ именно группъ киргизскаго населенія онѣ могутъ быть изъяты безъ существеннаго ущерба для послѣднихъ [1]). Независимо отъ этого, работы экспедиціи оказали весьма существенное вліяніе и на техническую сторону дѣла образованія переселенческихъ

[1]) Очеркъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ, стр. 231—232.

участковъ, облегчивъ межевымъ чинамъ оріентированіе въ естественныхъ и топографическихъ условіяхъ мѣстностей, предназначавшихся для отвода подъ переселенческіе участки.

Добытыя изслѣдованіемъ данныя по вопросу о возможной колонизаціи степныхъ областей побудили Комитетъ Сибирской желѣзной дороги предоставить Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ (въ силу Высочайше утвержденнаго, 12 Апрѣля 1897 г., положенія), производить образованіе переселенческихъ участковъ изъ земель, оказавшихся на основаніи, указанныхъ экспедиціею данныхъ, излишними для кочевниковъ. Полномочіе это, предоставленное Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ вначалѣ лишь на одинъ годъ, было затѣмъ продолжено Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги и на слѣдующіе 1898—1900 г.г., причемъ дѣйствіе этого полномочія сверхъ областей Акмолинской и Семипалатинской, въ которыхъ образованіе участковъ происходитъ въ раіонахъ, опредѣляемыхъ Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ, было распространено (съ 1899 года) на Тургайскую область, гдѣ ближайшее опредѣленіе земель, подлежащихъ къ отводу подъ переселенческіе участки, возложено на мѣстнаго военнаго губернатора. При этомъ для образованія участковъ, въ виду необходимости обезпеченія интересовъ кочеваго населенія, допущены нѣкоторыя отступленія отъ временныхъ правилъ 1893 г., введенныя особою инструкціею, преподанной чинамъ временныхъ партій. Инструкція эта ограждаетъ неприкосновенность нѣкоторыхъ угодій, существенно важныхъ для хозяйства киргизовъ, какъ то: земли, занятыя зимними жилищами и расположенными въ ихъ близости защитными рощами и зимними пастбищами, а также площади, орошенныя канавами («арыками») [1]. Установивъ нѣсколько видовъ такихъ неотчуждаемыхъ угодій, инструкція однако допускаетъ возможность изъятія ихъ изъ пользованія киргизовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда образова-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 232.

ніе переселенческихъ участковъ могло бы иначе быть стѣснено. Въ этихъ видахъ установлено выдавать денежное вознагражденіе киргизскимъ кибитко-владѣльцамъ, смѣщаемымъ съ земель, занятыхъ ихъ зимними жилищами, съ предоставленіемъ потребныхъ угодій въ другомъ мѣстѣ [1]); подобное же правило примѣняется и къ отдѣльнымъ группамъ киргизовъ, угодья которыхъ подвергаются сокращенію до размѣровъ, низшихъ противъ необходимой для ихъ хозяйственнаго обезпеченія нормы.

Такимъ образомъ производимое изслѣдованіе степныхъ областей имѣетъ весьма важное значеніе въ качествѣ подготовительной для образованія переселенческихъ участковъ работы, устраняя весьма существенное препятствіе къ успѣшному ходу земледѣльческой колонизаціи территоріи, занятой кочевымъ киргизскимъ населеніемъ.

Независимо отъ препятствій, заключавшихся въ неизслѣдованности быта кочевниковъ, чинамъ поземельно-устроительныхъ партій пришлось въ первые годы своей дѣятельности въ степныхъ мѣстностяхъ сталкиваться съ затрудненіями совершенно инаго рода, вызванными неблагопріятными для колонизаціи гидрографическими условіями нѣкоторыхъ раіоновъ, прорѣзываемыхъ желѣзнодорожною линіею; сюда относятся, главнымъ образомъ, придорожныя части Ишимской и Барабинской степей, изъ которыхъ первая отличается бѣдностью наружныхъ прѣсныхъ водъ, а вторая, наоборотъ, изобилуетъ болотами и представляется въ естественномъ видѣ совершенно непригодною для заселенія. Съ цѣлью устраненія столь существенныхъ затрудненій Комитетъ Сибирской желѣзной дороги въ засѣданіи 3 Мая 1895 г. призналъ желательнымъ,

---

[1]) Расходы, потребные на вознагражденіе киргизовъ за сносъ построекъ, были съ 1895 г. отнесены къ покрытію изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги, изъ котораго и было ассигновано на указанную цѣль въ теченіе 1895—1899 гг. около 30.000 руб.

приступить къ производству гидротехническихъ изслѣдованій въ Ишимской и Барабинской степяхъ для изученія условій осушенія послѣдней и для обводненія сѣверной равнинной части первой.

На основаніи добытыхъ начатыми въ 1895 же году гидротехническими изслѣдованіями данныхъ былъ выработанъ общій планъ урегулированія водъ въ ближайшихъ къ Сибирской желѣзной дорогѣ частяхъ Акмолинской области и Тобольской и Томской губерній. Руководствуясь этимъ планомъ, образованныя Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на средства Комитета Сибирской желѣзной дороги, подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Жилинскаго, партіи гидротехниковъ предприняли рядъ обводнительныхъ и осушительныхъ работъ, имѣющихъ цѣлью, помимо расширенія колонизаціонной площади, также оздоровленіе и вообще улучшеніе участковъ, уже занятыхъ переселенцами.

Наиболѣе удобнымъ въ виду сравнительной дешевизны способомъ для обводненія степныхъ безводныхъ мѣстностей оказалось использованіе подземныхъ водъ путемъ устройства колодцевъ. Этимъ способомъ удавалось неоднократно обезпечивать потребности въ водѣ переселенцевъ, которые уже осѣли на участкахъ, неподготовленныхъ для ихъ водворенія, и собирались вслѣдствіе полнаго отсутствія прѣсной питьевой воды ихъ покинуть, несмотря на произведенныя затраты и доброкачественность самой земли. Общее число колодцевъ, вырытыхъ къ 1900 году достигало 659 въ Акмолинской области и 423— въ Томской и Тобольской губерніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Акмолинской области, вслѣдствіе крайняго недостатка внутреннихъ водъ, пришлось прибѣгнуть къ пользованію наружной водой посредствомъ устройства плотинъ, прудовъ и водосливныхъ канавъ съ распредѣлительными шлюзами; работы эти имѣли цѣлью увеличеніе запасовъ прѣсной воды въ мелководныхъ озерахъ, искусственнымъ поднятіемъ ихъ береговъ, съ уменьшеніемъ поверхности озера и площади его дна для предупрежденія такимъ обра-

зомъ, чрезмѣрнаго испаренія воды въ лѣтнее время и усыханія озеръ [1]).

Въ первое время по сформированіи гидротехническихъ партій (въ 1895 г.) дѣятельность ихъ по необходимости была направлена на обводненіе переселенческихъ участковъ, ближайшихъ къ линіи желѣзной дороги; подобная постановка дѣла отличалась неудобствами въ виду того, что нѣкоторые изъ заготовленныхъ участковъ не поддавались обводненію. Между тѣмъ съ открытіемъ для заселенія новыхъ, болѣе отдаленныхъ отъ линіи желѣзной дороги, степныхъ раіоновъ явилось возможнымъ придать обводнительнымъ работамъ совершенно иной характеръ, направивъ дѣятельность чиновъ партій на гидротехническія и гидрогеологическія изысканія, въ видахъ выясненія возможности обезпеченія прѣсной водой участковъ, годныхъ для заселенія, но еще не занятыхъ переселенцами. Изысканія эти находятся въ тѣсной связи съ производящимся въ Степномъ краѣ естественно-историческимъ и хозяйственнымъ изслѣдованіемъ и заключаются въ возможно точномъ выясненіи рельефа мѣстности, мѣстонахожденія и качества наружныхъ водъ, нивеллированіемъ послѣднихъ и опредѣленіемъ скоростей ихъ теченія.

Наконецъ, кромѣ этихъ работъ въ послѣдніе годы производились также рекогносцировочныя изслѣдованія, задача которыхъ заключалась въ предварительномъ выясненіи тѣхъ раіоновъ, на которые можно было бы разсчитывать при дальнѣйшемъ заселеніи, какъ на болѣе обезпеченные водою [2]). Обвод-

[1]) За 1899 годъ, благодаря устройству этихъ сооруженій, было обезпечено водой 5 безводныхъ участковъ, для чего было насыпано около 806 саж. плотинъ, сдѣланы 4 углубленія въ водохранилищахъ и выкопано 554 саж. водосливныхъ каналовъ.

[2]) Изслѣдованія эти велись въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и состояли въ осмотрѣ мѣстностей, изученіи наружныхъ водъ (въ рѣкахъ и озерахъ, въ барометрическомъ опредѣленіи высотъ водораздѣловъ и долинъ, а также въ попутномъ изученіи почвы и растительности рекогносцируемой мѣстности.

нительныя работы и рекогносцировочныя изысканія обняли къ началу 1900 г. обширную площадь въ 330,000 квадратныхъ верстъ, ограниченную съ сѣвера—Горькой линіей, съ юга—сѣверной границей Голодной Степи и озеромъ Балкашъ, съ запада—границами Оренбургской губерніи и Тургайской области и съ востока—озеромъ Чаны и границами Барнаульскаго округа.

Одновременно съ обводнительными работами чинами гидротехническихъ партій было приступлено къ осушенію части Барабинской степи, расположенной въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги; работы эти заключаются въ расчисткѣ и исправленіи рѣкъ бассейновъ р. Оми и озера Чаны, съ проложеніемъ сѣти каналовъ для открытія свободнáго выхода водамъ, запертымъ въ болотистыхъ котловинахъ, и для урегулированія движенія водъ, не имѣющихъ надлежащаго стока вслѣдствіе большой засоренности рѣчныхъ руслъ.

Постепеннымъ исполненіемъ этого плана достигаются, съ одной стороны, общее пониженіе грунтовыхъ водъ, оздоровленіе мѣстности и обращеніе болотистыхъ пространствъ въ удобныя для хлѣбопашества угодья и сѣнокосные луга, а съ другой—сосредоточеніе водъ и вообще измѣненіе теченія въ нѣкоторыхъ артеріяхъ, благодаря чему, въ свою очередь, обезпечивается водоснабженіе многихъ мѣстностей, страдающихъ отъ недостатка здоровой питьевой воды. На крайне важное значеніе этихъ работъ было обращено вниманіе еще въ 1896 г. Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ, на всеподданнѣйшемъ отчетѣ котораго по выраженному убѣжденію о необходимости продолженія въ Барабѣ гидротехническихъ работъ послѣдовала Высочайшая резолюція Государя Императора: «*Дѣло осушенія обязательно нужно довести до конца*».

Производящіяся въ Барабинской степи осушительныя работы распространились въ 1895—1899 г.г. на 51 пересенческій участокъ площадью въ 184,849 дес., причемъ къ концу 1899 г. общая длина вырытыхъ каналовъ достигла 600 верстъ. Въ результатѣ этихъ работъ цѣлый раіонъ, прилегающій къ

желѣзной дорогѣ и считавшійся непригоднымъ для колонизаціи, поступилъ въ нарѣзку подъ переселенческіе участки, и обѣщаетъ въ будущемъ быстро культивироваться, такъ какъ новоселы, селящіеся на осушенныхъ участкахъ Барабинской степи, вообще устраиваются достаточно прочно [1]).

Разсмотрѣнные выше общіе результаты гидротехническихъ работъ въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги, изслѣдованія Степныхъ областей и, наконецъ, таежныхъ изысканій имѣли за послѣдніе годы рѣшающее вліяніе на общій ходъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ, направивъ эти работы въ два противоположныхъ раіона Сибирской территоріи, съ одной стороны къ сѣверу—въ полосу тайги и урмановъ, а съ другой—къ югу на земли, которыя могли отходить подъ участки изъ—подъ излишнихъ для пользованія кочевыхъ угодій; при этомъ открывавшійся, благодаря успѣшному ходу работъ, запасъ пригодныхъ для заселенія земель въ связи съ возрастаніемъ размѣровъ переселенческаго движенія приводилъ и къ необходимости увеличенія численнаго состава поземельно-устроительныхъ партій, который и былъ усиленъ съ 101 чел. въ 1893—95 г.г. до 201—въ 1899 г. Наиболѣе замѣтнымъ было такое усиленіе личнаго состава партій въ Степномъ краѣ, достигшаго въ 1899 г.—117 чиновъ (при 28 чинахъ въ 1895 г.), или почти $^3/_5$ общаго числа послѣднихъ. Расширеніе дѣятельности партій имѣло весьма сильное вліяніе на устройство переселенцевъ въ Сибири, и съ 1896 г., когда наплывъ переселяющихся побудилъ обратить подъ ихъ водвореніе многіе изъ участковъ, первоначально проектированныхъ къ зачисленію въ запасные, ходъ работъ по образованію участковъ былъ настолько ускоренъ, что число заготовленныхъ долей, остающихся не занятыми и незачисленными за ходоками и переходящихъ изъ году въ годъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ обычному годовому спросу на нихъ со

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по поѣздкѣ въ Сибирь въ 1898 г., стр. 79.

стороны переселенцевъ. Обыкновенно запасъ этотъ составляетъ не менѣе 100,000 душевыхъ долей и лишь къ концу 1898 г. вслѣдствіе значительнаго наплыва переселенцевъ онъ временно опустился до 60,000 долей [1]).

Этимъ весьма удовлетворительнымъ въ количественномъ отношеніи результатамъ дѣятельности поземельно-устроительныхъ партій соотвѣтствуютъ и вполнѣ успѣшные въ общемъ результаты этихъ работъ въ качественномъ отношеніи, что выражается уже въ крайне незначительномъ числѣ жалобъ на дѣйствія чиновъ партій одной изъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сторонъ—старожилаго населенія, изъ «излишнихъ» земель котораго отводились (въ особенности въ теченіе перваго періода работъ, т. е. до 1896—97 гг.) многіе участки для водворенія новоселовъ. Такой характеръ работъ зависѣлъ отъ общей постановки послѣднихъ, при которой общее руководство принадлежитъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, сообразующемуся съ указаніями, получаемыми имъ по этому предмету отъ Комитета Сибирской желѣзной дороги. Наконецъ, значительное участіе въ направленіи хода работъ принимаютъ и высшіе органы мѣстной сибирской администраціи—Генералъ-Губернаторы Иркутскій и Степной.

Общій способъ образованія переселенченскихъ участковъ состоитъ въ сформированіи послѣднихъ на нѣсколько десятковъ или сотенъ душевыхъ долей въ одномъ общемъ отрубѣ. Подобный порядокъ, разсчитанный на господствующее въ Сибири общинное землевладѣніе, является вполнѣ удовлетворительнымъ для водворенія громаднаго большинства переселенцевъ. Хотя по закону 1889 г. обществамъ новоселовъ, водворившихся на отведенномъ участкѣ, и предоставлено право установлять порядокъ пользованія землею общинный или подворный,—однако выходцы даже изъ тѣхъ губерній Европейской Россіи, гдѣ преобладаетъ подворное вла-

[1]) Очеркъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ, стр. 277—278.

дѣніе, предпочитали иногда переходить въ Сибири къ общинному пользованію, такъ какъ послѣднее представляетъ извѣстныя преимущества при первоначальномъ устройствѣ въ тяжелыхъ для переселенцевъ условіяхъ; независимо отъ этого, для общей массы новоселовъ и не ощущалось до послѣдняго времени потребности къ введенію у нихъ подворнаго владѣнія, въ виду того, что предоставленіе имъ весьма широкаго въ сравненіи съ прежнимъ ихъ земельнымъ довольствіемъ пятнадцатидесятиннаго надѣла побуждало ихъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы по водвореніи, придерживаться сибирской системы вольнаго и захватнаго землепользованія. Между тѣмъ лицами, командированными въ Сибирь лѣтомъ 1899 г., было обнаружено среди нѣкоторыхъ крестьянъ, поселяющихся на образованныхъ въ Тарскихъ урманахъ участкахъ, желаніе раздѣлить отведенныя имъ земли на подворные участки. Въ виду сего Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги было признано необходимымъ пойти на встрѣчу стремленію тѣхъ крестьянъ—новоселовъ, которые, водворившись при общинномъ владѣніи, пожелали бы впослѣдствіи, по ознакомленіи съ мѣстными условіями, устроиться особыми хуторскими участками. Для удовлетворенія потребностей такихъ обществъ крестьянъ—новоселовъ выработаны особыя правила о подворномъ и хуторскомъ устройствѣ на переселенческихъ участкахъ и предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ назначать особыхъ межевыхъ чиновъ для работъ по разбивкѣ переселенческихъ участковъ на хуторскіе и подворные отрубы по указаніямъ лицъ, завѣдывающихъ переселенческимъ и крестьянскимъ дѣломъ въ Сибири. Кромѣ того, чинамъ временныхъ партій по образованію переселенческихъ участковъ поручено непригодныя, по незначительности своей площади для водворенія переселенцевъ цѣлыми поселками, пространства обращать въ особые хуторскіе отрубы, размѣромъ не болѣе 60 дес. на семью.

Въ виду крайне важнаго значенія землеотводныхъ работъ въ вопросѣ объ устройствѣ переселенцевъ въ Сибири пред-

ставляется весьма интереснымъ ознакомиться съ цифровыми данными, показывающими какъ количество нарѣзанныхъ участковъ и число занятыхъ въ нихъ душевыхъ долей, такъ и распредѣленіе переселенцевъ на заготовленныхъ участкахъ въ зависимости отъ естественныхъ и топографическихъ условій послѣднихъ [1]).

Общая площадь земель, обращенныхъ за шестилѣтіе 1893—1898 гг. подъ участки, какъ переселенческіе, такъ и запасные составляетъ 6,678,000 дес. (включая неудобныя земли), на которыхъ можетъ быть водворено 366,634 души мужскаго пола (около 730,000 душъ обоего пола) или приблизительно 122,000 семействъ; результаты эти болѣе нежели въ 9 разъ превышаютъ итоги работъ Западно-Сибирскаго отряда за время съ 1885 г. по 1892 годъ. Площадь собственно переселенческихъ участковъ достигаетъ 5,629,000 дес., а число душевыхъ долей въ нихъ—303.270. Такимъ образомъ площадь участковъ, предназначенныхъ собственно подъ заселеніе, составляетъ $79,_9\%$, число же въ нихъ душевыхъ долей $81,_7\%$, а площадь и число душевыхъ долей въ участкахъ, оставленныхъ въ запасъ—20% и $18,_3\%$—пространства и общаго числа душевыхъ долей во всѣхъ вообще образованныхъ за этотъ періодъ времени участковъ.

По крупнѣйшимъ административнымъ дѣленіямъ заселяемые участки распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Губерніи и области.	Число участковъ.	Общая площ. дес.	Число душ. долей.
Тобольская	388	1,321,003	67,615
Томская	231	1,028,019	153,911
Енисейская . . .	272	958,069	57,300
Иркутская	51	236,474	14,434
Акмолинская . . .	136	952,968	53,877

[1]) Нижеслѣдующія цифровыя данныя заимствованы изъ VI главы выше указаннаго «Очерка» (стр. 272—322).

При распредѣленіи приведенныхъ цифръ внутри губерніи—по уѣздамъ и, въ особенности, по волостямъ обнаруживается нѣкоторая неравномѣрность. «Многія волости вошедшихъ въ раіонъ колонизаціонныхъ мѣропріятій уѣздовъ остались совершенно въ сторонѣ отъ землеотводныхъ работъ или потому, что въ нихъ въ виду густоты населенія не могло быть и рѣчи о выдѣлѣ излишнихъ земель для колонизаціонныхъ нуждъ, или потому, что произведенныя обслѣдованія обнаружили непригодность имѣющихся свободныхъ земель для заселенія и культуры» [1].

Что касается степени законченности работъ въ отдѣльныхъ административныхъ дѣленіяхъ и колонизаціонной емкости этихъ дѣленій для будущаго времени, то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земельный фондъ оказался уже болѣе или менѣе исчерпаннымъ переселеніями болѣе ранняго времени, какъ, напр., въ Ишимскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи, Маріинскомъ—Томской, Минусинскомъ и Ачинскомъ уѣздахъ Енисейской. Напротивъ, въ уѣздахъ Тарскомъ Тобольской губерніи, Каинскомъ Томской и Канскомъ—Енисейской можно ожидать дальнѣйшаго увеличенія колонизаціоннаго фонда по мѣрѣ распространенія работъ по отводу участковъ на необитаемую тайгу и урманы; равнымъ образомъ землеотводныя работы будутъ продолжены еще на будущее время и въ уѣздахъ Томскомъ и Акмолинскомъ.

Наконецъ, за послѣднее время правительство признало возможнымъ расширить предѣлы земельнаго фонда, предназначеннаго для образованія переселенческихъ участковъ, возложивъ на чиновъ поземельно-устроительныхъ отрядовъ образованіе такихъ участковъ какъ изъ земель, исключаемыхъ изъ состава надѣловъ крестьянъ и инородцевъ при окончательномъ землеустройствѣ послѣднихъ, такъ и изъ другихъ свободныхъ земель тѣхъ мѣстностей, въ коихъ приступлено будетъ къ поземельному устройству старожилаго населенія

---

[1]) Тамъ же, стр. 282.

(отд. III Выс. утв. 4 Іюня 1898 года мнѣн. Гос. Сов. о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно - устроительныхъ работъ въ 4-хъ Сибирскихъ губерніяхъ).

Средній размѣръ переселенческаго участка по всему району произведенныхъ по 1899 г. землеотводныхъ работъ, выражается въ 4,171 десятинахъ общей площади и въ 229 душевыхъ доляхъ, вмѣщая, приблизительно 75 переселенческихъ семействъ или около 450 душъ обоего пола.

Общее число душъ мужскаго пола, водворенныхъ на переселенческихъ участкахъ, достигаетъ 160,264 душъ, что составляетъ $64{,}_8$% или почти двѣ трети общаго количества душевыхъ долей въ заготовленныхъ за время съ 1893 года участкахъ. По губерніямъ водворенные переселенцы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Губерніи и области.	Число водворенныхъ душъ мужск. пола.	Процентъ занятыхъ душ. долей.
Тобольская	50,648	$75{,}_9$
Томская	31,527	$58{,}_4$
Енисейская	31,823	$55{,}_5$
Иркутская	2,338	$18{,}_3$
Акмолинская	43,628	$80{,}_9$

Такимъ образомъ наибольшее число переселенцевъ, водворившихся на заготовленныхъ участкахъ, приняла Тобольская губернія и Акмолинская область, наименьшее—Иркутская губернія. Причины, опредѣлявшія собою размѣры вселенія переселенцевъ въ ту или другую губернію или область, заключались какъ въ сравнительной близости послѣднихъ къ Европейской Россіи, такъ и въ большей или меньшей доступности образованныхъ участковъ для заселенія и разработки. Совмѣстное дѣйствіе обоихъ этихъ факторовъ въ томъ же направленіи и объясняетъ собою преимущественное водвореніе переселенцевъ въ Тобольской губерніи и Акмолинской области, тогда какъ въ Иркутской губерніи, наиболѣе отдаленной отъ

Европейской Россіи, вселеніе—незначительно, такъ какъ здѣсь переселенцамъ приходится сталкиваться съ суровыми естественными условіями и наибольшею трудностью при обращеніи участковъ подъ культуру.

Весьма интересенъ вопросъ о болѣе или менѣе успѣшномъ заселеніи отдѣльныхъ участковъ въ зависимости отъ естественныхъ и почвенныхъ условій ихъ. При распредѣленіи всѣхъ образованныхъ за 1893 г. участковъ на три группы, по характеру ихъ хозяйственныхъ условій—на степные, лѣсные и участки смѣшаннаго, лѣсисто-степнаго типа, получается слѣдующая таблица, показывающая отношеніе занятыхъ душевыхъ долей къ общему числу заготовленныхъ долей:

Въ губерніяхъ и области.	Процентъ занятыхъ душевыхъ долей, въ участкахъ:					
	Степныхъ:		Лѣсисто-степныхъ.	Лѣсныхъ:		
	Черноземныхъ.	Солонцев. и смѣш.		Съ листв. лѣсомъ.	Съ хвойн. лѣсомъ.	Со смѣш. лѣсомъ.
Тобольской . .	98,1	91,8	89,8	47,3	—	22,5
Томской . . .	76,8	80,3	54,3	53,6	97,0	35,4
Енисейской . .	58,0	69,9	54,7	59,8	77,8	50,6
Иркутской . . .	—	—	14,7	8,4	4,3	24,3
Акмолинской . .	82,1	60,9	—	—	—	—
По всему раіону.	80,9	83,6	61,6	49,9	31,1	32,3

Такимъ образомъ первое мѣсто по успѣшности заселенія занимаютъ степные участки, второе—участки смѣшаннаго типа, и, наконецъ, послѣднее—чисто лѣсные участки. Подобное различіе въ степени заселенности участковъ не зависитъ однако исключительно отъ свойства тѣхъ или другихъ участковъ въ хозяйственномъ отношеніи, но опредѣляется также и вліяніемъ

другихъ факторовъ, какъ-то: географическаго расположенія того или другаго участка въ смыслѣ его большаго или меньшаго отдаленія отъ Европейской Россіи, разстоянія отъ желѣзнодорожной линіи или губернскаго города и т. п. Такъ, «въ Тобольской губерніи степные и лѣсисто-степные участки сосредоточиваются, по преимуществу, въ ближайшихъ къ желѣзной дорогѣ и притомъ раньше отработанныхъ уѣздахъ—Ишимскомъ и Тюкалинскомъ, тогда какъ лѣсные участки гораздо новѣе по времени образованія и притомъ нарѣзаны исключительно въ болѣе отдаленныхъ частяхъ Тарскаго уѣзда. Въ Томской губерніи участки степнаго типа сконцентрированы, по преимуществу, въ ближайшей къ Европейской Россіи и непосредственно прилегающей къ желѣзной дорогѣ части Каинскаго уѣзда; лѣсисто-степные участки заготовлены, по преимуществу, въ расположенныхъ далѣе на востокъ и сѣверъ, притомъ позднѣе отработанныхъ частяхъ того же уѣзда, а также въ двухъ восточныхъ уѣздахъ—Томскомъ и Маріинскомъ; а такъ какъ работы въ Томской губерніи не успѣли проникнуть такъ далеко вглубь тайги, какъ въ Тобольской, то участки здѣсь гораздо ближе подходятъ къ лѣсисто-степнымъ, нежели въ Тобольской губерніи. Наконецъ, въ Енисейской губерніи большая часть участковъ степныхъ и лѣсисто-степныхъ заготовлена въ болѣе или менѣе значительномъ отдаленіи отъ желѣзной дороги; въ ближайшей къ послѣдней полосѣ Красноярскаго, Ачинскаго и Канскаго уѣздовъ заготовлено много чисто лѣсныхъ участковъ, которые, именно благодаря своей близости къ желѣзной дорогѣ, а отчасти—къ губернскому городу, заселялись успѣшнѣе, нежели болѣе удаленные участки, хотя бы и легче доступныхъ для заселенія типовъ» [1]).

Наконецъ, весьма важной причиной, обусловливающей предпочтительное занятіе переселенцами извѣстнаго типа участковъ представляются и топографическія, сельско-хозяйственныя и другія условія раіоновъ выселенія той или другой группы

---

1) Очеркъ, стр. 309—310.

переселенцевъ. Зависимость между тѣми или другими условіями мѣстъ водворенія и выселенія выясняется изъ слѣдующей таблицы, показывающей относительное распредѣленіе переселенцевъ по мѣстамъ выхода на участкахъ каждаго типа.

На участкахъ:	На каждыя 100 душъ, водворенныхъ на участкахъ даннаго типа приходится выходцевъ изъ раіоновъ:								
	Сѣверныхъ черноземныхъ губ.	Среднихъ черноземныхъ губ.	Южныхъ, юго-западныхъ, юго-восточныхъ и восточныхъ губ.	Промышленныхъ губ.	Западныхъ губ.	Сѣверо-восточныхъ Заволжскихъ губ.	Сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ и прибалтійскихъ губ.	Сибирскихъ губ.	Прочихъ губ.
Степныхъ . . .	32,8	29,5	25,9	1,5	4,9	1,0	1,7	1,1	1,7
Лѣсисто-степн. .	43,1	19,8	9,8	2,0	13,2	1,7	2,8	1,0	0,9
Лѣсныхъ	18,2	6,5	6,5	1,5	41,8	7,9	9,2	5,6	3,1

Изъ этихъ данныхъ видно, что какъ на степныхъ, такъ и на лѣсисто-степныхъ участкахъ преобладающее число водворенныхъ переселенцевъ составляютъ выходцы изъ сѣверныхъ и среднихъ черноземныхъ губерній, изъ которыхъ переселенческое движеніе вообще отличается наибольшею интенсивностью; при этомъ переселенцы изъ сѣверныхъ черноземныхъ губерній, повидимому, занимаютъ нѣсколько охотнѣе участки смѣшаннаго типа, къ которымъ ихъ привлекаетъ сравнительное изобиліе лѣса, тогда какъ выходцы изъ среднихъ черноземныхъ губерній, а также изъ всей южной полосы Европейской Россіи предпочитаютъ селиться на участкахъ чисто степнаго типа. Совершенно иначе распредѣляются выходцы различныхъ раіоновъ на лѣсныхъ участкахъ: переселенцы сѣверныхъ и среднихъ губерній черноземной полосы составляютъ здѣсь не болѣе четверти общаго числа и преобладающими по численности являются здѣсь выходцы изъ западныхъ бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній (Полѣсья), которые вообще наиболѣе

успѣшно устраиваются на участкахъ этого типа. Кромѣ этихъ переселенцевъ, на лѣсныхъ участкахъ водворяются въ значительно большемъ числѣ и выходцы изъ сѣверо-восточныхъ заволжскихъ губерній, а также и сравнительно весьма немногочисленные переселенцы изъ наиболѣе богатыхъ лѣсомъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерній.

Такимъ образомъ цифры таблицы служатъ доказательствомъ вполнѣ достаточнаго, въ общемъ, соотвѣтствія между естественными условіями мѣстъ водворенія и характеромъ раіоновъ выселенія, причемъ сравнительно неудачными являются лишь рѣдкіе случаи занятія лѣсныхъ участковъ переселенцами изъ южной степной полосы, которые по характеру своего хозяйства на родинѣ представляютъ весьма мало гарантіи для успѣшнаго поселенія среди подобныхъ раіоновъ. Если сравнивать между собою два преобладающихъ, при работахъ послѣднихъ лѣтъ, типа участковъ,—именно чисто степные, нынѣ заготовляемые въ киргизскихъ областяхъ, и лѣсные, составляющіе большинство въ Сибирскихъ губерніяхъ, то окажется,—что первые, съ особенною силою привлекая степняковъ, охотно заселяются и выходцами изъ мѣстностей промежуточнаго характера и даже изъ лѣсныхъ раіоновъ, а, напротивъ, лѣсные участки сколько нибудь охотно заселяются исключительно выходцами изъ лѣсныхъ раіоновъ и вовсе не могутъ разсматриваться какъ колонизаціонный фондъ, пригодный для водворенія переселенцевъ изъ южной и даже въ значительной мѣрѣ изъ средней Россіи; другими словами степные участки, не смотря на присущіе имъ недостатки, какъ безлѣсье, а иногда и неудовлетворительное водоснабженіе, имѣютъ болѣе разностороннее значеніе, а слѣдовательно и большую цѣнность, нежели участки лѣснаго типа которые могутъ разсчитывать на удачное заселеніе, очевидно, лишь при строго опредѣленномъ подборѣ переселенцевъ.

Распредѣленіе выходцевъ изъ различныхъ раіоновъ Европейской Россіи по Сибирскимъ губерніямъ, не могло бы дать особенно поучительныхъ выводовъ уже потому, что губерніи эти

представляются слишкомъ разнородными, по хозяйственнымъ и естественнымъ условіямъ, территоріальными единицами, вслѣдствіе чего и въ каждой изъ этихъ губерній встрѣчаются раіоны, подходящіе подъ требованія выходцевъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Единственное, вполнѣ очевидное заключеніе, которое можно было бы вывести изъ разсмотрѣнія соотвѣтственныхъ данныхъ, заключается въ констатированіи несомнѣннаго предпочтенія, которое выходцы изъ южной полосы Европейской Россіи отдаютъ Акмолинской области, естественныя условія которой въ высокой степени соотвѣтствуютъ потребностямъ и привычкамъ южно-русскихъ переселенцевъ; выводъ этотъ впрочемъ представляетъ собою лишь подтвержденіе вышеизложенныхъ свѣдѣній о распредѣленіи переселенцевъ по участкамъ образуемыхъ въ отдѣльныхъ раіонахъ Сибири [1]).

По ознакомленіи съ общими условіями образованія переселенческихъ участковъ и распредѣленія на нихъ выходцевъ изъ различныхъ раіоновъ Европейской Россіи надлежитъ разсмотрѣть слѣдующій по времени моментъ въ порядкѣ устройства переселенцевъ, именно ихъ водвореніе на новыхъ мѣстахъ.

Вопросъ о водвореніи переселенцевъ на отведенныхъ имъ участкахъ былъ разсмотрѣнъ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги въ 1893 г., совмѣстно съ обсужденіемъ порядка образованія переселенческихъ участковъ. Признавая дѣйствовавшія правила общаго переселенческаго закона 1889 г. (см. выше стр. 114—116) вполнѣ соотвѣтствующими намѣченной имъ цѣли упорядоченія переселеній, Комитетъ не считалъ нужнымъ вносить въ нихъ какія либо измѣненія по существу, полагая необходимымъ лишь обезпечить успѣшное примѣненіе этихъ правилъ подлежащими органами мѣстной администраціи. Въ этихъ видахъ были проектированы соотвѣтствующія постановленія, въ силу которыхъ водвореніе и устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ было возложено на мѣстныя учрежденія

[1]) Тамъ-же, стр. 314.

по крестьянскимъ дѣламъ; предположенія эти удостоились Высочайшаго утвержденія 13 Іюня 1893 г. подъ наименованіемъ «Временныхъ постановленій о расширеніи предметовъ вѣдомства учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ», причемъ въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской обязанности по водворенію переселенцевъ были возложены временно на особыхъ чиновъ по назначенію Иркутскаго Генералъ-Губернатора, а въ Акмолинской области на уѣздныхъ начальниковъ или особыхъ чиновъ, назначаемыхъ Степнымъ Генералъ - Губернаторомъ. Во исполненіе этого Положенія Комитета, въ Енисейской губерніи были уже въ 1893 г. учреждены должности особыхъ переселенческихъ чиновниковъ, которымъ было поручено, между прочимъ, и дѣло водворенія переселенцевъ. Въ 1898 г. функціи по водворенію и устройству сибирскихъ новоселовъ были отнесены къ обязанностямъ вновь учрежденныхъ въ 4-хъ сибирскихъ губерніяхъ крестьянскихъ начальниковъ. Что касается Акмолинской области, то устройство переселенцевъ поручено здѣсь чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ, которые были учреждены въ 1897 году.

Согласно «Временнымъ постановленіямъ» функціи крестьянскихъ начальниковъ простираются еще на моментъ, предшествующій водворенію переселенцевъ. Именно, они участвуютъ во временныхъ коммисіяхъ по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ, причемъ пользуются правомъ заявленія особаго мнѣнія, переносящаго дѣла на разсмотрѣніе губернскаго учрежденія.

Предоставленіе крестьянскимъ начальникамъ подобнаго права возлагаетъ на нихъ и обязанность заботиться о томъ, чтобы отводимые переселенческіе участки дѣйствительно удовлетворяли своему назначенію. Далѣе, по передачѣ окончательно образованныхъ участковъ этимъ должностнымъ лицамъ, они обязаны охранять участки отъ постороннихъ захватовъ.

При устройствѣ переселенцами новыхъ селеній на указан-

ныхъ межевыми чинами въ натурѣ мѣстахъ, крестьянскіе начальники обязаны наблюдать за соблюденіемъ требованій Устава Строительнаго о проведеніи улицъ, объ оставленіи извѣстныхъ промежутковъ между постройками въ видахъ противопожарныхъ и т. п. Къ дальнѣйшимъ обязанностямъ крестьянскихъ начальниковъ относится веденіе особыхъ списковъ переселенцевъ, съ подробнымъ объясненіемъ состава водворенныхъ семействъ, учета занятыхъ и свободныхъ по каждому участку долей, а равно и представленіе этихъ и другихъ подобныхъ свѣдѣній въ губернскія крестьянскія учрежденія и казенныя палаты; наконецъ, на помянутыхъ должностныхъ лицахъ лежитъ и обязанность сношеній, по окончательномъ заселеніи переселенческаго участка, со старшимъ производителемъ работъ межевыхъ партій о выдачѣ переселенцамъ акта объ отводѣ казенной земли. Независимо отъ такого участія въ устройствѣ переселенцевъ при ихъ водвореніи, на крестьянскихъ начальниковъ, въ силу временныхъ постановленій 1893 г., возложены и заботы о дальнѣйшемъ хозяйственномъ преуспѣяніи осѣвшихъ на участкахъ переселенцевъ, выражающіяся въ представленіи въ губернскія крестьянскія учрежденія ходатайствъ переселенцевъ о выдачѣ имъ ссудъ на домообзаводство и обсѣмененіе полей, съ данными о хозяйственномъ положеніи просителей и заключеніемъ по существу ходатайства.

Высшею апелляціонною инстанціею для крестьянскихъ начальниковъ является общее присутствіе губернскаго управленія (въ Акмолинской области—областное управленіе), къ обязанностямъ коихъ относится какъ разсмотрѣніе и разрѣшеніе въ подлежащихъ случаяхъ представленій крестьянскихъ начальниковъ по вопросамъ, связаннымъ съ водвореніемъ переселенцевъ, такъ и разрѣшеніе жалобъ переселенцевъ по тому же предмету. Въ связи съ этимъ на губернскія учрежденія возлагается и общій надзоръ за ходомъ водворенія переселенцевъ въ губерніи и ежегодное представленіе свѣдѣній по этому предмету въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

При такомъ воздѣйствіи на водвореніе и дальнѣйшее устройство переселенцевъ функціи крестьянскихъ начальниковъ пріобрѣтаютъ еще большее значеніе въ виду той связи, которая существуетъ между ними и дѣятельностью командируемыхъ въ Сибирь переселенческихъ чиновниковъ, имѣющихъ надзоръ за ходомъ переселенія на линіи Сибирской магистрали; связь эта выражается въ доставленіи переселенческимъ чиновникамъ отъ каждаго крестьянскаго начальника подробныхъ свѣдѣній о количествѣ находящихся въ его раіонѣ свободныхъ долей и о числѣ лицъ, могущихъ быть водворенными на нихъ. Пользуясь этими свѣдѣніями, переселенческіе чиновники имѣютъ возможность направлять переселенцевъ на тотъ или другой участокъ, объясняя кратчайшій путь для слѣдованія и указывая того крестьянскаго начальника, къ которому слѣдуетъ обратиться съ просьбою о водвореніи.

Примѣненіе на практикѣ «Временныхъ постановленій» 1893 г. въ первые годы ихъ дѣйствія встрѣчалось иногда съ нѣкоторыми затрудненіями, вызываемыми тѣмъ, что нѣкоторые изъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ не всегда присутствовали лично при водвореніи переселенцевъ, ограничиваясь снабженіемъ разрѣшительными надписями документовъ, представленныхъ переселенцами, и поручая водвореніе послѣднихъ волостнымъ старшинамъ. Подобный порядокъ представлялъ, однако, существенныя неудобства уже въ томъ отношеніи, что роль волостныхъ начальствъ при водвореніи переселенцевъ не простиралась далѣе исполненія необходимыхъ формальностей, вслѣдствіе чего, какъ это было удостовѣрено въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь въ 1896 году, иногда происходило, «что селеніе на участкѣ располагается вовсе не на отведенномъ для него мѣстѣ, а самыя постройки устраиваются не по плану и безъ соблюденія необходимыхъ въ пожарномъ отношеніи условій» [1]). Въ виду этого Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 52.

было сдѣлано въ 1896 г. циркулярное разъясненіе, чтобы водвореніе переселенцевъ совершалось самими чиновниками.

Что касается правоваго положенія водворяемыхъ переселенцевъ, то оно до настоящаго времени регулируется правилами переселенческаго закона 1889 года, распространеннаго на средне-сибирскія губерніи Высочайше утвержденнымъ, 20-го Марта 1892 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Правилами этими опредѣляется—какъ характеръ земельныхъ правъ переселенцевъ, а именно: постоянное (безсрочное) пользованіе, безъ права отчужденія или обремененія долгами, но съ предоставленіемъ переселенцамъ права избранія общиннаго или подворнаго пользованія землею,—такъ и размѣръ даруемыхъ имъ льготъ, заключающихся въ освобожденіи новоселовъ отъ всякаго рода казенныхъ и мірскихъ сборовъ въ теченіе первыхъ 3 лѣтъ по водвореніи и со взиманіемъ съ нихъ этихъ сборовъ и платежей въ половинномъ размѣрѣ въ послѣдующіе затѣмъ 3 года, въ сложеніи съ нихъ слѣдовавшихъ съ нихъ выкупныхъ платежей, а также недоимокъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ, въ отсрочкѣ отбыванія воинской повинности на 3 года и въ предоставленіи переселенцамъ права полученія казенныхъ ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей и домообзаводство, а также и лѣснаго матеріала изъ казенныхъ дачъ на постройку жилищъ. Далѣе, закономъ 1889 г. опредѣленъ и порядокъ административнаго устройства переселенцевъ, согласно которому въ каждомъ вновь возникшемъ поселкѣ, состоящемъ не менѣе чѣмъ изъ 40 душъ мужскаго пола, образуется отдѣльное сельское общество, причемъ всѣ лица, водворенныя въ такомъ поселкѣ, послѣ образованія въ немъ общества, входятъ въ составъ послѣдняго, безъ испрошенія отъ него пріемныхъ приговоровъ. Образуемыя переселенцами сельскія общества входятъ въ составъ существующихъ волостей или составляютъ особыя волости, на общемъ основаніи.

Правила о льготахъ, предоставляемыхъ переселенцамъ при ихъ водвореніи, отнесены закономъ 1889 г. лишь

къ тѣмъ лицамъ, которыя приходятъ въ Сибирь съ установленнаго разрѣшенія и поселяются на отведенныхъ для нихъ участкахъ казенныхъ земель; правовое же положеніе «самовольныхъ» переселенцевъ, регулируется мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 15 Апрѣля 1896 г., въ силу котораго эти лица имѣютъ право водворяться на заготовленныхъ участкахъ ***только въ томъ случаѣ, если таковые имѣются въ свободномъ распоряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.*** При этомъ самовольные переселенцы не имѣютъ, однако, правъ на льготы ни по освобожденію отъ недоимокъ, ни по отбыванію воинской повинности. Но часть переселенцевъ какъ самовольныхъ, такъ и идущихъ съ установленнаго разрѣшенія, предпочитаютъ водворяться не на приготовленныхъ для нихъ участкахъ, а въ старожильческихъ деревняхъ; случаи подобныхъ приселеній къ старымъ деревнямъ, представляясь сравнительно рѣдкими въ западной Сибири, вслѣдствіе значительныхъ для переселенцевъ расходовъ, связанныхъ съ заключеніемъ договоровъ со старожилами о пріемѣ ихъ въ общества послѣднихъ, встрѣчались, наоборотъ, довольно часто въ Енисейской губерніи, гдѣ запасъ свободныхъ земель являлся до послѣдняго времени болѣе или менѣе ограниченнымъ. Урегулированіе земельныхъ отношеній между старожилами и вновь прибывающими переселенцами пріобрѣло въ послѣдніе годы особое значеніе въ виду разрѣшеннаго уже въ законодательномъ порядкѣ вопроса объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ четырехъ Сибирскихъ губерній, съ выдачею имъ отводныхъ записей на право владѣнія занимаемыми ими участками. Высочайше утвержденнымъ, 23 Мая 1896 года, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, установившимъ главныя основанія поземельнаго устройства, между прочимъ, опредѣлено, что въ случаѣ, если окончательно отведенные сельскимъ обществамъ и селеніямъ надѣлы будутъ заключать въ себѣ пространство, превышающее 15 десятинъ на душу, то излишнія сверхъ 15-ти-десятиннаго

надѣла земли могутъ быть оставлены во владѣніи подлежащихъ обществъ и селеній лишь въ томъ случаѣ, когда они примутъ на себя обязанность допринять такое число новыхъ членовъ (т. е. переселенцевъ), которое будетъ соотвѣтствовать излишне отводимому количеству земли, по разсчету 15 десятинъ на душу. Исходя изъ соображеній о необходимости оградить передъ землеустройствомъ фактическое пользованіе землею крестьянскаго населенія Сибири отъ измельчанія при слишкомъ частомъ допущеніи со стороны старожиловъ приселенія переселенцевъ къ ихъ деревнямъ, въ разсчетѣ увеличить этимъ путемъ общую площадь захватныхъ владѣній обществъ безъ соображенія съ дѣйствительной возможностью производства обѣщаемыхъ закономъ широкихъ надѣловъ, Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги постановлено 27 Апрѣля 1897 г., что приселеніе вообще должно допускаться лишь съ разрѣшенія крестьянскаго начальника, который въ свою очередь долженъ принимать во вниманіе фактическое пользованіе обществъ, отнюдь не допуская приселенія тамъ, гдѣ земли оказывается недостаточно для пользованія самаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ найдено возможнымъ предоставить приселяющимся къ старожильческимъ деревнямъ право на полученіе ссудъ, а также и льготу по отбыванію воинской повинности [1]) (за исключеніемъ однако самовольныхъ переселенцевъ).

При водвореніи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ весьма важное значеніе имѣетъ моментъ ихъ перечисленія въ число крестьянъ той губерніи, гдѣ они поселяются: совершеніе этого акта влечетъ за собою прекращеніе формальной связи новоселовъ съ прежними обществами, что въ

---

[1]) Въ отношеніи несенія общественныхъ повинностей не установлено никакихъ льготъ на томъ основаніи, что старожильческое населеніе, принимая къ себѣ переселенцевъ, руководствуется именно тѣмъ соображеніемъ, что послѣдніе будутъ помогать имъ въ несеніи тягостей натуральныхъ повинностей; въ виду этого, представлялось бы труднымъ предположить, чтобы какія либо распоряженія мѣстной администраціи объ освобожденіи новоселовъ отъ общественныхъ повинностей съ успѣхомъ исполнялись бы въ дѣйствительности.

свою очередь ограничиваетъ для нихъ возможность возвращенія на родину. Еще болѣе существеннымъ представляется значеніе перечисленія для переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь самовольно, такъ какъ съ момента его они освобождаются отъ дальнѣйшаго теченія податей по оставленнымъ обществамъ; поэтому промедленіе въ совершеніи этого акта имѣло бы для нихъ послѣдствіемъ накопленіе недоимокъ по прежнимъ мѣстамъ жительства, уплата которыхъ для нихъ обязательна и вслѣдствіе этого ложится тяжелымъ гнетомъ на ихъ неокрѣпнувшее хозяйство [1]).

Въ виду этихъ соображеній правительствомъ было обращаемо особое вниманіе на достиженіе возможно скорѣйшаго причисленія новоселовъ къ новымъ обществамъ; вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ 1897 г. Министромъ Финансовъ было сдѣлано циркулярное распоряженіе казеннымъ палатамъ въ Сибири, чтобы требованія закона объ ускоренномъ перечисленіи совершались неукоснительно. Для производства самаго перечисленія переселенцевъ, прибывающихъ въ Сибирь съ узаконеннаго разрѣшенія и водворяющихся на заготовленныхъ для нихъ участкахъ, служатъ списки, доставляемые крестьянскими начальниками, и проходныя свидѣтельства, содержащія въ себѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для перечисленія переселенцевъ казенною палатою по новому мѣсту жительства. Въ отношеніи этой группы переселенцевъ неоднократно указывалось, чтобы нужныя казеннымъ палатамъ свѣдѣнія доставлялись въ возможно непродолжительномъ времени по прибытіи переселенцевъ на мѣста водворенія.

Перечисленіе же самовольныхъ переселенцевъ, заявляющихъ желаніе селиться на казенныхъ земляхъ, нынѣ производится нѣсколько упрощеннымъ, сравнительно съ прежнимъ, порядкомъ; въ силу Высочайше утвержденнаго, 15 Апрѣля 1896 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, казенныя палаты, по полученіи отъ крестьянскихъ начальниковъ паспортовъ

[1]) Ср. всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 57.

переселенцевъ или иныхъ документовъ, удостовѣряющихъ самоличность послѣднихъ, и не требуя увольнительныхъ свидѣтельствъ прежнихъ обществъ, дѣлаютъ немедленно распоряженія о перечисленіи; такія распоряженія признаются окончательными въ случаѣ, если впослѣдствіи по провѣркѣ окажется, что переселенцы не состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ и что оставленныя въ прежнихъ обществахъ въ ихъ семействахъ малолѣтнія дѣти и другія лица, неспособныя къ работѣ, обезпечены въ своемъ содержаніи. Такой же порядокъ перечисленія введенъ Высочайше утвержденнымъ, 27 Апрѣля 1897 г., положеніемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги и для переселенцевъ, приселяющихся къ деревнямъ старожиловъ.

Принимая мѣры къ ускоренію акта перечисленія переселенцевъ, правительство въ то же время озаботилось и возможнымъ уменьшеніемъ случаевъ самовольнаго оставленія уже перечисленными переселенцами мѣстъ ихъ новаго водворенія. Подобные переходы новоселовъ съ одного мѣста на другое признаны не только противозаконными, но и причиняющими немалый ущербъ какъ остающемуся въ поселкѣ населенію, отвѣчающему круговой порукой за правильное поступленіе податей, такъ и самому правительству, дѣлающему значительныя затраты на устройство переселенцевъ. Въ виду приведенныхъ мотивовъ признано соотвѣтственнымъ постановить въ видѣ временной мѣры, что переселенцы, самовольно оставившіе послѣ ихъ причисленія отведенныя имъ земли, не имѣютъ права на надѣленіе ихъ другими свободными казенными землями, причемъ исключенія изъ этого правила допускаются лишь съ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, именно для переселенцевъ, которые могли бы быть вынуждены къ самовольному уходу съ участка вслѣдствіе полной непригодности его къ земледѣлію. Оставленные переселенцами надѣлы, въ интересахъ другихъ лицъ, желающихъ занять эти земли, считаются свободными для водворенія новыхъ переселенцевъ по истеченіи трехлѣтняго срока со времени оставленія ихъ лицами, которымъ они были

предоставлены; въ случаяхъ же перечисленія переселенцевъ съ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ихъ надѣлы поступаютъ вновь въ распоряженіе правительства, немедленно вслѣдъ за такимъ перечисленіемъ. Наконецъ, въ интересахъ обществъ, изъ которыхъ происходятъ самовольные уходы новоселовъ, постановлено, чтобы въ случаяхъ безвѣстнаго отсутствія самовольно ушедшихъ лицъ взысканіе съ обществъ недоимокъ въ казенныхъ и земскихъ сборахъ за брошенные надѣлы временно пріостанавливалось, при сложеніи со счетовъ послѣ 3-хъ-лѣтняго срока всѣхъ недоимокъ, числящихся на этихъ надѣлахъ.

Въ предшествовавшемъ изложеніи были приведены общія условія водворенія переселенцевъ на избранныхъ ими мѣстахъ въ Сибири, причемъ было указано на предоставленное переселенцамъ право полученія казенныхъ пособій при ихъ водвореніи. Въ виду крайне важнаго значенія пособій въ дѣлѣ устройства переселенцевъ въ Сибири, слѣдуетъ остановиться подробнѣе на разсмотрѣніи отношенія законодательства и администраціи къ этому вопросу въ пореформенную эпоху, и въ особенности за послѣднее семилѣтіе, истекшее со времени учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги.

Выдача сибирскимъ переселенцамъ пособій при ихъ водвореніи была установлена еще въ началѣ 40-хъ годовъ XIX столѣтія, причемъ порядокъ, принятый дореформеннымъ «Уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ» сохранялся до 1866 г., когда по всеподданнѣйшему докладу Государственнаго Контролера и Министра Финансовъ состоялось Высочайшее повелѣніе о неназначеніи на будущее время постоянныхъ кредитовъ на переселеніе крестьянъ по смѣтамъ Министерствъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ возникновенія надобности испрашивались лишь особые кредиты въ установленномъ на это порядкѣ.

Примѣненіе этихъ правилъ на практикѣ не представляло въ теченіе второй половины 60-хъ годовъ и въ 70-хъ годахъ неудобствъ въ виду сравнительно весьма ограничен-

ныхъ въ то время размѣровъ переселеній въ Сибирь, не требовавшихъ какой либо организованной дѣятельности правительства по оказанію переселенцамъ матеріальной помощи [1]).

Необходимость ежегоднаго ассигнованія особыхъ суммъ на вспомоществованіе переселенцамъ выяснилась только въ началѣ 80-хъ годовъ въ виду увеличенія напряженности переселенческаго движенія. Съ 1884 г. для этой цѣли начали отпускаться по смѣтамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ особые кредиты, въ размѣрѣ—40.000 руб. въ 1884 г., по 20.000 руб. ежегодно за періодъ съ 1885 г. по 1889 г. и, наконецъ, по 120.000 р. ежегодно съ 1890 г. по 1896 г. [2]). Изъ этихъ кредитовъ переселенцамъ выдавались ссуды и безвозвратныя пособія какъ переселенческими чиновниками, командированными въ нѣкоторые изъ городовъ, лежавшихъ по пути переселенцевъ, такъ и органами мѣстной сибирской администраціи; независимо отъ этого, переселенцамъ оказывались пособія возникшими въ 80-хъ годахъ благотворительными комитетами (въ Тюмени, Томскѣ и Иркутскѣ). Изъ свѣдѣній, полученныхъ при регистраціи переселенцевъ, водворенныхъ въ западной Сибири до 1893 г., можно усмотрѣть, что такія ссуды были выданы почти половинѣ всѣхъ опрошенныхъ дворовъ: въ Тобольской губерніи, число дворовъ, получившихъ пособіе, составило 55% общаго количества зарегистрованныхъ хо-

---

1) Въ архивныхъ дѣлахъ сохранились за это время указанія лишь на два случая испрошенія Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ для выдачи пособій переселившимся въ Тобольскую губернію: по вызову Главнаго Управленія Западной Сибири въ концѣ 60-хъ годовъ — 261 крестьянскимъ семействамъ изъ Вологодской губерніи, и 18 семействамъ выходцевъ изъ той же губерніи, перешедшимъ въ Сибирь въ первой половинѣ 70-хъ годовъ. Выдача этимъ переселенцамъ пособій, въ размѣрѣ по 60 руб. на семью, была разрѣшена Высочайше утвержденными 20 Января 1869 г. и 23 Апрѣля 1875 г. мнѣніями Государственнаго Совѣта (Дѣла Архива Государственнаго Совѣта по Департаменту Государственной Экономіи 1868 г. № 890 и 1875 г. № 135).

2) Выс. утв. 14 Дек. 1889 г. и 21 Дек. 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта (см. также дѣла Архива Гос. Совѣта по Деп. Гос. Экон. за 1889 г. № 367 и 1892 г. № 341.

зяйствъ, въ Томской—46% [1]). Распредѣленіе этихъ пособій между отдѣльными семьями не могло быть вполнѣ правильнымъ уже вслѣдствіе затруднительности узнать дѣйствительную потребность переселенцевъ, ходатайствовавшихъ о ссудахъ для администраціи, не стоявшей достаточно близко къ переселенческому дѣлу.

Въ виду этого нѣкоторая часть изъ бѣднѣйшихъ переселенцевъ оставалась вовсе безъ пособій, тогда какъ въ числѣ получившихъ половина имѣла собственныя средства, достаточныя на обзаведеніе хозяйствомъ.

Послѣ изданія общаго переселенческаго закона 1889 года подтвердившаго для нуждающихся переселенцевъ право на полученіе ссудъ на хозяйственное устройство и домообзаведеніе, въ 1891 г. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ были преподаны правила для руководства мѣстнымъ учрежденіямъ, въ силу которыхъ выдача переселенцамъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе была въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поставлена въ зависимость отъ разрѣшенія Министерства, по представленію губернскихъ и областныхъ начальствъ, причемъ высшій размѣръ подобныхъ ссудъ былъ опредѣленъ въ 200 р. на семью. Между тѣмъ при ограниченности кредитовъ, отпускавшихся на содѣйствіе переселенцамъ, приведенныя правила не могли обезпечить предоставленія правильной и своевременной помощи значительно возросшему въ началѣ 90-хъ годовъ числу переселенцевъ. Это обстоятельство и обратило на себя особое вниманіе Комитета Сибирской желѣзной дороги, признавшаго, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, возможнымъ придать всѣмъ мѣропріятіямъ по оказанію содѣйствія переселенцамъ значительно болѣе широкую постановку, съ отнесеніемъ расходовъ по этому предмету

---

[1]) Матеріалы по изученію быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи съ конца 70 года до 1893 г. Томъ II, приложенія стр. 29; А. Кауфманъ «Томскіе переселенцы» въ Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній за 1897 г., стр. 214.

на фондъ вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ постройкою Сибирской желѣзной дороги; вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 13 Іюня 1893 г., возложилъ предварительное разсмотрѣніе указанныхъ вопросовъ на подготовительную при немъ коммисію.

Во исполненіе этого положенія Комитета, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ были черезъ мѣстныхъ начальниковъ и губернаторовъ, а равно и чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ, собраны подробныя свѣдѣнія относительно постановки на практикѣ дѣла о воспособленіи переселенцамъ. Обширный матеріалъ, доставленный съ мѣстъ, послужилъ основаніемъ для составленія въ Земскомъ отдѣлѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ проекта соотвѣтственныхъ правилъ, подвергшихся дальнѣйшей разработкѣ въ образованномъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Сипягина, особомъ совѣщаніи, въ которомъ принимали участіе какъ губернаторы нѣкоторыхъ губерній Европейской Россіи, изъ коихъ преимущественно выходятъ переселенцы, такъ и начальники Тобольской и Томской губерній. Предположенія Министерства были въ 1894 году внесены на разсмотрѣніе подготовительной коммисіи, которою и былъ составленъ проектъ «Временныхъ правилъ о пособіяхъ отъ правительства нуждающимся семействамъ, переселяющимся съ установленнаго разрѣшенія», получившихъ Высочайшее утвержденіе положеніемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 5 Іюня 1894 года и подвергшихся пересмотру затѣмъ въ 1896 и 1899 гг. Правила эти имѣютъ главнѣйшею цѣлью обезпеченіе скорѣйшаго и прочнаго устройства новоселовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставленіе послѣднимъ возможности въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлаться исправными плательщиками податей. Въ зависимости отъ этихъ основныхъ принциповъ правила подробно опредѣляютъ какъ виды и размѣры пособій, такъ и порядокъ ихъ выдачи и возврата.

По *вопросу о подраздѣленіи ссудъ по предметамъ ихъ назначенія* были приняты предположенія вышеназваннаго особаго

совѣщанія, составленныя на основаніи закона 1889 г. и вводившія: 1) выдачу денежныхъ ссудъ: а) во время пути, б) по прибытіи на мѣста водворенія—на хозяйственное устройство и обзаведеніе, также на посѣвъ и продовольствіе и 2) отпускъ изъ казенныхъ дачъ лѣснаго матеріала для возведенія усадебныхъ построекъ. Всѣ перечисленныя ссуды составляютъ долгъ Государственному Казначейству всѣхъ членовъ семействъ, получившихъ ссуду, выплачиваемый безъ взиманія процентовъ или пеней; при этомъ, въ видахъ содѣйствія болѣе прочному и успѣшному водворенію переселенцевъ, признано, что на выдаваемыя переселенцамъ ссуды не могутъ быть обращаемы ни казенныя, ни частныя взысканія.

Не касаясь въ настоящемъ мѣстѣ вопроса о путевыхъ ссудахъ, разсмотрѣннаго въ предшествовавшей главѣ, слѣдуетъ указать, что при обсужденіи вопроса о ссудахъ, выдаваемыхъ при водвореніи переселенцамъ, были приняты въ общемъ всѣ предположенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Исключеніе было сдѣлано лишь по отношенію къ проектированнымъ постановленіямъ о заимообразномъ отпускѣ суммъ на общественныя надобности переселенческихъ поселковъ. Подобныя постановленія было признано болѣе осторожнымъ не включать въ правила, чтобы не создать путемъ законодательной регламентаціи такіе предметы общественныхъ потребностей, которые, въ родѣ, напримѣръ, постройки хлѣбозапасныхъ магазиновъ, могли бы сдѣлать обращеніе къ ссудамъ на практикѣ почти обязательнымъ, и не возлагать такимъ образомъ на переселенческіе поселки болѣе или менѣе обременительныхъ для нихъ расходовъ по возмѣщенію ссудъ, необдуманно, быть можетъ, взятыхъ переселенцами подъ давленіемъ мѣстной администраціи, заботящейся о ихъ благоустройствѣ и, между тѣмъ, не всегда имѣющей возможности точно опредѣлить дѣйствительной кредитоспособности заемщиковъ.

По поводу *ссудъ на хозяйственное устройство и обзаведеніе* было признано вполнѣ соотвѣтственнымъ принять предложенную Министерствомъ мысль объ установленіи предѣль-

наго размѣра такихъ ссудъ, въ виду представлявшагося затрудненія предвидѣть, насколько осторожно отнесутся мѣстныя власти къ дѣлу выдачи этихъ ссудъ, которыя до того времени были разрѣшаемы лишь Министерствомъ. Предѣльный размѣръ назначенныхъ ссудъ былъ опредѣленъ въ 100 р.; въ случаяхъ же, когда исключительное положеніе переселенческой семьи потребуетъ ссуды въ усиленномъ размѣрѣ, подлежащимъ губернскимъ и областнымъ учрежденіямъ предоставлено право, не останавливаясь выдачею до указаннаго максимальнаго размѣра, входить въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ представленіемъ о разрѣшеніи дополнительной ссуды.

По вопросу о *ссудахъ на продовольствіе и посѣвъ* были приняты также предположенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о цѣлесообразности выдачи такихъ ссудъ переселенцамъ, до ихъ перечисленія, не изъ мѣстныхъ продовольственныхъ запасовъ, въ которыхъ переселенцы не участвуютъ до причисленія ихъ къ сельскимъ обществамъ, а изъ особаго кредита, примѣнительно къ пособіямъ на первоначальное обзаведеніе. Что касается размѣра ссудъ на продовольствіе, то его признано соотвѣтственнымъ опредѣлять на основаніи нормъ, дѣйствующихъ въ отношеніи старожилаго населенія, между тѣмъ какъ размѣръ ссудъ на посѣвъ былъ исчисленъ въ количествѣ, потребномъ не болѣе, нежели на двѣ десятины посѣва.

Оба эти вида ссудъ, введенные временными правилами 1894 г. были сохранены и при первомъ пересмотрѣ правилъ въ 1896 г. Между тѣмъ, при примѣненіи этихъ правилъ въ теченіе трехлѣтняго періода, предшествовавшаго вторичному ихъ пересмотру въ 1899 году, обнаружились нѣкоторыя неудобства порядка выдачи ссудъ отдѣльно на домообзаводство, съ одной стороны, и на обсѣмененіе полей и продовольствіе,— съ другой. Существованіе особой категоріи ссудъ на продовольствіе порождало среди переселенцевъ взглядъ на подобныя ссуды, извѣстныя среди нихъ подъ названіемъ «харчевыхъ денегъ», какъ на своего рода «жалованье», вслѣдствіе чего подобной формулировкѣ выдачи ссудъ

придавался совершенно нежелательный характеръ поощренія и вызова на переселеніе со стороны правительства. Въ виду этого обстоятельства во вновь пересмотрѣнныхъ въ 1899 г. правилахъ признано цѣлесообразнымъ объединить выдачу ссудъ на домообзаводство и посѣвъ и совершенно не упоминать, во вниманіе къ тому, что перечисленіе переселенцевъ нынѣ производится уже достаточно скоро и они почти вслѣдъ за водвореніемъ пріобрѣтаютъ право пользоваться ссудами изъ мѣстныхъ продовольственныхъ запасовъ, о пособіяхъ на продовольствіе, кромѣ ссудъ, выдаваемыхъ въ исключительныхъ случаяхъ неурожая съ особаго каждый разъ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. При допущеніи возможности выдачи подобныхъ ссудъ Министерству указано, что къ нимъ надлежитъ относиться съ крайнею осторожностью и лишь въ случаяхъ дѣйствительныхъ затрудненій, дабы не породить среди новоселовъ неправильный взглядъ на возможность увеличенія этимъ путемъ уже полученныхъ ссудъ на домообзаводство.

Кромѣ указанныхъ видовъ денежныхъ ссудъ въ временныхъ правилахъ упоминается еще о *ссудахъ, выдаваемыхъ переселенцамъ для постройки жилищъ* въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется казенныхъ дачъ, изъ которыхъ новоселамъ могли бы быть отпускаемы лѣсные матерьялы. Для выдачи этихъ ссудъ общихъ правилъ не установлено въ виду нежелательности придавать такую форму, которая могла бы затруднить для Министерства приспособленіе къ каждому отдѣльному случаю разныхъ правительственныхъ мѣръ вспоможенія переселенцамъ по ихъ устройству на новыхъ мѣстахъ (сюда относятся изложенныя ниже мѣры по заготовкѣ лѣса, по устройству огнеупорныхъ построекъ и т. п.).

При разсмотрѣніи *порядка выдачи переселенцамъ ссудъ* при ихъ водвореніи надлежитъ замѣтить, что, согласно временнымъ правиламъ 1894 г., операціи эти были возложены на мѣстныя губернскія и областныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, въ которыя въ теченіе трехлѣтняго срока по водвореніи представлялись соотвѣтственныя устныя

или письменныя ходатайства съ подробными свѣдѣніями объ экономическомъ положеніи просителей и съ заключеніемъ мѣстнаго чиновника по крестьянскимъ дѣламъ (нынѣ—крестьянскаго начальника) или замѣняющаго его должностнаго лица, причемъ, въ виду крайней важности своевременнаго оказанія переселенцамъ пособій, дѣла этого рода разсматривались этими учрежденіями *внѣ очереди*; для обезпеченія же правильной отчетности и возврата выданныхъ ссудъ,—губернскимъ учрежденіямъ вмѣнено было въ обязанность сообщать о всѣхъ выданныхъ ссудахъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и мѣстной казенной палатѣ. Что касается ***категорій лицъ***, имѣвшихъ право на полученіе такихъ пособій, то по правиламъ 1894 г. право это было предоставлено лишь переселенцамъ, водворявшимся въ Сибири на вновь образуемыхъ переселенческихъ поселкахъ.

Указанный порядокъ выдачи ссудъ подвергся уже въ 1896 г. нѣкоторымъ измѣненіямъ въ цѣляхъ установленія ближайшаго наблюденія администраціи за цѣлесообразной тратой переселенцами ссужаемыхъ имъ денегъ и незамедлительнаго оказанія имъ пособій. Непосредственнымъ мотивомъ для измѣненій явилось стремленіе правительства достигнуть по возможности скорѣйшаго устройства массы необезпеченныхъ переселенцевъ, большею частью самовольныхъ—нахлынувшихъ въ Сибирь съ начала 1896 года—и такимъ образомъ предупредить рядъ осложненій, которыми угрожали послѣдствія этого стихійнаго наплыва выходцевъ изъ за Урала. Въ этомъ отношеніи при обсужденіи въ 1896 г. вопроса о порядкѣ выдачи ссудъ переселенцамъ органами мѣстной администраціи было обращено вниманіе на особое значеніе ссудъ, какъ наилучшаго средства для направленія и веденія колонизаціи Сибири въ порядкѣ, отвѣчающемъ интересамъ государственной политики. Въ виду такихъ соображеній признано необходимымъ рекомендовать соблюденіе администраціею при выдачѣ ссудъ «всемѣрной бережливости и осторожности, дабы оказываемыя переселенцамъ вспомоществованія не вселили въ нихъ, а черезъ нихъ и въ оставшихся на родинѣ ихъ род-

ственниковъ и земляковъ увѣренности, что въ Сибири, благодаря помощи правительства, можно легко устроиться безъ всякихъ собственныхъ затратъ» [1]). Въ связи съ этимъ, мѣстнымъ сибирскимъ властямъ рекомендовано слѣдить, чтобы выданныя переселенцамъ ссуды дѣйствительно употреблялись на предметъ своего назначенія. При всей нежелательности установленія строгой опеки правительственныхъ агентовъ надъ распоряженіемъ переселенцевъ полученными ссудами оказалось однако необходимымъ допустить нѣкоторое стѣсненіе въ пользованіи этими ссудами для отдѣльныхъ лицъ, выдающихся своимъ неумѣлымъ или небрежнымъ отношеніемъ къ доставляемымъ казною средствамъ. Съ этою цѣлью было признано соотвѣтственнымъ ввести въ правила о ссудахъ дополнительное постановленіе, вмѣняющее въ особую обязанность начальниковъ сибирскихъ губерній наблюденіе за правильнымъ употребленіемъ переселенцами выданныхъ имъ ссудъ и представляющее этимъ должностнымъ лицамъ распоряжаться, черезъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ или замѣняющихъ ихъ должностныхъ лицъ о выдачѣ, въ исключительныхъ случаяхъ, разрѣшенныхъ ссудъ на хозяйственное устройство и домообзаведеніе не одновременно, а частями, по мѣрѣ цѣлесообразнаго расходованія переселенцами полученныхъ долей.

Въ связи съ требованіемъ цѣлесообразнаго и бережнаго обращенія переселенцевъ съ отпускаемыми имъ средствами, признано существенно необходимымъ обезпечить дѣйствительно нуждающимся переселенцамъ безпромедлительное полученіе такихъ пособій, съ каковою цѣлью предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ, при расходованіи кредитовъ на ссуды переселенцамъ, отпускать крестьянскимъ начальникамъ авансы въ размѣрѣ до 3.000 руб. каждому на выдачу ссудъ немедленно по полученіи соотвѣтствующихъ разрѣшеній отъ губернскихъ или областныхъ учрежденій [2]).

---

[1]) Выписки изъ журнала засѣданія подготовительной коммисіи 5 и 12 Января и 1 Февраля 1896 года.

[2]) Журналъ Комитета, Высочайше утвержденный 15 Марта 1896 г.

Дальнѣйшее измѣненіе въ порядкѣ выдачи ссудъ заключается въ предоставленіи крестьянскимъ начальникамъ права выдавать по своему усмотрѣнію ссуды изъ отпускаемыхъ имъ авансовъ, не дожидаясь полученія соотвѣтственныхъ разрѣшеній отъ губернскихъ или областныхъ органовъ и лишь съ представленіемъ уже сдѣланнымъ ими распоряженій на утвержденіе этихъ учрежденій. При этомъ въ видахъ осторожнаго расходованія отпускаемыхъ крестьянскими начальниками авансовъ, опредѣленъ высшій размѣръ первоначально выдаваемаго каждой семьѣ пособія въ 30 руб.; далѣе, было признано соотвѣтственнымъ установить и размѣръ дальнѣйшихъ дополнительныхъ ссудъ, опредѣливъ его въ 20 р. на семью. Подобный порядокъ выдачи ссудъ самими крестьянскими начальниками имѣетъ повидимому ту выгоду, что позволяетъ имъ съ большею осмотрительностью относиться къ опредѣленію степени нужды новоселовъ, открывая возможность регулировать размѣры всего пособія въ зависимости отъ проявленія какихъ либо признаковъ достатка переселенческихъ семей. Наконецъ, условіемъ введенія новаго порядка выдачи пособій поставлено, чтобы крестьянскіе начальники по возможности производили выдачу лично, не передавая этой важной обязанности органамъ сельскаго управленія [1]).

Независимо отъ этихъ измѣненій въ порядкѣ выдачи ссудъ, были расширены и категоріи переселенцевъ, имѣвшихъ право на полученіе пособій. Еще въ 1894 г., одновременно съ Высочайшимъ утвержденіемъ составленныхъ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги «Временныхъ Правилъ о пособіяхъ отъ правительства нуждающимся семействамъ, переселяющимся съ установленнаго разрѣшенія», послѣдовало особое Высочайшее повелѣніе о распространеніи дѣйствія этихъ правилъ и на лицъ, переселяющихся въ Сибирь самовольно. Далѣе, при разработкѣ общихъ мѣропріятій о регули-

---

[1]) Журналъ Комитета, Высочайше утвержденный 7 Декабря 1896 г.

рованіи переселеній (получившихъ силу закона согласно Высочайше утвержденному, 15 Апрѣля 1896 г., мнѣнію Государственнаго Совѣта) были высказаны соображенія о нежелательности лишать права на ссуды при водвореніи въ Сибири лицъ, переселяющихся безъ установленнаго разрѣшенія, въ виду того, что подобныя мѣры, не принося существенной пользы для пріостановки самовольнаго переселенія, могли бы подѣйствовать лишь вреднымъ образомъ на хозяйственное положеніе новоселовъ. Въ виду этихъ соображеній, бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Сенаторомъ Горемыкинымъ были представлены на благоусмотрѣніе Комитета Сибирской желѣзной дороги предположенія о распространеніи временныхъ правилъ 1896 г. о пособіяхъ переселенцамъ и на лицъ, переселяющихся въ Сибирь безъ установленнаго разрѣшенія; цѣлесообразность подобной мѣры оправдывалась соображеніемъ необходимости предоставить и этой категоріи новоселовъ возможность скорѣйшаго и прочнаго домообзаводства и такимъ образомъ содѣйствовать развитію и среди этихъ переселенцевъ тѣхъ же платежныхъ и экономическихъ силъ, какія пріобрѣтаютъ и переселенцы, идущіе по разрѣшенію [1]). Эти предположенія Министра удостоились Высочайшаго утвержденія по положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги 27 Апрѣля 1896 г. [2]).

Въ началѣ слѣдующаго 1897 г., при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго отчета Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ его въ Сибирь, были разрѣшены въ положительномъ смыслѣ предположенія Управляющаго дѣлами Комитета о необходимости расширенія круга переселенцевъ, имѣющихъ право на ссуды включеніемъ въ него переселенцевъ, приселяющихся къ поселкамъ старожиловъ. Желательность такого измѣненія въ

---

[1]) Представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Комитетъ Сибирской желѣзной дороги по Земскому Отдѣлу, отъ 16 Апрѣля 1896 г. за № 6513.

[2]) Какъ было указано въ предшествовавшей главѣ, выдача самовольнымъ переселенцамъ путевыхъ ссудъ была отмѣнена затѣмъ Высочайше утвержденнымъ, 7 Декабря 1896 г., положеніемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги.

правилахъ о ссудахъ мотивировалось въ помянутомъ отчетѣ наличностью довольно значительнаго числа новоселовъ, не принесшихъ съ собою никакихъ денежныхъ средствъ и терпѣвшихъ вслѣдствіе этого при водвореніи въ деревняхъ старожиловъ сильную нужду, по неимѣнію возможности приступить къ самостоятельному обзаведенію хозяйствомъ; при этомъ въ видахъ установленія гарантіи въ цѣлесообразномъ употребленіи новоселами полученныхъ ими ссудъ надлежало, по мнѣнію Статсъ-Секретаря Куломзина, обусловить выдачу ссуды подобнымъ переселенцамъ удостовѣреніемъ мѣстнаго крестьянскаго чиновника, что они имѣютъ твердое намѣреніе завести собственное хозяйство.

Предположенія эти, получившія Высочайшее утвержденіе по журналу Комитета Сибирской желѣзной дороги 12 Апрѣля 1897 г., вошли затѣмъ въ составъ пересмотрѣнныхъ въ 1899 г. временныхъ правилъ о пособіяхъ, съ измѣненіемъ лишь размѣра ссудъ, выдаваемыхъ переселенцамъ послѣдней категоріи, въ виду того соображенія, что въ составъ лицъ, приселяющихся къ деревнямъ старожиловъ, входятъ преимущественно самовольные переселенцы, и что поэтому нѣкоторое уменьшеніе выдаваемой имъ ссуды можетъ представить собою одно изъ средствъ для сдерживанія самовольнаго движенія.

Если такимъ образомъ порядокъ выдачи переселенцамъ ссудъ подвергся за истекшее шестилѣтіе нѣкоторымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ общаго хода переселенческаго дѣла, то такія измѣненія коснулись отчасти и составленныхъ въ 1894 г. правилъ о возвратѣ переселенцами выданныхъ ими ссудъ. При разработкѣ этихъ правилъ подготовительная коммисія придерживалась въ общихъ чертахъ предположеній особаго совѣщанія, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сипягина, установивъ при этомъ, въ видахъ облегченія казеннымъ палатамъ счетоводства по ссудамъ, одинъ общій 10-лѣтній срокъ для ихъ возврата, исчисляемый послѣ прошествія трехгодичнаго льготнаго срока со времени выдачи. Порядокъ возмѣщенія ссудъ былъ опредѣ-

ленъ въ видѣ срочныхъ ежегодныхъ взносовъ, зачисляемыхъ, въ случаяхъ неуплаты въ теченіе года, на заемщикахъ недоимкою. При обстоятельствахъ, заслуживающихъ особаго уваженія губернскимъ и областнымъ учрежденіямъ предоставлено было удлинять сроки возврата ссуды до 20 лѣтъ, а равно разрѣшать отсрочки отдѣльныхъ взносовъ.

При пересмотрѣ этихъ правилъ въ 1896 г. первоначальная редакція ихъ осталась безъ перемѣны. Между тѣмъ вскорѣ выяснилась желательность общаго удлиненія срока для возврата ссудъ переселенцамъ. На необходимость соотвѣтственнаго измѣненія правилъ впервые было указано Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ по поѣздкѣ въ Сибирь, во время которой было выяснено, что лишь меньшая часть переселенцевъ будетъ въ состояніи легко уплачивать десятую часть своего займа послѣ трехъ лѣтъ водворенія. Затѣмъ при пересмотрѣ въ 1899 г. временныхъ правилъ было принято во вниманіе, что взысканіе ссудъ съ неокрѣпнувшихъ еще въ хозяйственномъ отношеніи новоселовъ могло бы весьма пагубно отразиться на ихъ благосостояніи, въ виду чего и признано возможнымъ удлинить льготный срокъ при возвратѣ ссудъ отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ. Независимо отъ этого, въ цѣляхъ огражденія интересовъ казны по возврату выданныхъ переселенцамъ ссудъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ рекомендовано принять мѣры къ тому, чтобы мѣстныя власти всегда имѣли въ должномъ вниманіи необходимость, съ одной стороны, внушать переселенцамъ, чтобы они не растрачивали своего достоянія, пріобрѣтеннаго ими при помощи правительства, а съ другой—наблюдать, въ мѣрѣ предоставленныхъ закономъ средствъ, за сохраненіемъ этого имущества въ цѣлости [1]).

Преподавъ въ руководство мѣстной сибирской администраціи по крестьянскимъ дѣламъ указанныя правила выдачи ссудъ, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги отпускалъ на

---

[1]) Выписка изъ журнала подготовительной коммисіи 1899 г. № 70.

воспособленіе переселенцевъ весьма значительные по размѣрамъ кредиты, составившіе за шестилѣтіе 1894—1899 г. (со включеніемъ кредитовъ, ассигнованныхъ на текущій 1900 г.)—сумму въ 8.500.000 руб., причемъ размѣръ годовыхъ ассигнованій подвергся весьма замѣтному возрастанію—съ 300.000 р. на 1894 г.—до 1.600.000 руб. на 1899 г. и 1.400.000 руб. на 1900 г. Для опредѣленія размѣровъ кредитовъ на ссуды, подлежавшихъ включенію въ смѣту расходовъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги на тотъ или другой годъ, обыкновенно принимались въ расчетъ какъ количество свободныхъ душевыхъ долей, поступившихъ въ распоряженіе мѣстныхъ властей для надѣленія переселенцевъ въ предположеніи, что всѣ участки будутъ заняты въ предстоящемъ году выходцами изъ Европейской Россіи, такъ и число душевыхъ долей, зачисленныхъ въ годъ составленія смѣты за ходоками. При составленіи смѣты на 1900 г. нѣсколько измѣненъ порядокъ вычисленія необходимыхъ для ссудъ кредитовъ: а именно, вслѣдствіе усмотрѣннаго постояннаго остатка незанятыхъ долей (напримѣръ, въ Тобольской губерніи къ 1 Января 1899 г. этихъ долей насчитывалось 13,209, а къ 1 Октября того же года—20,316), а также и постоянной наличности извѣстнаго количества хотя и зачисленныхъ за ходоками долей, но не занимаемыхъ ими въ слѣдующемъ за зачисленіемъ году, было положено въ основаніе сужденій о размѣрѣ ассигнованій на ссуды, потребныя въ 1900 г., среднее число дѣйствительно водворенныхъ въ Сибири за послѣдніе 4 года переселенцевъ, причемъ изъ общаго числа переселенцевъ былъ выключенъ извѣстный процентъ лицъ (именно 10%), которыя, по опытнымъ даннымъ предшествовавшихъ лѣтъ, не нуждались въ казенныхъ пособіяхъ.

Что касается вопроса о распредѣленіи ассигнованныхъ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги суммъ на ссуды переселенцамъ, то наиболѣе полныя свѣдѣнія по этому предмету могутъ быть получены изъ данныхъ, доставленныхъ опросомъ

56,977 переселенческихъ семей, изъ числа водворенныхъ до 1898 г. включительно, въ 4-хъ сибирскихъ губерніяхъ и въ Акмолинской области. Изъ этого числа переселенческихъ семей ссуды были выданы 50,307 семьямъ, т. е. $88,_2\%$, причемъ средній размѣръ ссуды составилъ $71,_2$ р. на семью. По отдѣльнымъ губерніямъ эта средняя величина ссудъ даетъ весьма замѣтныя колебанія, опускаясь до $54,_8$ р. на семью въ Иркутской губерніи, до $54,_9$ руб.— въ Енисейской и до $61,_6$ руб. въ Акмолинской области и поднимаясь до $74,_5$ руб. въ Томской губерніи и до 80 руб. въ Тобольской. Еще болѣе замѣтно разнообразіе въ размѣрахъ ссудъ, выданныхъ въ различныхъ уѣздахъ той же губерніи.

Подобныя колебанія въ размѣрѣ ссудъ объясняются отчасти мѣстными условіями и въ томъ числѣ преимущественно недостаткомъ строеваго лѣса (напримѣръ. въ Маріинскомъ уѣздѣ Томской губерніи и на нѣкоторыхъ участкахъ Ишимскаго уѣзда Тобольской), отчасти же различіями въ экономической состоятельности водворявшихся въ разныхъ районахъ переселенцевъ; наконецъ, на размѣръ выдаваемыхъ ссудъ не могутъ также не влiять и нѣкоторыя особенности въ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ тѣхъ лицъ (т. е. крестьянскихъ начальниковъ), коимъ поручена, по закону, выдача ссудъ.

При выясненіи размѣровъ кредитовъ, отпускаемыхъ правительствомъ на воспособленіе переселенцамъ при ихъ устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, представляется умѣстнымъ попытаться разрѣшить вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ ли крупныя затраты, производимыя для указанной цѣли, той долѣ доходовъ, которые вносятся сибирскими переселенцами въ Государственное Казначейство. Оставляя въ сторонѣ экономическую сторону вопроса, заключающуюся въ степени заинтересованности государства въ скорѣйшемъ устройствѣ переселенцевъ на мѣстахъ, т. е. въ пріобрѣтеніи исправныхъ домохозяевъ и вѣрныхъ плательщиковъ податей,—надлежитъ остановиться на сторонѣ чисто фискальной и сопоставить размѣры кредитовъ, ассигнуемыхъ на ссуды переселенцамъ, съ тѣми расходами,

которыми выражается для послѣднихъ, ихъ переѣздъ въ Сибирь. Въ этомъ отношеніи при разработкѣ статистическихъ данныхъ, собранныхъ Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ въ поѣздку по Сибири въ 1896 г., выяснилось, что сдѣланный въ этомъ году почти двухъ-милліонный расходъ на выдачу ссудъ переселенцамъ былъ въ томъ же году почти возмѣщенъ послѣдними, въ видѣ платы за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, опредѣлившійся приблизительно въ 1.895.000 руб. [1]). Разсчетъ этотъ, касавшійся переселенцевъ 1896 г., остается въ полной силѣ и для переселенцевъ послѣдующихъ лѣтъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, напримѣръ, при разсмотрѣніи данныхъ, относящихся къ переселенческому движенію 1898 г. Если, при исчисленіи путевыхъ расходовъ переселенцевъ, принять за основаніе стоимость проѣзда *отъ г. Орла*, расположеннаго въ центрѣ главнаго раіона выселенія, *до станціи Объ*, Средне-Сибирской желѣзной дороги, до которой доѣзжаетъ значительное большинство переселенцевъ, то окажется, что изъ 146,718 душъ обоего пола, переселившихся въ Сибирь въ 1898 г.,—97,256 чел., шедшіе по разрѣшенію, уплатили за свой проѣздъ (по льготному тарифу 1898 г. № 10) 315.000 руб. и около 50.000 руб. за перевозъ багажа. Остальные же 49,462 крестьянъ, слѣдовавшіе безъ проходныхъ свидѣтельствъ, пользовались общимъ тарифомъ III и IV класса и, при предположеніи, что они распредѣлялись поровну между вагонами каждаго изъ этихъ классовъ, должны были уплатить до 699.000 руб. за свой проѣздъ и около 135.000 руб. за багажъ [2]). При сложеніи всѣхъ

[1]) Статистическія данныя, собранныя Статсъ Секретаремъ Куломзинымъ въ поѣздку по Сибири въ 1896 г. С.-Петербургъ. 1897, предисловіе, стр. 13—14.

[2]) При вычисленіи приведенныхъ цифръ было принято въ соображеніе, что $^2/_5$ переселенцевъ малолѣтнихъ, и, слѣдовательно, перевозятся безплатно (по льготному переселенческому тарифу) или же съ уплатою стоимости дѣтскаго билета III или IV класса (для самовольныхъ переселенцевъ); средній вѣсъ багажа, приходящагося на одного переселенца былъ принятъ въ 2 пуда (ср. вышеуказанныя статистическія данныя, предисловіе), причемъ былъ также принятъ въ разсчетъ и льготный провозъ 1 пуда багажа по пассажирскому билету и 20 фун. по дѣтскому.

приведенныхъ цифръ получится общая сумма путевыхъ расходовъ переселенцевъ въ 1.199.000 руб., которая, при сопоставленіи съ размѣромъ кредитовъ, ассигнованныхъ въ томъ же 1898 году на воспособленіе переселенцамъ опредѣлившимся въ 1.400.000 руб., составитъ 82,3 % его, что указываетъ на то, что переселенцы почти полностью въ тотъ же годъ возвращаютъ правительству его расходы по выдачѣ имъ ссудъ. Само собою разумѣется, что плата за проѣздъ не является чистымъ доходомъ казны, такъ какъ изъ нея слѣдовало бы вычесть расходы по желѣзнодорожному движенію, ремонту подвижнаго состава и т. п., но не слѣдуетъ забывать, что уже оплаченныя объясненнымъ способомъ ссуды переселенцамъ будутъ снова черезъ нѣсколько лѣтъ возмѣщены казнѣ.

При опредѣленіи размѣровъ ассигнованій, потребныхъ для оказанія пособій переселенцамъ, въ первые годы принимались въ разсчетъ лишь тѣ виды ссудъ, которые были установлены общимъ переселенческимъ закономъ 1899 г. и упоминались въ правилахъ 1894 г. Между тѣмъ постепенное развитіе переселенческаго движенія, въ связи съ разселеніемъ переселенцевъ по раіонамъ съ самыми разнообразными естественными условіями (какъ то: въ полосѣ тайги и урмановъ и въ Степномъ краѣ), вызвало уже въ 1897 г. необходимость включенія въ общее количество ассигнованій на предметъ выдачи ссудъ особыхъ кредитовъ, предназначаемыхъ для оказанія переселенцамъ такихъ пособій, которыя хотя и не были предусмотрѣны въ соотвѣтственныхъ узаконеніяхъ, но представляли по своему существу ближайшее сходство съ ссудами общаго типа, будучи лишь приспособлены къ тѣмъ или другимъ мѣстнымъ условіямъ водворенія переселенцевъ.

Подобнаго рода ассигнованія, введенныя въ смѣту расходовъ на вспомогательныя предпріятія Сибирской желѣзной дороги съ осени 1897 г., имѣютъ цѣлью какъ оказаніе переселенцамъ особаго рода денежныхъ пособій, такъ и снабженіе ихъ тѣми или другими необходимыми для ихъ хозяйства предметами, выдаваемыми имъ въ зачетъ причитающихся имъ ссудъ.

Примѣромъ подобнаго рода правительственнаго содѣйствія переселенцамъ можетъ служить производящаяся съ 1898 г. заготовка хлѣба и предметовъ крестьянскаго домообзаводства для продажи ихъ или выдачи въ зачетъ ссуды лицамъ, водворяющимся въ таежныхъ мѣстностяхъ. Цѣлью этой операціи, служащей какъ-бы вспомогательнымъ предпріятіемъ при общей организаціи выдачи ссудъ, является предупрежденіе чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на предметы первой необходимости въ наиболѣе удаленныхъ раіонахъ водворенія переселенцевъ, причемъ предметы эти, заготовляемые лицами, особо назначаемыми мѣстнымъ губернаторомъ, пріобрѣтаются крестьянскими начальниками на средства, ежегодно отпускаемыя имъ авансомъ для выдачи переселенцамъ пособій.

Особый видъ денежныхъ ссудъ, не предусмотрѣнный во временныхъ правилахъ, представляютъ пособія, выдаваемыя за послѣдніе 2—3 года новоселамъ въ видахъ облегченія для нихъ введенія отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, а также для правильной постановки продовольственнаго дѣла въ переселенческихъ поселкахъ. На цѣлесоотвѣтственность подобнаго рода ссудъ было указано между прочимъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Статсъ-Секретаря Куломзина, въ которомъ была признана желательною выдача ссудъ для содѣйствія сельскимъ обществамъ по устройству мельницъ, отсутствіе коихъ въ переселенческихъ поселкахъ обусловливаетъ весьма неблагопріятный для переселенцевъ подъемъ цѣнъ на муку. Въ этомъ отчетѣ было также высказано предположеніе о желательности организовать выдачу пособій для устройства въ переселенческихъ поселкахъ общественныхъ продовольственныхъ магазиновъ. Вопросъ о скорѣйшемъ устройствѣ магазиновъ у переселенцевъ, образовавшихъ самостоятельныя общества, представлялся «дѣломъ неотложнымъ и весьма серьознымъ, въ особенности если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ число переселенцевъ составляетъ до 50% всего населенія, и что хлѣбозапасные магазины въ старожильческихъ обществахъ, откуда въ крайности могъ бы

быть отпущенъ хлѣбъ для новоселовъ, не были-бы въ состояніи удовлетворить все населеніе волости» [1]).

Цѣлесообразность выдачи подобныхъ ссудъ была вполнѣ признана Комитетомъ. При составленіи смѣты расходовъ на вспомогательныя предпріятія Сибирской желѣзной дороги на 1898 г. признано было возможнымъ отпустить, согласно ходатайству Тобольскаго губернатора, до 5.000 руб. на устройство мельницъ въ урманномъ раіонѣ р. Шиша, въ которомъ плата за помолъ достигла весьма значительныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ найдено полезнымъ при выдачѣ подобныхъ ссудъ группѣ или обществу новоселовъ связывать ихъ артельнымъ договоромъ, благодаря которому получалась бы полная обезпеченность въ исправной и своевременной уплатѣ выданныхъ ссудъ. По тѣмъ-же основаніямъ было признано соотвѣтственнымъ ассигновать кредитъ на устройство мельницъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ и въ Иркутскомъ Генералъ - Губернаторствѣ и на слѣдующіе 1899 и 1900 г.г. (46.600 руб.). Съ такимъ же сочувствіемъ Комитетъ отнесся и къ внесенному на обсужденіе его предположенію Переселенческаго Управленія о выдачѣ сельскимъ обществамъ сибирскихъ новоселовъ ссудъ для устройства зернохранилищъ и для образованія продовольственныхъ запасовъ, съ каковою цѣлью на 1899 и 1900 гг. и было ассигновано изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій по 70.000 руб.

Наконецъ, было признано полезнымъ разрѣшить ассигнованіе на 1900 г. средствъ и на другую весьма важную потребность новоселовъ—именно на воспособленіе сельскимъ обществамъ при устройствѣ ими колодцевъ.

Не ограничиваясь детальной разработкой правилъ о денежныхъ пособіяхъ для новоселевъ, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги обратилъ особое вниманіе и на практиковавшееся еще въ началѣ 90-хъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири воспособленіе переселенцамъ натурою, т. е. путемъ снабженія ихъ

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 76—77.

необходимыми предметами хозяйственнаго обихода. Распространеніе такихъ предметовъ въ переселенческихъ поселкахъ, признанное Комитетомъ крайне желательнымъ въ видахъ поднятія среди нихъ земледѣльческой культуры, встрѣчалось однако съ весьма существеннымъ препятствіемъ, а именно—съ крайне недостаточнымъ въ Сибири количествомъ складовъ, гдѣ переселенцы могли бы пріобрѣтать такіе предметы по сравнительно невысокимъ цѣнамъ. Съ цѣлью устраненія такихъ препятствій Комитетомъ въ 1895 г. было отпущены средства въ распоряженіе Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на сооруженіе въ Сибири центральныхъ складовъ сельскохозяйственныхъ орудій и сѣмянъ, и въ распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ на организацію въ волостяхъ филіальныхъ отдѣленій такихъ складовъ, причемъ въ началѣ слѣдующаго года были преподаны и руководящія правила для дѣятельности такихъ складовъ, заключавшіяся въ требованіи, чтобы операціи складовъ сводились лишь къ доставленію новоселамъ наиболѣе необходимыхъ для ихъ хозяйства предметовъ и отнюдь не принимали характера торговыхъ операцій. На отпущенныя средства вышеупомянутыми Министерствами было приступлено къ сооруженію сельскохозяйственныхъ складовъ въ 1896 г., и съ тѣхъ поръ на этотъ предметъ были ежегодно отпускаемы кредиты изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги. Въ 1897 г. было признано соотвѣтственнымъ передать всѣ сооруженные склады, въ видахъ объединенія ихъ дѣятельности, въ вѣдѣніе одного Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, поручивъ непосредственное завѣдываніе складами, находящимися на линіи Сибирской желѣзной дороги, переселенческому чиновнику, командированному на конечный пунктъ этой дороги. Въ связи съ такой реорганизаціей складовъ находится замѣтное развитіе ихъ дѣятельности; къ концу 1899 г. число ихъ вмѣстѣ съ ихъ отдѣленіями возрасло до 24, и сѣть складовъ охватила въ настоящее время весь раіонъ, простирающійся отъ Курганскаго уѣзда Тобольской губерніи на западѣ до Нижнеудинскаго уѣзда Иркут-

ской на востокѣ; такимъ образомъ склады эти обслуживаютъ населеніе всѣхъ важнѣйшихъ земледѣльческихъ районовъ Сибири и Степнаго Генералъ-Губернаторства, за исключеніемъ лишь Алтайскаго округа и крайнихъ сѣверныхъ и южныхъ окраинъ Сибири.

Развитіе складовъ, которые, судя по оборотамъ, должны окупить всѣ расходы по ихъ организаціи, вездѣ идетъ навстрѣчу насущнымъ потребностямъ новоселовъ, ослабляя зависимость послѣднихъ отъ старожилаго населенія, у котораго имъ приходилось пріобрѣтать неудобныя старыя орудія на болѣе или менѣе невыгодныхъ условіяхъ, между тѣмъ какъ въ складахъ орудія эти выдаются новоселамъ въ кредитъ въ зачетъ полагающихся имъ ссудъ на домообзаводство. Объ успѣшной дѣятельности сельскохозяйственныхъ складовъ свидѣтельствуетъ значительное расширеніе ихъ оборотовъ, достигшихъ за 8 мѣсяцевъ 1899 г. 428.000 руб. противъ 211.800 руб. за 1898 г., причемъ за оба эти года количества отпущенныхъ изъ складовъ орудій выразились цифрами: 2122 и 4121 для плуговъ, 3291 и 8197 для сабановъ, 134 и 324 для жатвенныхъ машинъ и 51 и 148 для сѣнокосилокъ. Кромѣ продажи сельскохозяйственныхъ орудій изъ складовъ, было перевезено и продано припасовъ для новоселовъ, водворенныхъ въ Иркутскомъ Генералъ-Губернаторствѣ, свыше 58,000 пудовъ (сѣмянъ, ржи, муки, овса, крупы, соли) за 8 мѣсяцевъ 1898 г. и болѣе 51,000 пудовъ за первое полугодіе 1899 г.

Независимо отъ организаціи на столь прочномъ основаніи снабженія новоселовъ сельскохозяйственными орудіями, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги озаботился возможно болѣе полнымъ удовлетвореніемъ потребности переселенцевъ въ лѣсномъ матеріалѣ, необходимомъ имъ для возведенія построекъ. Съ этою цѣлью еще въ 1893 г. было предоставлено, согласно закону 1889 г., прибывающимъ въ Сибирь переселенцамъ право безплатнаго пользованія лѣсными матеріалами изъ казенныхъ дачъ. Однако пользованіе этою льготою представлялось весьма затруднительнымъ для новоселовъ, водворяв-

шихся въ нѣкоторыхъ степныхъ участкахъ Тобольской губерніи и Акмолинской области, гдѣ лѣса расположены иногда на разстояніи 150—200 и болѣе верстъ; при выдачѣ же, согласно Высочайше утвержденнымъ 5 Іюня 1894 г временнымъ правиламъ, ссуды на пріобрѣтеніе лѣсныхъ матеріаловъ, послѣдняя часто не достигала своей цѣли, такъ какъ новоселы получали отъ частныхъ лицъ лѣсъ за дорогую цѣну и плохаго качества. Для устраненія такихъ невыгодныхъ условій мѣстною администраціею былъ произведенъ опытъ устройства лѣсныхъ складовъ, который затѣмъ былъ признанъ вполнѣ удачнымъ Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ во время посѣщенія Сибири въ 1895 г., вслѣдствіе чего и было предложено мѣстнымъ чинамъ лѣснаго вѣдомства выяснить условія хозяйственной заготовки изъ казенныхъ дачъ для устройства цѣлаго ряда подобныхъ складовъ съ цѣлью отпуска лѣсныхъ матеріаловъ новоселамъ. Составленныя по этому вопросу предположенія были вполнѣ одобрены Высочайше утвержденнымъ, 15 Марта 1896 г., положеніемъ Комитета, которымъ было предоставлено Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на ассигнованные въ его распоряженіе 45.000 р. приступить къ хозяйственной заготовкѣ лѣса въ казенныхъ дачахъ Тобольской и Томской губерній и къ устройству въ этихъ мѣстностяхъ складовъ для продажи лѣсныхъ матеріаловъ нуждающимся переселенцамъ по заготовительной цѣнѣ. Въ слѣдующемъ 1897 г. былъ подробно разсмотрѣнъ вопросъ объ организаціи и дѣятельности этихъ складовъ, причемъ было признано наиболѣе правильнымъ раздѣленіе завѣдыванія складами между лѣсничими и чиновниками по крестьянскимъ дѣламъ. На первыхъ были возложены исключительно техническія части дѣла, а именно—заготовка и доставка лѣса въ склады и продажа за наличныя деньги, а на вторыхъ дальнѣйшія операціи складовъ, какъ то: опредѣленіе количества лѣса, необходимаго для выдачи переселенцамъ, самая выдача лѣса въ ссуду и т. п.

На этихъ началахъ лѣсные склады функціонировали въ теченіе 1897—1899 г.г., съ конца же 1899 г. общее руководство дѣятельностью ихъ передано Переселенческому Управленію, причемъ на обязанности чиновъ лѣснаго вѣдомства остались исключительно заготовка лѣса и его сплавъ, а всѣ операціи по сухопутной перевозкѣ лѣсныхъ матеріаловъ и выдачѣ послѣднихъ въ ссуду новоселамъ отнесены къ числу функцій крестьянскихъ начальниковъ и чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ. Въ видахъ ускоренія доставки лѣсныхъ матеріаловъ изъ складовъ въ поселки, наиболѣе въ нихъ нуждающіеся, предоставлено Иркутскому и Степному Генералъ-Губернаторамъ, а также губернаторамъ Тобольскому и Томскому, право дополнять отпускаемый крестьянскимъ начальникамъ для выдачи ссудъ авансъ въ 3.000 руб. особымъ авансомъ до 2.000 руб., съ обращеніемъ послѣдняго въ видѣ оборотныхъ средствъ на расходы по перевозкѣ лѣса.

Операціи лѣсныхъ складовъ, сооруженныхъ въ числѣ около 10 постоянныхъ и почти столькихъ-же временныхъ на кредиты, отпущенные изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій, въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ Степномъ Генералъ-Губернаторствѣ, имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ устройства водворенныхъ переселенцевъ, уменьшая для нихъ потребность въ наличныхъ деньгахъ при домообзаведеніи и въ то же время избавляя многихъ изъ новоселовъ отъ необходимости проживать первое время по водвореніи въ землянкахъ, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ для ихъ здоровья. Кромѣ удовлетворенія непосредственной потребности новоселовъ въ лѣсныхъ матеріалахъ для сооруженія жилищъ нѣкоторыми складами въ 1898—1899 г.г. были отпущены матеріалы и для другихъ построекъ въ переселенческихъ поселкахъ, какъ то: на сооруженіе церквей, на устройство колодцевъ, на постройку переселенческаго пункта (при ст. Петропавловскъ) и т. п.

Озабочиваясь оказаніемъ новоселамъ матеріальнаго содѣй-

ствія въ наиболѣе тяжкое для нихъ первое время по водвореніи ихъ, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги принималъ въ то же время и рядъ мѣръ, направленныхъ къ общему упорядоченію условій хозяйства крестьянъ-переселенцевъ и, въ частности, къ предупрежденію хищнической эксплоатаціи ими естественныхъ богатствъ страны. Въ послѣднемъ отношеніи особенно обратила на себя вниманіе неразсчетливая вырубка новоселами лѣсовъ, входящихъ въ составъ ихъ земель. На крайнее распространеніе лѣсоистребленія въ Сибири было указано, между прочимъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Статсъ-Секретаря Куломзина, по свидѣтельству котораго вредное вліяніе неумѣлаго обращенія сибирскаго населенія съ лѣсными богатствами уже приводило къ необходимости въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (въ Юдинской волости Каинскаго уѣзда Томской губерніи) переходить отъ деревянной стройки къ земляной. Опредѣливъ главную причину истребленія лѣсовъ, заключавшуюся въ господствующемъ понынѣ въ Сибири вольномъ пользованіи лѣсомъ, Управляющій дѣлами Комитета дороги высказалъ убѣжденіе, что болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ раціональнаго лѣсоводства представлялось бы «пользованіе, ограниченное надлежащими лѣсоохрательными приговорами». Указавъ далѣе на то, что подобнаго рода общественные приговоры послужили бы могущественнымъ средствомъ для воспитанія въ населеніи переселенческихъ поселковъ сознанія необходимости сбереженія лѣсовъ, Статсъ-Секретарь Куломзинъ считалъ необходимымъ установить, въ особенности на первое время, фактическій надзоръ за исполненіемъ крестьянами принятыхъ на себя для общей пользы обязательствъ [1]).

При разсмотрѣніи этого отчета было принято во вниманіе, что крайне вредныя сами по себѣ послѣдствія лѣсоистребленія въ Сибири окажутся особенно чувствительными для новоселовъ Акмолинской области, гдѣ вырубка

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 94—95.

небольшихъ остатковъ лѣсовъ поставила бы населеніе въ безвыходное положеніе въ отношеніи полученія древеснаго матеріала, необходимаго для построекъ и для топлива, а равно и оказала бы немалое вліяніе на ухудшеніе условій веденія земледѣльческаго хозяйства. Въ этихъ видахъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено принять мѣры къ распространенію среди мѣстнаго населенія Сибири и Степнаго края лѣсоохранительныхъ приговоровъ, который и предложилъ начальникамъ сибирскихъ губерній и Степнаго края имѣть особый надзоръ за тѣмъ, чтобы мѣстными учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ было оказываемо населенію полное содѣйствіе при всякомъ проявленіи съ его стороны стремленія къ урегулированію лѣснаго хозяйства [1]). О постепенномъ распространеніи среди сибирскаго населенія сознанія необходимости бережно относиться къ лѣсу было засвидѣтельствовано Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ при его поѣздкѣ въ Сибирь въ 1898 г., во всеподданнѣйшемъ докладѣ котораго было указано, что «если по прежнему продолжаются пусканіе паловъ и огромные лѣсные пожары, являющіеся послѣдствіемъ небрежнаго обращенія съ огнемъ, поглощаютъ массы лѣса, то существуютъ и факты другаго рода: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне сами начали отдѣлять часть находящихся въ ихъ пользованіи дачъ въ заказники по общественнымъ приговорамъ, сами установили опредѣленные обороты рубки и отвели лѣсосѣки, сами выбрали особыхъ лѣсниковъ для охраны лѣса и пр.».[2])

Въ дальнѣйшихъ заботахъ объ успѣшномъ устройствѣ новоселовъ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги было обращено особое вниманіе и на необходимость улучшенія общихъ условій существованія новоселовъ. Въ этомъ отношеніи необходимо прежде всего упомянуть о неудовлетворитель-

[1]) Циркуляры Министра Внутреннихъ Дѣлъ по Земскому Отдѣлу 1897 г. № $^{4594}/_{4595}$ и 1898 г. №№ $^{945}/_{946}$ и $^{1005}/_{1006}$.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ Министра Земледѣлія и Госуд. Имущ. по поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1898 г. стр. 37.

ной постановкѣ врачебнаго дѣла, существовавшей въ Сибири, вслѣдствіе которой населеніе даже при острыхъ заболѣваніяхъ оставалось безъ медицинской помощи, между тѣмъ какъ отсутствіе локализаціонныхъ мѣръ вызывало широкое распространеніе инфекціонныхъ болѣзней [1]). Въ видахъ устраненія этихъ крайне неблагопріятныхъ для новоселовъ обстоятельствъ, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги предоставилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ озаботиться надлежащей постановкой врачебнаго дѣла въ губерніяхъ и областяхъ Сибири, благодаря чему нынѣ повсюду въ Сибири увеличенъ контингентъ врачебнаго персонала, а равно и вообще усилены средства по врачебной помощи населенію. Затѣмъ Комитетъ не встрѣтилъ препятствій къ отпуску кредитовъ на покрытіе расходовъ, вызванныхъ командированіемъ въ Сибирь партій Краснаго Креста для борьбы съ эпидеміей тифа въ нѣкоторыхъ вновь возникшихъ переселенческихъ поселкахъ, а равно и организацію глазной помощи вдоль линіи желѣзной дороги.

Въ связи съ улучшеніемъ врачебнаго дѣла въ Сибири, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги озаботился также предупрежденіемъ гибельнаго для благосостоянія новоселовъ вліянія недородовъ хлѣбовъ. Для достиженія этой цѣли Комитетъ, распространивъ дѣйствіе продовольственнаго устава (Св. Зак. Т. XIII, изд. 1892 г.) на осѣдлое населеніе Степныхъ областей, предоставилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ войти, въ установленномъ порядкѣ, съ представленіемъ объ образованіи въ этихъ областяхъ продовольственныхъ капиталовъ, а также рекомендовалъ озаботиться устройствомъ въ переселенческихъ поселкахъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ; какъ уже было указано выше, сельскимъ обществамъ новоселовъ для сооруженія этихъ магазиновъ выдаются нынѣ особыя ссуды.

Изъ другихъ попеченій Комитета объ устройствѣ новосе-

---

1) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 97.

ловъ слѣдуетъ отмѣтить заботы о распространеніи въ ихъ поселкахъ огнеупорныхъ построекъ и введеніе въ Степномъ краѣ «Положенія о взаимномъ губернскомъ страхованіи», примѣнительно къ порядку, дѣйствующему въ губерніяхъ Тобольской, Томской и Енисейской.

Не ограничиваясь оказаніемъ содѣйствія успѣшному устройству новоселовъ въ Сибири, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги озаботился и удовлетвореніемъ наиболѣе насущныхъ духовныхъ потребностей новоселовъ, или, другими словами, содѣйствіемъ къ устройству въ вновь возникающихъ въ Сибири поселкахъ церквей и школъ. Необходимость подобнаго рода содѣйствія новоселамъ сознавалась уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Его Императорское Величество, благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ при проѣздѣ Своемъ въ 1891 г., въ бытность Наслѣдникомъ Престола, черезъ Сибирь обратилъ вниманіе на крайнюю малочисленность церквей на пути своего слѣдованія отъ Владивостока до Уральска. По назначеніи, въ началѣ 1893 г., Предсѣдателемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было вспомнить о лично имъ видѣнной нуждѣ Сибири въ церквахъ и въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Комитета Его Высочествомъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости сооруженія храмовъ въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги. Первоначально было предположено строить церкви на станціяхъ желѣзной дороги на остатки отъ суммъ, назначенныхъ для ея сооруженія; намѣреніе это по различнымъ причинамъ не могло быть осуществлено, въ виду чего покрытіе расходовъ по возведенію храмовъ было отнесено къ другому источнику. Затѣмъ по высокому почину Августѣйшаго Предсѣдателя Комитета Сибирской желѣзной дороги и съ соизволенія въ Бозѣ почившаго Императора Александра III при Канцеляріи Комитета Министровъ былъ открытъ пріемъ пожертвованій на образованіе капитала, которому, по кончинѣ Царя Миротворца, было дано названіе фонда Имени Императора Александра III для постройки

въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги церквей и школъ. Притокъ такихъ пожертвованій какъ денежными средствами, такъ и предметами церковнаго обихода начался съ Апрѣля 1894 г. (съ перваго пожертвованія о. Іоанна Ильича Сергіева Кронштадтскаго) и доставилъ по 1 Января настоящаго 1900 года весьма значительную сумму въ 1.211.176 р. Завѣдываніе этимъ фондомъ возложено на подготовительную при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисію, причемъ расходованіе суммъ фонда подчинено ревизіонному надзору Государственнаго Контроля.

На средства, собранныя пожертвованіями въ фондъ, (который былъ также усиленъ переведенными въ него въ 1896—1899 г.г. изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской дороги 100.000 р.) до настоящаго времени была предпринята постройка 166 церквей, изъ нихъ 73 уже освящено, а также приступлено къ сооруженію 106 школъ, изъ которыхъ 33 еще находятся въ постройкѣ. Крайне важное въ обще-государственномъ и культурномъ отношеніи значеніе этихъ сооруженій было засвидѣтельствовано въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Статсъ-Секретаря Куломзина, указывавшаго на весьма неблагопріятныя условія, въ которыхъ находятся въ Сибири переселенцы, привыкшіе на родинѣ къ близкому общенію съ церковью и легко могущіе подъ вліяніемъ мѣстной обстановки сдѣлать шагъ назадъ въ своемъ духовномъ развитіи [1]).

Начавшись постройкой церквей и при нихъ школъ и причтовыхъ домовъ преимущественно при главнѣйшихъ станціяхъ Сибирской желѣзной дороги, гдѣ въ такихъ сооруженіяхъ ощущалась особенная потребность какъ переселенцами окрестныхъ поселковъ, такъ и болѣе или менѣе многочисленными рабочими, служащими на означенныхъ станціяхъ, церковное и школьное строительство быстро распространилось по всему раіону Сибирской желѣзной дороги, охвативъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 125.

и такія мѣстности, какъ Забайкальская область, гдѣ еще не наблюдается притока переселенцевъ и гдѣ возведеніе церквей и школъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, поддержаніе и распространеніе православія и русской культуры среди языческаго инородческаго населенія (бурятъ и тунгусовъ). По отдѣльнымъ губерніямъ число предпринятыхъ на средства фонда Имени Императора Александра III церквей достигаетъ нынѣ слѣдующихъ цифръ: въ Тобольской губерніи окончены и освящены 17 церквей и строится 12; въ Томской губерніи освящены 13 и строится 17; въ Енисейской—изъ 9 церквей освящена 1; въ Забайкальской области—сооружены 8 церквей и освящена 1; въ Амурской области освящена 1 церковь и приступлено къ постройкѣ еще одной и въ Приморской области освящено 8 церквей и строится 10. Наибольшаго же развитія дѣло церковнаго строительства достигло въ Акмолинской области, гдѣ, благодаря весьма усердному содѣйствію переселенцевъ личнымъ трудомъ и денежными пожертвованіями, построено 19 церквей, и сооружается 22; онѣ, кромѣ 3, почти всѣ или готовы, или близки къ окончанію. Затѣмъ при станціяхъ Западно-Сибирской желѣзной дороги освящено 6 церквей и строится 1, на Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ освящено 9 и строится 1 храмъ, на Забайкальской дорогѣ и соединительной вѣткѣ между этою дорогою и Восточно-Китайскою—освящена 1 церковь и сооружается 7, и на Уссурійской желѣзной дорогѣ освящена 1 и находятся въ постройкѣ 3 церкви.

Успѣшному ходу предпринятыхъ сооруженій и снабженію церквей предметами церковнаго почитанія и обихода въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ то вниманіе и живой интересъ, съ которыми относится къ нуждамъ церковнаго и школьнаго строительства въ Сибири Августѣйшій Предсѣдатель Комитета Сибирской желѣзной дороги. Его Величество, пожаловавшій для сибирскихъ церквей серебро на утварь и матеріи на облаченія и кромѣ того, повелѣвшій отпустить изъ артиллерійскихъ складовъ около 20,000 пуд. мѣди латуни, изъ которой было отлито 93 звона колоколовъ, неоднократно выражалъ

свое вниманіе къ дѣлу просвѣщенія сибирскихъ новоселовъ въ Высочайшихъ отмѣткахъ по сему вопросу. Такъ, напримѣръ, на всеподданнѣйшемъ рапортѣ о состояніи Томской губерніи за 1895 г. противъ упоминанія о недостаткѣ въ церквахъ и школахъ для переселенческихъ селеній Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: «*Вопросъ о постройкѣ церквей въ Сибири, въ особенности въ новыхъ поселкахъ, очень близокъ моему сердцу*».

Затѣмъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Статсъ-Секретаря Куломзина о поступившихъ зимою 1897 г. крупныхъ пожертвованіяхъ въ фондъ Имени Императора Александра III и о приступѣ къ сооруженію новыхъ 20 храмовъ Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать: «*Искренно радуюсь столь обильнымъ пожертвованіямъ на святое дѣло сооруженія церквей и при нихъ школъ въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги. Надѣюсь на скорое совершеніе предпринятыхъ построекъ*». Въ 1898 г. на всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Акмолинской области за 1896 г. противъ объясненія о ходѣ сооруженія церквей и школъ въ переселенческихъ поселкахъ области послѣдовала Собственноручная Высочайшая отмѣтка: «*Желаю, чтобы при каждой церкви была школа. Обращаю на это вниманіе Статсъ-Секретаря Куломзина*». Наконецъ, на представленномъ на благовоззрѣніе Государя Императора въ 1899 г. Управляющимъ дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги отчетѣ о положеніи церковнаго и школьнаго строительства въ раіонѣ дороги, Его Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: «*Сердечное спасибо всѣмъ ревнителямъ этого дорогаго Мнѣ дѣла. Да развивается оно съ помощью Всевышняго!*».

Въ непосредственной зависимости отъ многократно выказаннаго Государемъ Императоромъ сочувственнаго отношенія къ церковному и школьному строительству въ Сибири находится и содѣйствіе, оказываемое этому дѣлу органами центральнаго управленія, выражающееся, напримѣръ, въ введеніи Министерствомъ Финансовъ льготнаго тарифа для безплатной перевозки

строительныхъ матеріаловъ, а также и вещей церковнаго почитанія и обихода, для сооружаемыхъ въ Сибири церквей и школъ, и въ отпускѣ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ лѣса изъ казенныхъ дачъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло церковнаго и школьнаго строительства встрѣчаетъ живѣйшее сочувствіе и со стороны крестьянъ—новоселовъ, участвующихъ въ немъ личнымъ трудомъ по доставкѣ строительныхъ матеріаловъ, а иногда и сборомъ части денежныхъ суммъ, потребныхъ для работъ. Общее руководство ходомъ сооруженія церквей и школъ ввѣрено попеченіямъ начальниковъ сибирскихъ губерній и областей, непосредственное-же наблюденіе за постройкою отдѣльныхъ зданій принадлежитъ въ переселенческихъ поселкахъ—крестьянскимъ начальникамъ, а на станціяхъ желѣзнодорожнымъ—инженерамъ строителямъ отдѣльныхъ частей Сибирскаго пути, а также завѣдывающимъ эксплоатаціею уже открытыхъ для движенія участковъ этого пути. Благодаря заботливому отношенію всѣхъ этихъ лицъ къ постройкамъ, оконченныя уже церкви вышли весьма удачными, и представляютъ собою небольшіе, но красивые деревянные храмы, вполнѣ достаточные, чтобы удовлетворять духовныя нужды населенія тѣхъ поселковъ, гдѣ они сооружены, а иногда также и другихъ, наиболѣе близко расположенныхъ, селеній. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда какой либо поселокъ представляется особенно оживленнымъ центромъ скопленія новоселовъ, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой поселокъ расположенъ въ совершенно безлѣсной мѣстности—предпринимается сооруженіе каменнаго храма; число такихъ уже сооруженныхъ храмовъ достигаетъ 6, а строящихся—11. Изъ этихъ церквей наиболѣе величественною по размѣрамъ и по внутреннему убранству является храмъ, освященный въ Декабрѣ 1899 года, во имя Св. Александра Невскаго въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ близъ станціи Обь Средне-Сибирской желѣзной дороги. На сооруженіе этого храма было отпущено изъ фонда Имени Императора Александра III, въ память котораго и сооружена эта церковь, до 47.000 рублей,

а на устройство иконостаса Государемъ Императоромъ было Всемилостивѣйше пожертвовано изъ суммъ Кабинета Его Величества 6.500 рублей. Изъ другихъ каменныхъ церквей, сооруженныхъ въ Сибири на средства фонда Имени Императора Александра III, слѣдуетъ отмѣтить храмъ при станціи Петропавловскъ Западно-Сибирской желѣзной дороги, постройка котораго обошлась до 50.000 рублей; освященіе этого храма послѣдовало 18 Марта 1900 года.

Значеніе дѣла церковнаго и школьнаго строительства въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги не ограничивается лишь непосредственнымъ удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей новоселовъ въ духовномъ просвѣщеніи; оно заключается также и въ поддержаніи столь важнаго, съ точки зрѣнія обще-государственныхъ интересовъ, культурнаго единства сибирскихъ переселенцевъ съ оставленной ими родиной, а также въ предупрежденіи нежелательнаго воздѣйствія на новоселовъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ качествъ присущихъ кореннымъ сибирякамъ и выражающихся въ подмѣченномъ различными изслѣдователями сибирской жизни преобладаніи въ характерѣ сибиряковъ чисто матеріальныхъ интересовъ надъ духовными и, въ особенности, въ индифферентномъ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ [1]).

Кромѣ попеченія о возможно болѣе полномъ удовлетвореніи общихъ потребностей сибирскихъ переселенцевъ въ духовно-нравственномъ просвѣщеніи, за послѣдніе годы были приняты въ томъ же направленіи и мѣры болѣе частнаго характера, заключающіяся въ организаціи библіотекъ для чтенія при главнѣйшихъ станціяхъ Сибирскаго рельсоваго пути, продажѣ на нихъ, а равно и въ волостныхъ правленіяхъ книгъ для народнаго чтенія, въ устройствѣ при нѣкоторыхъ школахъ чтеній съ туманными картинами и т. п.

Если такимъ образомъ правительственное содѣйствіе новоселамъ въ удовлетвореніи ихъ религіозныхъ и культурныхъ

---

[1]) Ср. Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 123.

потребностей должно быть признано организованнымъ на вполнѣ прочномъ основаніи, то за послѣдніе годы Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги было обращено особое вниманіе и на другую весьма важную сторону переселенческаго дѣла, именно, на оказаніе нуждающимся новоселамъ благотворительной помощи въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по закону, не могутъ разсчитывать на полученіе казенныхъ пособій. Необходимость подачи переселенцамъ подобной помощи была засвидѣтельствована Статсъ-Секретаремъ Куломзинымъ во время его поѣздки въ Сибирь въ 1896 году. Прійдя къ убѣжденію о цѣлесообразности образованія путемъ частныхъ пожертвованій особаго благотворительнаго фонда на подобіе уже существовавшаго церковно-строительнаго капитала, Управляющій дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги находилъ, что изъ проектируемаго имъ фонда могли-бы производиться выдачи для оказанія новоселамъ пособій въ несчастныхъ случаяхъ мѣстнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ заслуживающимъ довѣрія лицамъ, напримѣръ чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ. Фондъ былъ образованъ въ силу Высочайше утвержденнаго, 12 Апрѣля 1897 г., положенія Комитета Сибирской желѣзной дороги, и къ началу 1900 г. размѣръ его достигъ суммы свыше 75.000 рублей, около половины которой образовалось изъ пожертвованій частныхъ лицъ.

Для успѣшнаго распредѣленія отпускаемыхъ изъ фонда суммъ на мѣстахъ, въ 1898 г. были образованы особые благотворительные комитеты въ городахъ Томскѣ, Омскѣ и Тобольскѣ, подъ предсѣдательствомъ супругъ мѣстныхъ губернаторовъ; кромѣ этихъ трехъ комитетовъ, былъ образованъ еще одинъ благотворительный Комитетъ въ г. Омскѣ подъ предсѣдательствомъ чиновника особыхъ порученій при Переселенческомъ Управленіи Станкевича. Особенно успѣшно дѣйствуетъ Томскій комитетъ, которому удалось значительно увеличить полученныя изъ благотворительнаго фонда оборотныя средства (1.000 руб.) пожертвованіями, собранными на мѣстѣ.

Въ 1898 г. для поданія помощи пострадавшимъ отъ неу-

рожая новоселамъ были образованы еще 3 комитета—на станціяхъ Татарской, Ольгинѣ и Канскѣ. Въ распоряженіе этихъ комитетовъ было отпущено 13.000 руб., предназначенныхъ для борьбы съ появившейся среди переселенцевъ цынготной эпидеміей. Въ виду успѣшной въ этомъ отношеніи дѣятельности комитетовъ, оказалось возможнымъ, по прекращеніи эпидеміи, обратить часть указанной суммы на облегченіе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ и духовныхъ потребностей новоселовъ, какъ-то на оказаніе помощи нѣсколькимъ школамъ грамоты Канскаго уѣзда и на выдачу пособій и покупку рабочаго скота для бѣднѣйшихъ изъ переселенцевъ Тобольской, Томской и Енисейской губерніи и т. п. Въ заботахъ объ оказаніи благотворительной помощи новоселамъ не были забыты и сироты переселенцевъ, для призрѣнія которыхъ изъ фонда были отпускаемы средства на дѣтскіе пріюты, существовавшіе до образованія фонда въ городахъ Омскѣ и Томскѣ; подобный же пріютъ былъ основанъ на средства фонда и въ г. Красноярскѣ. Изъ другихъ полезныхъ дѣлъ, осуществленныхъ на средства благотворительнаго фонда, слѣдуетъ отмѣтить выдачу отдѣльнымъ переселенцамъ пособія для обсѣмененія полей, помощь, оказываемую погорѣльцамъ, и т. д.; наконецъ, на средства, отпущенныя изъ этого фонда въ послѣднее время былъ организованъ помянутый уже выше летучій медицинскій отрядъ для леченія глазныхъ болѣзней въ переселенческихъ поселкахъ.

Въ дополненіе къ сказанному выше о мѣропріятіяхъ послѣдняго времени, направленныхъ къ удовлетворенію духовныхъ потребностей новоселовъ, должно указать еще на одну мѣру, принятую въ силу Высочайше утвержденнаго, 18 Марта 1895 года, положенія Комитета Сибирской желѣзной дороги и имѣвшую въ виду облегчить для новоселовъ сношенія съ ихъ бывшими односельчанами въ Европейской Россіи. Для достиженія этой цѣли Комитетомъ были отпущены средства на устройство пунктовъ по пріему и выдачѣ почтовой корреспонденціи на отдѣльныхъ станціяхъ Сибирской желѣзной дороги и

въ волостныхъ правленіяхъ, находящихся въ раіонѣ ея; вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетомъ были утверждены и составленныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ упрощенныя основанія для производства почтовыхъ операцій.

Всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о водвореніи переселенцевъ на казенныхъ земляхъ западной и средней Сибири показываютъ ту перемѣну, которая произошла въ этомъ дѣлѣ со времени учрежденія Комитета Сибирской желѣзной дороги, принявшаго цѣлый рядъ систематически проведенныхъ мѣръ съ цѣлью правильнаго разселенія переселенцевъ по Сибирской территоріи, а равно и для оказанія имъ возможнаго содѣйствія въ той борьбѣ, которую имъ приходится выдерживать въ первые годы по водвореніи съ тѣми или другими неблагопріятными мѣстными условіями. Вліяніе всѣхъ указанныхъ мѣропріятій Комитета уже успѣло высказаться съ достаточной опредѣленностью и можетъ быть выяснено изъ собраннаго за послѣдніе годы статистическаго матеріала. Прежде, чѣмъ перейти къ обозрѣнію этого матеріала, надлежитъ однако разсмотрѣть общій ходъ колонизаціи тѣхъ двухъ раіоновъ Сибири, а именно, восточной ея окраины—Амурской и Приморской областей (въ южной ея части) и принадлежащаго Кабинету Его Величества Алтайскаго округа Томской губерніи, заселеніе которыхъ, какъ уже было сказано выше, происходитъ на основаніи особыхъ узаконеній.

Что касается остальныхъ частей восточной Сибири, т. е. Забайкальской и Якутской областей и сѣверной части Приморской области, то эти мѣстности не представляютъ интереса въ колонизаціонномъ отношеніи. Хотя первая изъ этихъ областей—Забайкальская и характеризуется вполнѣ благопріятными, въ ея южной части, условіями для развитія земледѣльческой колонизаціи, но пока она не могла служить раіономъ для водворенія выходцевъ изъ Европейской Россіи, вслѣдствіе неурегулированнаго землепользованія отдѣльныхъ группъ ея населенія (русскихъ: крестьянъ и казаковъ и инородцевъ: бурятъ и тунгусовъ) и отсутствія, въ виду этого, достаточнаго количе-

ства свободныхъ удобныхъ земель, могущихъ быть немедленно отведенными для образованія переселенческихъ участковъ. Наконецъ, вся Якутская область и сѣверная часть Приморской области съ Камчатскимъ полуостровомъ представляются, по своимъ климатическимъ условіямъ, и, въ особенности, вслѣдствіе продолжительныхъ и суровыхъ зимъ, весьма мало благопріятными для развитія земледѣльческой культуры и потому и не могутъ привлекать къ себѣ переселенцевъ изъ Европейской Россіи.

Глава VI.

Колонизація казенныхъ земель Приамурскаго Генералъ-Губернаторства.

Заселеніе правительствомъ восточной окраины Сибири — Амурской и Приморской областей, уже со времени присоединенія послѣднихъ къ Россіи, имѣло въ своей основѣ узаконенія нѣсколько инаго характера, чѣмъ правительственная колонизація казенныхъ земель западной до Байкальской Сибири, и своеобразный характеръ отношенія законодателя къ этому вопросу вполнѣ объясняется какъ особенностями географическаго положенія этихъ областей въ связи съ затруднительностью сухопутныхъ съ ними сношеній, такъ и крайнею важностью успѣшной ихъ колонизаціи въ виду соображеній политическаго характера. Указанныя причины и служатъ объясненіемъ того обстоятельства, что законодательство о переселеніяхъ въ эту окраину получило вполнѣ опредѣленный характеръ уже къ началу 60-хъ годовъ, т. е. именно въ то время, когда дѣятельность органовъ центральнаго Управленія по заселенію Западной Сибири почти совершенно прекратилась.

Основаніемъ всего пореформеннаго законодательства о заселеніи восточной окраины Сибири служатъ «Правила для поселенія русскихъ и иностранцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ» составленныя Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири графомъ Муравьевымъ - Амурскимъ и получившія

Высочайшее утвержденіе по журналу Сибирскаго Комитета 26 Марта 1861 г. Узаконеніе это имѣло главною цѣлью привлеченіе въ Амурскій край всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые могли бы содѣйствовать экономическому развитію его и не требовали бы правительственной организаціи самаго переселенія ихъ, неудобства которой уже успѣли выясниться въ концѣ 50-хъ годовъ (ср. выше, стр. 32).

Въ зависимости отъ этого основнаго начала правилами 1861 г. было разрѣшено водвореніе въ Приамурскомъ краѣ «всѣмъ вообще желающимъ какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ», имѣющимъ узаконенныя свидѣтельства на право переселенія по мѣсту ихъ приписки, и могущимъ совершать переселеніе на свой счетъ, безъ всякаго пособія со стороны казны; при этомъ всѣмъ изъявлявшимъ желаніе переселяться въ этотъ край былъ предоставленъ выборъ какъ способа водворенія,—отдѣльными семьями или цѣлыми обществами, такъ и самаго характера ихъ поземельныхъ отношеній,—т. е. пріобрѣтенія земельныхъ участковъ на правѣ пользованія, или же полной собственности [1]); въ первомъ случаѣ отдѣльные переселенцы и общества ихъ имѣли право выкупа своихъ участковъ, съ уплатою по 3 рубля за десятину. Другою особенностью правилъ 1861 г., долженствовавшею дѣйствовать въ качествѣ импульса къ развитію переселенческаго движенія въ Амурскій край, было установленіе максимальной величины семейной доли—въ 100 дес., т. е. въ размѣрѣ, значительно превышавшемъ норму земельнаго обезпеченія государственныхъ крестьянъ, переселяемыхъ въ Сибирь на основаніи «Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ».

---

[1]) Согласно п. п. 7 ж. и 8 ж. Правилъ 1861 г. лицамъ и обществамъ, пріобрѣвшимъ или выкупившимъ въ собственность извѣстные участки, было предоставлено «располагать этими участками, по своему усмотрѣнію, продавать кому пожелаютъ, и иначе распоряжаться на общемъ законномъ основаніи»; въ раіонѣ же «отъ верховья р. Уссури, по ея теченію къ морю» земля предоставлялась переселенческимъ обществамъ въ вѣчное и постоянное пользованіе, безъ права выкупа въ собственность, но лишь съ правомъ продажи участка въ полномъ составѣ другому обществу (7 п. *в*. правилъ).

Наконецъ, въ томъ же направленіи были составлены и статьи правилъ 1861 г., предоставлявшія амурскимъ переселенцамъ весьма широкія льготы при водвореніи, заключавшіяся въ освобожденіи ихъ отъ подушныхъ податей—навсегда, отъ рекрутской повинности—на 10 лѣтъ и отъ платы за пользованіе землею—на 20 лѣтъ. Для водворенія прибывающихъ переселенцевъ правилами 1861 г. поручалось мѣстной администраціи ежегодно образовывать переселенческіе участки и публиковать о нихъ для общаго свѣдѣнія (п. 9 а), каковые участки и надлежало отводить желающимъ «безъ всякаго затрудненія, по ихъ собственному избранію, отдавая всегда преимущество тому, кто первый изъявитъ желаніе пріобрѣсти въ пользованіе или собственность». (п. 9 г), Независимо отъ этихъ правилъ объ отводѣ земель переселенцамъ, законъ 1861 г. содержалъ и правила о припискѣ на льготныхъ условіяхъ къ городамъ Амурской и Приморской областей (Благовѣщенску, Николаевску и Софійску и другимъ, имѣвшимъ возникнуть послѣ 1861 г.); льготы эти заключались въ освобожденіи отъ представленія увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ прежнихъ обществъ, отъ платежа по новому мѣсту жительства всякихъ пошлинъ, государственныхъ повинностей, отъ военнаго постоя въ теченіе 10 лѣтъ послѣ утвержденія правилъ, и отъ поставки рекрутъ на 10 наборовъ [1]).

Такимъ образомъ, главными особенностями этихъ правилъ, въ сравненіи съ дѣйствовавшими еще въ то время общими узаконеніями о переселеніи государственныхъ крестьянъ, являлось отсутствіе выдачи матеріальныхъ пособій со стороны правительства переселенцамъ какъ во время переселенія, такъ и при водвореніи ихъ, уравновѣшиваемое, однако болѣе выгодными условіями водворенія, а также и предоставленіемъ переселяющимся возможности владѣть значительно бо́льшими участками земли съ правомъ пріобрѣтенія ихъ въ собственность.

---

[1]) Правила о припискѣ къ городамъ были продолжены въ 1871 и 1881 г. и дѣйствовали до 1886 г.

Слухи о предоставленіи подобныхъ льготъ охотникамъ идти на Амуръ распространились очень быстро среди сельскаго населенія Европейской Россіи, и съ Апрѣля 1861 г. до конца того-же года въ Министерство Государственныхъ Имуществъ изъ одной лишь Самарской губерніи поступили прошенія о переселеніи въ этотъ край отъ 3,140 ревизскихъ душъ; подобныя же ходатайства поступали въ Министерство и изъ другихъ мѣстъ и въ особенности изъ губерній: Вятской, Воронежской, Тамбовской и Астраханской. Независимо отъ того, за время съ 1861 г. по 1864 г. губернатору Амурской области было представлено прошеніе отъ довѣренныхъ 7,000 крестьянъ, и аналогичныя ходатайства были направляемы и къ мѣстнымъ губернскимъ властямъ Европейской Россіи.

Между тѣмъ такое стремленіе крестьянъ къ переселенію на Амуръ вызывало на мѣстахъ ихъ выхода, въ особенности же въ многоземельныхъ губерніяхъ, опасенія, что выселенія повлекутъ за собою недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Раздѣляя подобныя опасенія, Министръ Государственныхъ Имуществъ предложилъ губернскимъ палатамъ Государственныхъ Имуществъ не дозволять переселеній на Амуръ изъ многоземельныхъ обществъ, имѣвшихъ въ сложности болѣе 5 десятинъ на душу, и, кромѣ того, требовать отъ желающихъ переселиться удостовѣреній въ томъ, что они имѣютъ достаточныя средства для совершенія всего пути на свой счетъ.

Подобное стремленіе къ переселенію на Амуръ продолжалось приблизительно до 1868 г., когда переселенческое движеніе начало направляться по преимуществу въ Туркестанскій край и въ Оренбургскую губернію, и число амурскихъ переселенцевъ, достигавшее въ первой половинѣ 60-хъ годовъ до 1,000—1,500 человѣкъ въ годъ, начало постепенно уменьшаться. Послѣднее обстоятельство въ значительной степени объяснялось тѣмъ, что многіе изъ переселенцевъ, шедшихъ на Амуръ, должны были за истощеніемъ средствъ отказываться во время пути отъ своего первоначальнаго намѣренія и осѣдать въ болѣе близкихъ мѣстахъ: въ Оренбургской губерніи, въ

Западной Сибири и Енисейской губерніи, въ которой, напр., съ 1874 г. по 1879 г. было водворено до 1,650 человѣкъ, направлявшихся на Амуръ [1]); не смотря на значительное уменьшеніе числа переселенцевъ въ 70-хъ годахъ, они продолжали безостановочно прибывать въ Приамурскій край, разселяясь преимущественно въ раіонѣ притоковъ р.р. Зеи и Буреи. Что касается до долинъ рѣки Амура и его притока съ правой стороны р. Уссури, то эти мѣстности заселялись переселенными правительствомъ, въ числѣ до 14.000 чел., казаками Забайкальскаго войска, къ которымъ были присоединены штрафованные нижніе чины корпуса внутренней стражи, въ числѣ 2500 чел. Поселеніе казаковъ по берегамъ обѣихъ рѣкъ было вызвано какъ соображеніями политическаго характера, именно необходимостью заселить пограничную съ Китаемъ полосу, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что обѣ эти рѣки служили единственными въ то же время путями сообщенія въ краѣ. Изъ этихъ забайкальскихъ казаковъ и нижнихъ чиновъ было основано въ 1861 г. Амурское казачье войско, часть котораго въ свою очередь уже въ 1889 г. была выдѣлена въ самостоятельное войско подъ названіемъ «Уссурійскаго».

Почти одновременно съ началомъ крестьянской колонизаціи Амурской области отдѣльные переселенцы, перешедшіе на Амуръ, направились въ южную окраину Приморской области— Южно-Уссурійскую округу, расположенную къ югу отъ линіи, соединяющей истоки р. Сунгачи съ заливомъ Св. Владиміра. Областная администрація относилась сочувственно къ подобнымъ переходамъ крестьянъ въ эту округу, какъ въ виду обнаружившейся безуспѣшности попытокъ веденія сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ они были первоначально поселены (напримѣръ, на

[1]) Дѣло Архива Государственнаго Совѣта, по Деп. Госуд. Экон. 1882 г., № 144. Представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 22 Марта 1882 г., № 2634.

низовьяхъ р. Амура между г.г. Хабаровскомъ и Николаевскомъ), такъ и вслѣдствіе полнаго отсутствія въ краѣ русскаго населенія, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ воинскихъ командъ, поселенныхъ на берегахъ наиболѣе удобныхъ бухтъ Японскаго моря [1]). Въ 1866 г. для привлеченія переселенцевъ въ Южно-Уссурійскій край были опубликованы въ Амурской области правила о льготахъ, предоставлявшихся переселенцамъ и заключавшихся въ выдачѣ ссудъ до 100 руб. на семью и запаса продовольствія на годъ, и также въ предоставленіи имъ права выбора мѣстъ водворенія. Распоряженіе это вызвало массу прошеній о разрѣшеніи переселеній въ Южно-Уссурійскій край, и въ теченіе 1865—1869 г.г. было водворено до 920 душъ обоего пола близъ оз. Ханка, и въ отдѣльныхъ мѣстахъ по р. Суйфунъ (впадающей въ Амурскій заливъ) и по верхнему теченію р. Уссури. Въ 1868 г. новымъ поселеніямъ причинилъ много вреда набѣгъ китайскихъ выходцевъ—«манзъ», которые перешли границу вслѣдствіе запрещенія хищнической эксплоатаціи золота на островѣ Аскольдѣ и разграбили и сожгли нѣсколько деревень. Для отраженія этого набѣга потребовались совмѣстныя дѣйствія мѣстныхъ войскъ съ вызваннымъ изъ Николаевска и Хабаровска своднымъ батальономъ, и лишь подъ охраною этихъ отрядовъ крестьянамъ удалось вновь обстроиться; съ цѣлью-же охраненія на будущее время крестьянскихъ поселковъ отъ вторженія китайцевъ, по распоряженію мѣстной администраціи, были переселены въ Южно-Уссурійскій край до 400 семей казаковъ съ нижняго теченія р. Уссури.

Эти тревожныя событія не могли однако остановить переселенческаго движенія въ край, и уже въ 1869 г. Приамурскимъ Генералъ-Губернаторомъ было испрошено Высочайшее соизволеніе на переселеніе сюда выходцевъ изъ Забайкалья,

[1]) Одна изъ этихъ командъ положила въ 1860 г. основаніе г. Владивостоку, въ который въ 1871 г. были перенесены изъ г. Николаевска на Амурѣ военный портъ и управленіе главнаго командира портовъ Восточнаго Океана.

водворенныхъ въ 50-хъ годахъ на трактѣ между Аяномъ и Якутскомъ, гдѣ суровыя климатическія условія совершенно не допускали развитія земледѣлія; переселеніе этихъ крестьянъ дало Южно-Уссурійскому краю до 391 души обоего пола [1]).

Въ 70-хъ годахъ приливъ въ этотъ край выходцевъ изъ Европейской Россіи и Амурской области довольно значительно ослабѣлъ, хотя и продолжался безостановочно; ежегодныя цифры переселенцевъ колебались между 12 и 80 душами обоего пола и лишь въ 1872 г. переселилось 211 душъ.

Кромѣ русскихъ переселенцевъ, въ Южно-Уссурійскій край еще съ начала 60-хъ годовъ стали переходить и выходцы изъ Кореи, число которыхъ уже въ 1868 г. превысило 1400 душъ. Мѣстныя власти не встрѣчали препятствій къ водворенію въ краѣ одиночныхъ семей этихъ выходцевъ, видя въ нихъ спокойное рабочее населеніе, и принимали мѣры противъ иммиграціи корейцевъ лишь въ случаяхъ, когда она принимала характеръ массоваго движенія, какъ, напр., въ 1869 г. во время сильнаго неурожая на Корейскомъ полуостровѣ.

Такимъ образомъ, не смотря на нѣкоторыя мѣстныя особенности, колонизація Южно-Уссурійскаго края совершалась въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ на основаніи правилъ 1861 г., дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ всѣхъ заселяемыхъ раіоновъ Амурской и Приморской областей. Между тѣмъ уже въ концѣ 70-хъ годовъ правительство было вынуждено обратить особое вниманіе на скорѣйшее заселеніе южной части Приморской области въ виду начавшихся политическихъ осложненій съ Китаемъ, а также и предпринятой послѣднимъ, въ связи съ этимъ, усиленной колонизаціи пограничной съ Приморской областью полосы Маньчжуріи.

---

[1]) Буссе. Переселенія крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край. 1896, стр. 22 и сл. Крюковъ. Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской области. 1896, стр. 187 и сл.

Въ зависимости отъ такихъ обстоятельствъ правительственныя попеченія о заселеніи Южно-Уссурійскаго края въ 80-хъ годахъ выразились въ изданіи ряда законовъ, вводившихъ совершенно особыя, въ сравненіи съ другими частями Приамурскаго Генералъ-Губернаторства, льготныя условія передвиженія туда переселенцевъ и водворенія ихъ въ этомъ краѣ.

Прежде, нежели перейти къ разсмотрѣнію этихъ узаконеній, изданныхъ спеціально для Уссурійскаго края, надлежитъ изложить общій ходъ основнаго законодательства 80-хъ и 90-хъ годовъ о переселеніи въ Амурскую и Приморскую области, а также и результаты колонизаціи первой изъ названныхъ областей.

Въ 1881 г., передъ истеченіемъ срока дѣйствія правилъ 1861 г., Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ вошелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ о продолженіи дѣйствія этихъ правилъ, мотивируя его какъ «необходимостью привлеченія переселенцевъ, составляющаго для края вопросъ первостепенной важности, такъ и требованіями справедливости въ отношеніи къ тѣмъ переселенцамъ, которые прибудутъ въ край, раньше, чѣмъ сдѣлается извѣстнымъ о прекращеніи льготныхъ правилъ» [1]). Вслѣдствіе такихъ соображеній, дѣйствіе закона 1861 г. относительно характера поземельныхъ правъ русскихъ переселенцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ (въ смыслѣ размѣра надѣла, а также права выкупа участковъ въ собственность), въ силу Высочайше утвержденнаго, 26 Января 1882 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, было продолжено на 10 лѣтъ; независимо отъ этого, приведенное узаконеніе установило и 3-хъ лѣтній льготный срокъ и для исполненій земскихъ повинностей (какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ). Наконецъ, въ видахъ предупрежденія наплыва въ край китайскаго элемента

[1]) Дѣло Архива Государственнаго Совѣта, по Департаменту Законовъ 1881 г. № 69. Представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ, отъ 4 Іюля 1881 г. № 4327.

Государственнымъ Совѣтомъ было признано необходимымъ оговорить въ законѣ 1882 г., что «всѣ вообще льготы, опредѣленныя Высочайше утвержденнымъ, 26 Марта 1861 г. положеніемъ для сельскихъ переселенцевъ, не предоставляются иностранцамъ, водворившимся въ Амурской и Приморской областяхъ послѣ 27 Апрѣля 1881 г.», причемъ отъ Генералъ-Губернатора зависѣло бы распространять такія льготы на этихъ лицъ лишь «въ заслуживающихъ особаго уваженія случаяхъ». Законъ 26 Января 1882 г. подвергся въ 1892 г. пересмотру, при которомъ выдвинулся на первый планъ вопросъ о развитіи въ Амурской и Приморской областяхъ частнаго землевладѣнія, въ виду высказаннаго бывшимъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ мнѣнія о необходимости согласованія этого узаконенія съ правилами общаго переселенческаго закона 1889 г., а также и прекращенія на будущее время отчужденія казенныхъ земель. Высказываясь за отмѣну продажи земель, Статсъ-Секретарь Островскій мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Приамурскомъ краѣ государственныя земли не приведены еще въ извѣстность, почему нельзя даже приблизительно указать тотъ избытокъ сихъ земель, который могъ бы быть обращенъ въ продажу частнымъ лицамъ безъ ущерба будущему заселенію края русскими крестьянами земледѣльцами. Вполнѣ соглашаясь съ этими соображеніями, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о совершенной отмѣнѣ тѣхъ статей правилъ 1861 г., которыми разрѣшалось отчужденіе казенныхъ земель въ частную собственность. При разсмотрѣніи этого представленія въ Государственномъ Совѣтѣ Соединенные Департаменты Законовъ и Государственной Экономіи признали, однако, подобную отмѣну крайне нежелательною въ виду того соображенія, что «продажа участковъ въ собственность переселенцамъ является одною изъ главныхъ мѣръ къ заселенію громадныхъ пустынныхъ пространствъ Амурской и Приамурской областей» и что «возможность обладанія на правѣ полной собственности болѣе

или менѣе значительными участками новинной, невыпаханной земли служитъ главнымъ поощреніемъ для малоземельныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній Имперіи къ оставленію навсегда своей родины и къ сопряженному съ большими издержками переходу на новыя мѣста въ отдаленнѣйшую окраину государства».

Признавая въ виду этого соображенія полезнымъ сохранить за переселенцами право выкупа своихъ надѣловъ въ собственность, Соединенные Департаменты вмѣстѣ съ тѣмъ считали необходимымъ нѣсколько упорядочить переходъ казенныхъ земель къ частнымъ владѣльцамъ въ виду огражденія какъ политическихъ интересовъ, такъ и выгоды казны. Съ этою цѣлью было признано полезнымъ воспретить вовсе продажу земель иностраннымъ подданнымъ; по вопросу же о цѣнѣ отчуждаемыхъ участковъ Государственный Совѣтъ придалъ прежней 3-рублевой платѣ за десятину значеніе низшей предѣльной цѣны, предоставивъ Приамурскому Генералъ-Губернатору ближайшее опредѣленіе ея для каждой мѣстности особо по соображенію съ дѣйствительною стоимостью земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственнымъ Совѣтомъ было признано полезнымъ установить въ законѣ высшій размѣръ продаваемыхъ въ однѣ руки участковъ въ 400 дес., на томъ основаніи, что по удостовѣренію Приамурскаго Генералъ-Губернатора участокъ такой величины «обезпечиваетъ, по мѣстнымъ условіямъ средства къ существованію семьи средняго достатка», продажу же участковъ большаго противъ 400-хъ-десятиннаго размѣра, но во всякомъ случаѣ не свыше 1000 десятинъ, признавалось возможнымъ допустить, «только для надобностей значительныхъ полезныхъ для края, промышленныхъ предпріятій, и притомъ не иначе какъ съ разрѣшенія Генералъ-Губернатора». Всѣ изложенныя заключенія Соединенныхъ Департаментовъ получили силу закона вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго, 18 Іюня 1892 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, согласно которому было съ вышеизложенными измѣненіями также продолжено до 1898 г. дѣйствіе правилъ 1861 г. и 1882 г. о льготахъ переселенцамъ при водвореніи. Изъ приведенныхъ соображеній,

высказанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, выясняется такимъ образомъ, что вопросъ о развитіи частнаго землевладѣнія въ Амурской и Приморской областяхъ ставился этимъ высшимъ учрежденіемъ въ тѣснѣйшую связь съ общимъ вопросомъ о колонизаціи края земледѣльческимъ элементомъ.

Съ своей стороны, Приамурскій Генералъ-Губернаторъ озаботился изданіемъ въ томъ же 1892 г. особыхъ правилъ объ отчужденіи казенныхъ земель въ развитіе закона; въ силу этихъ правилъ право пріобрѣтенія казенныхъ земель въ собственность русскимъ населеніемъ области было поставлено въ зависимость отъ затратъ, предварительно произведенныхъ владѣльцами на обработку земель и долженствующихъ равняться полной стоимости участка меньшаго 100 десятинъ, — двойной стоимости участка отъ 100 до 400 дес. и наконецъ четвертной стоимости участка свыше 400 десятиннаго размѣра.

Дальнѣйшему обсужденію вопросъ объ отчужденіи казенныхъ земель въ Приамурскомъ краѣ подвергся уже въ 1895 г. въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги, высказавшемъ опасеніе, чтобы въ виду скораго завершенія Сибирскаго пути земли Амурскаго края, въ особенности же ближайшія къ желѣзнодорожной линіи, въ предвидѣніи ихъ вздорожанія, не были бы раскуплены частными лицами по низкимъ цѣнамъ. Въ виду этого Комитетъ призналъ необходимымъ «немедленно принять охранительныя мѣры противъ непроизводительной продажи земельнаго достоянія государства». Въ силу такихъ соображеній Высочайше утвержденнымъ 13 Мая 1895 г. положеніемъ Комитета было постановлено: 1) предоставить Министерствамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, по взаимному соглашенію, выработать для представленія въ Государственный Совѣтъ предположенія относительно пересмотра правилъ, касающихся продажи казенныхъ земель въ Амурской и Приморской областяхъ; 2) воспретить вовсе продажу казенныхъ земель въ раіонѣ Уссурійской желѣзной дороги, а равно проектированной Амурской линіи (раіонъ этотъ въ силу Высочайше утвержденнаго

3 Августа 1895 г. доклада Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ былъ опредѣленъ полосой въ 100 верстъ въ каждую сторону отъ желѣзнодорожной линіи) и 3) впредь до окончательнаго пересмотра упомянутыхъ узаконеній допускать продажу прочихъ казенныхъ земель въ предѣлахъ Амурской и Приморской областей лишь съ разрѣшенія Приамурскаго Генералъ-Губернатора.

Во исполненіе этого положенія Комитета Сибирской желѣзной дороги при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ было образовано особое совѣщаніе для обсужденія вопроса о продажѣ вышеозначенныхъ земель. По разсмотрѣніи соображеній, высказанныхъ совѣщаніемъ, Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ согласился съ мнѣніемъ большинства членовъ послѣдняго, признавшихъ, что отчужденіе казенныхъ земель въ Амурской и Приморской областяхъ можетъ быть допущено лишь въ исключительныхъ случаяхъ и для общеполезныхъ цѣлей, причемъ площадь отчуждаемыхъ участковъ не должна превосходить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ 500 десятинъ. Предположенія эти, съ которыми согласился и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, не получили, однако, окончательнаго разрѣшенія за воспослѣдовавшимъ Высочайшимъ повелѣніемъ о выработкѣ, общихъ предположеній по вопросу о насажденіи въ Сибири частнаго землевладѣнія.

Всѣ эти узаконенія представляютъ собою выраженіе общихъ принциповъ, легшихъ въ основаніе правительственной колонизаціи Амурской и Приморской областей въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія. Что же касается до мѣропріятій, относившихся къ болѣе частнымъ вопросамъ правительственнаго содѣйствія переселенцамъ при ихъ водвореніи то онѣ представляютъ нѣкоторыя довольно характерныя особенности для каждаго изъ двухъ главныхъ раіоновъ вселенія, какъ-то: для Амурской области (для южной ея части) и для Южно-Уссурійскаго края, въ виду чего и представляется необходимымъ разсмотрѣть отдѣльно ходъ

колонизаціи каждаго изъ этихъ двухъ раіоновъ, въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ XIX столѣтія.

Первый изъ этихъ раіоновъ вселенія крестьянъ занимаетъ собою обширную и низменную равнину, ограниченную съ юга Амуромъ, съ запада его притокомъ—р. Зеей, съ востока—р. Буреей, другимъ притокомъ р. Амура, и, наконецъ, съ сѣвера—р. Бирмой. Мѣстность эта служила главнымъ пріемникомъ для переселенцевъ, направлявшихся за послѣднее двадцатилѣтіе сухимъ путемъ на восточную окраину Сибири. Достовѣрныя свѣдѣнія о числѣ переселенцевъ, водворившихся въ Амурской области, имѣются съ 1883 г. и указываютъ на довольно сильныя колебанія въ ежегодныхъ цифрахъ переселенцевъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Годъ.	Число переселенческихъ семей.	Годъ.	Число переселенческихъ семей.
1883	205	1892	220
1884	415	1893	300
1885	203	1894	1,028
1886	63	1895	260
1887	255	1896	122
1888	271	1897	96
1889	506	1898	83
1890	31	1899	142
1891	70		

Приведенныя цифры составляютъ лишь немногимъ болѣе половины всего числа переселенцевъ, первоначально направлявшихся на Амуръ. Какъ было обнаружено регистраціею въ Томскѣ, Ачинскѣ и Благовѣщенскѣ, на пути между этими городами за періодъ 1887 — 1896 г.г. терялось до 46 % общаго числа переселенцевъ, шедшихъ на Амуръ. Причина этого явленія заключалась отчасти въ трудности пути черезъ весь Азіатскій материкъ, отчасти же въ представлявшейся для многихъ изъ переселенцевъ возможности съ большею выгодою устроиться на мѣстахъ, лежавшихъ на ихъ

пути, или найти себѣ заработки на линіи Сибирской желѣзной дороги. Наконецъ, нѣкоторыхъ изъ переселенцевъ воздерживали отъ продолженія своего пути и неблагопріятныя вѣсти объ Амурской области, распространяемыя отдѣльными обратными переселенцами.

Большинство изъ амурскихъ переселенцевъ направляется на заранѣе намѣченныя мѣста, выбранныя ходоками или же указанныя въ письмахъ родныхъ и знакомыхъ, уже осѣвшихъ въ области, причемъ всѣ свѣдѣнія, потребныя для выбора мѣстъ, сообщаются въ Благовѣщенскѣ чиновникомъ по переселенческимъ дѣламъ, который ведетъ учетъ свободнымъ долямъ въ ранѣе образованныхъ селеніяхъ. Какъ уже было замѣчено, еще закономъ 1861 г. предполагалось, что переселенцы будутъ разселяемы на имѣвшихъ быть ежегодно образуемыхъ мѣстною администраціею участкахъ; между тѣмъ подобный порядокъ почти вовсе не примѣнялся, и до послѣдняго времени участковъ не было образуемо ни для крестьянскихъ обществъ, ни для отдѣльныхъ семействъ, а область заселялась и продолжаетъ и понынѣ заселяться главнымъ образомъ заимщиками, изъ которыхъ нѣкоторые осѣдаютъ на избранныхъ ими мѣстахъ даже безъ вѣдома администраціи и открываются уже впослѣдствіи мѣстною полиціею или чинами лѣснаго вѣдомства [1]). Когда въ переселенческомъ поселкѣ собиралось не менѣе 15 семействъ, т. е. минимальное количество, установленное закономъ 1861 г. для полученія земли въ общественное пользованіе,—изъ поселка образовывалось новое общество, которое и надѣлялось по расчету ста десятинъ на дворъ; также и осѣдали и устраивались администраціей и отдѣльныя семейства, пріобрѣтавшія не свыше ста десятинъ. Подобный порядокъ водворенія переселенцевъ не вызывалъ особыхъ неудобствъ при сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ вселенія въ область и даже

---

[1]) Отчетъ о положеніи переселенческаго дѣла въ Амурской области чиновника особыхъ порученій Переселенческаго Управленія надворнаго совѣтника Кигна, 1897, стр. 35, 16 и др.

отличался нѣкоторыми выгодными сторонами, предоставляя переселенцамъ полную свободу выбора мѣстъ водворенія. Между тѣмъ возможность возникновенія нежелательныхъ осложненій въ дѣлѣ устройства переселенцевъ при возрастаніи числа послѣднихъ побудила администрацію уже съ 1894 г. принять мѣры, къ заблаговременному заготовленію участковъ, въ виду чего уже съ 1894 г. въ Амурскую область ежегодно командировался одинъ изъ землемѣровъ бывшаго Южно-Уссурійскаго переселенческаго управнія для осмотра мѣстъ удобныхъ для заселенія и для образованія переселенческихъ участковъ [1]).

Кромѣ этихъ мѣръ, правительствомъ въ послѣдніе годы было обращено особое вниманіе и на оказаніе амурскимъ переселенцамъ денежныхъ пособій при ихъ водвореніи. Въ 80-хъ годахъ и въ первой половинѣ 90-хъ годовъ подобныя пособія выдавались въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ въ весьма небольшихъ размѣрахъ изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи Приамурскаго Генералъ - Губернатора. Между тѣмъ въ 1896 г. Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги, при пересмотрѣ временныхъ правилъ 1894 г. о выдаваемыхъ переселенцамъ ссудахъ, было признано желательнымъ распространить эти правила, дѣйствовавшія въ то время лишь въ предѣлахъ западной и средней Сибири, и на Приамурское Генералъ - Губернаторство, кромѣ Южно - Уссурійскаго края, для котораго были выработаны совершенно особыя узаконенія.

Мотивомъ для подобнаго воззрѣнія послужило соображеніе, что въ виду быстраго хода сооруженія Сибирской желѣзной дороги средній имущественный цензъ переселяющихся, несомнѣнно, понизится въ связи съ усиленіемъ переселенческаго

---

[1]) Общее количество образованныхъ этимъ путемъ участковъ доходило къ 1897 г. до 7, которые были разсчитаны на поселеніе 420 дворовъ (Отчетъ надворнаго совѣтника Кигна, стр. 36).

движенія, соотвѣтственно чему должна возрасти и потребность новоселовъ въ матеріальномъ содѣйствіи со стороны правительства. При этомъ найдено необходимымъ даже увеличить до 150 руб. размѣръ пособій, выдаваемыхъ амурскимъ переселенцамъ, изъ коихъ до 75 руб. было признано возможнымъ выдавать имъ въ зачетъ этой суммы еще при слѣдованіи въ область — при оставленіи желѣзной дороги, для пріобрѣтенія перевозочныхъ средствъ.

Выдача ссудъ на основаніи этихъ началъ амурскимъ переселенцамъ началась въ 1897 г., когда среди послѣднихъ распространились слухи о новомъ законѣ, вызвавшіе массу прошеній о пособіяхъ. Ходатайства новоселовъ разсматриваются военнымъ губернаторомъ Амурской области, по выясненіи степени нужды просителей переселенческимъ чиновникомъ или волостнымъ правленіемъ по требованію послѣдняго.

Независимо отъ денежныхъ пособій, новоселамъ еще съ 1889 года производится безплатный отпускъ казенныхъ лѣсныхъ матеріаловъ; операціи эти приняли за послѣдніе годы довольно широкіе размѣры въ сравненіи съ общимъ числомъ амурскихъ переселенцевъ, и выразились, напримѣръ, въ выдачѣ областнымъ лѣсничимъ за 1894—1897 г.г. 411 семьямъ лѣсорубочныхъ билетовъ на сумму свыше 33½ тысячъ рублей.

Одною изъ особенностей землепользованія амурскихъ переселенцевъ является то, что послѣдніе почти вовсе не воспользовались предоставленнымъ имъ, по закону 1861 г., правомъ выкупа своихъ участковъ въ собственность, и отдѣльные частновладѣльческіе участки пріобрѣтались во всякомъ случаѣ не новоселами, а лицами, обжившимися въ области и исподволь присмотрѣвшими годную землю.

Общее число подобныхъ частновладѣльческихъ участковъ составляло въ 1897 г. 418, изъ которыхъ было формально обмежевано 353; участки эти принадлежали 278 лицамъ, среди которыхъ насчитывалось 153 лица мѣщанскаго сословія, 97—крестьянъ, 19—купеческаго сословія и 7—дворянъ.

По своимъ размѣрамъ, участки эти, расположенные пре-

имущественно вблизи г. Благовѣщенска (по такъ называемой Зейской равнинѣ) распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Величина владѣнія.	Число владѣльцевъ.
Менѣе 100 десятинъ	113
отъ 100 до 400	138
400—1000	26
болѣе 1000	1

Общая площадь земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность всѣми этими лицами, составила въ 1897 г. 41,199 десятинъ, изъ которыхъ на долю мѣщанъ приходилось 23,850 дес., а крестьянъ—8,904 десятины. Скромные размѣры послѣдней цифры станутъ вполнѣ очевидными при сравненіи ея съ общей величиною земельной площади, находящейся въ общественномъ пользованіи крестьянъ Амурской области и составлявшую уже въ 1897 году 965,096 десятинъ. Сравнительно слабое развитіе частновладѣльческихъ хуторовъ, которые имѣлъ въ виду законъ 1861 года, въ значительной степени объясняется отсутствіемъ среди землевладѣльческаго населенія Амурской области потребности въ выкупѣ своихъ надѣловъ въ виду крайне экстенсивнаго характера мѣстнаго землепользованія, придающей амурской земельной общинѣ видъ «сожитія заимщиковъ» [1]); кромѣ того увеличеніе числа частновладѣльческихъ хуторовъ до нѣкоторой степени было затруднено и закономъ 1895 г., имѣвшимъ цѣлью предупредить спекулятивныя сдѣлки по отчужденію казенныхъ земель.

При оцѣнкѣ общаго колонизаціоннаго значенія Амурской области необходимо имѣть въ виду, что отличительнымъ признакомъ колонизаціи этого края является кадровый характеръ ея, выражающійся въ томъ что заселенныя уже мѣстности

---

[1]) Отчетъ надворнаго совѣтника Кигна, стр. 38; ср. также гл. IV статьи А. Пожарскаго «Предположенія, относящіяся до поземельнаго устройства населенія областей Амурской и Приморской», помѣщенной въ №№ 304—308 Приамурскихъ вѣдомостей за 1899 г.

представляются лишь какъ бы базисами среди значительныхъ, повидимому, раіоновъ еще не подвергнутыхъ обслѣдованію относительно степени пригодности ихъ для заселенія [1]). Насколько много мѣста остается для будущей колонизаціи края, можно судить лишь по приблизительнымъ даннымъ, изъ которыхъ обнаруживается, что, сверхъ одного милліона десятинъ уже занятыхъ земель, можно разсчитывать еще на 8—13 милліоновъ десятинъ запасныхъ удобныхъ земель. Въ отношеніи же земель, могущихъ быть использоваными для переселенцевъ ближайшаго будущаго, представителями Переселенческаго Управленія осенью 1899 г. было высказано въ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіи, что въ Амурской области насчитывался при существующихъ деревняхъ и въ ранѣе образованныхъ участкахъ запасъ свободныхъ земель для поселенія 4,102 семействъ. Что касается до результатовъ, уже достигнутыхъ въ Амурской области колонизаціонною дѣятельностью правительства [2]), то они должны быть признаны весьма удовлетворительными, и это подтверждается сравнительно весьма успѣшнымъ развитіемъ хозяйственной дѣятельности крестьянскаго населенія области и особенно значительными размѣрами посѣвной площади, превышавшей въ 1897 г. 6 дес. на дворъ и достигавшей, напримѣръ, въ Гильчинской волости $10^1/_2$ десятинъ. Также успѣшно развивается въ области и скотоводство, и въ среднемъ на семью приходится свыше 3—4 лошадей и столько же головъ рогатаго скота [3]).

Не менѣе удачными въ общемъ были и условія хозяйственной дѣятельности частныхъ владѣльцевъ, на участкахъ

---

[1]) Ср. Грумъ Гржимайло. Описаніе Амурской области, стр. 622.

[2]) Данныя объ экономическомъ положеніи переселенцевъ Приамурскаго края приводятся въ настоящемъ очеркѣ отдѣльно отъ соотвѣтственныхъ свѣдѣній для остальныхъ сибирскихъ переселенцевъ, вслѣдствіе особеннаго характера колонизаціи Приамурскаго Генералъ-Губернаторства, а также и въ виду незначительнаго, сравнительно съ общей массой сибирскихъ новоселовъ, числа переселенцевъ этого края.

[3]) Отчетъ надворнаго совѣтника Кигна, стр. 11.

которыхъ отношеніе посѣвной области къ общему размѣру земельныхъ угодій представляется еще болѣе благопріятнымъ, нежели у крестьянъ-общинниковъ, занимая до 8% этихъ угодій (при $4{,}_2$% въ хозяйствахъ крестьянъ). «Болѣе крупные участки представляютъ собою настоящіе помѣщичьи хутора, гдѣ хозяева, если и не участвуютъ въ полевыхъ работахъ, то лично ведутъ хозяйство, всегда непосредственно управляютъ сложными машинами, мельницами и круподерками. Мелкіе собственники живутъ по крестьянски. Но и тѣ, и другіе являются прогрессивнымъ элементомъ, первыми вводя машины, оберегая свои лѣсныя рощи,— непремѣнную принадлежность каждаго частновладѣльческаго хутора, обработывая обширные огороды, заводя новые сорта хлѣбовъ, которые достаютъ не только изъ Европейской Россіи, но и изъ Китая, осушая низменные участки и дѣлая опыты съ культурой плодовыхъ растеній» [1]). Развитіе хозяйственнаго благосостоянія сельскаго населенія Амурской области находится въ зависимости не только отъ сравнительно высокой обезпеченности самихъ переселенцевъ, но и отъ ряда благопріятныхъ условій, встрѣчающихъ новосела при его водвореніи въ краѣ. Сюда относятся нѣкоторыя климатическія особенности области, изъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ указать на отсутствіе засухъ въ лѣтнее время; сюда же надлежитъ отнести и плодородіе почвы въ раіонѣ, занятомъ крестьянскимъ населеніемъ, а также и достаточное въ общемъ количество земель, не покрытыхъ лѣсомъ, или же покрытыхъ кустами и рѣдколѣсьемъ и не требующихъ особаго труда при первоначальной раздѣлкѣ въ пашни [2]). Столь же благопріятными для крестьянскаго населенія области представляются и экономическія условія послѣдней, выражающіяся въ высокихъ цѣнахъ на продукты сельскаго хозяйства, сбытъ которыхъ обезпеченъ по твердымъ цѣнамъ уже потому, что земледѣльцы области.

[1]) Тамъ-же, стр. 24.
[2]) Тамъ-же, стр. 23.

производятъ менѣе хлѣба, нежели требуется для городскаго населенія и войскъ; въ связи съ этимъ стоятъ и высокія цѣны на трудъ, представляющія возможность существованія заработками для той части новоселовъ, которой не удалось бы сразу обзавестись хозяйствомъ на принесенныя средства и на казенныя пособія. По заявленію изслѣдовавшаго переселенческіе поселки Амурской области въ 1897 г. чиновника особыхъ порученій переселенческаго Управленія надворнаго совѣтника Кигна, «столь благопріятнаго соединенія естественныхъ и экономическихъ условій не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, и потому объѣзжающій поселки Амурской области не увидитъ ни одной избы и ни одного нищаго. Небольшое число выселяющихся (точныхъ свѣдѣній о нихъ нѣтъ) тотчасъ же съ избыткомъ наполняется новоселами, которые покупаютъ у выбывающихъ ихъ постройки, скотъ и распаханную землю. Первоначальныя небольшія избы, въ одну комнату, замѣняются черезъ годъ или два двухсрубными. Въ послѣднее время особенно предпріимчивые люди, каковы старообрядцы и сектанты (селъ Толстовка, Николаевка, Бѣлоярское) или жители селеній, лежащихъ въ благопріятныхъ условіяхъ для сбыта и заработковъ, каковы приамурскія села (село Ивановское) разживаются настолько, что ставятъ крытыя желѣзомъ дома городскаго типа, съ городскою обстановкою. Крестьяне такихъ селеній, имѣющіе на тысячу или на двѣ рублей земледѣльческихъ машинъ и орудій, не составляютъ рѣдкость» [1]). Наряду съ этими благопріятными для переселенцевъ обстоятельствами водворенія въ Амурской области должно указать на нѣкоторыя условія, которыя, наоборотъ, до извѣстной степени задерживаютъ притокъ переселенцевъ въ эту область: сюда относятся обиліе дождей въ лѣтнее время, имѣющихъ своимъ послѣдствіемъ разливы рѣкъ, покрывающіе въ нѣкоторые годы громадныя пространства на Зейско-Бурейской равнинѣ, и порчу дорогъ, иногда совершенно прекращающую

¹) Тамъ-же, стр. 22—23.

сообщеніе между деревнями, наконецъ, падежи скота отъ сибирской язвы, свирѣпствующей изъ году въ годъ въ тѣхъ или другихъ волостяхъ области.

Отрицательное вліяніе послѣднихъ факторовъ на общій ходъ заселенія края съ избыткомъ уравновѣшивается однако естественными и экономическими мѣстными особенностями Амурской области, и общее значеніе послѣдней въ качествѣ одного изъ наиболѣе подходящихъ для колонизаціи раіоновъ вполнѣ выясняется уже изъ того обстоятельства, что естественный приростъ населенія въ этой области представляется сравнительно гораздо болѣе значительнымъ, нежели въ Европейской Россіи [1]).

Заселеніе другаго раіона Пріамурскаго Генералъ-Губернаторства—Южно-Уссурійскаго округа Приморской области, какъ было указано выше, обратило на себя особое вниманіе мѣстной администраціи и органовъ центральнаго управленія еще въ концѣ 70-хъ годовъ. Соображенія, побудившія правительство прибѣгнуть къ усиленной колонизаціи этого края заключались въ необходимости укрѣпленія политическаго вліянія Россіи на этой отдаленной и пустынной окраинѣ, въ особенности для противодѣйствія мирному завоеванію послѣдней выходцами изъ Китая. Мотивы эти побудили назначеннаго въ 1879 г. Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Анучина выработать стройную систему мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью увеличить притокъ переселенцевъ въ Южно-Уссурійскій край въ видахъ занятія русскимъ населеніемъ возможно большаго числа пунктовъ.

Главное значеніе подобной колонизаціи заключалось, по мнѣнію генералъ - лейтенанта Анучина, въ облегченіи, для мѣстныхъ властей прокормленія расположенныхъ въ краѣ войскъ, и въ возможности, благодаря этому, устранить доставку провіанта изъ Европейской Россіи кругосвѣтнымъ

---

1) Грумъ-Гржимайло. Описаніе Амурской области, стр. 530.

путемъ, дорогимъ въ мирное время и невозможнымъ въ случаѣ войны съ какой либо морской державой; независимо отъ этого, Генералъ-Губернаторъ указывалъ и на экономическое значеніе переселенія въ Уссурійскій край, заключавшееся въ увеличеніи земледѣльческаго производства и удешевленіи продуктовъ сельскаго хозяйства, хотя этой сторонѣ переселенческаго дѣла и придавалось второстепенное значеніе, въ виду мнѣнія о необходимости положительно и безповоротно признать, что заселеніе Южно-Уссурійскаго края предпринимается предпочтительно для удовлетворенія высшихъ военно - политическихъ цѣлей [1]).

Обсуждая способы привлеченія переселенцевъ въ край, генералъ - лейтенантъ Анучинъ стремился доказать нецѣлесообразность прежней системы оказанія льготъ лишь при водвореніи переселенцевъ, приходившихъ въ край на свои средства, и указывалъ при этомъ на морскую перевозку переселенцевъ на казенный счетъ, какъ на единственное вѣрное средство для доставленія въ край всего количества переселенцевъ, потребнаго для государственныхъ цѣлей [2]). Предположенія Генералъ-Губернатора Восточной Сибири были встрѣчены вполнѣ сочувственно въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ Сентябрѣ 1881 г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьевымъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ соотвѣтственныхъ правилъ объ организаціи переселенія въ Южно-Уссурійскій край. Проектъ этотъ былъ однако отклоненъ Государственнымъ Совѣтомъ въ виду его недостаточно детальной разработки, и для выясненія дѣла во всѣхъ его деталяхъ была

---

[1]) Дѣло Архива Государственнаго Совѣта 1882 г. № 144. Представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 22 Марта 1882 г. за № 2634.

[2]) Подробное изложеніе мотивовъ, побудившихъ ген.-лейт. Анучина выработать систему морской перевозки переселенцевъ въ Южно-Уссурійскій край приведено въ изданномъ подъ редакціею его сборникѣ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью (Т. I—IV).

учреждена особая коммисія изъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ и лицъ, непосредственно знакомыхъ съ положеніемъ переселенческаго вопроса въ Уссурійскомъ краѣ, которою и былъ составленъ новый проектъ, одобренный затѣмъ Соединенными Департаментами Законовъ и Государственной Экономіи и получившій силу закона вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго, 1 Іюня 1882 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта. На основаніи этого узаконенія вводилась въ видѣ опыта на 3 года перевозка во Владивостокъ морскимъ путемъ на счетъ казны 250 переселенческихъ семей (въ годъ) съ оказаніемъ имъ правительственнаго содѣйствія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ при водвореніи въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, причемъ выборъ надлежащаго числа переселенцевъ и распоряженія относительно ихъ передвиженія были возложены на Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. При составленіи контингента переселенцевъ Министерствомъ было признано наиболѣе соотвѣтственнымъ пригласить къ переселенію крестьянъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, среди которыхъ разслѣдованіе, произведенное по порученію Министерства, обнаружило значительное число дарственниковъ, крайне не обезпеченныхъ въ земельномъ отношеніи. Осенью 1882 г. было приступлено къ отправленію ходоковъ отъ семействъ, выбранныхъ къ переселенію, а въ слѣдующемъ 1883 г. была отправлена первая изъ переселенческихъ партій на пароходахъ Добровольнаго Флота; за трехлѣтіе 1883—1885 г.г. общее число доставленныхъ во Владивостокъ на казенный счетъ дошло до 4,683 душъ обоего пола. Переселеніе этихъ лицъ вполнѣ оправдало возлагавшіяся на него ожиданія уже въ томъ смыслѣ, что оно вызвало движеніе въ Уссурійскій край болѣе обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи крестьянъ, оказавшихся въ состояніи покрыть своими средствами издержки на перевозъ моремъ; число такихъ переселенцевъ уже въ 1884 г. составило 247 душъ и возрасло въ 1885 году до 850 человѣкъ (не считая 60 душъ возвратившихся обратно черезъ Сибирь). Такіе благопріятные результаты дали правительству возможность уже въ 1886 году при

окончаніи срока, на которые были исчислены кредиты на переселеніе въ Южно-Уссурійскій край, обратиться къ системѣ колонизаціи этого края почти исключительно своекоштными переселенцами, съ оказаніемъ имъ пособія при водвореніи.

Общее руководство переселеніемъ этихъ крестьянъ оставалось въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое принимало мѣры къ тому, чтобы число лицъ, отправляемыхъ въ Уссурійскій край, соотвѣтствовало провозоспособности судовъ Добровольнаго Флота, совершающихъ рейсы между Одессой и Владивостокомъ. Ежегодное число переселенцевъ, колебалось въ 1887—1899 г.г. между 445 и 8.322 душъ, при этомъ вмѣстимость пароходовъ Добровольнаго Флота до послѣдняго времени оказывалась недостаточной въ сравненіи съ развившимся среди крестьянъ стремленіемъ къ выселенію въ Уссурійскій край и въ неурожайный 1892 годъ, по свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, насчитывалось въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ до 8.072 душъ, которымъ было отказано въ переселеніи исключительно по ограниченному числу мѣстъ на пароходахъ. На такое препятствіе было обращено вниманіе Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги, который не призналъ однако возможнымъ допустить отправку переселенцевъ сухимъ путемъ, въ виду того, что крестьяне, слѣдовавшіе по Сибирской дорогѣ и далѣе черезъ Приамурское Генералъ-Губернаторство, часто не доходили до мѣстъ назначенія вслѣдствіе бѣдствій, которымъ они подвергались въ пути и, теряя силы и здоровье, осѣдали по дорогѣ на казенныхъ земляхъ западной Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ усматривалъ, что вслѣдствіе необходимости ограничивать число переселенцевъ въ зависимости отъ числа свободныхъ мѣстъ, имѣющихся на пароходахъ Добровольнаго Флота является возможнымъ выбрать изъ всей массы крестьянъ, изъявившихъ желаніе переселиться, лишь наиболѣе состоятельныхъ, что съ одной стороны способствуетъ болѣе успѣшному заселенію отдаленной окраины, а съ другой—потребуетъ для ихъ устройства меньшихъ издержекъ отъ казны. Высказавшись

вслѣдствіе приведенныхъ соображеній за сохраненіе въ 1899 г. существующаго способа перевозки переселенцевъ въ Уссурійскій край моремъ, Комитетъ обратилъ особое вниманіе на необходимость улучшенія условій самаго передвиженія крестьянъ во Владивостокъ. Въ этомъ отношеніи было указано на желательность предупредить занесеніе заразныхъ болѣзней на суда Добровольнаго Флота, въ виду чего, въ настоящее время, передъ отходомъ переселенцевъ съ родины, имъ производится тщательный медицинскій осмотръ, причемъ въ составъ партій не включаются лица изъ мѣстностей, пораженныхъ эпидеміями. Независимо отъ такихъ санитарныхъ мѣръ, было признано желательнымъ пріурочить время выѣзда переселенцевъ изъ Одессы къ весеннимъ мѣсяцамъ, какъ вслѣдствіе значительно усиливающейся при перевозкѣ въ лѣтнее время болѣзненности и смертности, такъ и въ видахъ доставленія переселенцамъ возможности по прибытіи во Владивостокъ заняться выборомъ пригодныхъ земель до наступленія холодовъ.

Заключенія Комитета о способѣ перевозки переселенцевъ въ Уссурійскій край, находясь въ ближайшей зависимости отъ общаго положенія работъ по сооруженію Сибирской магистрали, естественно, должны были подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ вслѣдствіе постепеннаго приближенія этихъ работъ къ окончанію. При организаціи переселенія крестьянъ въ Уссурійскій край на 1900 г. выяснилось, что на пароходахъ Добровольнаго Флота возможно доставить въ эту мѣстность въ теченіе настоящаго года не болѣе 4,700 переселенцевъ, въ виду же предстоящаго открытія движенія по Забайкальской желѣзной дорогѣ, было предположено направить остальныхъ переселенцевъ, изъявлявшихъ желаніе быть водворенными въ Уссурійскомъ краѣ, въ особыхъ поѣздахъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы они были перевезены, съ конечнаго пункта Забайкальской дороги, въ Приморскую область на пароходахъ къ Іюню. Перевозка 3.652 чел. особыми поѣздами отъ Конотопа до Срѣтенска удалась, но отправка на пароходахъ

дахъ по р.р. Шилкѣ и Амуру доставила много затрудненій вслѣдствіе случившагося мелководія вызвавшаго скопленіе переселенцевъ въ Срѣтенскѣ. Такимъ образомъ правильная организація сухопутнаго и рѣчнаго передвиженія уссурійскихъ переселенцевъ дѣло будущаго, которое, несомнѣнно, можетъ дать только благопріятные результаты. Послѣ же окончанія Китайской Восточной дороги, ожидаемаго въ 1902 году, сухопутная перевозка переселенцевъ на Дальній Востокъ, очевидно, пріобрѣтетъ первенствующее значеніе.

Если вся первоначальная система перевозки казеннокоштныхъ переселенцевъ въ Уссурійскій край имѣла цѣлью усилить сюда притокъ переселенцевъ, путемъ ознакомленія крестьянъ съ преимуществами морскаго переѣзда въ сравненіи съ длиннымъ и крайне утомительнымъ въ то время переходомъ черезъ весь Азіатскій материкъ, то такую же цѣль преслѣдовало и предоставленіе, въ силу закона 1882 г., льготъ при водвореніи на новомъ мѣстѣ, заключавшихся въ освобожденіи переселенцевъ въ теченіе 5 лѣтъ отъ государственныхъ повинностей и въ подтвержденіи установленныхъ закономъ 1861 г. нормъ земельнаго обезпеченія (причемъ, кромѣ максимальной нормы надѣла въ 100 дес. на дворъ установленъ и минимальный размѣръ послѣдняго—въ 15 дес. на душу), въ связи съ правомъ выкупа переселенческихъ надѣловъ въ собственность, по цѣнѣ въ 3 рубля за десятину. Независимо отъ этихъ льготъ для переселенцевъ, законъ 1 Іюля 1882 г. установлялъ для послѣднихъ цѣлую систему безвозвратныхъ пособій, состоявшихъ въ заготовкѣ для нихъ: матеріаловъ для постройки жилищъ (на сумму по 100 р. на семью), живаго инвентаря (по 1 лощади и по 1 коровѣ), сѣмянъ и предметовъ необходимыхъ для хозяйственнаго обзаведенія (земледѣльческихъ орудій, плотничьихъ инструментовъ, дверныхъ наборовъ и т. д.). Въ видахъ предоставленія всѣхъ прибывающимъ переселенческимъ партіямъ возможныхъ удобствъ при ихъ прибытіи въ край, упомянутымъ закономъ были ассигнованы кредиты на сооруженіе бараковъ для временнаго ихъ помѣщенія во Владивостокѣ

и на устройство склада домашнихъ и хозяйственныхъ орудій для продажи ихъ переселенцамъ или выдачи имъ въ долгъ. [1])

Наконецъ, закономъ 1882 г. было обращено вниманіе и на общее упорядоченіе условій водворенія переселенцевъ въ краѣ, съ какою цѣлью было признано полезнымъ поручить непосредственныя заботы по переселенческому дѣлу въ краѣ особому органу, учрежденному подъ названіемъ «Южно-Уссурійскаго переселенческаго управленія». Расходы на содержаніе этого органа были исчислены въ 8.000 р., вошедшихъ въ составъ общей суммы въ 23.200 р., ассигнованной ко внесенію въ теченіе 3 лѣтъ (1883—1886 гг.) въ подлежащія подраздѣленія смѣты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на предметъ перевозки переселенцевъ и ихъ водворенія въ краѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ закона 1882 г. Генералъ - Лейтенантомъ Анучинымъ была составлена инструкція для руководства чинамъ мѣстной администраціи, заключавшая въ себѣ правила, которыми этимъ чинамъ вмѣнялось въ обязанность по возможности стремиться къ совмѣщенію политическихъ интересовъ колонизаціи (въ смыслѣ послѣдовательнаго заселенія отдѣльныхъ раіоновъ въ порядкѣ ихъ стратегическаго значенія) съ выгодами самихъ переселенцевъ, предоставивъ имъ широкую свободу выбора мѣстъ для водворенія.

Затѣмъ въ 1886 г. для правительства оказалось возможнымъ предоставить переселеніе въ Уссурійскій край нормальному ходу, ограничиваясь лишь руководствомъ и помощью крестьянамъ переселяющимся морскимъ путемъ на свой счетъ. Высочайше утвержденнымъ, 18 Апрѣля 1886 г., мнѣніемъ Государственнаго

---

[1]) Насколько заботливо правительство относилось къ упорядоченію новаго хозяйства крестьянъ, видно изъ ассигнованія, въ силу приведеннаго закона 1882 г., 10.000 р. на случай, если по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ партія переселенцевъ запоздаетъ къ сѣнокосу, и потребуется своевременно заготовить сѣно наемнымъ трудомъ, чтобы предотвратить недоброкачественность корма, вслѣдствіе поздней косьбы (см. Буссе, назв. соч., стр. 33).

Совѣта была установлена, вмѣсто перевозки переселенцевъ на счетъ казны, выдача прибывающимъ во Владивостокъ на свои средства переселенцамъ ссудъ, возвращаемыхъ заемщиками въ теченіе 28 лѣтъ ежегодными взносами 6% съ числящейся въ долгу суммы (считая въ томъ числѣ 4% роста и 2% погашенія). Кредитъ, отпущенный на 1886 г. на выдачу такихъ ссудъ переселенцамъ и на содержаніе Южно-Уссурійскаго управленія, былъ опредѣленъ въ размѣрѣ 128.200 р.

Въ слѣдующемъ 1887 году, послѣ полученія полныхъ свѣдѣній о результатахъ переселенія въ Уссурійскій край въ теченіе 1883—1885 г.г., вопросъ объ организаціи этихъ переселеній былъ снова разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ, признавшемъ необходимымъ продолжить на 6 лѣтъ (до 1892 г.) дѣйствіе правилъ о перевозкѣ переселенцевъ моремъ съ выдачею нуждающимся пособій при водвореніи; максимальный размѣръ этихъ пособій былъ опредѣленъ въ 600 р. на семью, погашаемыхъ послѣ 5 лѣтняго льготнаго срока въ порядкѣ, установленномъ закономъ 1886 г. [1]). Что же касается общей величины кредитовъ, ассигнованныхъ на организацію переселеній, то они были сохранены, въ размѣрѣ годовой суммы, въ 128.200 руб. Передъ истеченіемъ срока дѣйствія приведеннаго узаконенія, бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Статсъ-Секретаремъ Дурново было внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о необходимости продленія дѣйствія названнаго закона въ виду того соображенія, «что государственныя цѣли, для коихъ была предпринята колонизація Южно-Уссурійскаго края еще не могутъ быть признаны достигнутыми, и что русское населеніе края все сосредоточивается лишь въ западной части края, между тѣмъ какъ все пространство на востокъ отъ линіи, проведенной съ береговъ озера Ханка и до долины р. Сучана не имѣетъ ни одного русскаго поселка, кромѣ 2 небольшихъ де-

---

[1]) Выс. утв. 12 Мая 1887 г. Мн. Гос. Совѣта.

ревень въ заливѣ Св. Ольги». Далѣе Статсъ-Секретарь Дурново указывалъ на крайнія неудобства того, что крестьянское населеніе Южно-Уссурійскаго края не можетъ обезпечивать хлѣбомъ войскъ и городскихъ жителей, въ виду чего мѣстной администраціи приходится ежегодно ввозить въ этотъ край до 150 тысячъ пудовъ хлѣба [1]). Вслѣдствіе этихъ мотивовъ Высочайше утвержденнымъ, 21 Декабря 1892 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было признано соотвѣтственнымъ продлить дѣйствіе узаконеній о колонизаціи Южно-Уссурійскаго края до 1898 г., съ ежегоднымъ ассигнованіемъ на этотъ предметъ кредитовъ въ размѣрѣ уже указанныхъ 128.200 руб.

Дальнѣйшая и притомъ болѣе детальная разработка законоположеній, относившихся до заселенія названнаго края, была предпринята уже Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги.

Вслѣдствіе Высочайшей воли, выраженной въ засѣданіи Комитета Сибирской желѣзной дороги 24 Февраля 1893 г., Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было внесено на обсужденіе предположеніе какъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя представлялось полезнымъ намѣтить для дальнѣйшей разработки ихъ мѣстною администраціею, такъ и объ отдѣльныхъ мѣрахъ, необходимость осуществленія которыхъ выяснилась уже опредѣлительно. Съ своей стороны Комитетъ, присоединяясь къ такой постановкѣ дѣла, призналъ, что для надлежащаго выясненія существа этого дѣла необходимо исходить изъ соображенія общей государственной важности заселенія Южно-Уссурійскаго края, заключающейся какъ въ поднятіи экономическаго преуспѣянія края, такъ и въ усиленіи политическаго вліянія Россіи на восточной окраинѣ Азіатскаго материка. На ряду съ этимъ мотивомъ, было обращено особое

[1]) Дѣло Архива Государственнаго Совѣта по Департаменту Государственной Экономіи № 332, 1892 г. Представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 24 Декабря 1892 г. № 12775.

вниманіе и на достиженіе весьма важной задачи—именно на необходимость ускореннаго заселенія раіона восточной части Сибирской желѣзной дороги, долженствовавшей пересѣчь весь Уссурійскій край и Амурскую область. Исходя отъ этихъ принциповъ, было признано полезнымъ поручить Приамурскому Генералъ-Губернатору всестороннее выясненіе общихъ вопросовъ колонизаціи этого края, а именно: а) о порядкѣ изслѣдованія остающихся еще малоизвѣстными частей Уссурійскаго края, б) объ устройствѣ въ немъ землемѣрной части и в) о размѣрѣ участковъ, подлежащихъ отводу водворяющимся въ этомъ краѣ переселенцамъ на будущее съ 1898 г. (когда оканчивался срокъ дѣйствія закона 1892 г.) время.

При обозрѣніи тѣхъ измѣненій, которыя были введены въ общую постановку переселенческаго дѣла въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, надлежитъ прежде всего отмѣтить перемѣну въ порядкѣ завѣдыванія этимъ дѣломъ. При обсужденіи этого вопроса, во время пересмотра правилъ 1892 года, было замѣчено, что съ развитіемъ переселенческаго движенія въ Южно-Уссурійскій край сказались нѣкоторые недостатки въ его организаціи, заключавшіеся въ отсутствіи здѣсь надлежащихъ властей для водворенія переселенцевъ. Послѣднее обстоятельство объяснялось тѣмъ, что чины Южно-Уссурійскаго переселенческаго управленія не успѣвали выполнять этого дѣла, будучи вынуждены, за недостаточностью своего личнаго состава, ограничиваться пріемомъ переселенцевъ во Владивостокѣ и направленіемъ ихъ на мѣста, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, были свободные участки; съ другой стороны чины мѣстной полиціи отказывались отъ попеченій по водворенію переселенцевъ, которыя въ значительной степени препятствовали выполненію ими ихъ прямыхъ обязанностей. Въ виду столь неблагопріятнаго для переселенческаго дѣла стеченія обстоятельствъ, послѣднее было поручено вѣдѣнію командируемыхъ въ край чиновниковъ особыхъ порученій при Переселенческомъ Управленіи, во главѣ которыхъ поставлено опытное

лицо съ повышеннымъ окладомъ содержанія. При этомъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ предоставлены какъ выборъ лицъ, такъ и назначеніе имъ вознагражденія, съ отпускомъ кредита въ размѣрѣ 10.000 р. на содержаніе личнаго состава и 3.000 р. на канцелярію, причемъ Южно-Уссурійское переселенческое управленіе упразднено съ 1 Января 1899 года.

Въ связи съ общимъ упорядоченіемъ организаціи водворенія переселенцевъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги было обращено вниманіе и на спеціальный вопросъ объ образованіи и отводѣ переселенческихъ участковъ въ этомъ краѣ. Съ этою цѣлью Высочайше утвержденными, 9 Февраля 1894 г. и 13 Января 1895 г., положеніями названнаго Комитета было учреждено девять добавочныхъ должностей землемѣровъ при Южно-Уссурійскомъ переселенческомъ управленіи. Дѣятельность этихъ лицъ приняла въ теченіи 1895—1898 г.г. довольно разносторонній характеръ, заключаясь не только въ заготовленіи переселенческихъ участковъ, но и въ надѣленіи землею уже образовавшихся поселковъ, и въ отводѣ земель для городовъ и даже инородческихъ селеній, а также въ производствѣ рекогносцировокъ съ цѣлью опредѣленія коланизаціонной емкости отдѣльныхъ мѣстностей. Вслѣдъ за упраздненіемъ Южно-Уссурійскаго переселенческаго управленія всѣ межевые чины его были переданы въ вѣдѣніе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, съ подчиненіемъ ихъ особо назначенному опытному руководителю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ выработанъ проектъ краткихъ правилъ, которыя признавалось полезнымъ преподать въ руководство землемѣрамъ, полагая, въ виду своеобразныхъ условій Уссурійскаго края болѣе осторожнымъ, впредь до указаній опыта, не распространять на этотъ край дѣйствія временныхъ правилъ 1893 г. объ образованіи переселенческихъ участковъ. Согласно этимъ краткимъ правиламъ, получившимъ Высочайшее утвержденіе по положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 29 Іюня 1899 г., переселенческіе

участки образуются землемѣрами подъ руководствомъ и наблюденіемъ завѣдывающаго работами изъ свободныхъ казенныхъ земель въ мѣстностяхъ, указываемыхъ Генералъ-Губернаторомъ; произведенные же отводы разсматриваются въ особомъ совѣщаніи изъ переселенческаго чиновника, окружнаго начальника, лѣсничаго, податнаго инспектора, подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго переселеніемъ, причемъ журналы этого совѣщанія представляются на окончательное утвержденіе начальника области.

Между тѣмъ уже весною 1899 г. выяснилось, что дѣятельность поземельно-устроительнаго отряда, образованнаго Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ изъ землемѣровъ, переведенныхъ въ его вѣдѣніе, представится недостаточной для заготовленія участковъ для тѣхъ переселенцевъ, которые прибудутъ въ Южно-Уссурійскій край позже 1899 г., въ виду чего Приамурскимъ Генералъ-Губернаторомъ и были составлены предположенія объ образованіи десяти отрядовъ (въ составѣ 10 офицеровъ и ста нижнихъ чиновъ), при двухъ руководителяхъ работъ для рекогносцировки мѣстностей, пригодныхъ для заселенія. Предположенія эти были разрѣшены въ утвердительномъ смыслѣ Высочайше утвержденнымъ, 29 Іюня 1899 г., положеніемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, въ виду высказанной Августѣйшимъ Предсѣдателемъ послѣдняго мысли о необходимости воспользоваться этими предположеніями, а также принять мѣры къ тому, чтобы въ будущемъ довести работы по заготовленію участковъ въ Приамурскомъ краѣ до такихъ размѣровъ, чтобы запасъ ихъ былъ достаточенъ для всѣхъ прибывающихъ изъ Европейской Россіи выходцевъ.

Въ исполненіи таковой Высочайшей воли, было признано соотвѣтственнымъ отпустить въ 1900 г. особый кредитъ на образованіе временной Уссурійской партіи для заготовленія переселенческихъ участковъ, въ составъ которой, по аналогіи съ партіями, дѣйствующими въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ, входили бы, кромѣ межевыхъ чиновъ и

производители работъ, на коихъ возлагалось бы какъ общее руководство по отдѣльнымъ раіонамъ работами землемѣровъ, такъ и проектированіе переселенческихъ участковъ. Общее число лицъ, принадлежащихъ къ этой «временной партіи» опредѣлено въ 27 человѣкъ, которые распредѣляются между двумя поземельно-устроительными партіями, предназначенными для нарѣзки земель въ Уссурійскомъ краѣ, и тремя развѣдочными партіями, имѣющими главною цѣлью приведеніе въ извѣстность совершенно неизслѣдованныхъ еще пространствъ края. По отношенію къ этимъ развѣдочнымъ партіямъ даны указанія на желательность сосредоточенія ихъ работъ по возможности какъ по бассейнамъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури и Амуръ въ предѣлахъ Южно-Уссурійскаго края, такъ и въ лежащей къ сѣверу отъ этой мѣстности, до р. Амура, части Приморской области, или въ такъ называемомъ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ.

Распространеніе работъ рекогносцировочныхъ партій можетъ, повидимому, привести къ открытію значительныхъ запасовъ удобной земли, и такое заключеніе основывается какъ на наблюдавшихся уже случаяхъ занятія здѣсь переселенцами земель, считавшихся совершенно непригодными для заселенія, такъ въ частности и на томъ соображеніи, что кажущаяся на первый взглядъ неодолимой заболоченность почвы является въ дѣйствительности лишь малымъ препятствіямъ къ осѣданію переселенцевъ. Послѣднее соображеніе въ свою очередь подкрѣпляется и удачнымъ опытомъ заселенія болотистыхъ пространствъ къ югу отъ сліянія р. Уссури съ р. Сунгачей, доказавшимъ, что часто бываетъ достаточно расчистки усадебныхъ мѣстъ и первыхъ бороздъ плуга, чтобы осушить мокрыя мѣста, въ которыхъ воды являются исключительно поверхностными.

Независимо отъ указанія раіоновъ для землеустроительныхъ работъ, Комитетъ считалъ необходимымъ допустить образованіе переселенческихъ участковъ и въ предѣлахъ обширной площади, въ 12 милліоновъ десятинъ, которая въ

видахъ административныхъ удобствъ была отведена во временное пользованіе Уссурійскаго казачьяго войска. Предоставленіе такой громадной площади въ исключительное пользованіе казачьяго сословія—численностью лишь въ 10.000 человѣкъ, представлялось бы чрезмѣрнымъ и не вызываемымъ дѣйствительными нуждами войска, а съ другой стороны не находило-бы себѣ оправданія и въ требованіяхъ дѣйствующаго законодательства, по смыслу котораго земельное обезпеченіе Уссурійскаго войска ставится въ соотвѣтствіе съ численностью казачьяго населенія, возможностью обработки и видами на будущее заселеніе края.

Въ тѣхъ видахъ, что успѣшное заселеніе Уссурійскаго края русскими крестьянами, столь необходимое для укрѣпленія этой отдаленной окраины, возможно лишь въ томъ случаѣ, если, наряду съ землями, которыя могутъ найти рекогносцировочныя партіи, подъ водвореніе переселенцевъ будутъ отданы и нѣкоторыя части предназначенныхъ казачьему населенію пространствъ, выражено пожеланіе, чтобы Приамурскимъ Генералъ-Губернаторомъ при колонизаціи какъ Уссурійскаго края, такъ и Амурской области были соблюдаемы какъ казачьи интересы, такъ и выгоды переселенцевъ изъ крестьянъ [1]). Подобное воззрѣніе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тою точкою зрѣнія на настоящій вопросъ, которой придерживались за все послѣднее 40-лѣтіе XIX вѣка высшія правительственныя учрежденія (Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ и Военный Совѣтъ) и которая выражалась въ признаніи необходимости отводить казакамъ Приамурскаго края лишь дѣйствительно потребныя для нихъ земли и вмѣстѣ съ тѣмъ стремиться къ возможно широкому насажденію среди казачьяго также и крестьянскаго землепользованія [2]).

---

1) Журналъ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіи 1899 г. № 80, стр. 61—62.

2) Ср. Записку Статсъ-Секретаря Куломзина по вопросу объ обезпеченіи землею казаковъ и крестьянъ въ Амурской и Приморской областяхъ.

Разрѣшеніе вопроса о выдѣленіи для надобностей колонизаціи излишнихъ для казаковъ Амурскаго и Уссурійскаго войска земель, расположенныхъ въ Амурской и Приморской областяхъ, поручено по журналу Комитета, удостоившемуся Высочайшаго утвержденія 29 Декабря 1899 г., особому совѣщанію, образованному подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Куломзина.

Въ связи съ вопросомъ объ образованіи переселенческихъ участковъ въ Уссурійскомъ краѣ подвергнутъ былъ обсужденію вопросъ и о величинѣ переселенческаго надѣла. Въ этомъ отношеніи была принята во вниманіе незначительность пригодной для немедленнаго заселенія площади края, и съ 1900 г. образуемые здѣсь участки будутъ разсчитываться по 15 дес. на душу мужскаго пола, въ виду того, что эта норма, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, представляется вполнѣ достаточною для веденія сравнительно экстенсивныхъ хозяйствъ.

Далѣе, былъ разсмотрѣнъ вопросъ о ссудахъ, оказываемыхъ уссурійскимъ переселенцамъ по ихъ водвореніи. По этому вопросу было принято во вниманіе, что выдача ссудъ въ наивысшемъ размѣрѣ въ 600 руб., установленномъ законами 1886 и 1887 г.г., почти вовсе не практиковалась, въ виду выработаннаго мѣстною администраціей еще съ 1889 г. порядка выдачи переселенцамъ по прибытіи во Владивостокъ лишь той суммы, которая составляетъ разность между 600 руб. и имѣющимися у переселенцевъ собственными средствами. Между тѣмъ въ будущемъ, по мѣрѣ продолженія Сибирской магистрали, въ Уссурійскій край будутъ направляться и бѣдные переселенцы, которые, основываясь на законѣ, будутъ разсчитывать на полученіе ссуды въ высшемъ размѣрѣ; въ виду этого уже съ 1899 г. было признано болѣе осторожнымъ нѣсколько понизить предѣльный размѣръ ссуды до 500 р., въ томъ расчетѣ, чтобы пособія, давая переселенцамъ полную возможность устроиться на новыхъ мѣстахъ, не падали при этомъ излишнимъ бременемъ на Государственное Казначейство.

Что же касается вопроса о возвратѣ новоселами ссудъ, то было признано неудобнымъ распространять на уссурійскихъ переселенцевъ въ этомъ отношеніи дѣйствующія въ западной и средней Сибири и въ Степномъ Краѣ правила о ссудахъ въ виду того, что сокращеніе срока возвращенія ссуды съ 28 лѣтъ на 10—могло бы, при высокомъ размѣрѣ ссуды въ Уссурійскомъ краѣ, чрезмѣрно обременить переселенцевъ, не успѣвшихъ еще вполнѣ окрѣпнуть на новыхъ мѣстахъ.

Независимо отъ принципіальнаго разрѣшенія вышеизложенныхъ вопросовъ объ организаціи переселенческаго дѣла въ Уссурійскомъ краѣ, Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги было обращено вниманіе и на частные вопросы, связанные съ улучшеніемъ быта новоселовъ по ихъ водвореніи. Въ этихъ видахъ Комитетомъ, были, напримѣръ, отпущены кредиты свыше 60.000 руб. на устройство въ Южно-Уссурійскомъ краѣ колесныхъ дорогъ, съ цѣлью облегчить сношенія какъ между отдѣльными селеніями, такъ и между переселенческими поселками и линіей Уссурійской желѣзной дороги.

Обсуждая вопросъ объ устройствѣ уссурійскихъ переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и общихъ результатахъ колонизаціи Южно-Уссурійскаго края, нельзя упускать изъ виду, что этотъ край является единственной въ Сибири мѣстностью, заселеніе которой русскими земледѣльцами, вслѣдствіе перевозки переселенцевъ морскимъ путемъ, совершалось вполнѣ подъ контролемъ правительственной власти. Въ зависимости отъ послѣдняго обстоятельства, находилась и та особенная черта колонизаціи Южно-Уссурійскаго края, что количество переселенцевъ ежегодно прибывавшихъ въ этотъ край зависѣло въ значительной степени отъ причины, лежавшей внѣ самаго стремленія крестьянъ къ переселенію, а именно, отъ вмѣстимости пароходовъ Добровольнаго Флота, доставлявшихъ переселенцевъ во Владивостокъ.

Общее число переселенцевъ, прибывавшихъ въ край мор-

скимъ путемъ, по годамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ [1]):

Года.	Семей.	Душъ об. пола.	Года.	Семей.	Душъ об. пола.
1883	255	1,579	1891	123	755
1884	293	1,755	1892	282	2,312
1885	382	2,526	1893	322	2,825
1886	483	2,944	1894	436	3,495
1887	152	1,222	1895	285	1,960
1888	84	445	1896	295	2,052
1889	425	2,338	1897	389	2,570
1890	155	1,098	1898	608	4,055 [2]).

Общая численность русскаго населенія Южно-Уссурійскаго округа Приморской области составляла къ 1 Января 1899 г. 46,865 душъ обоего пола, занимавшихъ 118 селеній, свыше половины которыхъ расположены на равнинѣ, прилегающей къ озеру Ханка и на ея продолженіи къ югу, въ долинѣ р. Суйфуна, впадающаго въ заливъ Амурскій. Послѣ того, какъ эта равнина была заселена, переселенцы начали осѣдать по долинамъ рѣкъ, текущихъ среди отроговъ хребта Сихотэ-Алина,—между уваловъ и менѣе значительныхъ горныхъ цѣпей. Въ настоящее время занята наиболѣе удобная часть долинъ по рѣкамъ Дауби-хэ, составляющей съ р. Улахэ рѣку Уссури и по р.р. Май-хе, Кантаузѣ, и Шито-хэ, впадающимъ въ Уссурійскій заливъ, и по р. Сучану, впадающему въ заливъ Америку.

Прибывая во Владивостокъ, переселенцы устраиваются въ баракахъ, гдѣ они проводятъ 2-3 недѣли, пока старшіе изъ ихъ

---

1) Кромѣ показаннаго въ таблицѣ числа переселенцевъ за послѣдніе годы въ Южно-Уссурійскій край прибывали и отдѣльныя семьи сухопутныхъ переселенцевъ, число которыхъ составило, напримѣръ, за 1895 г.—23, за 1896 г.—23 и за 187 г.—31.

2) Число переселенцевъ, отправленныхъ во Владивостокъ морскимъ путемъ въ 1899 г., достигло 8322 душъ.

состава успѣваютъ выбрать земли, и лишь тѣ изъ нихъ, которые переселяются по письмамъ къ родственникамъ или односельчанамъ, покидаютъ бараки черезъ нѣсколько дней. Бо́льшая часть переселенцевъ водворяется въ существующихъ уже деревняхъ, причемъ, въ случаѣ отсутствія среди надѣльныхъ земель свободныхъ мѣстъ, причисленіе производится по пріемному приговору, за который переселенцамъ приходится уплачивать «пріемныя деньги»; изъ общаго числа водворившихся въ 1898 г. переселенцевъ до 83% селились въ деревняхъ старожиловъ и лишь 17% основали новые поселки. Выбравъ себѣ тотъ или другой участокъ переселенцы иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переходятъ изъ одной деревни въ другую въ поискахъ за болѣе подходящими для нихъ мѣстами; подобное перечисленіе производится переселенческими чиновниками на томъ же основаніи, въ отношеніи отвода надѣловъ, какъ и при первоначальномъ поселеніи, и такой льготный порядокъ перечисленія сохраняется обыкновенно до 2-хъ лѣтъ, чтобы дать новоселамъ возможность вполнѣ осмотрѣться и сознательно выбрать себѣ земли. Изъ всего числа переселенцевъ, прибывшихъ въ край за 1886—98 гг., 80% сразу удовлетворились найденными мѣстами, 19% мѣняли ихъ дважды и 3%—трижды и болѣе [1]).

Въ настоящее время надѣлы повсемѣстно отведены переселенцамъ въ общихъ межахъ, въ общинное владѣніе; въ дѣйствительности же въ селеніяхъ, гдѣ имѣется достаточный запасъ земель, не требующихъ предварительныхъ трудовъ для обработки, каждая семья владѣетъ тѣмъ участкомъ, который она заняла (въ качествѣ «заимки») безъ всякаго вмѣшательства сельскаго общества; въ такомъ положеніи находилась въ 1898 г. 91 деревня Южно-Уссурійскаго края изъ общаго числа—102. Подобный характеръ землевладѣнія уссу-

---

1) «Крестьянское и переселенческое дѣло въ Южно-Уссурійскомъ краѣ». Отчетъ чиновника особыхъ порученій Переселенческаго Управленія А. А. Риттиха, 1899, стр. 86.

рійскихъ переселенцевъ, является, какъ и въ Амурской области главной причиной сравнительно слабаго стремленія крестьянъ къ пріобрѣтенію своихъ надѣловъ въ собственность; къ тому же при разбросанности отдѣльныхъ угодій по довольно значительной площади надѣла представляется крайне затруднительнымъ выдѣлить стодесятинные участки, тѣмъ семьямъ, которыя пожелали бы ихъ выкупить, въ виду чего въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда крестьяне изъявляли желаніе пріобрѣсть участки въ собственность, имъ выдѣлялись обыкновенно изъ свободныхъ государственныхъ земель хутора въ отрубномъ владѣніи. [1])

Осѣвъ на избранныхъ мѣстахъ, переселенцы дѣятельно принимаются за устройство, причемъ сравнительно быстрому обзаведенію хозяйствомъ содѣйствуетъ, кромѣ получаемыхъ ими ссудъ, и возможность пріобрѣтенія по дешевымъ цѣнамъ всѣхъ необходимыхъ сельскохозяйственныхъ орудій (плуговъ, вѣялокъ, серповъ, лопатъ и т. п.) изъ переселенческаго склада этихъ орудій, находящагося въ Владивостокѣ.

Развитіе хозяйственной дѣятельности уссурійскихъ переселенцевъ шло въ общемъ вполнѣ успѣшно, и, напримѣръ, средняя величина посѣвной площади на дворъ достигла въ 1898 г 5 дес., среднее число головъ рогатаго скота доходитъ до 3,3. Экономическія условія Южно-Уссурійскаго края представляются для земледѣльческаго населенія въ общемъ столь же благопріятными, какъ и въ Амурской области, въ смыслѣ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, котораго, какъ и въ названной области, не хватаетъ для прокормленія городскаго населенія и мѣстныхъ войскъ [2]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 46, 51.

[2]) Въ 1896 г. при урожаѣ хлѣбовъ въ 1.294.500 пудовъ въ Южно-Уссурійской округѣ мѣстной администраціи пришлось вывезти моремъ въ Приморскую область болѣе 2.500.000 пудовъ (Отчетъ по командировкѣ въ Приморскую область надворнаго совѣтника Кигна въ 1897 г., стр. 62).

Какъ уже было сказано, крестьяне Южно-Уссурійскаго края лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пріобрѣтали земельные участки на правахъ собственности, и изъ 105 частновладѣльческихъ участковъ, площадью въ 14.674 дес., на долю лицъ крестьянскаго сословія къ 1 Января 1899 г. приходилось только 38, пространствомъ въ 4.899 дес.; остальные собственники принадлежатъ главнымъ образомъ къ сословіямъ мѣщанъ и купцовъ. Культурное значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ частно-владѣльческихъ хозяйствъ представляется весьма замѣтнымъ и выражается, кромѣ распространенія среди крестьянъ улучшенныхъ сѣмянъ хлѣбныхъ растеній, въ пріученіи населенія къ усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ и, наконецъ, въ содѣйствіи развитію въ краѣ новыхъ отраслей промышленности, какъ, напримѣръ, кирпичнаго дѣла [1].

Наряду съ культурнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе начало замѣтно сказываться стремленіе частныхъ собственниковъ пользоваться отведенными имъ участками исключительно съ спекулятивными цѣлями, именно для сдачи ихъ по сравнительно высокимъ цѣнамъ въ аренду корейцамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣднее время сильно развилось и стремленіе отдѣльныхъ лицъ пріобрѣтать земли въ Уссурійскомъ краѣ съ подобнаго же рода спекулятивнымъ расчетомъ. Въ послѣднемъ отношеніи крайне благотворное вліяніе имѣло изданіе закона 3 Августа 1895 г. о неотчужденіи земель въ 100—верстной полосѣ отъ желѣзной дороги, предупредившаго совершенно безполезный, съ государственной точки зрѣнія, переходъ казенныхъ земель въ руки такихъ собственниковъ—спекулянтовъ.

Изъ вышеизложенныхъ данныхъ о заселеніи Южно-Уссурійскаго края можно заключить, что главнымъ колонизаціоннымъ элементомъ въ этой мѣстности какъ и вообще въ Сибири

---

[1]) Отчетъ А. А. Риттиха, стр. 92—93.

являются крестьяне-земледѣльцы. Независимо отъ руководства этой земледѣльческой колонизаціи края, правительствомъ были сдѣланы нѣсколько попытокъ привлеченія въ край и рыбаковъ-поморовъ, для поселенія ихъ на берегу Японскаго моря какъ съ цѣлью вытѣсненія представителей желтой расы съ этой весьма важной въ политическомъ отношеніи мѣстности, такъ и для перехода къ русскому населенію морскихъ промысловъ и каботажа отъ корейцевъ, китайцевъ и японцевъ, въ значительной степени уже захватившихъ ихъ въ свои руки. Въ этихъ видахъ еще въ 1891 г. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ сдѣланъ опытъ переселенія во Владивостокъ рыбаковъ съ низовьевъ Волги въ числѣ 15 семей (77 человѣкъ); выборъ этихъ лицъ не былъ однако удачнымъ, и, несмотря на оказанныя имъ при водвореніи въ краю пособія (въ размѣрѣ до 800 р. на семью), переселенцы эти вскорѣ бросили рыбный промыселъ и обратились къ земледѣлію. Въ концѣ 1898 г. вопросъ о переселеніи поморовъ былъ снова возбужденъ въ видѣ предположенія о производствѣ опытной перевозки на казенный счетъ въ Южно-Уссурійскій край до 20 семействъ рыбаковъ Лифляндской и Эстляндской губерніи. Обсудивъ эти предположенія, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги призналъ возможнымъ ассигновать на 1899 г. 15.000 р. на перевозку такихъ лицъ во Владивостокъ и на выдачу имъ ссудъ (до 1.000 р. на семью) при водвореніи ихъ на береговой полосѣ. Перевозка семействъ рыбаковъ, начавшаяся еще въ 1899 г. будетъ продолжена и въ текущемъ году; въ настоящее время однако представляется еще затруднительнымъ выяснить насколько будутъ благопріятны результаты этого переселенія, въ виду возможности, что конкуренція съ болѣе привычными къ мѣстнымъ морскимъ промысламъ восточными народами заставитъ и этихъ переселенцевъ перейти къ болѣе привычному и выгодному, по мѣстнымъ условіямъ, занятію земледѣліемъ.

Кромѣ привлеченія въ Южно-Уссурійскій край крестьянъ—земледѣльцевъ и отдѣльныхъ семей рыбаковъ правительство

озаботилось и принятіемъ другихъ мѣръ колонизаціоннаго характера, выразившихся въ усиленіи за послѣдніе годы состава Уссурійскаго казачьяго войска казаками, переселяемыми Военнымъ Министерствомъ изъ нѣкоторыхъ другяхъ иррегулярныхъ войскъ Имперіи (Донскаго, Оренбургскаго и Забайкальскаго). Мѣра эта, одобренная Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги еще въ 1893 г., имѣетъ цѣлью какъ обезпеченіе охраны пограничной къ Китаю полосы, такъ и скорѣйшее заселеніе раіона Уссурійской желѣзной дороги; до настоящаго времени число семействъ, перечисленныхъ въ составъ Уссурійскаго войска превысило 300. Кромѣ казаковъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ оставались, въ качествѣ колонизаторовъ края, и нѣкоторые изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, отслужившихъ срокъ своей службы въ мѣстныхъ войскахъ, получившіе, на основаніи уже упомянутаго выше (стр. 218—219) закона 27 Апрѣля 1896 г., право на полученіе переселенческихъ льготъ и пособій (послѣднія выдаются отставнымъ солдатамъ въ размѣрѣ до 200 руб. на человѣка). Число такихъ нижнихъ чиновъ, водворенныхъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, составило за 1896—97 г.г. свыше 450 чел., а за 1898 г.—539 чел. [1]).

Въ заключеніе настоящаго обзора заселенія Южно-Уссурійскаго края необходимо упомянуть о весьма типичныхъ для этого края колонизаторахъ—корейцахъ и китайцахъ. Какъ уже было указано, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ мѣстная администрація не препятствовала переходу черезъ границу семейныхъ выходцевъ изъ Кореи, въ виду крайне недостаточнаго количества рабочихъ рукъ въ краѣ; поселяясь, большею частью въ пограничномъ съ Кореей Посьетскомъ участкѣ, выходцы эти даже получали ссуды для обезпеченія имъ продовольствія на первое время по ихъ водвореніи. Воззрѣніе правительства на вопросы объ эмиграціи корейцевъ измѣнились уже въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ виду политическихъ осложненій съ Китаемъ явилось опасеніе

1) Отчеты А. А. Риттиха, стр. 78 и надв. совѣтника Кигна, стр. 65.

въ недостаточно прочномъ подчиненіи корейскаго населенія края русскимъ властямъ, въ виду чего уже въ 1886 г. состоялось Высочайше утвержденное (22 Ноября) положеніе Комитета Министровъ, коимъ опредѣлялось «нынѣ же воспретить прибывающимъ въ предѣлы Россіи корейцамъ и другимъ изъ китайскихъ и корейскихъ предѣловъ выходцамъ селиться на пограничныхъ съ Китаемъ и Кореей мѣстахъ, предоставивъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ войти, совмѣстно съ Приамурскимъ Генералъ-Губернаторомъ, въ ближайшее соображеніе возможности и способовъ переселенія во внутрь края уже устроившихся на нашей границѣ корейцевъ». Выполненіе требованій этого закона, и въ особенности выселеніе корейцевъ изъ пограничнаго раіона не могло однако не встрѣтиться съ нѣкоторыми затрудненіями.

Кромѣ соображенія о значительныхъ расходахъ, съ которыми было бы сопряжено переселеніе корейцевъ во внутрь края (въ связи съ вознагражденіемъ ихъ за сносъ построекъ), возникали и опасенія, что разрѣшеніе разселенія Посьетскаго участка поставитъ въ тяжелое положеніе стоящія въ краѣ войска, многія нужды которыхъ (доставленіе провіанта, починка дорогъ) удовлетворялись благодаря лежащимъ на населеніи натуральнымъ повинностямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ концу 80-хъ годовъ выяснилась и полная непригодность Посьетскаго участка для русской земледѣльческой культуры, вслѣдствіе крайне влажнаго его климата. Не желая въ виду такихъ соображеній обезлюдить южную окраину Уссурійскаго края, Приамурскій Генералъ-Губернаторъ обратился въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ представленіемъ о необходимости оставить, хотя бы временно, открытымъ вопросъ о выселеніи корейцевъ изъ приграничной полосы. Въ виду выраженнаго Министерствомъ согласія, Генералъ-Губернаторъ съ своей стороны принялъ мѣру, имѣвшую цѣлью предупредить дальнѣйшую колонизацію края недостаточно надежными въ политическомъ отношеніи представителями желтой расы.

Въ этихъ видахъ всѣ корейцы, живущіе въ краѣ, были

раздѣлены на три категоріи, изъ которыхъ лишь лицамъ, вошедшимъ въ составъ 1-й категоріи (осѣдлымъ корейцамъ, переселившимся въ Россію до 1884 г., когда былъ заключенъ договоръ съ Кореей), было предоставлено право полученія земельныхъ надѣловъ по 15 дес. на душу послѣ принятія ими русскаго подданства. Лица остальныхъ двухъ категорій, къ которымъ были отнесены осѣдлые корейцы, прибывшіе въ край послѣ 1884 г., а также и всѣ корейцы, не имѣющіе осѣдлости и живущіе въ краѣ въ батракахъ, не имѣли права на пользованіе казенною землею, причемъ уже пріобрѣвшимъ осѣдлость надлежало ликвидировать свои хозяйства по истеченіи двухлѣтняго срока. Между тѣмъ, хотя распредѣленіе на указанныя категоріи проживавшихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ корейцевъ и было произведено въ 1892 г. особой коммисіей, объѣхавшей весь округъ и включившей въ первую категорію 1,855 семей, а во вторую—1,055 семей, но выселеніе изъ предѣловъ Россіи корейцевъ 2-й и 3-й категорій не представлялось желательнымъ для мѣстной администраціи въ виду исправнаго отбыванія ими повинностей, а также и исполненія ими тѣхъ или другихъ требованій властей, вызванныхъ нуждами мѣстнаго казачьяго войска. Мотивы эти побудили администрацію относиться сочувственно къ ходатайствамъ корейцевъ о разрѣшеніи имъ остаться въ краѣ, почему и были неоднократно принимаемы въ русское подданство семьи, первоначально зачисленныя во 2-ю категорію. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ 1895 г. корейцамъ этой категоріи было предоставлено право переходить изъ пограничной полосы на Амуръ и селиться между Хабаровскомъ и Николаевскомъ, гдѣ нѣкоторымъ изъ корейскихъ семействъ въ настоящее время уже удалось вполнѣ успѣшно устроиться и обзавестись хозяйствомъ [1]). Общее число корейцевъ, зачисленныхъ въ посемейныхъ спискахъ селеній и владѣющихъ

[1]) Отчетъ А. Риттиха, стр. 30—35, 40.

землею на законномъ основаніи составляло по 1 Января 1899 г. 13,888 душъ обоего пола, изъ коихъ 8,514 чел. населяютъ пограничный Посьетскій участокъ.

Менѣе сочувствія среди администраціи встрѣчаетъ продолжающаяся до настоящаго времени иммиграція въ Южно-Уссурійскій край выходцевъ изъ Китая. Если эти выходцы и восполняли собою до извѣстной степени недостатокъ въ краѣ рабочихъ при военныхъ сооруженіяхъ и при постройкѣ желѣзной дороги, то, съ другой стороны, вмѣстѣ съ этими полезными для края элементами проникали изъ Китая и весьма вредные, какъ то: бродячіе искатели корня «жень-шенъ», «хищники—золота», звѣроловы и, наконецъ, просто злоумышленники [1]). Лица эти хищнически эксплоатируютъ нѣкоторые раіоны, какъ, напримѣръ, мѣстность, лежащую между заливами Востокъ и Ольга, и въ то же время затрудняютъ доступъ туда русскимъ переселенцамъ, опасающимся столкновеній съ организованными китайцами. Общее число осѣдлыхъ китайцевъ превышаетъ въ краѣ 2,000 чел.

По разсмотрѣніи колонизаціи двухъ главныхъ раіоновъ Приамурскаго Генералъ-Губернаторства, именно: Зейско-Бурейской равнины Амурской области и Южно-Уссурійскаго округа Приморской, слѣдуетъ указать на третій раіонъ, начавшій привлекать переселенцевъ съ начала 90-хъ годовъ, именно на Уссурійскій округъ и южную окраину Хабаровскаго округа Приморской области, или на такъ называемый Сѣверно-Уссурійскій край. Еще въ 1885 г., на первомъ съѣздѣ представителей мѣстной администраціи и свѣдущихъ лицъ Приамурскаго края была выяснена необходимость заселенія окрестностей Хабаровска, въ видахъ обезпеченія продовольствіемъ этого города представляющаго собою административный и военный центръ края [2]). Заселеніе этой мѣстности переселенцами первоначально встрѣ-

---

1) Отчетъ надворнаго совѣтника Кигна, стр. 74.

2) Отчетъ Надворнаго Совѣтника Кигна, приложеніе I, стр. 77.

чало затрудненія какъ вслѣдствіе неудачнаго выбора мѣстъ, такъ и за неимѣніемъ свободныхъ отъ лѣса раіоновъ. Отдѣльныя партіи переселенцевъ, приходившихъ сухимъ путемъ черезъ Сибирь, начали осѣдать въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ лишь съ 1892 г., образовавъ уже къ осени 1897 г. семь деревень, расположенныхъ по берегамъ р. Амура, по нижнему теченію р. Уссури и по притокамъ послѣдней—рр. Кіѣ и Хорю. Прибывая въ Хабаровскъ, переселенцы временно помѣщаются въ особомъ баракѣ, откуда постепенно расходятся по окрестностямъ этого города, получая при водвореніи тѣ же льготы и пособія, какъ и новоселы Амурской области, въ нѣсколько увеличенныхъ, въ случаѣ необходимости, размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, при наличности неблагопріятныхъ для ихъ первоначальнаго устройства условій они освобождаются отъ всякихъ податей и повинностей на пять лѣтъ (вмѣсто трехъ); размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ этимъ переселенцамъ съ 1896 г. изъ средствъ, отпускаемыхъ изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій, можетъ быть повышаемъ до 200 р. на семью (вмѣсто предѣльнаго размѣра ссудъ 150 р., установленнаго для сухопутныхъ переселенцевъ Приамурскаго Генералъ-Губернаторства); въ связи съ этимъ можетъ быть увеличено и количество лѣсныхъ матеріаловъ, отпускаемыхъ новоселамъ изъ казенныхъ дачъ на возведеніе построекъ. Для облегченія новоселамъ пріобрѣтенія сѣмянъ и сельско-хозяйственныхъ орудій ихъ обслуживаетъ устроенный при Хабаровскомъ окружномъ правленіи особый складъ этихъ предметовъ [1]). Успѣшному устройству переселенцевъ въ раіонѣ Сѣверно-Уссурійскаго края въ значительной степени содѣйствуетъ близость г. Хабаровска и желѣзной дороги. Въ ближайшемъ будущемъ можно, повидимому, расчитывать на распространеніе колонизаціи и на остальную часть бассейна нижняго теченія р. Уссури, гдѣ переселенцы уже начинаютъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 79.

съ охотою занимать мѣстности, которыя при глазомѣрныхъ съемкахъ мѣстныхъ топографовъ были признаны когда-то непригодными для заселенія. Какъ уже было указано выше, рекогносцировочныя изслѣдованія чиновъ образованной, согласно Положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги 19 Декабря 1899 г., временной Уссурійской партіи [1]) распространены и на Сѣверно-Уссурійскій край, вслѣдствіе чего можно ожидать въ скоромъ времени образованія въ этой мѣстности переселенческихъ участковъ для выходцевъ изъ Европейской Россіи, которыхъ привлечетъ сюда окончаніе транзитной Сибирской магистрали.

---

[1]) Ср. Журналъ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіи, 1899, № 80.

Глава VII.

Колонизація Алтайскаго округа вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества.

Алтайскій округъ, занимая южную и юговосточную части Томской губерніи, [уѣзды Барнаульскій, Бійскій (часть котораго въ 1895 г. была выдѣлена въ особый уѣздъ—Змѣиногорскій), Кузнецкій и часть Томскаго] считался въ теченіе всей первой половины XIX вѣка закрытымъ для колонизаціи, Въ это время все сельское населеніе округа состояло лишь изъ приписныхъ къ Алтайскимъ горнымъ заводамъ крестьянъ, которые несли обязательныя работы при этихъ заводахъ и расположенныхъ въ ихъ раіонахъ рудникахъ. Въ продолженіе всей дореформенной эпохи для выходцевъ изъ Европейской Россіи былъ открытъ доступъ лишь въ двѣ волости Алтайскаго округа—Смоленскую Бійскаго уѣзда и Подонинскую—Кузнецкаго, не входившія до 1864 г. въ составъ завѣдываемыхъ заводскимъ управленіемъ земель, [1]) что же касается до остальныхъ частей округа, то въ нихъ могли попадать лишь самовольные переселенцы, которымъ удавалось скрываться отъ администраціи въ глухихъ мѣстахъ; число такихъ переселенцевъ не было однако значительнымъ. Увеличеніе переселенческаго движенія въ Алтайскій округъ нача-

[1]) Ядринцевъ, Заселеніе Алтая и движеніе современной колонизаціи. Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Книга II 1880 г. стр. 104 и сл.

лось лишь съ начала 60-хъ годовъ, когда въ этотъ округъ стали прибывать переселенцы—«самоходы» изъ внутреннихъ губерній, которые частью размѣщались безъ оффиціальнаго перечисленія въ деревняхъ алтайскихъ крестьянъ, освобожденныхъ въ 1861 г. отъ обязательныхъ заводскихъ работъ, а частью подвергались выселенію со стороны мѣстной администраціи. Стремленіе урегулировать положеніе этихъ переселенцевъ, число которыхъ къ 1865 г. достигло 4,368 чел., побудило Министерство Императорскаго Двора озаботиться разрѣшеніемъ этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ.

Во внесенной въ этихъ видахъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ запискѣ, [1]) Министръ Императорскаго Двора гр. Адлербергъ объяснялъ, что по полученнымъ отъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири, генерала-отъ-инфантеріи Дюгамеля, свѣдѣніямъ, государственные крестьяне, переселяющіеся изъ внутреннихъ губерній въ Западную Сибирь, весьма часто обращаются съ просьбами о водвореніи ихъ на жительство въ Алтайскомъ округѣ, заселеніе котораго было бы выгодно для Кабинета Его Величества, въ видахъ доставленія заводамъ большаго числа наемныхъ рабочихъ рукъ. Посему, находя полезнымъ допустить свободное переселеніе на алтайскія заводскія земли желающихъ, съ уплатою въ пользу Кабинета оброка, установленнаго для бывшихъ приписныхъ крестьянъ, Генералъ-Губернаторъ просилъ отзыва, на какихъ условіяхъ можетъ быть дозволено это водвореніе. Кабинетъ Его Величества, признавая несомнѣнную пользу этого предположенія съ своей стороны, находилъ:

1) Что водвореніе государственныхъ крестьянъ на заводскихъ земляхъ можетъ послѣдовать или поступленіемъ ихъ въ нынѣ существующія общества и селенія бывшихъ приписныхъ крестьянъ, или образованіемъ новыхъ обществъ и селеній на свободныхъ заводскихъ земляхъ, не приграниченныхъ ни къ рудникамъ и заводамъ, ни къ крестьянскимъ се-

---

[1]) Представленіе Министра Двора отъ 11 Апрѣля 1865 г. за № 4970.

леніямъ. Въ первомъ случаѣ на пріемъ переселяющихся должно быть ими испрошено согласіе обществъ, которыя, принявъ новыхъ членовъ въ свою среду, обязаны будутъ круговою за нихъ порукою въ исправномъ платежѣ государственныхъ и общественныхъ податей и повинностей, а также поземельнаго въ пользу заводовъ оброка, и, кромѣ того, должны будутъ надѣлить принятыхъ въ общество крестьянъ участками земель изъ дачъ, находящихся въ пользованіи этихъ обществъ и селеній. Во второмъ же случаѣ, т. е. при образованіи новыхъ обществъ и селеній на свободныхъ заводскихъ земляхъ, предварительный осмотръ этихъ земель можетъ быть дозволенъ избраннымъ изъ среды переселяющихся лицамъ и только затѣмъ должно послѣдовать самое ихъ водвореніе; при этомъ переселяющимся надлежитъ выдѣлять, по числу душъ, поземельные участки, въ размѣрѣ не менѣе 15 десятинъ на душу удобной земли, съ нѣкоторымъ, на случай увеличенія населенія, запасомъ, въ опредѣленіи котораго слѣдуетъ сообразоваться съ мѣстными обстоятельствами и требованіями другихъ переселенцевъ. Какъ осмотръ земель и ихъ отводъ, такъ и самое водвореніе крестьянъ во вновь образуемыя или прежнія общества должны происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія и по распоряженіямъ Алтайскаго Горнаго Правленія, согласно съ заключеніемъ Кабинета Его Величества, утвержденнымъ Министромъ Императорскаго Двора и принятымъ Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири.

2) Что размѣръ поземельнаго оброка въ пользу заводовъ вновь водворенныхъ крестьянъ, согласно съ мнѣніемъ генерала-отъ-инфантеріи Дюгамеля, долженъ быть одинаковъ съ платимымъ бывшими приписными крестьянами оброкомъ по 6 р. съ души. Размѣръ этотъ былъ-бы справедливъ какъ въ отношеніи крестьянъ, поступающихъ въ прежнія общества, гдѣ вновь прибывшіе члены будутъ пользоваться одинаковыми земельными угодьями съ прежними обывателями, уже платящими этотъ оброкъ, такъ и въ отношеніи переселенцевъ, образующихъ новыя общества, которымъ предпо-

лагается дать на душу не менѣе 15 десятинъ удобной земли, что соотвѣтствуетъ полному душевому надѣлу государственныхъ крестьянъ въ многоземельныхъ губерніяхъ;

и 3) Что въ виду того, что крестьянамъ, водворяющимся на земляхъ удѣльныхъ (съ которыми сравнены алтайскіе заводскіе) никакихъ особыхъ льготъ не дается, и они платятъ удѣльный оброкъ со времени ихъ перечисленія, переселяться же на заводскія земли будутъ одни желающіе и Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири, ходатайствуя объ этомъ, не упоминалъ, чтобы переселяющимся нужны были какія либо особыя льготы, то въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться правилами удѣльнаго управленія, отпуская вновь прибывшимъ крестьянамъ безплатно лишь необходимый для постройки усадебъ лѣсъ и топливо, наравнѣ съ бывшими приписными къ заводамъ крестьянами.

Съ этими соображеніями Кабинета Его Величества, согласились и Министры Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, въ виду чего Комитетъ Министровъ полагалъ утвердить представленіе Министра Императорскаго Двора, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе 30 Іюля 1865 г. [1]).

Приведенныя правила 1865 г. представляли собою, такимъ образомъ, единственное для того времени узаконеніе, открывшее доступъ переселенцамъ изъ Европейской Россіи въ сравнительно менѣе отдаленный отъ ихъ родины раіонъ Западной Сибири, [2]) отличающійся при томъ плодородіемъ почвы и представляющій поэтому всѣ данныя для успѣшнаго развитія земледѣльческой промышленности, независимо отъ заработковъ, которые даютъ населенію занятія на горныхъ

---

[1]) 2 П. С. З. № 42353.

[2]) Что касается до вопроса о перечисленіи переселенцевъ, то законъ 1865 г. не вводилъ въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій установленнаго положеніемъ 1861 г. (о крестьянахъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, къ которымъ съ 1866 г. были приравнены въ этомъ отношеніи и бывшіе государственные крестьяне) порядка увольненія крестьянъ изъ ихъ обществъ, условія котораго, какъ уже было указано въ началѣ настоящей главы, были довольно затруднительными для лицъ, желавшихъ предпринять переселеніе.

заводахъ. Слухи о новомъ законѣ, въ связи съ распространявшимся среди сельскаго населенія Имперіи представленіи о благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ Алтая, не замедлили оказать вліяніе на приливъ въ этотъ край переселенцевъ. При отсутствіи полныхъ статистическихъ данныхъ объ общемъ числѣ послѣднихъ до 1884 г., сохранившіяся въ Алтайскомъ Горномъ Управленіи свѣдѣнія о числѣ *перечислившихся* въ Алтайскій округъ лицъ являются очень цѣнными; они указываютъ на постепенное и неуклонное повышеніе ежегодной численности переселенцевъ, начавшееся вслѣдъ за обнародованіемъ закона 1865 г. По этимъ даннымъ, распредѣленнымъ до 1884 г. по шестилѣтіямъ, ходъ перечисленія переселенцевъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	За шестилѣтія. 1866—1872.	1872—1878.	1878—1884.	За 18 лѣтъ.
Число перечисленныхъ переселенцевъ . . .	3,691	4,288	9,727	17,606
Среднее годовое . . .	615	716	1,621	978

Замѣтный ростъ переселеній съ конца 70-хъ годовъ можетъ быть обнаруженъ и при сопоставленіи числа переселенцевъ, жившихъ въ Алтайскомъ округѣ безъ причисленія, составлявшихъ въ 1876 г. всего 1,765 чел. въ 1882 г.— 17,942 чел., а къ 1 Января 1884 г. уже 30,544 чел. [1]).

Съ 1884 г., когда регистрація перечисленія стала вестись Алтайскимъ горнымъ управленіемъ съ большей точностью, данныя о числѣ переселенцевъ, причисленныхъ къ округу въ отдѣльные годы, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Душъ об. пола.	Годы.	Душъ об. пола.	Годы.	Душъ об. пола.
1884	11,905	1889	17,215	1894	31,758
1885	17,054	1890	31,345	1895	24,900
1886	16,279	1891	28,557	1896	38,358
1887	15,970	1892	39,565	1897	25,014
1888	18,031	1893	43,392	1898	39,196
За пятилѣтіе	79,239		160,074		159,026

[1]) Алтай. Историко-статистическій сборникъ. Изданіе В. А. Г-ва, подъ редакціей П. А. Голубева 1890 г., стр. 331—332.

Указывая на неослабѣвающую въ общемъ выводѣ силу переселенческаго движенія, цифры этой таблички не могутъ однако дать полнаго представленія о величинѣ годоваго вселенія въ округъ; такъ, въ 1896—97 г.г. было зарегистрировано до 146,578 чел., бывшихъ до того времени неперечисленными, въ виду чего число водворившихся за послѣднее пятилѣтіе (1894—98) должно возрасти до 305,600 душъ обоего пола, т. е. почти вдвое противъ предшествовавшаго пятилѣтія и въ $3^1/_2$ раза болѣе противъ пятилѣтія 1884—88 г.г. [1]). При столь крупныхъ абсолютныхъ величинахъ, число водворенныхъ въ Алтайскомъ округѣ переселенцевъ представляетъ въ то же время весьма значительную часть общей численности выходцевъ, вступившихъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь; такъ, за шестилѣтіе 1885—90 г. алтайскіе переселенцы составляли 48% общаго числа, за 1892 г. — 69%, и за 1898—37%.

Въ виду послѣдняго обстоятельства, Алтайскіе переселенцы представляютъ, по своему составу, тѣ же особенности, которыя характеризуютъ и общую массу сибирскихъ переселенцевъ. Такая аналогія выступаетъ яснѣе всего при распредѣленіи алтайскихъ новоселовъ на группы по мѣстамъ ихъ выхода, причемъ обнаруживается весьма замѣтное преобладаніе среди этихъ новоселовъ выходцевъ изъ центральнаго раіона черноземной полосы. Такъ, за 15-ти лѣтній періодъ 1884—1899 г.г. 5 губерній указаннаго раіона—Курская, Тамбовская, Полтавская, Черниговская и Воронежская—дали до 44,6% всего числа переселенцевъ, водворенныхъ на Алтаѣ. Изъ числа прочихъ губерній обращаетъ на себя вниманіе лишь довольно значительная цифра выходцевъ изъ Тобольской губерніи, составившая за указанное 15-ти-лѣтіе 22,187 чел., или 5,4% общей суммы перечисленныхъ за это время переселенцевъ. Подобные переходы крестьянъ изъ Тобольской губерніи

---

[1]) Очеркъ переселенческаго дѣла въ Алтайскомъ округѣ за 1884—1898 г.г. Изданіе Главнаго Управленія Алтайскаго Округа 1900, стр. 33—35.

на Алтай, представляющіе собою проявленіе процесса внутренней колонизаціи Сибири, имѣютъ своимъ основаніемъ нѣсколько причинъ; причины эти заключаются, съ одной стороны, въ затруднительности для отдѣльныхъ выходцевъ изъ средней и южной Россіи приспособиться къ сравнительно болѣе суровой обстановкѣ ихъ жизни въ Тобольской губерніи, а съ другой стороны—въ томъ переходномъ положеніи, въ которомъ находится крестьянское землевладѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири. Постепенная смѣна старыхъ формъ землепользованія—захвата, заимки и вольнаго пользованія періодическими передѣлами земель и душевымъ пользованіемъ, появленіе сравнительно болѣе интенсивныхъ системъ хозяйства взамѣнъ прежней залежной, наконецъ, стремленіе администраціи ввести, путемъ межеванія, крестьянское землевладѣніе въ болѣе опредѣленныя границы— всѣ эти явленія не замедлили вызвать и въ Сибири переходы крестьянъ-старожиловъ на тѣ земли, гдѣ, по доходившимъ до нихъ извѣстіямъ, еще не чувствовалось «утѣсненія» въ тѣхъ или другихъ угодьяхъ [1]).

Разселяясь въ предѣлахъ Алтайскаго округа, переселенцы предпочитали водворяться въ центральной и отчасти западной степной его части, представляющей всѣ благопріятныя условія для развитія земледѣлія и скотоводства; такимъ образомъ съ половины 60-хъ и до середины 80-хъ годовъ главная масса переселенцевъ осѣдала въ Бійскомъ уѣздѣ на который уже въ 1884 г. приходилось до 55% всѣхъ алтайскихъ новоселовъ. По мѣрѣ заполненія многихъ волостей Бійскаго уѣзда главная волна переселенцевъ стала направляться въ расположенный къ сѣверо-западу отъ послѣдняго Барнаульскій уѣздъ, гдѣ за пятилѣтіе 1898—1893 г.г. осѣло до 66% всѣхъ переселенцевъ, а за 1894—1898 г.г. даже 74%; напротивъ, на Бійскій уѣздъ за послѣднее пятилѣтіе (1894 — 1898 г.г.)

---

[1]) Ср. Алтайскій Сборникъ. Выпускъ I. 1894 г. (Изданіе Общества любителей изслѣдованія Алтая), Матеріалы по переселенію въ Алтайскій округъ, стр. 246.

пришлось не болѣе 15% всего числа переселенцевъ. Въ другихъ раіонахъ округа—гористомъ Кузнецкомъ уѣздѣ и лѣсномъ—принадлежащей Кабинету части Томскаго—численность новоселовъ представляется сравнительно болѣе слабою въ виду болѣе суровыхъ климатическихъ условій этихъ раіоновъ; лишь въ Томскомъ уѣздѣ въ послѣднее пятилѣтіе наблюдается замѣтное повышеніе числа водворенныхъ переселенцевъ (съ 2% общей массы за предшествовавшія 5 лѣтъ до 7%), и это обстоятельство объясняется проложеніемъ линіи Сибирской желѣзной дороги, пересѣкающей семь волостей Томскаго уѣзда. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ алтайскіе переселенцы охотно селились въ деревняхъ старожиловъ, которые принимали ихъ за сравнительно весьма невысокую плату, а иногда и безплатно [1]); еще въ 1884 г. число новоселовъ, водворившихся на свободныхъ земляхъ не превышало 16% общаго ихъ числа. Въ слѣдующее десятилѣтіе (1884—1893 г.г.), напротивъ, высказалось стремленіе алтайскихъ переселенцевъ устраиваться отдѣльными поселками, и это обстоятельство зависѣло какъ отъ начавшихся съ 1884 г. въ Алтайскомъ округѣ работъ по отводу переселенческихъ участковъ, такъ и отъ значительнаго увеличенія цѣнъ на пріемные приговоры со стороны обществъ старожиловъ, которыхъ побуждало къ этому какъ увеличеніе спроса на ихъ земли, такъ и постепенное сокращеніе приходившейся на ихъ долю земельной площади. Къ 1889 г. число переселенцевъ, основавшихъ самостоятельные поселки, достигло уже 56%, а за пятилѣтіе 1889 — 1893 г.г. даже 63% всего числа лицъ, перечисленныхъ въ Алтайскій округъ. Наконецъ, за послѣднее пятилѣтіе 1894 — 1898 г.г. число новоселовъ, поселившихся на свободныхъ земляхъ, вновь сократилось до 47% общей массы, и это объясняется прекращеніемъ нарѣзки участковъ изъ свободныхъ земель, а

---

[1]) Алтай. Сборникъ подъ редакціей П. А. Голубева, 1890, статья «Колонизація и переселенческое дѣло» И. Овсянкина, стр. 341.

также и облегченными условіями пріема переселенцев старожильческими обществами, въ виду принятыхъ за послѣдніе годы законодательныхъ мѣръ, которыя имѣли цѣлью распространить на алтайскихъ переселенцевъ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ правилъ переселенія на сибирскія казенныя земли.

Кромѣ новоселовъ, входившихъ въ составъ сельскихъ обществъ, нѣкоторая часть переселенцевъ приписывалась къ мѣщанскимъ обществамъ городовъ Алтайскаго округа (Барнаула, Бійска, Кузнецка и Колывани); явленіе это, вызванное главнымъ образомъ затруднительными условіями приписки къ сельскимъ обществамъ (по причинѣ вздорожанія цѣнъ на пріемные приговоры), имѣло своимъ послѣдствіемъ весьма замѣтное возростаніе городскаго населенія, достигшаго, напримѣръ, до 10.000 чел. въ Барнаулѣ и Бійскѣ еще въ началѣ 80-хъ годоръ, когда переселенческое движеніе въ Сибирь имѣло гораздо болѣе ограниченные размѣры, чѣмъ въ послѣдніе годы; приэтомъ въ обоихъ названныхъ городахъ, благодаря выходцамъ изъ Европейской Россіи «возникли цѣлыя новыя улицы и слободы, густо застроенныя переселенческими избами [1])». Въ 1897 г. численность населенія г. Барнаула доходитъ уже до 30.000 человѣкъ.

Со времени обнародованія правилъ 1865 года о переселеніяхъ въ Алтайскій округъ и вплоть до середины 90-хъ годовъ относительно алтайскихъ новоселовъ вовсе не издавалось какихъ либо новыхъ законодательныхъ нормъ, если не считать лишь распространеннаго на Алтайскій округъ положенія Главнаго Комитета по устройству сельскаго населенія отъ 9 Ноября 1876 г. о причисленіи къ мѣстамъ водворенія неприписанныхъ къ сельскимъ обществамъ переселенцевъ Западно - Сибирскихъ губерній. Въ началѣ

1) Отчетъ чиновника особыхъ порученій Переселенческаго Управленія Мин. Вн. Дѣлъ П. Архипова о переселенческомъ движеніи въ 1898 г. (при отношеніи за № 1950 отъ 2/12 марта 1879 г.), стр. 40.

90-хъ годовъ Кабинетомъ Его Величества были приняты нѣкоторыя мѣры въ видахъ упорядоченія значительно возросшаго по своимъ размѣрамъ переселенческаго движенія на Алтай. Съ этою цѣлью въ 1891 г. было предписано Главному Управленію округа не выдавать разрѣшеній на водвореніе переселенцевъ, не выяснивъ предварительно, путемъ переписки съ начальниками губерній, откуда переселенцы выходятъ, возможности увольненія ихъ изъ прежнихъ обществъ и не получивъ на переселеніе ихъ согласія губернаторовъ [1]). Далѣе, вслѣдъ за изданіемъ въ 1892 г. циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о пріостановкѣ выдачи разрѣшеній на переселенія въ Сибирь, распространеннаго и на Алтайскій округъ,—Кабинетомъ Его Величества была прекращена выдача разрѣшеній на переселеніе ходокамъ переселенцевъ, семьи которыхъ оставались еще на родинѣ [2]).

Эти распоряженія не могли однако сдержать прилива переселенцевъ на Алтай, и масса прибывшихъ въ округъ выходцевъ изъ Европейской Россіи оставалась не перечисленной и неустроенной въ поземельномъ отношеніи, за невыполненіемъ требуемыхъ для сего условій. Къ этой группѣ лицъ относились прежде всего тѣ переселенцы которые, не дождавшись полученія увольнительныхъ свидѣтельствъ изъ мѣстъ прежней осѣдлости и не уплативъ недоимокъ, самовольно прибыли на Алтай; затѣмъ изъ числа сельскихъ обывателей, получившихъ разрѣшеніе на переселеніе отъ губернскихъ властей прежняго мѣста жительства ихъ, многіе по прибытіи на Алтай осѣдали въ старожильческихъ селеніяхъ безъ полученія пріемныхъ приговоровъ на вступленіе въ составъ мѣстныхъ обществъ и проживали среди этихъ крестьянъ на положеніи батраковъ или же въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, уплачивая старожиламъ въ послѣднемъ случаѣ особые денежные сборы за пользованіе ихъ усадебными, пахотными и выгонными землями. Находясь въ

---

1) Очеркъ переселенческаго дѣла на Алтаѣ за 1884—1898 г.г., стр. 6.

2) Тамъ-же, стр. 7.

полной зависимости отъ обществъ старожиловъ, непричисленные къ нимъ новоселы часто обращались въ Главное Управленіе Алтайскаго округа съ ходатайствами о побужденіи обществъ выдать имъ пріемные приговоры и подавали при этомъ жалобы на притѣсненія со стороны старожиловъ, которые облагали ихъ въ свою пользу непомѣрными поборами, продавали ихъ имущество за неуплату этихъ поборовъ, даже прибѣгали къ разнымъ насильственнымъ дѣяніямъ, въ родѣ уничтоженія посѣвовъ и т. п. [1]).

Кромѣ этихъ переселенцевъ, проживавшихъ среди старожилаго населенія безъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ, въ Алтайскомъ округѣ самовольные переселенцы осѣдали также въ переселенческихъ поселкахъ, или-же селились отдѣльными заимками на свободныхъ Кабинетскихъ земляхъ, частью-же представляли изъ себя крайне подвижный элементъ безъ постояннаго жительства. Общее число непричисленныхъ переселенцевъ достигло въ Алтайскомъ округѣ къ началу 1896 г. до 100,000 человѣкъ.

Стремленіе положить конецъ безправному положенію всѣхъ этихъ новоселовъ и въ тоже время по возможности урегулировать будущее движеніе переселенцевъ въ Алтайскій округъ побудило Кабинетъ Его Величества выработать въ 1896 году проектъ правилъ, имѣвшихъ въ виду распространить на Алтайскій округъ дѣйствіе закона 1889 г. о переселеніяхъ на казенныя земли, какъ по вопросу объ устройствѣ самовольныхъ и непричисленныхъ переселенцевъ, уже прибывшихъ въ округъ, такъ и относительно порядка дальнѣйшихъ переселеній на Кабинетскія земли. Этотъ проектъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, переданъ на обсужденіе Комитета Сибирской желѣзной дороги.

---

1) Записка Кабинета Его Величества объ устройствѣ переселенцевъ Алтайскаго округа, приложенная къ отношенію Министра Императорскаго двора Управляющему дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги, отъ 11 Апрѣля 1896 г. за № 4970.

Признавая, въ согласіи съ предположеніями Кабинета Его Величества, постановку переселенческаго дѣла въ Алтайскомъ округѣ на болѣе прочныхъ основаніяхъ крайне желательною, Комитетъ усматривалъ, что урегулированіе переселеній въ этотъ округъ—какъ привлекающій къ себѣ до настоящаго времени наибольшее число сибирскихъ переселенцевъ—должно благопріятно отразиться на характерѣ всего переселенческаго движенія въ Сибирь и способствовать правильному заселенію раіона Сибирской желѣзной дороги.

Исходя отъ этихъ соображеній, Комитетъ полагалъ, что предположенное Кабинетомъ Его Величества причисленіе переселенцевъ, уже обзаведшихся хозяйствомъ, къ обществамъ старожиловъ безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ является лишь формальнымъ закрѣпленіемъ признаннаго всѣми факта допущенія обществомъ домообзаводства новоселовъ и имѣетъ своею цѣлью исключительно огражденіе существующаго порядка, который могъ быть всегда, подъ прикрытіемъ закона, нарушенъ старожилами путемъ крайне несправедливыхъ притѣсненій, въ видѣ требованія отъ новоселовъ выселенія или уплаты значительной «вступной» платы денегъ. Съ такимъ же сочувствіемъ Комитетъ отнесся и къ предположеніямъ Кабинета о постановкѣ переселенческаго дѣла въ Алтайскомъ округѣ въ будущемъ, признавая лишь желательнымъ согласовать проектъ Кабинета съ изданнымъ около того времени узаконеніемъ о переселеніи въ раіонъ Сибирской желѣзной дороги (Высочайше утвержденное 15 Апрѣля 1896 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта). Нѣсколько видоизмѣненный въ этомъ смыслѣ проектъ Кабинета получилъ Высочайшее утвержденіе по положенію Комитета отъ 27 Апрѣля 1896 г.

Согласно этому положенію, всѣ лица сельскаго состоянія и мѣщане, уже переселившіеся въ Алтайскій округъ, подлежали перечисленію къ мѣстамъ новаго водворенія. Изъ числа этихъ лицъ переселенцы, водворившіеся въ обществахъ мѣстныхъ крестьянъ и имѣющіе въ селеніяхъ этихъ обществъ

домообзаводство и притомъ занимающіеся хлѣбопашествомъ, причисляются, по заявленіи съ ихъ стороны соотвѣтственныхъ ходатайствъ, къ обществамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ пользованіи этихъ обществъ находится или можетъ быть, по мѣстнымъ условіямъ, прирѣзано не менѣе 15 десятинъ удобной земли на наличную душу, включая и вновь причисляемыхъ. Такой же размѣръ земельнаго довольствія былъ назначенъ и для переселенцевъ, водворяемыхъ, по ихъ желанію, на особо образованныхъ участкахъ. Наконецъ, переселенцы, не подходящіе подъ дѣйствіе изложенныхъ правилъ, приписываются къ волостямъ или городамъ, гдѣ они проживаютъ, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ, и, впредь до водворенія ихъ на переселенческихъ участкахъ, или до причисленія ихъ къ сельскимъ обществамъ по пріемнымъ приговорамъ, вовсе освобождаются отъ платежа 6-рублеваго подушнаго оброка [1]) въ пользу Кабинета. Перечисленіе всѣхъ указанныхъ лицъ производится Томскою казенною палатою по полученіи отъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа документовъ, удостовѣряющихъ самоличность переселенцевъ; распоряженія эти признаются окончательными въ тѣхъ случаяхъ, если впослѣдствіи по перепискѣ съ властями мѣстъ выхода окажется, что переселенцы не состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и что оставшіеся въ прежнихъ обществахъ малолѣтніе и другія лица, неспособныя къ работѣ, обезпечены въ своемъ содержаніи.

Что касается до организаціи дальнѣйшихъ переселеній въ Алтайскій округъ, то законъ 27 Апрѣля 1896 г. распространилъ дѣйствіе переселенческаго закона 1889 г. на переселенцевъ, водворяющихся на Кабинетскихъ земляхъ, какъ по вопросу о порядкѣ испрошенія ими разрѣшеній на выходъ съ родины, причемъ разрѣшеніе на переселеніе въ Алтайскій округъ выдается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по согла-

---

[1]) Оброкъ этотъ взимается по числу ревизскихъ душъ, въ виду чего всѣ переселенцы, родившіеся послѣ послѣдней ревизіи 1858 года, не облагаются имъ.

шенію съ Министромъ Императорскаго Двора, такъ и относительно передвиженія самихъ переселенцевъ и ихъ ходоковъ по пониженному тарифу. По вопросу же о льготахъ представляемыхъ лицамъ, переселяющимся съ установленнаго разрѣшенія при ихъ водвореніи на Алтаѣ, послѣдніе освобождены отъ уплаты недоимокъ по прежнему мѣсту ихъ жительства, и отъ платежа 6-ти рублеваго подушнаго оброка и всѣхъ другихъ, причитающихся казнѣ или Кабинету Его Величества поземельныхъ сборовъ въ теченіе 3 лѣтъ, съ обложеніемъ ихъ въ послѣдующіе три года этими сборами въ половинномъ размѣрѣ. Далѣе, алтайскіе переселенцы сравнены съ остальными сибирскими новоселами и въ льготахъ по отбыванію воинской повинности, а также и по полученію пособій на продовольствіе и обсѣмененіе полей; что же касается ссудъ на домообзаводство, то законъ 27 Апрѣля 1896 г. вовсе не упоминаетъ о послѣднихъ, въ виду того, что «при установленіи выдачи таковыхъ ссудъ Алтайскій округъ, уже и такъ отвлекающій къ себѣ переселенцевъ отъ мѣстностей, ближайшихъ къ желѣзнодорожной линіи, получилъ бы еще лишній благопріятный признакъ въ глазахъ выбирающаго мѣсто водворенія переселенца,—что представлялось бы нежелательнымъ, какъ съ точки зрѣнія успѣшности заселенія ближайшихъ къ рельсовой линіи пространствъ, такъ и въ интересахъ Кабинета, который, въ настоящее время, въ виду предстоящаго крайне сложнаго дѣла по устройству поземельнаго быта населенія, тяготится усиленнымъ приращеніемъ послѣдняго путемъ переселеній.» [1])

Что касается переселенцевъ, прибывающихъ въ Алтайскій округъ безъ соотвѣтственныхъ разрѣшеній, то законъ 27 Апрѣля 1896 г. установилъ для этихъ лицъ тѣ же ограниченія въ льготахъ (по уплатѣ недоимокъ и отбыванію воинской повинности), которыя были установлены Высочайше утвержден-

1) Выписка изъ журнала подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіи 1896 г. № 34, стр. 8.

нымъ, 15 Апрѣля 1896 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ, самовольные переселенцы водворяются въ Алтаѣ, на переселенческихъ участкахъ, по аналогіи съ казенными землями сибирскихъ губерній и областей, *только въ томъ случаѣ, если таковые участки имѣются въ свободномъ распоряженіи* Главнаго Управленія Алтайскаго Горнаго Округа.

Въ разъясненіе и развитіе закона 27 Апрѣля 1896 г. Министромъ Двора, по сношеніи съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, были преподаны Горному Управленію Алтайскаго Горнаго Округа указанія, которыми подтверждалось:

1) чтобы водвореніе переселенцевъ на свободныхъ Кабинетскихъ земляхъ и на не сполна заселенные участки было допускаемо лишь по испрошеніи переселенцами предварительнаго разрѣшенія Министровъ Императорскаго Двора и Внутреннихъ Дѣлъ;

2) чтобы самовольнымъ переселенцамъ не выдавалось разрѣшенія на водвореніе впредь до полученія разрѣшеній отъ вышеуказанныхъ Министровъ,

и 3) чтобы былъ прекращенъ пріемъ новыхъ членовъ въ общества на заполненныхъ переселенческихъ участкахъ, равно какъ и вообще водвореніе переселенцевъ на этихъ участкахъ [1]).

Послѣ распространенія такимъ образомъ на алтайскихъ переселенцевъ основныхъ положеній законовъ 1889 г. и 1896 г., Кабинетъ Его Величества обратилъ вниманіе на необходимость примѣненія къ устройству переселенцевъ и нѣкоторыхъ другихъ узаконеній, изданныхъ въ 1897 г. для урегулированія быта новоселовъ, водворяющихся на казенныхъ земляхъ. Такъ, въ 1899 г. выяснилась желательность достичь болѣе прочнаго водворенія алтайскихъ новоселовъ на отведенныхъ для нихъ участкахъ и по возможности положить конецъ часто наблюдавшимся (какъ и на казенныхъ земляхъ) случаямъ самовольнаго, и притомъ не оправдываемаго дѣйствительною необходимостью, оставленія

---

[1]) Предписаніе Кабинета Его Величества Главному Управленію Алтайскаго Горнаго Округа, отъ 29 Іюня 1899 г., за № 6483. См. вышеупомянутый Очеркъ переселенческаго дѣла въ Алтайскомъ округѣ, стр. 12—13.

переселенцами мѣстъ, уже избранныхъ ими для водворенія. Подобные самовольные уходы новоселовъ происходили обыкновенно въ то время, когда ихъ документы уже были направлены въ Томскую казенную палату, а нерѣдко даже и послѣ состоявшагося распоряженія объ ихъ причисленіи. Благодаря этому, поселки, считавшіеся по числу причисленныхъ переселенцевъ заполненными, фактически оставались нерѣдко не заполненными, а начисляемые казенною палатою сборы на причисленныхъ переселенцевъ, выбывшихъ изъ поселковъ, ложились тяжелымъ бременемъ на остающемся въ поселкахъ населеніи [1]).

Для устраненія такого несоотвѣтствія численности причисленнаго къ поселкамъ населенія съ тѣмъ, которое проживаетъ въ нихъ въ дѣйствительности, Кабинетомъ Его Величества было признано желательнымъ распространить на Алтайскій округъ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ, 12 Апрѣля 1897 г., правилъ о переселенцахъ, самовольно оставляющихъ мѣста ихъ водворенія, въ силу которыхъ эти переселенцы лишаются права на надѣленіе другими свободными землями и теряютъ, по истеченіи 3 лѣтняго срока безвѣстнаго отсутствія, и право на отведенные имъ надѣлы, причемъ взысканіе съ обществъ недоимокъ ушедшихъ лицъ пріостанавливается, по истеченіи трехъ лѣтъ недоимки вовсе слагаются со счетовъ. По разсмотрѣніи предположенія Кабинета Его Величества въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги оно удостоилось Высочайшаго утвержденія по

[1]) По свѣдѣніямъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа къ 1 Января 1897 г. общая сумма податныхъ недоимокъ, накопившихся за ушедшими переселенцами, достигла 135.000 р., причемъ большая часть этой недоимки числилась за переселенцами, находящимися въ безвѣстной отлучкѣ (См. Журналъ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисіи 1899 г. № 66 и записку Кабинета Его Величества о распространеніи на Алтайскій округъ дѣйствія положенія Комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 12 Апрѣля 1897 г., приложенную къ отношенію Управлявшаго Министерствомъ Двора къ Управляющему дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги, отъ 16 Февраля 1899 г. за № 1780).

положенію Комитета отъ 29 Іюня 1899 г., согласно которому было предоставлено Министру Императорскаго Двора въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія допускать для самовольно ушедшихъ новоселовъ исключеніе изъ указанныхъ правилъ, въ смыслѣ надѣленія ихъ землею въ иныхъ мѣстахъ.

Въ 1899 г. на Алтайскихъ переселенцевъ было распространено еще одно изъ узаконеній, относившихся лишь до переселеній на казенныя земли. Согласно Высочайше утвержденному, 19 Декабря 1899 г., положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги былъ введенъ въ Алтайскомъ округѣ упрощенный способъ перечисленія переселенцевъ, водворяющихся въ деревняхъ старожиловъ (безъ требованія отъ нихъ увольнительныхъ приговоровъ отъ прежнихъ обществъ и съ разрѣшенія крестьянскихъ начальниковъ), который былъ установленъ для переселенцевъ на казенныхъ земляхъ западной и средней Сибири закономъ 12 Апрѣля 1897 г. [1]). Въ связи съ этимъ на переселенцевъ приселяющихся съ разрѣшенія правительства къ деревнямъ крестьянъ Алтайскаго округа были распространены и обычныя льготы по отбыванію воинской повинности.

---

[1]) На цѣлесообразность такого измѣненія въ порядкѣ причисленія Алтайскихъ новоселовъ было указано Министерствомъ Финансовъ въ представленіи, внесенномъ осенью истекшаго года въ подготовительную при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммисію (представленіе Министерства Финансовъ по Департаменту Окладныхъ Сборовъ отъ 18 Ноября 1899 г.), за № 9021 на основаніи ходатайства Томской Казенной Палаты, мотивировавшей желательность введенія вышеуказанныхъ измѣненій соображеніями справедливости по отношенію къ Алтайскимъ переселенцамъ въ сравненіи съ остальными сибирскими новоселами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Казенная Палата указывала и на полную своевременность такихъ измѣненій, въ виду уже оконченнаго Главнымъ Управленіемъ перечисленія прежнихъ переселенцевъ къ обществамъ старожиловъ согласно закону 27 Апрѣля 1896 г. Съ своей стороны Министерство Двора отнеслось вполнѣ сочувственно къ предложенію Министерства Финансовъ, указавъ лишь на необходимость дополнить первоначальную редакцію новыхъ правилъ установленіемъ для крестьянскихъ начальниковъ обязанности, предварительно разрѣшенія ими приселенія къ деревнямъ старожиловъ, входить въ сношеніе о семъ съ Главнымъ Управленіемъ Алтайскаго округа или съ Управляющимъ имѣніями округа.

Указавъ на измѣненія, происшедшія за послѣдніе годы въ законодательствѣ по переселенческому дѣлу въ Алтайскомъ округѣ вѣдомства Кабинета Его Величества, надлежитъ разсмотрѣть въ существенныхъ чертахъ дѣятельность Главнаго Управленія этого округа по устройству переселенцевъ. Въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ образованію переселенческихъ участковъ и надѣленію переселенцевъ землею. Отводъ новоселамъ участковъ изъ свободныхъ земель Кабинета Его Величества начался еще съ 1865 г., хотя и имѣлъ весьма ограниченные размѣры до 1884 г., когда бывшее Горное Правленіе было преобразовано въ Главное Управленіе, въ зависимости отъ чего и переселенческое дѣло получило болѣе широкую постановку. Число образованныхъ съ 1865 г. до 1895 г. въ Алтайскомъ округѣ переселенческихъ участковъ равняется 228, имѣющихъ общую площадь до 1,750,000 дес. (удобной и неудобной земли); изъ этого числа 140 участковъ были образованы за время 1884—1895 г.г. Въ 1895 г. дальнѣйшее образованіе переселенческихъ участковъ было, по распоряженію Кабинета Его Величества, пріостановлено, въ виду выяснившейся необходимости сохранить запасъ свободныхъ земель для предстоящаго землеустройства старожилыхъ крестьянъ Алтайскаго округа, коимъ принадлежитъ нынѣ, на основаніи закона 1861 г., лишь право *временнаго* пользованія занимаемыми ими угодьями.

При образованіи участковъ для водворенія переселенцевъ Главное Управленіе Алтайскаго округа руководилось обыкновенно заявленіями о желаніи устроить осѣдлое поселеніе на избранномъ мѣстѣ, и лишь немногіе изъ этихъ участковъ были образованы по непосредственной инціативѣ Главнаго Управленія. Что касается порядка образованія участковъ, то послѣ полученія заявленій переселенцевъ Главнымъ Управленіемъ обыкновенно командировалось должностное лицо для мѣстнаго осмотра участка въ присутствіи самихъ переселенцевъ, съ цѣлью опредѣленія приблизительной величины его, а также топографическихъ особенностей и степени пригодности его

въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. По полученіи указанныхъ свѣдѣній на мѣсто командировался межевой техникъ, къ обязанности котораго относилось: 1) обмежеваніе и снятіе на планъ мѣстности, избранной для поселенія, 2) распредѣленіе мѣста для селенія на усадебные участки по правиламъ Строительнаго Устава и 3) составленіе подробнаго описанія всего переселенческаго участка. По полученіи этихъ свѣдѣній и по утвержденіи плана, между Главнымъ Управленіемъ и Томской казенною палатою возникала переписка о перечисленіи переселенцевъ и обложеніи ихъ оброкомъ, послѣ чего участокъ открывался для водворенія переселенцевъ въ числѣ, соотвѣтственномъ количеству обмежеванной земли [1]). Общіе результаты примѣненія этого порядка должны быть признаны вполнѣ благопріятными, и изъ общаго числа 228 участковъ къ 1 Января 1900 г. оставалось лишь 78 не вполнѣ занятыхъ, остальные-же 150 участковъ уже заполнены. Въ видахъ предупрежденія переполненія образованныхъ переселенческихъ участковъ Главнымъ Управленіемъ округа ведется по каждому изъ участковъ счетъ занятыхъ и свободныхъ душевыхъ надѣловъ, для каковой цѣли Управляющіе имѣніями Алтайскаго округа или ихъ помощники ежегодно объѣзжаютъ переселенческіе поселки.

Вскорѣ послѣ пріостановки образованія переселенческихъ участковъ Главное Управленіе Алтайскаго округа приступило къ весьма сложной задачѣ—устройства тѣхъ новоселовъ, которые получили право на перечисленіе въ округъ на основаніи закона 27 Апрѣля 1896 г. Съ этою цѣлью были предварительно собраны подробныя свѣдѣнія относительно неустроенныхъ и непричисленныхъ переселенцевъ; изъ этихъ свѣдѣній выяснилось, что эти переселенцы проживали въ числѣ около 150,000 душъ въ 1,253 селеніяхъ, раскинутыхъ на всемъ пространствѣ Алтайскаго округа, изъ

---

1) Для ускоренія водворенія переселенцевъ, разрѣшеніе на поселеніе послѣднихъ на томъ или другомъ участкѣ давалось нерѣдко тотчасъ послѣ мѣстнаго осмотра, не ожидая межеванія участка.

коихъ до 668 принадлежали къ числу многоземельныхъ, а остальные 585—были отнесены къ разряду малоземельныхъ. Въ поселкахъ перваго разряда Главнымъ Управленіемъ округа было организовано немедленное причисленіе переселенцевъ, имѣвшихъ право на таковое, путемъ составленія подробныхъ списковъ, провѣренныхъ на мѣстѣ подвѣдомственными Главному Управленію чинами, и представленія этихъ списковъ въ казенную палату для причисленія переселенцевъ по мѣстамъ водворенія. Въ отношеніи же малоземельныхъ селеній, гдѣ причисленіе новоселовъ требовало особой осмотрительности для избѣжанія неудовольствія какъ со стороны послѣднихъ, такъ и со стороны кореннаго старожильческаго населенія, Главнымъ Управленіемъ было предпринято всестороннее мѣстное изслѣдованіе этихъ поселковъ, для чего и были организованы особыя временныя Переселенческія коммисіи (въ составѣ предсѣдателя, назначаемаго изъ чиновъ Главнаго Управленія и членовъ—межеваго техника и мѣстнаго чиновника по крестьянскимъ дѣламъ). Дѣятельность этихъ коммисій (число ихъ составляло въ 1897 г.—11, а въ 1898 г.—8) состояла въ изслѣдованіи размѣровъ фактическаго землепользованія, провѣркѣ принятой на старыхъ планахъ классификаціи угодій на удобныя и неудобныя и, наконецъ, въ составленіи проектовъ прирѣзокъ изъ пустопорожнихъ земель къ малоземельнымъ дачамъ. Въ результатѣ изслѣдованій коммисій было устроено въ земельномъ отношеніи и причислено къ селеніямъ, значившимся малоземельными, свыше 100.000 переселенцевъ [1]).

Не ограничиваясь заботами объ успѣшномъ водвореніи переселенцевъ, Главное Управленіе Алтайскаго округа принимаетъ и рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію для нихъ прочнаго устройства на новыхъ мѣстахъ. Въ этихъ видахъ алтайскимъ новоселамъ выдаются безплатно лѣсные матеріалы на первоначальное обзаведеніе и топливо, и за 10-ти-лѣтній періодъ съ 1889 г. по 1898 г. переселенцамъ было выдано

---

1) Очеркъ переселенческаго дѣла въ Алтайскомъ округѣ, стр. 19—32.

лѣсоотпускныхъ билетовъ на сумму свыше 229.000 р. Далѣе, Главное Управленіе оказываетъ новоселамъ матеріальную помощь въ случаяхъ неурожаевъ, падежей скота и т. п. бѣдствій, а также облегчаетъ бѣднѣйшимъ переселенцамъ пріобрѣтеніе живаго инвентаря выдачею имъ долгосрочныхъ ссудъ, а иногда и безвозвратныхъ пособій. За пятилѣтіе 1894—1898 г.г. ссуды были выданы 1,332 семьямъ на сумму 21.922 р., что составляетъ около 16½ р. на семью.

Наконецъ, заботы Главнаго Управленія Алтайскаго округа о хозяйственномъ преуспѣяніи новоселовъ выражаются и въ обводненіи нѣкоторыхъ изъ занятыхъ ими степныхъ участковъ, путемъ устройства запрудъ и изслѣдованія подпочвенныхъ водъ, а также въ развитіи травосѣянія при помощи показательныхъ полей и въ распространеніи усовершенствованныхъ орудій и машинъ за дешевую плату. Въ заключеніе обзора дѣятельности Главнаго Управленія по переселенческому вопросу необходимо упомянуть, что этимъ учрежденіемъ было обращено вниманіе и на содѣйствіе религіозно-нравственному развитію алтайскихъ новоселовъ, съ каковою цѣлью въ настоящее время на средства, отпущенныя по Высочайшему повелѣнію 17 Апрѣля 1897 г., сооружаются въ переселенческихъ участкахъ Алтайскаго округа 12 церквей и 30 школъ [1]).

Такимъ образомъ, благодаря значительно расширившимся за послѣдніе годы рамкамъ дѣятельности Главнаго Управленія Алтайскаго округа по устройству водворяющихся въ этомъ округѣ выходцевъ изъ Европейской Россіи, многія мѣропріятія этого учрежденія по разсматриваемому вопросу имѣютъ нынѣ близкое сходство съ соотвѣтственными мѣрами правительства по урегулированію переселенческаго дѣла на казенныхъ земляхъ Сибири.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 16—17.

Глава VIII.

Вліяніе переселеній на экономическій быть сибирскихъ новоселовъ и на нѣкоторыя стороны мѣстной жизни.

Послѣ ознакомленія съ совокупностью мѣропріятій Правительства по колонизаціи Сибири представляется существенно интереснымъ обратиться къ собраннымъ за послѣднее десятилѣтіе даннымъ по вопросу о *результатахъ* переселеній, какъ по отношенію къ матеріальному благосостоянію самихъ крестьянъ, водворяющихся въ Сибири, такъ и въ смыслѣ вліянія оказываемаго колонизаціею этого края русскими переселенцами на нѣкоторыя стороны экономической и культурной жизни Сибири.

Разъясненію перваго изъ вопросовъ могутъ въ значительной степени содѣйствовать имѣющіяся за послѣдніе годы статистическія свѣдѣнія объ устройствѣ новоселовъ въ Сибири.

Во главѣ этого матеріала должны быть поставлены данныя, полученныя при опросѣ 93.312 семей новоселовъ лицами, прикосновенными къ переселенческому дѣлу, на мѣстахъ водворенія выходцевъ изъ Европейской Россіи [1]).

---

[1]) Статистическія данныя по переселенческому дѣлу въ Сибири за 1898 г. Изд. Канц. Ком. Мин. 1900.

Выводы изъ этихъ данныхъ, представляющія собою иллюстрацію обезпеченности переселенцевъ различныхъ годовъ живымъ инвентаремъ, а также ихъ хозяйственной самостоятельности и размѣровъ культивируемой ими земельной площади, приведены въ слѣдующей таблицѣ, изъ которой можно усмотрѣть и аналогичныя данныя, характеризовавшія собою благосостояніе переселенцевъ на родинѣ:

Сравнительное матеріальное благосостояніе переселенцевъ:

Годъ пере-селенія.	А) На родинѣ: % отношеніе къ общему числу семей количества семей, имѣвшихъ					А) На родинѣ:	Б) Въ Сибири: % отношеніе къ общему числу семей количества семей, имѣвшихъ					Б) Въ Сибири:
	Лошадей.	Рогатый скотъ.	Мелкій скотъ.	Землѣдѣльч. орудія.	Самостоят. хозяйство.	Число десятинъ надѣльной земли на семью.	Лошадей.	Рогатый скотъ.	Мелкій скотъ.	Землѣдѣльч. орудія.	Самостоят. хозяйство.	Число десятинъ посѣва на семью.
1889	83%	83%	68%	77%	83%	2,7	94%	94%	86%	82%	91%	7,5
1890	85%	79%	74%	78%	86%	3,6	94%	95%	76%	82%	94%	5,9
1891	82%	82%	68%	73%	82%	3,0	94%	94%	80%	79%	90%	6,2
1892	81%	81%	73%	74%	85%	2,8	96%	95%	82%	80%	93%	5,9
1893	79%	76%	65%	71%	80%	2,6	94%	95%	77%	81%	90%	5,4
1894	78%	76%	68%	74%	77%	2,7	94%	93%	81%	83%	90%	5,1
1895	72%	73%	59%	65%	74%	2,1	88%	81%	76%	81%	92%	4,2
1896	74%	74%	64%	68%	79%	2,3	90%	93%	69%	80%	92%	3,6
1897	85%	83%	73%	79%	81%	2,4	97%	96%	77%	82%	93%	5,0
1898	81%	81%	69%	76%	81%	3,0	93%	88%	59%	78%	89%	3,3

Разсмотрѣніе этихъ данныхъ приводитъ къ вполнѣ очевидному заключенію о весьма замѣтномъ различіи въ степени матеріальной обезпеченности и хозяйственной самостоятельности переселенцевъ, достигнутой ими въ Сибири въ сравненіи съ ихъ благосостояніемъ въ Европейской Россіи. Достаточнымъ

доказательствомъ этого служитъ изъ года въ годъ повторяющееся уменьшеніе, среди водворяющихся въ Сибири крестьянъ, числа хозяйствъ, характиризующихся отрицательными признаками, какъ, напримѣръ, отсутствіемъ лошадей, мелкаго и рогатаго скота,—и необходимостью отчуждать свой трудъ на сторонѣ; въ особенности же рельефно выступаетъ бóльшая производительность переселенческаго хозяйства въ Сибири, выражающаяся въ увеличеніи посѣвной площади въ два и болѣе разъ противъ посѣвной площади на родинѣ.

Данныя таблицы, касающіяся собственно матеріальной обезпеченности переселенцевъ по ихъ водвореніи въ Сибири, обнаруживаютъ весьма любопытный фактъ, заключающійся въ томъ, что переселенцы, пришедшіе въ Сибирь въ 1895 и 1896 г. еще не успѣли достигнуть той же степени благосостоянія, какъ новоселы начала 90-хъ годовъ и даже 1897 г. Такъ, среди переселенцевъ 1897 г. число безлошадныхъ дворовъ уменьшилось въ сравненіи съ новоселами 1896 г. на 6%, число хозяйствъ не имѣвшихъ рогатаго скота на 8%, между тѣмъ какъ средній размѣръ посѣвной площади увеличился на 1,4 десятины (до 4,9 дес. противъ 3,5 дес. у переселенцевъ 1896 г.). Такое различіе въ матеріальномъ благосостояніи переселенцевъ послѣднихъ годовъ, объясняется какъ наблюдавшимся въ серединѣ 90-хъ годовъ общимъ пониженіемъ состоятельности крестьянъ, выселявшихся въ Сибирь, такъ и тѣми мѣрами, которыя были приняты правительствомъ для развитія въ крестьянахъ сознательнаго отношенія къ предпринимаемому ими переселенію и для предупрежденія, по возможности, выселенія въ Сибирь недостаточно состоятельныхъ для этого лицъ. Въ частности, отмѣченный выше успѣхъ водворенія переселенцевъ въ 1897 году (въ сравненіи съ новоселами 1896 года), несомнѣнно, долженъ въ значительной степени быть отнесенъ на счетъ урегулированія движенія переселенцевъ путемъ предварительнаго зачисленія земли за ходоками, благодаря чему переселенцы не блуждали въ 1897 г., какъ раньше, въ поискахъ за подходящими землями, теряя при этомъ

послѣднія средства, принесенныя съ собою для устройства въ Сибири. Равнымъ образомъ способствовало благополучному устройству новоселовъ принятіе мѣръ къ своевременной и незамедлительной выдачѣ пособій нуждающимся. Правильности этого заключенія не противорѣчитъ и обнаруживающееся изъ таблицы нѣкоторое увеличеніе безлошадныхъ, безкоровныхъ и т. п. дворовъ среди переселенцевъ 1898 г., ибо послѣднее обстоятельство объясняется исключительно тѣмъ, что новоселы этого года, вслѣдствіе недавняго времени своего прибытія въ Сибирь, еще не успѣли до момента ихъ опроса въ достаточномъ количествѣ обзавестись живымъ инвентаремъ и земледѣльческими орудіями.

Такимъ образомъ, правительственныя мѣропріятія по организаціи правильныхъ переселеній и по содѣйствію новоселамъ при ихъ устройствѣ на новыхъ мѣстахъ являются однимъ изъ главныхъ факторовъ, вліяющихъ на экономическое благосостояніе сибирскихъ переселенцевъ; дѣйствіемъ этого фактора, выражающимся уже въ томъ, что новоселы 1897 г. не уступаютъ по своей матеріальной обезпеченности переселенцамъ первой половины 90-хъ годовъ, было до нѣкоторой степени ослаблено вліяніе на бытъ новоселовъ послѣднихъ лѣтъ другой причины— именно, краткосрочности ихъ пребыванія въ Сибири. Дѣйствіе этой послѣдней причины выступило съ большею очевидностью среди переселенцевъ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, какъ въ этомъ убѣждаютъ статистическія данныя объ этихъ переселенцахъ, собранныя по поселкамъ Тобольской и Томской губерній въ 1893—1894 годахъ [1]).

---

1) Напримѣръ, по изслѣдованію 1893 г., въ Тобольской губерніи число безлошадныхъ хозяйствъ составляло среди переселенцевъ водворенныхъ въ 1880—1885 г.,—13% общаго числа семей, среди новоселовъ 1885—1890 г.—уже 17%, а у переселенцевъ 1890—1893 г.—даже 22%; у томскихъ переселенцевъ, водворенныхъ до 1886 г., число безлошадныхъ хозяйствъ достигало 5%, у прибывшихъ въ 1890 г.—9%, и, наконецъ, въ 1893 г.—23%. Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ. См. также выводы изъ подворнаго изслѣдованія поселковъ, приведенные въ статьѣ А. Кауфмана «Томскіе переселенцы» въ Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній, Т. VII, 1897, стр. 209.

Ускоряя для переселенцевъ ихъ прочное устройство на мѣстахъ водворенія, правительственное содѣйствіе замѣтно уменьшаетъ то значеніе, которое принадлежало ранѣе размѣрамъ принесенныхъ съ собою новоселами средствъ. О степени вліянія, принадлежавшаго послѣднему фактору въ дѣлѣ скорѣйшаго устройства новоселовъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ добытымъ подворнымъ изслѣдованіемъ поселковъ томскихъ переселенцевъ періода 80-хъ и начала 90-хъ годовъ [1]):

У переселенцевъ:	Приходилось въ среднемъ на дворъ.		% дворовъ.			
	Рабочихъ лошадей.	Десятинъ посѣва.	Безъ посѣва и сѣющихъ менѣе 1 дес.	Сѣющихъ болѣе 10 дес.	Безлошадныхъ и однолошадныхъ.	Отпускающихъ батраковъ.
Пришедшихъ безъ денегъ	1,7	2,8	35,5%	2,7%	43,2%	24,2%
Принесшихъ						
до 25 р.	2,1	3,7	21,1%	3,1%	31,6%	16,3%
25—50 р.	2,4	4,8	13,3%	8,5%	23,4%	12,3%
50—100 р.	2,8	6,0	5,6%	10,9%	11,9%	11,7%
100—200 р.	3,2	7,2	5,9%	19,9%	11,9%	4,8%
болѣе 200 р.	3,7	9,1	2,2%	38,7%	7,4%	2,2%

Изъ этихъ данныхъ можно усмотрѣть, насколько важною представлялась для новоселовъ наличность хотя бы незначительной суммы свободныхъ средствъ; напримѣръ, уже среди семей, принесшихъ съ собою до 50 рублей, число безлошадныхъ было почти вдвое меньшимъ, а число хозяйствъ, отпускающихъ батраковъ, вдвое меньшимъ, нежели у переселенцевъ, не имѣвшихъ вовсе свободныхъ средствъ при водвореніи. Вполнѣ ана-

1) А. Кауфманъ. Томскіе переселенцы.

логичная зависимость между размѣрами принесенныхъ средствъ и достигнутымъ новоселами благосостояніемъ была обнаружена и при опросѣ тобольскихъ переселенцевъ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, и, въ частности, вліяніе количества принадлежавшихъ этимъ новоселамъ денегъ на расширеніе ихъ земледѣльческаго хозяйства обнаруживается изъ приводимыхъ ниже цифровыхъ данныхъ [1]):

У переселенцевъ:	Процентныя отношенія семействъ, у которыхъ посѣвная площадь достигала величины:				
	до 1 дес.	1—3 дес.	3—7 дес.	7—12 дес.	12 и болѣе дес.
Принесшихъ до 25 р.	34,9%	41,2%	21,0%	1,8%	1,1%
» 25—50 »	20,6%	45,6%	27,8%	4,9%	1,1%
» 50—100 »	18,2%	34,7%	39,9%	6,2%	1,0%
» 100 и болѣе »	11,1%	20,9%	42,7%	18,4%	6,9%

За послѣдніе годы наличность собственныхъ средствъ переселенцевъ играетъ менѣе замѣтную роль въ первоначальномъ домообзаведеніи новоселовъ, благодаря тому, что недостатокъ собственныхъ средствъ новоселовъ въ нѣкоторой степени пополняется ссудами, получаемыми ими при водвореніи въ Сибири, и, главнымъ образомъ, облегченными для нихъ условіями пріобрѣтенія необходимыхъ для ихъ хозяйства предметовъ. Такъ, собранныя при поѣздкѣ Статсъ-Секретаря Куломзина въ Сибири въ 1896 г. статистическія данныя объ устройствѣ новоселовъ и соотвѣтственныя свѣдѣнія за 1897 г. указываютъ на тотъ фактъ, что благосостояніе переселенцевъ, получившихъ ссуды въ Сибири почти не

1) Приведенныя цифры составлены по таблицамъ по губернскаго итога помѣщеннымъ въ Матеріалахъ для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи съ конца 70-хъ годовъ до 1893 г.

разнилось отъ имущественнаго положенія крестьянъ, коимъ не было выдано ссудъ; напримѣръ, изъ переселенцевъ 1897 г., не получившихъ ссуды, лишь 19% не вели самостоятельнаго хозяйства, и площадь запашки составляла 2,6 дес. на семью, а среди получившихъ пособія не вели своего хозяйства 13%, и посѣвная площадь опредѣлялась въ 2,8 дес. на семью [1]).

Важнѣйшимъ факторомъ, оказывающимъ существенное воздѣйствіе на благосостояніе, достигаемое новоселами по водвореніи въ Сибири, является обезпеченность ихъ семействъ рабочею силою. Такое значеніе рабочаго состава семьи было обнаружено съ особою очевидностью при опросѣ переселенцевъ, осѣвшихъ до 1894 г. въ Томской губерніи, для которыхъ были получены нижеслѣдующіе выводы:

Въ переселенческихъ семьяхъ.	Въ среднемъ на дворъ приходилось.		% домохозяйствъ.		
	Рабочихъ лошадей.	Десятинъ посѣва.	Безъ посѣва и сѣющихъ до 1 дес.	Безлошадныхъ и однолошадныхъ.	Продающихъ хлѣбъ.
Безрабочихъ или съ однимъ полуработникомъ	1,2	1,9	56,7%	64,7%	21,3%
Однорабочихъ	1,6	2,7	33,1%	44,5%	23,1%
Съ 1½—2½ работниками .	2,6	5,1	13,2%	19,8%	37,7%
Съ 3 и болѣе работниками .	3,8	8,7	5,8%	5,6%	51,9%

Цифры эти показываютъ, что многорабочія семьи имѣли слишкомъ вдвое болѣе лошадей и засѣвали слишкомъ вдвое болѣе земли, нежели однорабочія (не говоря уже о безрабочихъ), причемъ «процентъ безхозяйственныхъ семей среди первыхъ (т. е. многорабочихъ) въ 6—8 разъ менѣе, нежели среди вторыхъ, а процентъ дворовъ съ удовлетворительнымъ потребительнымъ значеніемъ земледѣлія слишкомъ вдвое болѣе [2])».

---

[1]) Статистическія данныя по переселенческому дѣлу въ Сибири за 1897 г. (Изданіе Канц. Ком. Министровъ), 1899, стр. XXI, предисловіе.

[2]) А. Кауфманъ. Томскіе переселенцы, стр. 217.

Такое же соотношеніе между числомъ рабочихъ рукъ въ семьяхъ новоселовъ и размѣрами ихъ хозяйства наблюдалось и среди переселенцевъ, водворенныхъ въ поселкахъ Тобольской губерніи съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г., у которыхъ отношеніе между посѣвной площадью и числомъ взрослыхъ рабочихъ въ семьѣ имѣло слѣдующій видъ:

Въ переселенческихъ семействахъ.	Процентное отношеніе семействъ, у которыхъ посѣвная площадь достигала величины				
	до 1 дес.	1—3 дес.	3—7 дес.	7—12 дес.	12 и болѣе дес.
Безрабочихъ	48,00%	37,90%	13,60%	—	0,50%
Съ 1 работникомъ . .	33,70%	40,50%	21,10%	3,40%	1,30%
» 2 работниками . .	18,30%	34,50%	36,50%	8,70%	2,00%
» 3 и болѣе работниками.	11,00%	27,10%	42,20%	14,00%	5,70%

Правильное возрастаніе площади запашки въ зависимости отъ увеличенія рабочихъ рукъ въ семьѣ указываетъ на, несомнѣнно, присущее переселенцамъ стремленіе расширять площадь ихъ посѣвовъ до такого размѣра, который давалъ бы приложеніе труду всѣхъ взрослыхъ рабочихъ, принадлежащихъ семьѣ.

Независимо отъ вліянія, оказываемаго на размѣры переселенческаго хозяйства самимъ ***составомъ семьи***, успѣшное устройство новоселовъ находилось, въ отдѣльныхъ раіонахъ Сибири, въ зависимости и отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, имѣвшихъ болѣе частный характеръ; въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени было особенно замѣтнымъ отрицательное вліяніе, оказываемое на имущественное положеніе новоселовъ болѣе или менѣе ***продолжительнымъ пребываніемъ ихъ въ деревняхъ старожиловъ безъ приписки къ обществамъ послѣднихъ***. Число такихъ «неперечисленныхъ» переселенцевъ было довольно значитель-

нымъ, напримѣръ, въ концѣ 80-хъ годовъ въ Енисейской губерніи, мѣстнымъ изслѣдованіемъ которой, произведеннымъ въ это время, было обнаружено, что въ семьяхъ такихъ переселенцевъ насчитывалось въ 2—2½ раза менѣе лошадей, нежели у перечислившихся по новому мѣсту переселенцевъ, а посѣвная площадь была въ 1½—3 раза менѣе, чѣмъ у послѣднихъ [1]). Явленіе это, объясняемое безправнымъ положеніемъ не перечисленныхъ переселенцевъ, препятствовавшимъ имъ достигнуть сравнительно устойчиваго хозяйственнаго положенія, наблюдалось также и въ поселкахъ Алтайскаго округа, въ которыхъ къ срединѣ 90-хъ годовъ насчитывалось свыше 150 тысячъ такихъ неперечисленныхъ новоселовъ. Подворнымъ изслѣдованіемъ этихъ поселковъ 1893—1894 гг. было выяснено что новоселы этой категоріи значительно уступали остальнымъ переселенцамъ по размѣрамъ запашекъ, составлявшимъ въ среднемъ на семью переселенцевъ перваго разряда 4,1 дес. и увеличивавшимся для новоселовъ второй группы до 11,6 дес.; при этомъ въ числѣ переселенцевъ перваго разряда было лишь 3,2 % семей, не имѣвшихъ посѣвовъ, тогда какъ у новоселовъ втораго разряда (т. е. неперечисленныхъ) эта величина составляла 16 %. Далѣе, земледѣльческое хозяйство неперечисленныхъ новоселовъ отличалось значительно менѣе самостоятельнымъ характеромъ, что выражалось въ томъ, что среди этихъ крестьянъ лишь 22,7 % обработывали пашню своимъ скотомъ, тогда какъ у перечисленныхъ новоселовъ этотъ % доходилъ до 63,5. Столь же замѣтнымъ было различіе между обѣими группами переселенцевъ и въ отношеніи обезпеченія ихъ живымъ инвентаремъ; у перечисленныхъ новоселовъ приходилось въ среднемъ 2,1 лошадей на семью, при 19,1 % безлошадныхъ хозяйствъ, между тѣмъ какъ у остальныхъ переселенцевъ насчитывалось до 5,9 лошадей на

---

[1]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта населенія Енисейской губерніи, т. IV, вып. II.

дворъ, при чемъ общее число безлошадныхъ семей опускалось до 5,1 %. Наконецъ, среди неперечисленныхъ новоселовъ наблюдался и значительно большій противъ перечисленныхъ % семействъ, вынужденныхъ отпускать отдѣльныхъ членовъ изъ своего состава на сторонніе заработки; % этотъ составлялъ у новоселовъ первой группы 51,1, у переселенцевъ второй группы лишь 29,8 [1]).

Такое различіе въ благосостояніи неперечисленныхъ переселенцевъ въ сравненіи съ остальными новоселами утрачиваетъ, однако за послѣдніе годы свое прежнее значеніе въ виду принятыхъ, по почину Комитета Сибирской желѣзной дороги, мѣръ къ облегченію для переселенцевъ акта перечисленія къ новымъ обществамъ, мѣръ, распространенныхъ затѣмъ и на лицъ, водворяющихся на кабинетскихъ земляхъ Алтайскаго округа.

Наряду съ разсмотрѣнными выше факторами, опредѣлявшими собою успѣшное развитіе хозяйственнаго быта новоселовъ, очень важное значеніе имѣетъ и самое предоставленіе переселенцамъ, при водвореніи ихъ на свободныхъ участкахъ, 15-ти-десятиннаго душеваго надѣла, весьма широкаго, въ сравненіи съ размѣрами ихъ прежняго землепользованія въ Европейской Россіи. Если величина этой 15-ти десятинной нормы и можетъ показаться, съ перваго взгляда высокой для удовлетворенія нуждъ хозяйства новоселовъ, въ виду наблюдающихся отдѣльныхъ случаевъ приселенія новыхъ переселенцевъ къ крестьянамъ, получившимъ надѣлы указаннаго размѣра, то болѣе детальное ознакомленіе съ особенностями крестьянскаго хозяйства въ Сибири приводило всегда изслѣдователей этого вопроса къ убѣжденію о полной цѣлесообразности 15-ти-десятиннаго переселенческаго надѣла,

---

[1]) Всѣ вышеприведенныя данныя объ алтайскихъ переселенцахъ взяты изъ матеріаловъ по изслѣдованію мѣстъ водворенія переселенцевъ въ Алтайскомъ округѣ, опубликованныхъ въ 1-мъ выпускѣ IV тома Алтайскаго Сборника (Изданіе общества любителей Алтая, 1899).

въ виду того основнаго соображенія, что такой надѣлъ составляетъ одно изъ условій успѣшнаго веденія скотоводства; послѣднее обстоятельство въ свою очередь даетъ новоселамъ возможность существовать, не прибѣгая къ чрезмѣрно усиленной культурѣ хлѣбовъ, которая была бы связана съ весьма существенными невыгодами уже вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій нѣкоторыхъ раіоновъ Сибири, въ которыхъ имѣютъ мѣсто рѣзкія колебанія урожаевъ, а въ зависимости отъ нихъ и измѣнчивость въ цѣнахъ на хлѣбъ [1]).

Вышеприведенныя данныя о водвореніи новоселовъ касались вліянія тѣхъ или другихъ общихъ условій на бытъ послѣднихъ, безотносительно къ чисто мѣстнымъ особенностямъ того или другаго раіона водворенія. Ознакомленіе съ воздѣйствіемъ всѣхъ такихъ мѣстныхъ условій на хозяйство новоселовъ не представляется возможнымъ въ настоящемъ очеркѣ въ виду крайне разнообразныхъ почвенныхъ, климатическихъ и т. п. условій тѣхъ или другихъ раіоновъ Сибири, заселяемыхъ выходцами изъ Европейской Россіи; вслѣдствіе этого соображенія въ нижеслѣдующей табличкѣ и приведены лишь данныя о хозяйственомъ положеніи новоселовъ въ зави-

---

[1]) Ср. Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь, 1896, стр. 110, и Дополненіе къ отчету ревизора землеустройства Смирнова по командировкѣ его лѣтомъ 1899 г. въ Акмолинскую и Семипалатинскую области, изданіе Министерства Земл. и Госуд. Им. 1900, стр. 147—148. Приведенныя въ текстѣ соображенія о значеніи 15-ти десятинной нормѣ земельнаго надѣла въ связи съ стремленіемъ обезпечить новоселовъ землею на возможно продолжительное время, «дабы они надолго не знали малоземелья и не обратились-бы къ поискамъ за земельнымъ просторомъ», и побудили Комитетъ Сибирской желѣзной дороги отнестись съ особою осторожностью къ предположеніямъ Переселенческаго Управленія объ уменьшеніи нормы земельныхъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ переселенческихъ участкахъ Акмолинской области. (Журналы подготовительной коммисіи 1899 г. № 73 и 1900 г. № 93).

симости отъ разселенія ихъ по крупнѣйшимъ административнымъ дѣленіямъ Сибири [1]).

У переселенцевъ, водворившихся	Приходится въ среднемъ на дворъ.		Величина посѣвной площади на дворъ въ десятинахъ.	% семействъ, имѣющихъ		% семействъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство.
	Лошадей.	Рогатаго скота.		лошадей.	рогатый скотъ.	
Въ Тобольской губ.	2,3	2,7	4,3	94,4	93,9	95,1
» Томской губ. на казенныхъ земляхъ . . .	2,5	2,5	4,3	94,0	92,8	90,5
» Томской губ. на кабинетскихъ земляхъ. . . .	3,7	3,9	5,4	95,7	94,5	87,6
» Акмолинской области . . .	1,7	4,1	5,7	78,9	87,8	85,0
» Семипалатинской области . .	3,6	5,0	3,8	89,8	86,9	94,1
» Енисейской губ.	2,6	2,7	2,2	94,0	89,9	95,3
Въ среднемъ по Сибири . .	2,8	3,3	5,0	91,8	92,6	90,1

Изъ данныхъ этой таблички, обнаруживающихъ довольно замѣтныя различія въ развитіи отдѣльныхъ отраслей хозяйства новоселовъ, можно усмотрѣть, что однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ раіоновъ для переселенцевъ является и въ настоящее время Алтайскій округъ Томской губерніи, гдѣ новоселы достигаютъ наибольшей обезпеченности живымъ инвентаремъ, въ связи съ чѣмъ находится и значительный, въ среднемъ, размѣръ обработываемой ими земельной площади.

Всѣ приведенные выводы изъ статистическихъ изслѣдованій быта сибирскихъ новоселовъ даютъ право придти къ заключенію о вполнѣ успѣшныхъ результатахъ, достигаемыхъ переселенцами въ смыслѣ улучшенія условій веденія ими въ

---

[1]) Данныя таблички составлены по изданнымъ Канцеляріею Комитета Министровъ Статистическимъ свѣдѣніямъ по переселенческому дѣлу въ Сибири въ 1898 г.

Сибири земледѣльческаго или скотоводческаго хозяйства сравнительно съ Европейской Россіей, гдѣ многія изъ семей не находили достаточнаго приложенія своему труду. Изъ общей массы сибирскихъ переселенцевъ, однако, и до настоящаго времени выдѣляются отдѣльныя группы лицъ, которыя, послѣ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ устроиться на новыхъ мѣстахъ предпринимаютъ обратный путь на родину.

Число такихъ «обратныхъ» переселеній, продолжавшихся безпрерывно въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія XIX вѣка [1]), возрастало до послѣдняго времени въ зависимости отъ увеличенія общихъ размѣровъ переселенія въ Сибирь и достигло наибольшей высоты въ 1896—97 годахъ, составивъ за 1896 г. 11% и за 1897 г.—18% прямаго движенія. Въ 1898 г. относительная величина обратнаго переселенія (съ переселенцами прежнихъ лѣтъ) вновь уменьшилась до $12{,}_5$% прямаго движенія, при чемъ число обратныхъ переселенцевъ того же года составило всего $7{,}_8$%, а въ 1899 г.—$7{,}_9$% прямого движенія.

Причины обратнаго переселенія, насколько онѣ могли быть выяснены опросомъ возвращавшихся изъ Сибири крестьянъ переселенческими чиновниками по линіи Сибирской желѣзной дороги, представляются довольно разнообразными. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ является уже самый фактъ неимѣнія надлежащаго разрѣшенія на переселеніе, вызвавшій, напримѣръ, въ 1897 г. возвращеніе до 69% всѣхъ обратныхъ переселенцевъ [2]). Далѣе, весьма важное значеніе въ

---

[1]) Напр., за 1882—1883 гг., по разсчету Гурвича, изъ Сибири вернулось обратно до 15 человѣкъ изъ каждой тысячи переселенцевъ («Переселеніе крестьянъ въ Сибирь», стр. 83); за періодъ 1887—1890 гг. въ Томскѣ было зарегистрировано 296 семействъ обратныхъ переселенцевъ (Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, стр. 113). Общее число переселенцевъ, вернувшихся изъ Сибири за четырехлѣтіе 1885—1888 гг. составило 551 семейство, въ числѣ 2,974 наличныхъ душъ обоего пола.

[2]) Статистическія данныя по переселенческому дѣлу въ Сибири за 1897 г., изданіе Канц. Ком. Мин., стр. XXII, предисловіе.

качествѣ побудительныхъ къ обратному выселенію изъ Сибири мотивовъ принадлежитъ хозяйственной необезпеченности переселенцевъ и несоотвѣтствію условій новыхъ мѣстъ потребностямъ послѣднихъ; при этомъ въ большинствѣ случаевъ обратное возвращеніе обусловливалось взаимодѣйствіемъ послѣдне-указанныхъ причинъ, обостряемымъ иногда гибельнымъ вліяніемъ на неокрѣпшее еще хозяйство новоселовъ отдѣльныхъ мѣстныхъ условій, вродѣ засухъ, вызывающихъ недородъ хлѣбовъ и т. п. Наконецъ, иногда (хотя и значительно рѣже) поводы къ уходу переселенцевъ изъ Сибири носили болѣе или менѣе случайный характеръ, заключаясь, напримѣръ, въ смерти домохозяина, въ испытываемой преимущественно женскими членами семьи тоскѣ по родинѣ и т. п. Большинство изъ числа причинъ обратнаго переселенія, за исключеніемъ лишь чисто случайныхъ, могутъ быть сведены къ одному общему первоисточнику—отсутствію у нѣкоторой части переселенцевъ, идущихъ въ Сибирь, достаточно сознательнаго отношенія къ предпринимаемому ими шагу. Это именно обстоятельство и объясняетъ собою значительное возрастаніе числа обратныхъ переселеній въ 1896—97 гг., являвшееся послѣдствіемъ сильно увеличившихся размѣровъ переселенческаго движенія, которое сопровождалось пониженіемъ имущественной состоятельности крестьянъ, и имѣло безпорядочный характеръ какъ-бы стихійнаго процесса въ предшествовавшіе годы [1]).

Усилившееся въ серединѣ 90-хъ годовъ обратное переселеніе продолжалось и въ теченіе 1897 г., но уже въ 1898 г. успѣло обнаружиться дѣйствіе принятыхъ правительствомъ мѣръ къ упорядоченію переселенческаго движенія путемъ содѣйствія

---

[1]) Что касается до распредѣленія обратныхъ переселенцевъ по мѣстамъ ихъ выхода—административнымъ дѣленіямъ Сибири, то оно близко соотвѣтствуетъ и разселенію переселенцевъ, водворяющихся въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ; такъ изъ обратныхъ переселенцевъ 1888 года 14% вышли изъ Тобольской губерніи, 17%—съ казенныхъ земель Томской губ., 27%—изъ Алтайскаго горнаго округа, 14%—изъ Енисейской губ., 11%—изъ Акмолинской области; наконецъ, до 10% возвратились съ пути.

развитію ходачества, выразившееся въ сокращеніи размѣровъ обратнаго движенія. Коснувшись вліянія, оказаннаго на последнее правительственными мѣропріятіями, должно упомянуть, что Комитетъ Сибирской желѣзной дороги озаботился въ 1899 году облегченіемъ для обратныхъ переселенцевъ ихъ возвращенія на родину въ тѣхъ случаяхъ, когда возвращеніе представляется по тѣмъ или другимъ соображеніямъ совершенно неизбѣжнымъ. Въ этихъ видахъ Комитетъ, положеніемъ своимъ, Высочайше утвержденнымъ 29 Іюня 1899 года, предоставилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшать, по ходатайствамъ мѣстныхъ властей, новоселамъ Сибирскихъ губерній и Степныхъ областей возвращеніе въ ихъ прежнія сельскія общества въ Европейской Россіи безъ предварительнаго полученія пріемныхъ приговоровъ отъ этихъ обществъ и съ переводомъ по мѣсту ихъ жительства числящихся на переселенцахъ недоимокъ и полученныхъ ими изъ казны пособій на ихъ личную отвѣтственность.

Принадлежа вообще къ наименѣе обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи крестьянамъ, обратные переселенцы своимъ уходомъ изъ Сибири естественно не могутъ ослабить вліянія оказываемаго крестьянскою иммиграціею на развитіе экономической и культурной жизни этого края. При оцѣнкѣ значенія, принадлежащаго въ этомъ отношеніи сибирскимъ переселенцамъ, необходимо имѣть въ виду, что нынѣ не представляется еще возможнымъ привести точныя количественныя результаты переселеній уже потому, что переселенческое движеніе въ Сибирь достигло болѣе крупныхъ размѣровъ лишь за послѣднія 15—20 лѣтъ, и за это время успѣли обнаружиться лишь нѣкоторыя стороны чисто качественнаго воздѣйствія иммиграціи на сибирскую жизнь.

По своему характеру, роль переселенцевъ въ Сибири можетъ быть обсуждаема съ различныхъ точекъ зрѣнія въ зависимости отъ общихъ свойствъ территоріи, на которой переселенцы водворяются. Въ этомъ отношеніи прежде всего выступаетъ то безспорное значеніе, для обще-государственныхъ интересовъ, которое принадлежитъ нынѣ колонизаціи

пустопорожнихъ пространствъ, вродѣ тайги и урмановъ, или лѣсныхъ раіоновъ Амурскаго края, равно какъ и заселенію русскимъ элементомъ областей Степнаго края, до $^3/_4$ населенія котораго состоитъ пока еще изъ кочевыхъ инородцевъ. Засельщики этихъ раіоновъ являются продолжателями дѣла, начатаго еще первоначальными колонизаторами Сибири и заключающагося въ распространеніи русской гражданственности, сопровождающейся созданіемъ экономическихъ цѣнностей (т. е. продуктовъ земледѣлія и скотоводства) въ обширныхъ пространствахъ, почти вовсе еще не затронутыхъ человѣческимъ трудомъ и культурой.

Другой характеръ имѣютъ переселенія выходцевъ изъ Европейской Россіи въ раіоны, уже занятые осѣдлымъ русскимъ населеніемъ. Здѣсь наблюдается довольно сложный по своему существу процессъ взаимодѣйствія между культурой, приносимой пришельцами изъ-за Урала, и условіями жизни коренныхъ обитателей Сибири, предки которыхъ поселились въ этой странѣ еще за 100—200 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Процессъ этотъ далеко еще не выясненъ съ достаточной полнотой, чѣмъ и объясняется то разнообразіе въ исходныхъ точкахъ зрѣнія, которыя существуютъ и понынѣ у различныхъ изслѣдователей этого вопроса.

Подобное разногласіе во взглядахъ замѣчается прежде всего по весьма существенному вопросу о вліяніи новоселовъ на общинную жизнь сибирскихъ крестьянъ, и въ частности на сельско-хозяйственные порядки послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи отдѣльными изслѣдованіями быта сибирскихъ переселенцевъ было высказано воззрѣніе на почти полную независимость развитія хозяйственнаго быта сибирскаго населенія отъ воздѣйствія пришлыхъ элементовъ, причемъ въ подтвержденіе этой мысли указывалось на то, что новоселы «не только не насаждаютъ въ Сибири хозяйственныхъ порядковъ своей родины, но, напротивъ, въ хозяйственномъ отношеніи совершенно ассимилируются съ коренными жителями Сибири, и не могутъ не ассимилироваться, потому что такая ассимиляція является необходимымъ условіемъ

возможности самаго ихъ существованія среди суровой сибирской природы»[1]).

Но если перемѣна мѣста осѣдлости и заставляетъ часть переселенцевъ переходить на первое время по водвореніи къ господствующимъ въ Сибири захватному или вольному пользованію землею, то такія явленія носятъ лишь временный характеръ[2]) и во всякомъ случаѣ не могутъ быть отождествляемы съ отсутствіемъ воздѣйствія новоселовъ на условія сельскохозяйственной культуры въ Сибири, въ связи съ каковымъ воздѣйствіемъ ихъ находится и вліяніе, оказываемое ими на развитіе неземледѣльческихъ промысловъ. Доказательствомъ послѣдняго положенія могутъ служить имѣющіяся свѣдѣнія о вліяніи иммиграціи въ раіонахъ наибольшаго вселенія выходцевъ изъ Европейской Россіи, какъ, напримѣръ, въ Алтайскомъ горномъ округѣ. По описанію г. Овсянкина, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ еще въ концѣ 80-хъ годовъ, въ названномъ округѣ не было «кустарнаго и ремесленнаго производства, которое не было бы улучшено переселенцами, а многія съ ихъ приходомъ здѣсь и появились. Шубники, пимокаты, столяры, слесари, швецы, штукатуры, даже плотники по городамъ и селамъ, въ подавляющемъ большинствѣ новоселы. Всецѣло имъ край обязанъ земледѣльческими машинами и орудіями. Мѣстная соха вытѣсняется россійскимъ плугомъ, вѣялки и сортировки въ Бійскомъ округѣ есть почти въ каждой деревнѣ. Кромѣ городовъ (Бійскъ и Колывань), появляются такіе кус-

---

[1]) А. Кауфманъ. Организація и главнѣйшіе выводы хозяйственно статистическаго изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерній, въ Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній т. IV, 1895, стр. 144. См. также статью того же автора: «Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства въ Западной Сибири,» въ Сѣверномъ Вѣстникѣ за 1891 г. № 4, и статью Марусина «Старожилы и переселенцы въ Сибири» въ Сибирскомъ Листкѣ за 1891 г., №№ 14—17.

[2]) Ср. Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1896 г., стр. 116.

тарные переселенческіе центры, какъ с. Загайново (Бійской волости Бійскаго округа): здѣсь, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, дѣлаются шерстобитныя машины, точатся самопрялки и т. п.» [1]) Далѣе, цитируемый авторъ указываетъ и на улучшеніе, благодаря переселенцамъ, породъ мѣстнаго скота скрещиваніемъ съ вывезенными изъ Россіи породами, на улучшеніе новоселами сѣмянъ и введеніе новыхъ сортовъ хлѣба (напримѣръ, проса и гречи). Главное же значеніе переселеній упомянутый авторъ видитъ въ содѣйствіи ихъ измѣненію типа крестьянскаго хозяйства, приводя въ подтвержденіе этой мысли отзывы по этому предмету отдѣльныхъ волостныхъ правленій (въ родѣ слѣдующаго: «старожилы часто прибѣгаютъ къ опытности и знанію переселенцевъ по земледѣльческимъ и хозяйственнымъ дѣламъ и вопросамъ»). Наконецъ, по заключенію г. Овсянкина, приливъ переселенцевъ въ Алтайскій округъ немало содѣйствовалъ и увеличенію средняго годоваго сбора хлѣба, возросшаго за 12-ти лѣтіе съ 1875 г. по 1886 г. на 37,8% [2]).

Такіе же отзывы о роли переселенцевъ въ развитіи производительныхъ силъ Алтая были даны и другими изслѣдователями колонизаціи этой мѣстности — Голубевымъ [3]), Чудновскимъ [4]), Ядринцевымъ [5]). Вліяніе сибирскихъ новоселовъ на нѣкоторыя стороны земледѣльческаго хозяйства, равно какъ и на неземледѣльческіе промыслы кореннаго населенія Сибири признается и тѣми изслѣдователями, которые склонны

---

[1]) Алтай. Историко-статистическій сборникъ подъ редакціей П. А. Голубева Гл. XIX. Колонизація и переселенческое дѣло, стр. 355—356.

[2]) Тамъ же, стр. 356—358.

[3]) Юридическій Вѣстникъ 1891, № 5—6, статья «Сибирская жизнь и положеніе переселенцевъ на Алтаѣ», стр. 161—165.

[4]) Переселенческое дѣло на Алтаѣ. 1889, стр. 147—149.

[5]) Сибирь, какъ колонія, 1892, стр. 239—240. Заселеніе Алтая и движеніе современной колонизаціи, въ запискахъ Западно-Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. Кн. II. 1880, стр. 122 и сл.

придавать лишь минимальное значеніе культурной роли переселенцевъ [1]).

Въ пользу культурнаго вліянія новоселовъ на окружающую ихъ среду говорятъ и заключенія, изложенныя въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Статсъ-Секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1896 г. Согласно даннымъ отчета, «если обиліе земель, предоставляемыхъ въ пользованіе переселенцевъ, въ связи съ незначительностью силы, которую могутъ приложить къ этой землѣ новоприбывшіе, наталкиваютъ ихъ на веденіе въ первое время по водвореніи сибирской переложной системы хозяйства», то, съ другой стороны, «съ теченіемъ времени, съ окрѣпленіемъ на новыхъ мѣстахъ, иногда даже на 2-й или 3-й годъ по водвореніи, новоселы уже начинаютъ заводить свои привычные порядки и прежде всего устанавливаютъ передѣлъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій». Далѣе, въ отношеніи улучшенныхъ способовъ обработки почвы и переработки зерна, въ отчетѣ Статсъ-Секретаря Куломзина констатируется наличность между переселенцами хорошихъ мастеровъ: кузнецовъ, плотниковъ, столяровъ, мельниковъ, лицъ, хорошо работающихъ вѣялки и молотилки, привычныхъ къ мукомольному дѣлу и опытныхъ въ постройкѣ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ. Наконецъ, переселенцы впервые стали сѣять нѣкоторые хлѣба (просо и гречу), получившіе уже извѣстное распространеніе въ западной Сибири, а также оказались впереди старожиловъ въ области садоводства и огородничества, достигнувъ впервые успѣха въ посадкѣ фруктовыхъ деревьевъ, бобовыхъ растеній и т. п. [2]).

Такое воздѣйствіе новоселовъ на развитіе тѣхъ или другихъ сторонъ сельскаго хозяйства въ Сибири находится, повидимому, въ зависимости отъ исторически выработавшагося различія между культурой старожиловъ и новоселовъ. Какъ бы

---

[1]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губ., т. IV, вып. 2, глава о новоселахъ. Кауфманъ, вышеприведенная статья въ Сборникѣ правовѣдѣнія Т. IV, стр. 146—147.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ Статсъ-Секретаря Куломзина, стр. 116—119.

ни были несовершенны сельско-хозяйственные пріемы переселенцевъ на ихъ родинѣ, нельзя упускать изъ виду, что условія ихъ существованія въ Европейской Россіи и въ особенности необходимость бороться съ постепеннымъ развитіемъ среди нихъ «утѣсненія» въ земельныхъ угодьяхъ, выработали въ нихъ извѣстнаго рода предпріимчивость въ приложеніи ихъ труда къ сельскому хозяйству и большую степень заинтересованности ихъ въ результатахъ этого хозяйства, нежели у сибирскихъ старожиловъ, почти вовсе не знавшихъ, до послѣдняго 20-тилѣтія XIX вѣка «малоземелья» [1]). Наконецъ, самое приселеніе части переселенцевъ къ деревнямъ старожиловъ, стѣсняя до нѣкоторой степени послѣднихъ въ ихъ свободномъ пользованіи землею, оказываетъ вліяніе на ускореніе перехода населенія отъ захватной и вольной формъ землепользованія къ душевому пользованію въ связи съ замѣною переложной системы хозяйства болѣе интенсивною—трехпольною.

Еще болѣе важнымъ, нежели вліяніе на сельскохозяйственные порядки сибиряковъ, является воздѣйствіе новоселовъ на этнологическія особенности мѣстнаго населенія, выражающееся въ ослабленіи нежелательныхъ съ общегосударственной точки зрѣнія послѣдствій племеннаго смѣшенія послѣдняго съ инородческимъ элементомъ [2]). Внося, по выраженію Ядринцева, «къ

---

1) Ср. Остафьевъ. Переселенцы въ Сибири, въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1891 г. №№ 5—6 и Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, 1889.

2) Такое смѣшеніе русскаго населенія съ инородческими элементами наиболѣе замѣтно въ средней и восточной Сибири—въ Иркутской губерніи и въ особенности въ Забайкальской области, колонизація которой добровольными переселенцами изъ внутренней Россіи не имѣла поступательнаго движенія уже съ начала XIX столѣтія. Въ этомъ краѣ уже издавна происходитъ «естественно-историческій процессъ мѣстнаго этнологическаго видоизмѣненія русской народности вслѣдствіе постояннаго скрещиванья и сожительно-бытоваго смѣшенія русскаго населенія съ бурятскимъ племенемъ», въ результатѣ котораго въ указанной мѣстности «русская народность повидимому все болѣе и болѣе уклоняется отъ чистаго славянскаго типа» (А. Щаповъ. Историко-географическія и этнологическія замѣтки о сибирскомъ населеніи, въ Извѣстіяхъ Спб. отд. Имп. Геогр. Общ. 1872—1873, т. 3, стр. 185—190).

помѣсямъ сибиряковъ съ инородцами болѣе чистый и сильный типъ славянской расы» и «служа какъ бы обновителями породы», переселенцы въ то-же время поддерживаютъ и укрѣпляютъ въ крестьянскомъ населеніи Сибири сознаніе его общенаціональнаго единства съ оставленнымъ ими отечествомъ—до-Уральскою Россіею.

Такое культурное и экономическое значеніе новоселовъ для Сибири зависитъ не только отъ природныхъ свойствъ самихъ колонизаторовъ, но достигается въ значительной степени и всею совокупностью разсмотрѣнныхъ выше мѣропріятій—мѣропріятій по колонизаціи Сибири, основною цѣлью которыхъ является привлеченіе болѣе благонадежныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи элементовъ путемъ развитія сознательнаго отношенія крестьянъ къ предпринимаемымъ ими переселеніямъ,—равно какъ и оказаніе новоселамъ необходимаго содѣйствіе для ихъ успѣшнаго устройства въ Сибири. Если. такимъ образомъ, благодаря дѣятельности Комитета Сибирской желѣзной дороги, переселенческое движеніе совершается за послѣдніе годы съ большею правильностью и приводитъ къ болѣе замѣтнымъ результатамъ, нежели въ прежнее время, то на первый взглядъ казалось бы вполнѣ возможнымъ коснуться, въ заключеніе настоящаго очерка и вопроса о вѣроятной будущности сибирскихъ переселеній, опредѣливъ хотя бы приблизительно, величину земельной площади, могущей быть использованной для будущей колонизаціи. Между тѣмъ значительно расширившіяся за послѣднее время работы по образованію переселенческихъ участковъ, охватившія собою районы, которыя въ недавнее время еще считались непригодными для заселенія, далѣе,—урегулированіе приселенія переселенцевъ къ деревнямъ старожиловъ и, наконецъ, возможность надѣленія переселенцевъ тѣми землями, которыя окажутся излишними для мѣстнаго населенія при окончательномъ землеустройствѣ послѣдняго—всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ нынѣ еще преждевременными какіе либо разсчеты по опредѣленію остающагося для дальнѣйшей колонизаціи земельнаго фонда. Размѣры этого

фонда будутъ, повидимому, ограничены въ будущемъ лишь двумя факторами, именно—непригодностью того или другаго раіона къ земледѣльческой культурѣ въ виду его географическаго положенія или топографическихъ особенностей, и, наконецъ, невозможностью сокращенія земельнаго пользованія кореннаго населенія Сибири далѣе нормъ той или другой величины; однако предвидѣть нынѣ, когда эти факторы окажутъ свое дѣйствіе, не представляется возможнымъ, такъ какъ, во первыхъ, судя по опытамъ послѣднихъ лѣтъ, непригодность земель къ культурѣ является признакомъ весьма относительнымъ и вѣрно характеризующимъ данную мѣстность только, быть можетъ, для даннаго момента, а, во вторыхъ, норма необходимаго землепользованія для старожилаго населенія, несомнѣнно, будетъ со временемъ постепенно сокращаться по мѣрѣ общекультурнаго развитія этого населенія и въ особенности той его части, которая нынѣ живетъ еще кочевою жизнью.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строки*	*Напечатано*	*Должно быть*
V	9 снизу	даннымъ	дѣленіямъ
48	1 снизу (прим.)	Полное Собраніе Законовъ № 29189	1 Полное Собраніе Законовъ № 22189
55	2 снизу (прим.)	№ 24238	№ 25238
60	5 снизу (прим.)	1 П. С. З.	2 П. С. З.
73	11 снизу (прим.)	4 Марта	14 Марта
78	1 снизу (прим.)	Томскій Сборникъ	Морской Сборникъ
82	3 снизу (прим.)	1850 г.	1860 г.
83	1 снизу (прим.)	стр. 260	стр. 249.
89	2 снизу (прим.)	Вѣстникѣ» за 1865, 1 ч.	Сборникѣ» за 1861, 2 ч.
103	4 сверху	изданные	изданныя
135	18 сверху	дтя	для
141	12 сверху	въ излишними	излишними
153	1 снизу	рогатаго	рабочаго
159	4 снизу	11%	10%
173	14 снизу	послѣднимъ источникомъ	послѣдній источникъ
»	13 снизу	Сибирь	Сибири
195	14 сверху	1863 и 1864 гг.	1864 и 1865 гг.
196	2 сверху	6425	6605
224	11 сверху	стр. 235—239	стр. 226—230
246	14 сверху	27	12
248	10 сверху	27	12
265	17 сверху	1899 г.	1889 г.
272	19 сверху	дороги	Сибирской желѣзной дороги
286	7 сверху	стр. 32	стр. 92
319	5 сверху	29	19
326	15 сверху	стр. 218—219	стр. 191
336	3 снизу	159,026	159.226
355	18 снизу	6%	7%
»	»	рогатаго	мелкаго
»	16 снизу	4,9%	5%
»	»	3,5%	3,6%
367	12 снизу	точныя количественныя	точные количественные

220.000 d.o.n.
210.000
200.000
190.000
180.000
170.000
160.000
150.000
140.000
130.000
120.000
110.000
100.000
90.000
80.000
70.000
60.000
50.000
40.000
30.000
20.000
10.000
0

10.028

1882

400.
380
360
340
320
300
280
260
240
220
200
180
160
140
120
100
80
60
40
20
0

Цѣна 1 руб. [illegible]0 коп.